

SOTSIOLOGIYA VLASTI

[Sociology of Power]

Vol. 30. № 2 (2018)

SOCIOLOGY OF SPORTS

**PUBLISHER: THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Социология ВЛАСТИ

Выходит четыре раза в год

Том 30 № 2 2018

Редколлегия журнала:

К.соц.н. Вахштайн В. С. (*главный редактор*), к.соц.н. Смолькин А. А. (*зам. главного редактора*), к.соц.н. Эпштейн В. А. (*зам. главного редактора*), Напреенко И. В. (*редактор*), Степанцов П. М. (*научный редактор*)

Научный совет:

Анкерсмит Ф. Р. (Нидерланды)
Мау В. А. (РАНХиГС, Москва)
Михель Д. В. (СГУ, Саратов)
Сафронов П. А. (НИУ ВШЭ, Москва)
Соколов М. М. (Европейский Университет, СПб)
Сперо Э. (Массачусетский технологический институт, США)
Столярова О. Е. (РАНХиГС, Москва)
Титков А. С. (РАНХиГС, Москва)
Утехин И. В. (Европейский Университет, СПб)
Филиппов А. Ф. (НИУ ВШЭ, Москва)
Фрумин И. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)
Хиггс П. (Университетский Колледж Лондона, Великобритания)
Чалаков И. (Университет Пловдива, Болгария)
Шанин Т. (МВШСЭН, Москва)

Дизайн Трушина Е. В.

Корректурa Архипова Н. Л.

Верстка Меерсон А. В.

Адрес редакции:

119545, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 9, комн. 2503

<http://socofover.rane.ru/>

soc.of.power@gmail.com

Отпечатано в типографии ИД «Дело»

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77 — 47715 от 23.09.2011

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий

ВАК России

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования

и экспертного отбора

ISSN 2074-0492

СОЦИОЛОГИЯ
ВЛАСТИ
ТОМ 30
№ 2 (2018)

About the Journal

Sociology of Power
Vol. 30. #2, 2018

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

Quarterly edition

Editorial board:

Vakhshtayn V. S. (editor-in-chief), Smol'kin A. A. (deputy editor-in-chief), Epshtein V. A. (deputy editor-in-chief), Napreenko I. V. (editor), Stepantsov P. M. (scientific editor)

Academic board:

Ankersmit F. R.
Higgs P. (University College London)
Filippov A. F. (NRU — HSE)
Frumin I. D. (NRU — HSE)
Mau V. A. (RANEPa)
Mikhel D. V. (SSTU, Saratov)
Safronov P. A. (NRU — HSE)
Shanin T. (MSEES)
Sokolov M. M. (EU, SPb)
Spero E. (MIT, USA)
Stolyarova O. E. (RANEPa)
Tchalakov I. (University of Plovdiv)
Titkov A. S. (RANEPa)
Utekhin I. V. (EU, SPb)

Design Trushina E. V.

Proofreading Arkhipova N. L.

Layout Meyerson A. V.

Editorial adress:

119 545, Moscow, pr. Vernadskogo, 84
building 9, office 2503

<http://socofpower.rane.ru/>
soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

Содержание

Слово редактора-составителя

-
- 8 Олег В. Кильдюшов. Спорт в социологической перспективе

Статьи. Теория

-
- 24 Екатерина Глориезова. Футбольный фанатизм как объект изучения социальных наук

-
- 40 Ирина М. Быховская, Ирина Ю. Люлевич. Фандомы — сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении

-
- 55 Константин А. Бочавер, Александра О. Савинкина. К вопросу о феномене групповой сплоченности в спорте: анализ методологических подходов

Статьи. Исследования

-
- 83 Сильвен Дюфрес. Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР

-
- 101 Роман А. Матвиенко. Запрос видеоповтора в регби: последовательность действий главного судьи

-
- 121 Поль Дичи. Футбольный мяч от Belle époque до зари глобализации

-
- 141 Эдуард С. Акопян. Центральный стадион страны как элемент репрезентации власти в истории советской архитектуры 1920-1950-х годов

-
- 167 Екатерина А. Кулиничева. Футбольная экипировка как предмет социокультурного анализа: перспективы и проблемы исследовательского поля

Переводы

-
- 190 Гельмут Плесснер. Функция спорта в индустриальном обществе (перевод с нем. Олега Кильдюшова)

-
- 206 Николаус Катцер. Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры (перевод с нем. Олега Кильдюшова)

Рецензии

-
- 231 Алексей С. Титков. Петушиные бои на «Энфилде»: Анатомия ритуала познания. *Рецензия на книгу*: Кричли С. (2018) О чем мы думаем, когда думаем о футболе, М.: Колибри; Азбука-Аттикус
-
- 247 Алексей А. Плешков. Множественные миры Купера и Шимански. *Рецензия на книгу*: Купер С., Шимански С. (2018) Футболономика. Почему Англия проигрывает, Германия и Бразилия выигрывают, а США, Япония, Австралия, Турция и даже Ирак выходят на первый план, М.: Альпина Паблишер
-
- 259 Андрей И. Апостолов. Футбол с восклицательным знаком. *Рецензия на книгу*: Это футбол! Писатели на стадионе (2017), М.: Лимбус-пресс
-
- 270 Дмитрий В. Михель. Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона. *Рецензия на книгу*: Адельфинский А.С. (2018) Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС

Table of contents

Contributing Editor's Foreword

- 8 OLEG V. KILDYUSHOV. Sport in sociological perspectives

Articles. Theory

- 24 EKATERINA GLORIOZOVA. Football fandom as a Subject-Matter of Social Sciences

- 40 IRINA M. BYKHOVSKAYA, IRINA YU. LYULEVICH. Fandoms — Communities of the Digital Age: Hybrid Culture in the “NearSports” Dimension

- 55 KONSTANTIN A. BOCHAUVER, ALEXANDRA O. SAVINKINA. On the Phenomenon of Group Cohesion in Sports: An Analysis of Methodological Approaches

Articles. Investigations

- 83 SYLVAIN DUFRAISSE. The Advent of Sport Celebrities: How to Analyze the Celebrity Phenomena in Soviet Union

- 101 ROMAN A. MATVIENKO. Television Match Official Review in Rugby Union: the Sequence of Referee's Actions

- 121 PAUL DIETSCHY. Football from Belle Époque till Globalization Dawn

- 141 EDUARD S. AKOPIAN. State Central Stadium as an element of the representation of power in the history of soviet architecture 1920-1950-s.

- 167 EKATERINA A. KULINICHEVA. Football Equipment as a Subject of Socio-Cultural Analysis: Possibilities and Problems of the Research Field

Translations

- 190 HELMUTH PLESSNER. Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft (translated by Oleg Kildyushov)

-
- 206 NIKOLAUS KATZER. Die sportive Gesellschaft als ideale Ordnung
(translated by Oleg Kildyushov)

Reviews

-
- 231 ALEXEY S. TITKOV. Cockfights at Anfield Stadium: Anatomy of Epistemic Ritual. *Review*: Critchley S. (2018) What We Think When We Think About Football, M.: KoLibri, Azbuka-Atticus
-
- 247 ALEKSEY A. PLESHKOV. Multiple Realites of Kuper and Szymanski. *Review*: Kuper S., Szymanski S. (2018) Soccernomics: Why England Loses, Why Germany and Brazil Win, and Why the U.S., Japan, Australia, Turkey — and Even Iraq — Are Destined to Become the Kings of the World's Most Popular Sport, M.: Alpina Publisher
-
- 259 ANDREY I. APOSTOLOV. Football with an Exclamation Mark (2017). *Review*: This is Football! Writers at the Stadium, M.: Limbus-press
-
- 270 DMITRIY V. MIKHEL. Mass Sport from the Inside: A Participant Observation Experience Presented by A Scientist and Triathlete. *Review*: Adelfinskiy A.S. (2018) In Spite of Records. Mass Sport Investigation Experience, M.: Izdatelskiy dom "Delo"

Слово редактора-составителя

ОЛЕГ В. КИЛЬДЮШОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Спорт в социологической перспективе

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-8-23

8

Спорт в современном понимании¹ — исторически относительно новый телесно-культурный феномен, насчитывающий от силы 150 лет собственной институционально фиксируемой традиции. При этом сегодня многие сферы нашей жизни уже немислимы вне процесса охватившей их «спортизации», такие, например, как мода, сексуальность, массовая культура, образование и т. п. По сути,

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, руководитель исследовательского семинара «Спорт в перспективе социальных и гуманитарных наук». Научные интересы: теория социального порядка, политическая антропология, социология спорта. E-mail: kildyushov@mail.ru

Oleg V. Kildyushov — research fellow at the Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: theory of social order, modernization theory, sociology of sport. E-mail: kildyushov@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках проекта «Реакция, справедливость и прогресс: социальный порядок в перспективе фронетических социальных наук», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

Acknowledgments: This publication was one of the outputs of the “Reaction, Justice, and Progress: Plenum and Social Order in the Phronetic Social Science” research project carried out as part of the National Research University Higher School of Economic Program of Fundamental Studies (2018).

- 1 Согласно популярному определению, восходящему к классической работе Аллена Гутмана «От ритуала к рекорду» (1978), под современным спортом (modern sports) понимаются прежде всего регламентированные устойчивыми правилами физические состязания, носящие игровой (неутилитарный) характер. Ср.: [Гуттман, 2016, с. 25]. Также см.: [Нишуков, 2016, с. 181-191].

спорт — ровесник самой современной социальности¹, в рамках которой он в качестве основной телесной практики стал маркером социокультурных изменений, происходивших в индустриальных обществах XIX–XX веков на самом базовом, т. е. соматическом уровне.

Социальный функционал массовых спортивных практик современности заключается прежде всего в формировании нормативных представлений о «человеке» *per se* в виде телесных образов, служащих моделями личности определенного типа. Именно этот структурный аспект — по ту сторону очевидной общественно-политической значимости олимпиад и футбольных чемпионатов мира — делает эвристически легитимным обращение к предметному полю «спорт» как с точки зрения фундаментальной социологической теории, так и прикладных исследований современной массовой культуры. Другими словами, не (с)только гигантский интерес глобальных медиа к спортивным мегасобытиям вроде недавно прошедшего в России мундиала, но и вполне содержательные причины ставят перед исследователями в различных областях социального и гуманитарного знания проблему адекватной концептуальной реконструкции процессов спортизации, в том числе в сравнительно-исторической перспективе.

9

В этом тематическом контексте обычно ссылаются на Норберта Элиаса — одного из немногих классиков социальной теории, эксплицитно сделавшего генезис спорта предметом своей исторической социологии [Элиас, 2014, с. 41–62]. Это вполне объяснимо, поскольку благодаря трудам основателя Лестерской школы и его учеников стало возможно причислять спортизацию к важнейшим процессам, составляющим социокультурное содержание модерна помимо индустриализации, урбанизации, секуляризации и т. п. В рамках разработанной ими амбициозной программы изучения телесных практик в контексте «процесса цивилизации» индустриализация и превращение определенных форм досуга в спортивные состязания предстали как «взаимосвязанные тенденции и составные моменты целостного процесса трансформации общества в его современную форму» [Там же, с. 44].

1 Такому чисто «социологическому» подходу, операционализирующему спорт в качестве специфически современной культурно-телесной практики, в литературе противопоставляется альтернативное «универсалистское» понимание, распространенное в основном среди исследователей культурной истории спорта. В общих чертах его можно сформулировать следующим образом: спорт — антропологическая константа, приобретающая ту или иную конкретно-историческую форму в рамках соответствующей культуры в зависимости от имеющихся природных, политических, общественно-экономических и иных условий. См.: [Behringer, 2012, s. 10–13].

По наблюдению А.Ф. Филиппова, с точки зрения истории социологии, спорт и спортивные игры (особенно футбол) присутствуют в фокусе зрения этой науки с момента ее появления, но не столько как предмет исследования, а скорее как источник вдохновения. Например, такие разные фигуры, как Джордж Герберт Мид, Арнольд Гелен и особенно Георг Зиммель, напрямую не занимавшийся социологией спорта, но во многом сделавший возможным ее появление в будущем, прекрасно понимали, что на их глазах возникает важнейшее для нового массового общества явление социальной жизни. Более того, они пытались заимствовать из спорта ключевые метафоры и даже теоретизировать, опираясь на них, в частности, представляя современную социальную жизнь как специфическую игру, напоминающую в некоторых отношениях соревновательные практики спортивного типа¹.

10 В этой связи следует помнить, что в свое время социология возникла как саморефлексия модерна, институционализируемая в качестве научной дисциплины. Функционально этот систематический взгляд современного общества на себя впервые возник в такой форме на рубеже XIX–XX веков. Уже поэтому упоминавшиеся классики и многие другие выдающиеся исследователи не могли не заметить такой принципиально новой по сравнению с принятыми в традиционном обществе телесно-культурными практиками феномен, как спорт. Упоминания о нем встречаются у многих отцов-основателей социологии: Макса Вебера, Фердинанда Тенниса или того же Георга Зиммеля. Однако ни один из классиков не создал эксплицитную теорию спорта, поскольку сами его практики тогда только формировались.

В конце XIX — первой половине XX века интерес к спорту проявляла не только социология, но и многие другие формировавшиеся тогда направления и дисциплины социального и гуманитарного знания. Причем он шел со стороны разных научных дисциплин и интеллектуальных течений одновременно: феноменологии, философской антропологии, структурного функционализма и др. Например, эксплицитно о спорте писали такие выдающиеся социальные теоретики, как Торстейн Веблен, Макс Шелер и особенно Гельмут Плеснер, важная спортивно-теоретическая работа которого впервые публикуется по-русски в данном номере. В качестве подтверждения усиления внимания к спорту со стороны научного знания в течение XX века можно привести изданную в Германии антологию по теоретической спортологии, в которой помимо уже упомянутых

1 См. выступление А.Ф. Филиппова на конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15–16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами (https://www.youtube.com/watch?v=_ilTRRSWHZs).

авторов также можно встретить тексты и реплики, вышедшие из-под пера столь разных мыслителей, как Карл Ясперс, Теодор Визенгрунд Адорно или Никлас Луман [Sport philosophie, 1997]¹.

Говоря о развитии спортивно-теоретического знания в первой половине XX века, следует отметить, что первая книга под названием «Социология спорта» вышла в Германии в 1921 году. Ее автором был ученый и писатель Хайнц Риссе [Risse, 1921], ученик известного социолога Альфреда Вебера. Однако в условиях экономического и политического кризиса начала 1920-х годов книга не получила серьезной рецепции. Кстати, самым ранним предшественником современной теоретической рефлексии спорта в обзорной литературе называется вышедшее в начале XIX века сочинение Дж. Стратта, посвященное английским спортивным забавам [Strutt, 1801]². Как показала в своем исследовании Кристиана Айзенберг, именно в межвоенный период ускорился процесс спортизации, осуществлявшийся по модели проникновения культурных образцов сверху вниз. Спорт, исторически возникший как телесная практика высших слоев, последовательно перенимается сначала средним классом, а после Первой мировой войны все больше распространяется и среди социальных низов, рабочего класса и даже крестьянства.

11

Таким образом, мировая война, принесшая западному миру невиданные до той поры жертвы и разрушения, одновременно привела к такому неожиданному социальному эффекту, как демократизация спорта [Айзенберг, 2006, с. 96]. В 1928 году в той же Веймарской Германии выходит важный для развития дисциплины сборник «Спорт на развилке дорог» [Meisl, 1928], авторами которого выступили видные немецкие интеллектуалы межвоенной поры. Они попытались проанализировать новую спортивную реальность и понять, в чем ее отличия от довоенного спорта, который практиковали в первую очередь представители высших слоев, интеллектуалы и студенты. Несколько лет назад в журнале «Логос» мною были опубликованы из этого сборника реплики знаменитого драматурга Бертольта Брехта [Брехт, 2013] и крупного спортивного теоретика и функционера Карла Дима [Дим, 2013].

Однако институциональное оформление социологии спорта произошло гораздо позже — уже в 1960–70-е годы, когда впервые возник-

1 Как специально подчеркивает во введении к сборнику его составитель, известный немецкий спортивный теоретик Фолькер Кайза, институционализация социологии и философии спорта в качестве самостоятельных спортивно-теоретических дисциплин до сих пор не завершена. В том числе и поэтому в данной антологии в равной мере представлены тексты, условно относимые и к социологии спорта, и к философии спорта [s. 7].

2 Ср.: [Социология спорта... 2006, с. 83].

ла вся необходимая академическая инфраструктура в виде соответствующих ассоциаций, учебных программ и специализированных изданий. В качестве примера можно назвать журнал *International Review of Sport Sociology*, начавший выходить с 1966 года и известный сейчас как *International Review for the Sociology of Sport*. Данное издание структурно связано с *International Sociology of Sport Association*¹. Одновременно с появлением профессиональных ассоциаций и специализированных изданий, что венчает собой институционализацию любой научной дисциплины, со второй половины 60-х и в начале 70-х годов прошлого века начинают массово выходить научные публикации. Они посвящены конкретным видам спорта и связанным со спортом социальным практикам. При этом при переходе от чисто дескриптивных работ к собственно социологическим обобщениям протагонисты новой отрасли знания столкнулись с рядом трудностей.

12 Часть из них связана с самой генеалогией дисциплины, пионерами которой были не (с)только социальные теоретики, сколько специалисты в области спортивной педагогики или спортивной медицины. В их работах, посвященных преимущественно медицинским или дидактическим аспектам спорта, использовались в основном эмпирические методы. Они не предполагали каких-либо социально-теоретически релевантных выводов, что долгое время делало их работы малоинтересными для социологического и гуманитарно-научного сообщества в целом [Dunning, 2003, s. 12].

Другая часть проблем носила содержательный характер и была связана с самим предметом социологии спорта. На характерный для данной дисциплины структурный парадокс указал Пьер Бурдьё. Спорт — это массовая культурная практика, которой занимаются миллионы людей во всем мире. При этом у социального знания не только нет привилегированного доступа к данному сегменту телесно-культурного опыта, но зачастую социальные теоретики вообще не умеют работать с ним просто в силу отсутствия необходимых компетенций. Таким образом, причины этого парадокса французский социолог видел в разрыве двух миров: мира телесности и мира знания, когда спортсмены презрительно относятся к теоретикам, а интеллектуалы считают проблемы телесного второсортными. В результате любая попытка теории проникнуть в сферу, где присутствует телесность, оказывается нелегитимной с точки зрения обоих миров [Бурдьё, 1994, с. 261-262].

Несмотря на эти и некоторые иные проблемы методологического характера, сегодня социология спорта в качестве признанной ака-

1 <http://issa1965.org/>

демической дисциплины реализует амбициозную исследовательскую программу, в рамках которой телесные практики активно изучаются уже собственно социологическими методами, позволяющими выявлять культурно-исторические, общественно-экономические и политические импликации процесса спортизации в эпоху модерна. Таким образом, постепенно спорт и другие телесные практики все же отвоевали себе место в качестве «нормального» предмета социально-научного анализа. Уже в условиях подобной академической нормализации вышел целый ряд работ, в которых убедительно продемонстрировано, что в случае спорта речь идет не просто об очередной форме досуга, а о механизме формирования тела модерна. В этой исследовательской перспективе сама спортивная соматика современного типа — это антропологическое измерение модернизации общества.

Важную роль здесь сыграла Бирмингемская школа культурных исследований во главе со Стюартом Холлом. В отличие от ведущих представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе) с их априорно негативным отношением к спорту как способу отвлечь массы от активного сопротивления власти буржуазии, Холл с коллегами изучал именно низовые культурные практики. В результате он разработал исследовательскую оптику, с помощью которой стало возможно продуктивно анализировать спорт как базовую телесную практику мира современности, а не только разоблачать его как еще одну форму отчуждения¹.

Во Франции главным ориентиром для социально-теоретической рефлексии спорта выступает Пьер Бурдьё, написавший в 1970–1980-е годы несколько важных работ. В них он реконструировал систему социальных предпочтений и корреляций, включая то, какие социальные группы выбирают те или иные спортивные практики. Эти исследования показали, что футбол привлекает совершенно иные группы людей, чем, например, единоборства, не говоря уже о поло и теннисе. Тем самым Бурдьё перевел анализ на другой уровень, выявив классовые интересы в спорте. По его мнению, в каждой стране применительно к определенному периоду времени можно выстроить систему социальных оппозиций, позволяющую сказать о том, какой именно вид спорта является здесь престижным. Он показал, что некоторые виды (гольф, поло, теннис) не просто выступают маркером успешности, но также являются способом сохра-

1 О значении исследований Бирмингемской школы для глобального спортивно-теоретического сообщества см. наше интервью с известным американским историком спорта Робертом Эдельманом: [Эдельман, Бондаренко, Кильдюшов, 2017].

нения и повышения общественного статуса человека [Бурдье, 1994, с. 257-275].

Позже в рамках его школы стали появляться исследования, в которых на микроуровне изучаются конкретные социальные среды, клубы и т. д. Так, один из его учеников (Лоик Вакан) попытался, говоря словами Франца Кафки, записать интенсивный спортивный опыт на своем теле. В течение двух лет он посещал боксерский клуб в черном районе Чикаго, а затем написал об этом книгу в жанре социальной антропологии спорта [Wasquant, 2004]¹.

Если внутри франкоязычного культурного ареала социологи спорта ориентировались в основном на труды П. Бурдье, то в англосаксонских странах важными для становления дисциплины были работы Мишеля Фуко, рассматривавшего человеческое тело не как что-то данное природой, а как предмет активной заботы и контроля со стороны инстанций власти. В рамках данного подхода спорт выступал элементом огромной дисциплинарной машинерии, которая с начала Нового времени постоянно пыталась дрессировать тело человека, навязывая ему определенные телесные стандарты и т. д.

14

Целью теоретической части данного введения не является полноценный экскурс в историю социологии спорта. Упомянутые выше имена, релевантные для понимания ее развития, должны всего лишь помочь читателю номера представить в общих чертах предметное поле и эвристические приоритеты этой социологической субдисциплины². Кроме того, стоит подчеркнуть, что за исключением Пьера Бурдье и Норберта Элиаса, мало кто из крупных социологов непосредственно изучал спорт или его социокультурные импликации. Ученик Элиаса, Эрик Даннинг, упоминает в этой связи другого не менее знаменитого социального теоретика — Энтони Гидденса. В 1962 году тот написал магистерскую работу именно по социологии спорта, но после этого уже никогда не возвращался в своих исследованиях к спортивной тематике, как бы подтверждая это правило [Dunning, 2003, s. 12].

Между тем для фундаментальной социальной теории спорт может представлять интерес даже вне связи с традицией изучения телесно-соревновательных практик социологией как отдельной

1 См. также его статьи на данную тему: [Вакан, 2006; Вакан, 2013].

2 Здесь в первую очередь анализируется развитие западной академической спортологии, поскольку в России, как и ранее в СССР, теоретическая рефлексия спорта осуществляется преимущественно вне академии. Об институциональных причинах и эвристических последствиях этого применительно к философии спорта мне приходилось подробно писать в другом месте: [Кильдюшов, 2013].

научной дисциплиной. Ведь данный аспект социальной жизни релевантен для социологии уже потому, что она не является исключительно теоретической наукой, которая работает только с понятиями, реконструирует историю их появления, обращаясь к источникам и т. д. Социология — даже в ее фундаментальном понимании! — занимается всем социально значимым, т. е. тем, что происходит в жизни людей, что находится на пересечении различных интересов. При этом в качестве такого «социологически интересного» в оптике дисциплины могут оказываться различные сегменты культурной реальности, конечно, начиная с политики и проблемы управляемости социального в целом.

На первый взгляд спорт не имеет прямого отношения к политике, и в рамках олимпийского дискурса даже существует устойчивая теоретическая традиция разведения этих сфер, несмотря на всю контрфактичность манифестаций в духе «спорт вне политики». Но поскольку, говоря словами Карла Шмитта, у политики в принципе нет собственной предметной сферы [Шмитт, 1992, с. 40], это позволяет проникать ей повсюду, где возможна интенсификация агональных отношений. Так что можно вполне осмысленно анализировать спорт в политических терминах, причем не только в привычном смысле «спортивной политики», но и в смысле «политики спорта». Тем более что процесс глобальной спортизации не ограничивается национальными границами, что только усиливает стремление национальных государств укрепить свою идентичность посредством спорта [Кильдюшов, 2015, с. 3-8]. Этот момент международной конкуренцией связан, с одной стороны, с интернационализацией самого спорта, а с другой — с усилением противостояния внутри международного спорта. Это показала совсем недавняя история с дискриминацией русских олимпийцев со стороны МОК в рамках борьбы с «госдопингом» в РФ.

Однако с точки зрения эвристики, современный спорт является для социологии вызовом не только как реальность, вызывающая широчайший интерес во всем мире или как имеющая очевидные политические импликации, в том числе в рамках глобального противостояния ведущих государств, но прежде всего как поле социальных взаимодействий. В этом поле социология и социальные науки могут и должны подтвердить свою дескриптивную, аналитическую и даже прогностическую состоятельность. Одним словом, они в очередной раз должны продемонстрировать чувствительность к самому социальному. Ведь если они утрачивают социальную чувствительность, они умирают прежде всего в эвристическом отношении, а лишь затем — в институциональном. Несмотря на все бесконечные методологические дебаты отдельных школ по тем или иным вопросам понимания социальной жизни...

При этом на уровне методологии социология спорта включает в себя три различные исследовательские стратегии.

Первая направлена на изучение социальности этой телесной практики: как спорт возникает в обществе модерна, почему он стал в нем возможен, в чем его социальный смысл и т. д.? Одним словом, это попытка понять то, как на спорт влияет окружающая его социальная рамка. Сюда же относится комплекс проблем, связанных с медиализацией и коммерциализацией спорта. Такой подход строится на том, что спорт — это социальный конструкт, который находится в исторической динамике. Отсюда вытекает задача понять, зачем модерное общество себе его придумало, какой функционал он в этом обществе выполняет¹.

Вторая оптика противоположна первой. С ее помощью изучается то, как спорт влияет на современное общество, т. е. речь идет об упомянутых выше процессах спортизации сначала досуга, а затем и других культурных сфер. Исследования Норберта Элиаса и его последователей по Лестерской школе показали, что в XIX веке в Англии произошла спортизация традиционных форм народных забав, в результате которой те превратились в жестко регламентированные телесно-соревновательные практики современного типа. Однако в XX веке начал разворачиваться другой процесс — спортизация различных сфер социальной жизни, включая модели поведения и когнитивные стандарты, задающие саму рамку восприятия культурной реальности². Работающие в рамках данного подхода исследователи изучают спорт как структурообразующий механизм современной массовой культуры, поскольку телесное в разных формах присутствует повсюду, от повседневности до политики.

Третья группа исследовательских стратегий — это так называемая микросоциология спорта. Она отвечает на вопрос, что же происходит внутри самих телесных практик. Здесь основной интерес направлен на анализ социальных взаимодействий внутри конкретных клубов, команд, лиг, турниров и т. д. Конечно, все эти исследовательские стратегии не герметичны, а в той или иной степени присутствуют в любой работе по социологии спорта, хотя чаще все-

1 Политическая инструментализация спорта — еще одна важная топка спортивно-теоретических исследований. Но социологически гораздо важнее другое: спорт сам является политической практикой, своеобразной социальной машиной по производству групповых идентичностей. И здесь главный вопрос для социологии — каким образом ему удастся создавать новые солидарные группы и новые формы массового отождествления себя с другими, с воображаемым сообществом.

2 Применительно к спортизации социальной жизни в СССР см.: [Катцер, 2018].

го фокус научного интереса определяется довольно четко [Thiel et al., 2013, s. 34-35].

В открываемом этим вводным словом номере также представлены различные методологические стратегии, теоретические перспективы и предметные поля, существующие в рамках актуальных социальных и гуманитарных исследований спорта. По упомянутой выше причине незавершенности институционализации спортологических дисциплин читатель найдет здесь тексты, написанные с использованием различных подходов к спорту как предмету и не менее различного методического инструментария. Это не должно удивлять.

Задача данного тематического выпуска не в самовольном избрании некой целостной научной дисциплины под названием «социология спорта», а всего лишь в представлении широкой научной общественности небольшой части того интересного, что было наработано современным социальным и гуманитарным знанием применительно к спорту и связанным с ним телесно-культурным практикам. Своеобразной сверхзадачей этого номера можно считать привлечение интереса русских исследователей, особенно молодых, к сложившимся в мировой науке трендам по социально-теоретическому осмыслению глобальных процессов спортизации.

17

Номер открывает статья Екатерины Глориозовой (Брюссель), в которой она помещает феномен футбольных фанатов в исследовательскую призму социальных наук. Ухватить такой необычный предмет, как спортивное боление, возможно только путем изменения самой аналитической оптики. Необходимо сначала принять всерьез то, что традиционно рассматривалось в качестве маргинального: страсть, эмоциональную привязанность и т. д. Только при таком подходе чрезвычайно интенсивное отождествление фанатом себя с определенной футбольной командой из особенности индивидуальной психологии становится конститутивным элементом для определенного типа коллективного поведения, имеющего социальные и даже политические последствия. Работа опирается на серию интервью автора с русскими болельщиками. Они призваны подтвердить еще одну исходную посылку статьи о существовании в рамках фанатских практик особой формы рефлексивности, которая позволяет «десоциологизировать» сам исследуемый объект.

Статья культурологов Ирины Быховской и Ирины Люлевич посвящена проблемному полю, на первый взгляд пересекающемуся с темой первого материала, — тем же фанатским культурам, но в эпоху «цифры». Однако это, казалось бы, небольшое уточнение радикально меняет как сам предмет исследования, так и способы его анализа. Исследовательниц интересуют в первую очередь способы описания в рамках *fan studies* новых форм сообществ (медиафандомов), возник-

ших благодаря современным средствам коммуникации. В работе анализируются структурные проблемы такого рода субкультур, связанные с их идентичностью, конституирующейся в процессе интенсивного потребления определенных продуктов культурного производства. При этом сами фанатские практики описываются не как пассивное восприятие уже произведенного, но как массовая творческая активность в виде ряда гибридных форм с размытыми границами. Отдельный интерес представляют проводимые авторами параллели с классическим спортивным болением доцифровой эпохи, например, феномен агрессии в отношении конкурирующих субкультур в виртуальном пространстве («хейтдомы»).

18 Завершает теоретический раздел статья спортивных психологов Константина Бочавера и Александры Савинкиной, которые анализируют методологические подходы, применяемые при изучении стабильности солидарных групп в спорте. Опираясь на классические и актуальные исследования феномена сплоченности, авторы проблематизируют последнюю как динамическую характеристику спортивных команд, при оценке которой учитываются как представления обыденного знания, так и верифицируемые измерения. При этом подчеркивается, что риски ее ослабления структурно связаны с ценностной динамикой внутри групп спортсменов. В качестве исходной точки исследователи берут социальные представления о стабильности, иллюстрируя их в том числе примерами из советского спорта высших достижений (сборная СССР по хоккею как «красная машина»), чтобы затем через анализ эмпирических методов диагностики прийти к ряду содержательных выводов, включая те, что имеют общую социально-теоретическую релевантность.

Раздел прикладных исследований открывает статья французского историка спорта Сильвена Дюфреса, посвященная малоизученной в отечественной литературе проблеме публичного статуса советских спортивных героев. В ней он пытается прояснить вопрос, насколько к семантике конкретно-исторического понятия «знаменитый спортсмен» применим аналитический язык, используемый для описания западных «звезд» в рамках *celebrity/star studies*. Исследователь реконструирует механизмы отбора и повышения социального престижа выдающихся атлетов посредством советских СМИ, справедливо указывая при этом на частое непопадание объектов народной любви в звездные списки «официального культа».

На материале ряда кейсов он демонстрирует проблематичность положения спортивных знаменитостей в СССР, с одной стороны, пользовавшихся определенными привилегиями, а, с другой, находившихся под жестким политическим и моральным контролем. Подобная амбивалентность объясняется им в том числе следствием той символической борьбы, которая велась за советский спорт со сторо-

ны различных групп интересов, вынужденных дистанцироваться от нравов «буржуазного спорта» и при этом играть по его правилам.

Статья социолога Романа Матвиенко посвящена непосредственно спортивной эмпирике: действиям судьи в регби при запросе просмотра видеоповтора игрового момента. В данном исследовании, выполненном в этнометодологической перспективе, анализируется существующая в регби практика обращения к видеозаписи в особо спорных случаях. В частности, в нем детально изучается материал записей телетрансляций конкретных регбийных матчей, на основании которого автор разрабатывает объяснительную схему, позволяющую объяснить действенность существующих правил игры, несмотря на структурную конфликтность ситуации игровой конкуренции. Исследователь подчеркивает имманентный характер локального социального порядка, воспроизводство которого осуществляется самими действиями участников.

Ведущий французский специалист в области социальной и экономической истории спорта Поль Дичи исследует конкретный кейс современной материальной культуры: французский и международный рынки футбольных мячей, начиная с XIX века и заканчивая глобальным доминированием продуктов фирмы «adidas» во второй половине XX века. На основе обширных архивных данных автор реконструирует технологические, маркетинговые и спортивно-политические аспекты, повлиявшие на популярность того или иного спортивного снаряда. При этом материальная история спорта включена в институциональную историю французских футбольных организаций и ФИФА. Последней Кубок мира описывается как глобальная площадка борьбы национальных производителей мячей за международные рынки. Исследование позиционируется как часть амбициозного проекта по изучению истории спортивной экипировки.

В статье историка архитектуры Эдуарда Акопяна исследуется концепт «центрального стадиона», возникший в раннем СССР в качестве представления об уникальном многофункциональном пространстве для репрезентации социалистической утопии и сохранявший в модифицированной форме актуальность в течение 1920–1950-х годов. В исследовании рассматриваются три проекта главной спортивной арены страны в различные периоды советской истории: Красный стадион (1920-е), Центральный стадион им. И.В. Сталина (1930-е), Центральный стадион им. В.И. Ленина (1950-е). Автор демонстрирует значительные различия в подходах за более чем тридцать лет архитектурных поисков, обусловленные как новой парадигмой самого спорта, так и изменившимися представлениями об архитектурной репрезентации политического.

Статья искусствоведа Екатерины Кулиничевой посвящена особенностям изучения вестиментарной культуры на материале фут-

бола. В ней автор тематизирует основные трудности структурного характера, возникающие при социокультурном анализе футбольной экипировки привычными средствами социогуманитарного знания. В силу специфики самого предмета это исследование оказывается на стыке сразу нескольких научных дисциплин и затрагивает технологические и эстетические аспекты, рассматриваемые на примере истории футбольной обуви. Особую ценность данного подхода составляет удачная интеграция материального измерения спортивной экипировки в хорошо известные исследователям спорта нарративы вроде «Цусимы» русских футболистов на Стокгольмской олимпиаде 1912 года или «Бернского чуда», произошедшего со сборной ФРГ на Чемпионате мира 1954 года. Исследовательница убедительно демонстрирует эффективность применения результатов fashion studies в рамках социогуманитарного анализа спорта.

20 В рубрике «Переводы» публикуются тексты крупных немецких исследователей спорта. В докладе Гельмута Плеснера обсуждается социальный функционал спорта в индустриальном обществе. При этом спорт рассматривается классиком философской антропологии как структурный элемент эпохи модерна, а не как вторичный феномен, находящийся где-то на периферии социальной жизни. Автор убедительно показывает причины массовой популярности различных видов спорта в условиях современного общества, выполняющих ряд функций компенсаторного характера.

В статье историка Николауса Катцера, создавшего в Германии уникальную школу исследований советского спорта, рассматриваются основные дискурсивные элементы советского концепта физической культуры, восходящие к русскому дореволюционному и современному ему западному спортивному опыту, а также к авангарду и дебатах времен НЭПа. Исследователь показывает амбивалентность процесса формирования в 1920–1930-е годы представлений о физкультуре как нормативной телесной практике, визуально репрезентирующей новое социалистическое общество, в результате чего сам концепт небуржуазного спорта из «пролетарского» все больше превращался в «советский».

Блок рецензий открывается откликом социолога Алексея Титкова на книгу английского философа Саймона Кричли «О чем мы думаем, когда думаем о футболе», вышедшую по-русски к футбольному мундиалю 2018 года. По мнению рецензента, работа представляет собой попытку феноменологического описания переживаний футбольного болельщика и содержит множество продуктивных интуиций, релевантных для социального познания в целом. Рецензия философа Алексея Плешкова на получившую широкую известность книгу Саймона Купера и Стефана Шимански «Футболономика» проблематизирует такого рода попытки экономизации спортивно-

научного дискурса, помещая подход авторов в контекст «экономического империализма». Культуролог Андрей Апостолов в своем отклике на сборник «Это футбол! Писатели на стадионе» сопоставляет его с рядом других публикаций такого рода, изданных в преддверие Чемпионата мира, рассматривая его как попытку легитимации футбольной тематике в гуманитарной среде. Завершается блок рецензией откликом философа Дмитрия Михеля на новаторское исследование Андрея Адельфинского «Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта», ставшее прорывным для отечественных эмпирических исследований в области экономики спорта.

Библиография

- Айзенберг К. (2006) Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы. *Логос*, 3 (54).
- Брехт Б. (2013) Кризис спорта. *Логос*, 5 (95): 213-216.
- Бурдые П. (1994) Программа для социологии спорта. Бурдые П. *Начала. Chosesdit*, М., Socio-Logos: 257-275.
- Вакан Л. (2006) Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя. *Логос*, 3 (54): 104-140.
- Вакан Л. (2013) Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров. *Логос*, 5 (95): 61-96.
- Гуттман А. (2016) *От ритуала к рекорду: природа современного спорта*, М.: Изд-во Института Гайдара.
- Дим К. (2013) Новая цель. *Логос*, 5 (95): 217-222.
- Катцер Н. (2018) Спорт и модерн в России XX века. *Социологическое обозрение*, 17 (2): 155-172.
- Кильдюшов О.В. (2013) Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики. *Логос*, 5 (95): 43-60.
- Кильдюшов О.В. (2015) Изображая нацию: футбол и национальная репрезентация (К политической социологии спорта). *Вопросы национализма*, 22: 3-8.
- Нишуков В. (2006) Понятие спорта. *Логос*, 3 (54): 181-191.
- Социология спорта. Международные перспективы и глобализация (2006) *Отечественные записки*, 6 (33).
- Шмитт К. (1992) Понятие политического. *Вопросы социологии*, 1 (1).
- Эдельман Р., Бондаренко С.А., Кильдюшов О.В. (2017) Спорт помогает нам ответить на фундаментальные вопросы: интервью с Робертом Эдельманом. *Социологическое обозрение*, 16 (2): 275-283.
- Элиас Н. (2014) Генезис спорта как социологическая проблема. *Логос*, 3 (99): 41-62.
- Behringer W. (2012) *Kulturgeschichte des Sports. Vom antiken Olympia bis ins 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck Verlag.

- Dunning E. (2003) Vorwort. Elias N., Dunning E. *Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Meisl W. (1928) *Der Sport am Scheidewege*, Heidelberg: Iris.
- Risse H. (1921) *Soziologie des Sports*, Berlin: August Reher.
- Sport philosophie* (1997) V. Caysa (Hg.), Leipzig: Reclam.
- Strutt J. (1801) *Sports and Pastimes of the People of England*, London: T. Bensley.
- Thiel A., Seiberth K., Mayer J. (2013) *Sportsoziologie: Ein Lehrbuch in 13 Lektionen*, Aachen: Meyer & Meyer Verlag.
- Wacquant L. (2004) *Body and Soul: Ethnographic Notebooks of An Apprentice-Boxer*, New York: Oxford University Press.

References

22

- Ajzenberg K. (2006) Futbol kak global'nyj fenomen. Istoricheskie perspektivy [Football as a global Phenomenon. Historical perspectives]. *Logos*, 3 (54).
- Behringer W. (2012) *Kulturgeschichte des Sports. Vom antiken Olympia bis ins 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck Verlag.
- Brekht B. (2013) Krizis sporta [The crisis of sports]. *Logos*, 5 (95): 213-216.
- Bourdieu P. (1994) Programma dlya sociologii sporta [Program for the sociology of sports]. *Burd'e P. Nachala. Chosesdit*, M.: Socio-Logos: 257-275.
- Dim K. (2013) Novaya cel' [A new goal]. *Logos*, 5 (95): 217-222.
- Dunning E. (2003) Vorwort. Elias N., Dunning E. *Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation*, Frankfurt a.M., Suhrkamp.
- Ehdelman R., Bondarenko S.A., Kil'dyushov O.V. (2017). Sport pomogaet nam otvetit' na fundamental'nye voprosy: interv'y u s Robertom Ehdel'manom [Sport helps us answer fundamental questions: an interview with Robert Edelman]. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 16 (2): 275-283.
- Elias N. (2014) Genezis sporta kak sociologicheskaya problema [The Genesis of Sport as a Sociological Problem]. *Logos*, 3 (99): 41-62.
- Guttman A. (2016) *Otrituala k rekordu: priroda sovremennogo sporta [From the ritual to the record: the nature of modern sports]*, M.: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Katcer N. (2018) Sport i modern v Rossii XX veka [Sport and modernity in Russia of the twentieth century]. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 17 (2): 155-172.
- Kil'dyushov O.V. (2013) Sport kak delo filosofii: ob ehvristicheskoy cennosti novoj analiticheskoy optiki [Sport as a matter of philosophy: the heuristic value of new analytical optics]. *Logos*, 5 (95): 43-60.
- Kil'dyushov O.V. (2015) Izobrazhaya naciyu: futbol i nacional'naya reprezentaciya (K politicheskoy sociologii sporta) [Picturing the nation: football and national representation. (To the political sociology of sports)]. *Voprosy nacionalizma [Questions of nationalism]*, 22: 3-8.

- Meisl W (1928) *Der Sport am Scheidewege*, Heidelberg: Iris.
- Nishukov V. (2006) Ponyatie sporta [The concept of sport]. *Logos*, 3 (54): 181-191.
- Risse H. (1921) *Soziologie des Sports*, Berlin: August Reher.
- Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo [The notion of political]. *Voprosy sociologii [Questions of sociology]*, 1 (1).
- Sociologiya sporta. Mezhdunarodnye perspektivy i globalizatsiya (2006) [Sociology of sports. International perspectives and globalization]. *Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*, 6 (33).
- Sport philosophie* (1997) V. Caysa (Hg.), Leipzig: Reclam.
- Strutt J. (1801) *Sports and Pastimes of the People of England*, London: T. Bensley.
- Thiel A., Seiberth K., Mayer J. (2013) *Sportsoziologie: Ein Lehrbuch in 13 Lektionen*, Aachen: Meyer & Meyer Verlag.
- Wacquant L. (2004) *Body and Soul: Ethnographic Notebooks of An Apprentice-Boxer*, New York: Oxford University Press.
- Wacquant L. (2006) Social'naya logika boksa v chernom Chikago: k sociologii kulachnogo boya [The social logic of boxing in black Chicago: the sociology of fistfight]. *Logos*, 3 (54): 104-140.
- Wacquant L. (2013) Bojcy za rabotoj: telesnyj capital i telesnyj trud professional'nyh bokserov [Fighters at work: corporal capital and corporal work of professional boxers]. *Logos*, 5 (95): 61-96.

Рекомендация для цитирования / For citations:

- Кильдюшов О.В. (2018) Спорт в социологической перспективе. *Социология власти*, 30 (2): 8-23.
- Kildyushov O.V. (2018) Sport in sociological perspectives. *Sociology of Power*, 30 (2): 8-23.

Поступило в редакцию: 29.06.2018; принято в печать: 29.06.2018

Статьи. Теория

ЕКАТЕРИНА ГЛОРИОЗОВА

Свободный университет Брюсселя, Бельгия

Футбольный фанатизм как объект изучения социальных наук

24

Футбольный фанатизм может показаться вдвойне маргинальным объектом в рамках социальных наук: как с точки зрения формы (эмоциональная привязанность), так и с точки зрения содержания (футбол). Социальные науки долгое время воспринимали пристрастие как незначительный феномен, который слишком связан с индивидуальными предпочтениями и восходит к области психологии. И если увлечённые искусством или же иными культурными объектами вызывают внимание социологии культуры, то любители футбола остаются для неё мёртвой зоной. В данной статье автор анализирует, каким образом футбольный фанатизм может рассматриваться как объект социальных наук. Отталкиваясь от случая русских футбольных фанатов, автор выявляет главные характеристики страсти к футболу и показывает каким образом пристрастие к футболу может влиять на представления индивидов. Понятия «страсть» особо хорошо позволяет учесть интенсивное отношение, которое разыгрывается между индивидом и объектом его пристрастия. Пристрастие к футболу оказывается крайне продуктивным посредником: оно приобретает форму совокупности внешних знаков, становится объектом идентификации и одновременно источником солидарности и яростного противостояния. В равной мере оно предполагает драматическое измерение, которое способствует производству социальных представлений о мире. В тоже время, увлечённые футболом далеки от того, чтобы быть ослеплёнными своим пристрастием, и демонстрируют рефлексивность, а также критическую дистанцию, по отношению к их практике. Это рефлексивное отношение

Глориозова Екатерина — PhD, научный сотрудник, CEVIPOL (центр исследований политической жизни), Université libre de Bruxelles, Брюссель, Бельгия. Научные интересы: социология спорта, спорт и политика, футбольный фанатизм в России. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be

Ekaterina Glorizova — PhD in political and social sciences, researcher at CEVIPOL, Université libre de Bruxelles. Research interests: sociology of sport, sports and politics, Russian football fandom. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be

Авторизованный перевод с французского выполнен Никитой Архиповым.

является ещё одним поводом принять всерьёз пристрастия в рамках социальных наук.

Ключевые слова: футбольный фанатизм, болельщики, страсть, социальные науки, спорт в России

Ekaterina Glorizova, Université libre de Bruxelles, Belgium
Football fandom as a Subject-Matter of Social Sciences

Football fandom may appear as quite a marginal object in the social sciences, with regard to both its form (a passionate attachment) and its content (football). The social sciences have long seen the passions as a minority phenomenon, which is believed to be linked to individual preferences and to be an object of psychology. The sociology of culture paid attention to amateurs of art or cultural objects but was quite reluctant to study football fandom. The present article aims at questioning football fandom as an object of social sciences. Based on the case of Russian football fans, it explores the main characteristics of football fandom and shows how it could influence fans' social representations. It shows in particular the heuristic value of the notion of "passion", which allows us to grasp the intense relationship between the fan and the object of fandom. In that sense football fandom appears to be a rich mediator: it is materialised in several external signs, becomes an object of identification and knowledge, as well as a source of solidarities and oppositions. The passion for football also includes a dramatic dimension that allows the production of narratives and the creation of new social representations. At the same time, football fans are far from being blinded by their passion and demonstrate reflexivity and a critical distance toward their practice. This reflexivity is thus another reason for social sciences to take the passions seriously.

25

Keywords: football fandom, fans, passion, social sciences, sport in Russia

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-24-39

Если отвлечься от вопроса об определении, то футбольный болельщик прежде всего характеризуется пылкой страстью к команде. И как раз по этой причине объект исследования может показаться вдвойне маргинальным в контексте социальных наук: как с точки зрения формы (эмоциональная привязанность), так и с точки зрения содержания (футбол). Силы, которые противопоставляются разуму и над которыми надлежит одержать верх, долгое время осуждались философами-рационалистами (Платон, Декарт, Кант) [Meuser, 2007, p. 12-14]¹, которые трактовали страсти в качестве нерелективного выражения эмоций.

1 Для философов Античной Греции страсти были привязанностями души, как об этом говорят греческий термин *pathos* (привязанность, болезнь) и ла-

Презрение к страстям было поставлено под сомнение в рамках политической мысли Макиавелли. Далекие от того, чтобы быть патологией, которую необходимо искоренить, страсти представлялись ему самым основанием человеческой природы. Таким образом, всякое политическое решение и *in fine* сохранение власти покоились на пронизательном знании страстей подданных и способности предвосхитить их [Ansart, 2002]. Страсти были окончательно реабилитированы философией и романтической литературой XIX века (Кьеркегор, Ницше, Гете), которые порвали с культом разума, разместив чувственность и человеческое своеобразие в центр их произведений. Отныне страсть более не рассматривается в качестве препятствия свободе, но, напротив, в качестве крайней степени ее выражения [Meuser, 2007].

26 Смысл слова «страсть» в равной мере сместился: если изначально термин обозначал реакции (радость, грусть, гнев), произведенные внешними обстоятельствами, то сегодня он повсеместно отсылает к «стабильной аффективной направленности на особый объект» [Bromberger, 1998, p. 25]. Таким образом, страсть противопоставляется эмоции не только из-за ее фиксации на некоем частном объекте, но в равной мере из-за ее постоянства, что позволяет исследователю проще ее различить.

Тем временем страсти долгое время были маргинальным (второстепенным) объектом в рамках социальных наук. Социальные науки воспринимали их как незначительный феномен, который слишком связан с индивидуальными предпочтениями и восходит к области психологии (даже психопатологии) [Donnat, 2009, p. 9]. И если увлеченные искусством или же иными культурными объектами вызывают внимание социологии культуры, то любители футбола остаются для нее мертвой зоной.

Бромберже резюмирует это неприятие следующим образом: «Серьезные люди охотно говорят о том, что подобное пристрастие остается пустым, смехотворным, маргинальным и временным, и не может многого сказать о реальном функционировании общества и тех ценностей, которые его моделируют. Как они утверждают, это пристрастие маскирует существенное и отвлекает от серьезной проблемы индивидуального и коллективного существования и представляется лишь не заслуживающей внимания рамкой в жизни и становлении общества. Но все же зачем присваивать себе земли, которые даже не имеют культурной ценности?»

тинский термин *passio* (страдание). Мы находим следы этой негативной концепции в существительных французского языка: *passivité* (пассивность), *passif* [пассивный].

Изучать посетителей выставки или барочного концерта еще куда ни шло, но изучать футбол? Над кем вы смеетесь?» [Bromberger, 2012, p. 5].

Неудивительно, что первые работы о страстях, которые носили менее элитарный характер, были инициированы антропологами, изучающими культуру в широком смысле, включая искусства, но и также в равной мере верования, обычаи и традиции, принадлежащие различным сферам [Cuche, 1997, p. 20-27]. В этом смысле Кристиан Бромберже стал первопроходцем, если говорить о франкоязычном мире, по части интереса к различным формам пристрастий в отношении самых разнообразных объектов: он изучал любителей орфографии, ценителей вина, интересующихся микроинформатикой, мотоциклами или же домашними животными [Bromberger, 1998].

В одной из своих книг автор пытается продемонстрировать, чем же именно интересен разговор о страстях. Согласно Бромберже, термин «досуг» «охватывает слишком многое», смешивая практики случайного характера с регулярными практиками, но не учитывает интенсивно переживаемого отношения, что имеет место внутри этой пустяковой, на первый взгляд, деятельности. В равной мере автор отбрасывает термин «хобби», покрытый «древней аристократической вуалью, слабо охватывающей такие феномены, как возбуждение и превращение [отдельных форм хобби] в массовое явление». Он отказывается говорить и о моде, поскольку она не подходит для анализа феноменов, которые являются постоянными [Ibid.].

27

В этой публикации мы задаемся целью представить, отталкиваясь от кейса русских футбольных фанатов, главные характеристики страсти к футболу. Таким образом, мы увидим, как последняя может влиять на представления индивидов, которые предаются этому занятию.

Характеристики пристрастия к футболу

Кристиан Бромберже определяет своих респондентов как «обычных фанатов». Это выражение, представляющееся на первый взгляд оксюмороном, в действительности ставит акцент на социально приемлемом характере практик, которые не воспринимаются в качестве маргинальных или незначительных. Речь, напротив, идет о социально ценном аспекте человеческого существования, свидетельствующем о переходе к такому типу общества, где отсутствие увлеченности чем-либо считается признаком «экзистенциальной неполноценности» [Bromberger, 1998, p. 24].

а) Временные и финансовые затраты

Прежде всего увлеченные футболом люди характеризуются примечательными внешними признаками, которые указывают на потраченное время и деньги [Ibid., p. 27]. Футбольные болельщики часто различаются по крайне заметной атрибутике, которая призвана поддержать их команду (одежда с клубными цветами, именами игроков или же девизом команды), продемонстрировать свою привязанность к ней (тату, значки, объекты, выкрашенные в цвета клуба).

Коллекционирование различных объектов, связанных с клубом, — деятельность, которая широко распространена среди тех, кто увлекается футболом. В числе самых впечатляющих примеров в данном контексте можно упомянуть болельщика команды «Спартак», который приобрел 4500 шарфов, или же болельщика «Динамо», собравший коллекцию флаеров всех встреч московской команды. Временные затраты достаточно велики, большая часть опрошенных признает, что они не могут вообразить свою жизнь без футбола. Об этом свидетельствует интервью с двадцатилетним Даниилом, болельщиком ЦСКА.

28

Это занимает у меня много времени. Довольно сложно представить, что я делал бы без футбола. Вся моя жизнь — это футбол. Иногда я задумываюсь и говорю себе: «блин, это же всего лишь игра, как на ней до такой степени может основываться целая жизнь? Жизнь миллионов людей на планете! На самом деле, это невероятно и круто» (Интервью с Даниилом, Москва, 14.05.2016).

Часто подобные затраты сил сравниваются с аддикцией, что согласуется с изначальным пониманием страсти как одержимости. Так Евгений, который смотрит матчи исключительно на стадионах, говорит следующее.

Уже три года я не пропускаю ни одного матча Динамо. И я даже не могу представить просмотр матча по телевизору. Мое тело требует этого. Некоторые целыми днями пьют водку, они не могут без нее, а я должен ходить на футбол (Интервью с Евгением, Москва, 23.04.2014).

Следует отметить, что футбольным фанатам свойственна практика выездов: болельщики постоянно совершают поездки с целью поддержать свою команду в ходе выездного матча. Речь идет об особом моменте, об авантюре, которая часто переживается коллективно. Когда в 2014 г. я брала интервью у Евгения, он праздновал круглую дату: 200 выездов. В 44 года он все еще не прекратил этим заниматься.

Сегодня я люблю путешествовать больше, чем когда-либо. Я повстречал многих людей. Даже если это десятая поездка в Самару или Пермь, это все равно интересно. Возможно, я должен был родиться в Англии: там люди не думают о том, за-

чем они едут на выездной матч. Там выезжают тысячи человек, и на домашних матчах стадионы всегда полные (Интервью с Евгением, Москва, 23.04.2014).

Конечно, речь идет о значительных временных и денежных затратах: русские болельщики указывают, что следовать за своей командой на большие дистанции сложно.

Кирилл — Самая незначительная дистанция — поездка в Питер, 650 километров; для английских болельщиков — это максимальная дистанция. Поездка во Владивосток занимает 7 дней на поезде. В эти 7 дней у тебя есть время зажить, почему ты вообще куда-то поехал, за кого ты болеешь и что ты хочешь.

Виктор — Конечно, дистанция играет важную роль. Однажды мы играли в Манчестере, и следующая игра была против клуба «Океан Находка». Взяв атлас, мы показали англичанам наш маршрут, они: Нее... но это же Китай! Это невозможно! Они были в шоке. Их максимум — шестичасовое путешествие. Мы им показали: вот она, Россия! (Интервью с Виктором, Кириллом и Сергеем, 22.04.2014)

Отвлекаясь от вопроса о затратах, стоит упомянуть, что эти поездки представляются серьезным опытом высокой интенсивности, который порой трудно описать: информанты не находят слов или же убеждены в том, что их нельзя понять.

29

Раньше мы проезжали пол-России на электричке, вы понимаете, что это такое? Нет, вам этого не понять! (Совместное интервью Паши и Васи, 03.07.2016)

Иногда этот опыт роднится с инициацией, которая не лишена элемента страдания.

Паша — Говорят, что, если ты один раз поехал на выезд, либо ты больше никогда не поедешь, либо ты будешь ездить всю жизнь.

Вася — Да, это правда. Это болезнь (...) однажды на выезде один чувак сломал себе ключицу. Он мне говорит: «Ладно, я поехал домой». Я ему: «Какое домой? Ты на выезде, ты должен оставаться до конца!». Была ситуация, когда один тип повредил себе позвоночник, но, тем не менее, остался, он пробил золото! «Пробить золото» означает посетить все выездные матчи в сезоне, это действительно очень круто. Я вспоминаю те времена, это было круто. Конечно, не все могут этим заниматься, но, блин, он [повредивший позвоночник] дошел до конца! (Совместное интервью Паши и Васи, 03.07.2016)

Путешествия обещают новые знакомства, которые, как признает болельщик «Спартака», иногда носят любовный характер, но также обещают открытие новых городов и стран. Конечно, болельщики особенно рады, когда их команда проходит квалификацию на международные соревнования.

В рассказе 29-летнего Вадима, болельщика «Спартака», сжато изложены подробности одной успешной поездки: здесь и эмоции, связанные со спортивным спектаклем, и моменты разделенной

со всеми эйфории, и стычка с полицией и другими болельщиками, и весь перечень туристических достопримечательностей. Вот, как он описывает свое путешествие в Испанию.

Бывают поездки, когда ты хотел бы, чтобы это никогда не заканчивалось, как это было в Барселоне. Мы провели два дня на Майорке, а потом были на нереальном матче (...) Атмосфера на стадионе была невероятной: мы все пели Катюшу, а испанцы бегом удирали. Небольшой махач перед матчем с группой храбрых испанцев, потом — с полицией. Самые строгие полицейские в Испании и Португалии! (...) Ты приезжаешь на стадион и (...) всякий человек, который любит футбол, и неважно, кого он поддерживает, мечтает посетить Камп-Ноу в Барселоне. И вот ты здесь, смотришь, как твоя команда играет. Это, как если бы ты пришел смотреть, как твоя сестра поет в опере. Твоя команда играет против одного из лучших клубов Европы, проигрывает с минимальным разрывом, но сражается до конца, хотя это было не лучший период для «Спартака». Потом ты выходишь со стадиона и распиваешь все сорта напитков, какие только есть на улицах, а затем приходит полиция и говорит, что нельзя. Но они видят сотню русских, которые и не думают расходиться, и не знают, как нас разогнать. После этого они возвращаются в машину и уезжают. И это прикольно. А затем, между делом, ты идешь посмотреть на собор Святого семейства, и это очень красиво, посещаешь прочие окрестности и т. д. (Интервью с Вадимом, Москва, 21.08.2014)

30

в) Персонификация объекта пристрастия

Те, кто чем-то увлечен, имеют склонность трансформировать объект своей страсти в обожаемого «субъекта-партнера», который является источником беспокойства, досады или даже возмущения «на манер любовного отношения, страсть является навязчивым опытом — драмой, состоящей из запутанной мешанины страдания и наслаждения, опыта фрустрирующего ожидания и эфемерного счастья» [Fromberger, 1998, p. 23]. В рассказах болельщиков встреча с объектом страсти часто схожа с ударом молнии. Многие вспоминают о первом стадионном матче, определяя этот момент как «озарение» (Интервью с Константином, Москва, 30.09.2014) или «шок» (Интервью с Амиром, Москва, 27.05.2013). Клуб или же футбол в целом часто персонифицируются, как это иллюстрирует следующий пассаж, опубликованный в социальной сети ВКонтакте.

Многие годы футбол оставался неизменным... Ваша невеста переспала с вашим лучшим другом, любимая музыкальная группа выпустила дерьмовый альбом, наркота перестала торкать, но на футбол можно было положиться всегда¹.

Болельщики характеризуются крайне сильной аффективной привязанностью к любимому клубу, который описывается как «свой», «род-

1 Взято из группы в социальной сети VK. Запись от 24.05.2016, http://vk.com/ultras_apho.

ной» или же отождествляется «с целым миром». Сергей утверждает, что любит всех игроков своего клуба, как «если бы они были его близкими» (Интервью с Сергеем, Москва, 03.06.2016). Стас, болельщик «Торпедо», признает, что его любовь остается такой же сильной вопреки всем разочарованиям и страданиям, перенесенным в силу множества сложностей последних лет, через которые прошел его клуб.

Я — фанат «Торпедо» до мозга костей: я провел много времени со своим увлечением, участвовал во всем и видел все вместе с моим клубом. Где бы не играл клуб, я всегда поеду поддержать его и буду любить его, как ребенка (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016).

Стас рассматривает свою привязанность к клубу «Торпедо» как семейную традицию и привязанность к родной земле.

Слава богу, у меня выбора не было: я родился в торпедовской семье. Моя мама и дедушка с бабушкой по материнской линии жили неподалеку [показывает направление]¹, это видно отсюда. Бабушка работала в тринадцатой больнице, а дед — на заводе ЗИЛ. Мама росла здесь и занималась коньками на «Торпедо», в то время как папа играл там в футбол, а дед по отцовской линии тоже был работником завода ЗИЛ. Таким образом, «Торпедо» повсюду, и именно так мои родители познакомились, так получился я. У меня мог быть один единственный выбор, и, слава богу, что этот выбор был таким, я ни о чем не жалею. (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016)

31

В итоге клуб стал семьей.

Я даже наравне с семьей поставил бы. Потому что «Торпедо» — это моя вторая семья. В начале жена ревновала и было много вещей, которые она не понимала, но сейчас она смирилась, она всех знает, жены дружат. Что поделаться, если мужья такие? Если они на этом помешаны? Это навсегда. Это неизлечимая болезнь. Наверно, я больной человек. Но лучше так. Я другого не хочу. (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016)

Привязанность, в основе которой лежит спортивное представление [Bromberger, 1995, p. 29-30]³, провоцирует процесс идентификации [Nuytens, 2008; Lestrelin, 2010; Soontag, 2008; Giulianotti, 2002] с клу-

- 1 Стадион «Торпедо», расположенный в непосредственной близости от завода ЗИЛ и долгое время находившийся под его покровительством, является единственным клубом Москвы, в котором сочетаются социальная и географическая принадлежность болельщиков, по сей день часто выражающих через свое увлечение идентичность рабочих.
- 2 Завод имени Лихачева — автомобильный завод.
- 3 Удовольствие от спортивного представления во многом основывается на привязанности и идентификации с командой или же со спортсменом, которая позволяет зрителю ощутить свою причастность к ходу встречи.

бом, которая может выразить принадлежности разного рода: социальный статус, регион или же государственную принадлежность в случае, если речь идет о национальной команде.

с) Важность компетентности

Важную часть увлеченности составляет компетентность в этой области, которая часто связана с приобретением журналов, статей или чтением специализированных сайтов. Одним из существенных источников удовольствия, которые извлекаются из этой увлеченности, являются дискуссии сверстников об объекте их пристрастия [Womberger, 1998, p. 29]. Дабы проиллюстрировать этот продолжительный поиск в целях овладения информацией, возьмем пример 48-летнего Льва, который болеет за «Динамо» с юношеской поры.

Я думаю, что, когда мы увлечены чем-то в подростковый период, то это занимает безумное количество времени. Мне было несложно учиться в школе, поэтому я проводил большую часть времени за игрой в футбол, просмотром матчей или коллекционированием журналов, марок и не-знаю-чего-еще, связанного с футболом: таблицы, графики и т. д. (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

32

Он признает, что это пристрастие сыграло важную роль в его жизни, создав предрасположенность к будущему призванию.

Возможно, что в довольно юном возрасте выбор моей профессии был во многом определен интересом к статистикам матчей. В итоге я оказался на факультете экономики и статистики и интересовался цифрами, графиками, каузальной связью между ними, а также таблицами.

Благодаря увлеченности и желанию собирать информацию о любимом клубе Лев даже научился программировать.

Только в 1995-м, начале 1996-го я начал знакомство с интернетом. В первую очередь я смотрел информацию о «Динамо», которой было очень мало. У них не было официального сайта, ничего не было. Я был огорчен, что у нет страницы, поэтому я решил создать ее. Я сам научился этому, купив мануал по программированию. Я все написал и нарисовал самостоятельно. Это было в 1997-м.

Знание истории клуба часто — необходимое условие для всякого болельщика, который себя уважает. Будучи важным поводом для гордости, история клуба — постоянный предмет дебатов и бесконечных реинтерпретаций. Лев приложил много усилий, чтобы восстановить нечто, что он рассматривает как «историческую правду».

В течение долгого времени болельщики полагали, что основателем клуба был Дзержинский, и я горд тем, что мне удалось добиться публикации статьи одного из наших знаменитых историков Евгения Анатольевича Школьников, посвятившего эту статью настоящему основателю клуба «Динамо», Павлу Семеновичу Уралецу. Я совершил невероятные усилия, чтобы разыскать его сына в Штатах, в то время как простыли всякие следы этого человека. Это был титанический труд: я искал его практически год. Он помог мне с фотографиями, и так мы опубликовали настоящую историю основания клуба. В конечном счете Уралец был официально признан как основатель клуба «Динамо». Для меня это было самым большим успехом журнала, нам удалось восстановить историческую правду. (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

d) Важность коллектива

Идентификация, свойственная практике болельщика, с необходимостью включает коллективную составляющую. Речь идет не просто о том, чтобы в индивидуальном порядке «узнать» себя в игре или команде, но в действительности разделить эту характеристику с группой «подобных». Если количество и представляется важным ресурсом, то в силу того, что оно в особенности обеспечивает чувство причастности и сплоченности, которое выходит далеко за пределы одной единственной игры и покоится на множестве связей [Nuytens, 2008, p. 44].

33

Нужда в разделении своего пристрастия чаще всего приводит к созданию коллективов, превращающихся в место производства общих ценностей и понятий, которые могут объединять представителей крайне разных социальных профилей. «Внутри ситуации, где интерес властвует над статусной дифференциацией, размываются скованность, присущая повседневному социальному порядку, устанавливаются отношения, проникновенные речи, а также теплое ощущение тесных уз, потерянное в обычной жизни. Группа имеет представление о героях, локальных и национальных лидерах, а также эмблематических фигурах, которые скрепляют и конкретизируют это отношение принадлежности» [Bromberger, 1998, p. 32].

Когда мы опрашиваем болельщиков о том, как страсть к футболу воздействует на их жизнь, то самый распространенный ответ отсылает к упоминанию круга друзей, который это увлечение позволило им завести.

Это позволило завести мне много новых друзей и знакомств. Я думаю, любое хобби положительно влияет на людей. И неважно, коллекционируешь ли ты бабочек или рыбачишь, ты найдешь единомышленников, если только твое хобби не заключается в том, чтобы резать людей на кусочки, но даже среди таких должно быть свое секретное сообщество [смеется]. (Интервью с Борисом, Москва, 24.04.2014)

Способность производства социального, сконструированная вокруг увлеченности клубом, оказывается особо важной в случае таких больших городов, как Москва.

Все мои друзья соглашаются: часто ходить на стадионы интересно, потому что ты 50–60% времени общаешься в друзьями. Потому что жизнь в Москве такая быстрая и светлая, и стихийная, у нас не так много возможностей видеться. [...] Поэтому посещения стадионов — это общение. Мы проводим вместе некоторое время до матча: можем сходить перекусить, выпить кофе или что-нибудь обсудить. Стадион всегда приносит позитивные эмоции, потому что предполагается, что там мы встретимся с другими людьми. Так происходит, потому что мы, как правило, находимся одни. Когда мы возвращаемся домой, там всего один или два человека, в то время как на стадионе очень много людей, и все они разделяют один и тот же идеал. Много книг было посвящено тому факту, что человек — стадное животное, которое всегда пытается объединиться с похожими на него людьми. (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

34

В этом отношении существенная характеристика увлеченности футболом заключается в возникновении организованных групп болельщиков, последствия социализации которых привлекают внимание социологов спорта [Bromberger, 1995; Hourcade, 2004 Nuyetens, 2004; Lestrelin, 2010; Pilz, 2002]. Различаются две больших модели организованной деятельности болельщиков: футбольные хулиганы и ультрас [Mignon, 1998, p. 67-71]. Футбольные хулиганы соотносятся с формой организации болельщиков, которая появилась в Англии шестидесятых годов, когда юные болельщики объединялись в банды. Их практики были сосредоточены преимущественно вокруг насилия: главной целью была защита цветов клуба в драке с болельщиками команды-противника [Armstrong, 1998]. В свою очередь модель «ультрас» обобщают практики итальянских болельщиков того же самого периода. Эти практики были связаны с визуальной и звуковой поддержкой команды на стадионах, но при этом не исключали возможность насилия [Louis, 2008; Testa, 2009].

Две модальности были воспроизведены в крайне разных национальных контекстах¹. Чаще всего обе формы сосуществуют в одной и той же стране (например, во Франции) [Bodin, Robene, Heas, 2007; Hourcade, 2003]. Иногда одна из моделей занимает господствующее положение (ультрас в Египте) [Gibril, 2015]. Случается, что две этих формы накладываются друг на друга: группы болельщиков одновременно обеспечивают как поддержку команды на стадионе, так и тылы своих боевых товарищей (Восточная Европа) [Kossakowski, 2017]. На примере России хорошо заметно, что организованные болельщики, несмотря на всю зрелищность происходящего, не все-

1 По теме компаративного анализа см. [Spaaij 2006; Brown 2007].

гда питают «интенсивной» привязанности к клубу. На самом деле современная форма футбольного хулиганства в России роднится со спортивным соревнованием, участники которого рекрутированы за их способности к боевым видам спорта и, что верно для некоторых из них, мало интересуются футболом [Gloriozova, 2018].

Напротив, некоторые болельщики, как юный Даниил и менее юные Лев и Евгений, процитированные ранее, никогда не входили в ту или иную группу болельщиков, что не мешает им быть крайне вовлеченными как в плане временных затрат, так и в плане их аффективной деятельности. Частое посещение стадионов не всегда является релевантным критерием для оценки степени привязанности болельщика к клубу. Мы встречались с болельщиками, которые, не имея возможности посещать стадион на постоянной основе, все равно выстраивали жизнь вокруг футбола (просмотр матчей по телевизору, в интернете, в барах или социальных сетях и т. д.).

е) Драматическое и метафорическое измерение

Кристиан Бромберже также выделяет драматическое измерение этой страсти, которая часто переживается в качестве серии испытаний и неожиданных поворотов, где элемент случайности играет важную роль. С его точки зрения, эта страсть представляется в качестве метафоры для «движущей силы жизни в ее непостоянстве» [Bromberger, 1998, p. 30-31]. В этом ключе особенность футбола была хорошо сформулирована в комментарии Амира.

Я, например, думаю, что театр — это профанация, и я поясню свою точку зрения. Вы можете не соглашаться, но как можно с тем же вдохновением возвращаться 300 раз подряд к одной и той же роли? Вы можете изменить некоторые жесты, но это не настоящее искусство. А футбол — это жизнь. Ни один матч и ни один эпизод не похожи друг на друга, ничего никогда не повторяется. Солнце может сиять совсем иначе, а судья может оказаться идиотом. Не так важно, что может произойти, но каждый раз на твоих глазах разворачивается сама жизнь. (Интервью с Амиром, Москва, 27.05.2013)

Особенность увлеченности футболом заключается в крайне интенсивных эмоциях, которые проявляются во время матчей, как это описывает 20-летний Илья, болельщик «Локомотива».

Я — Ты можешь описать те эмоции, что ты ощущаешь, когда смотришь матч? Илья — Я мог бы воспользоваться цитатой из фильма: это как будто ты прыгаешь из самолета, но парашют не раскрывается, а затем, хоп, обнаруживается, что у тебя есть запасной! [смеется]. И это производит такой эффект... [изображает подъем и падение]. Ты полностью погружаешься в эту атмосферу и ни о чем не думаешь. Ты беспокоишься, глаза горят, ощущается

поток эмоций, ты беспокоишься, кусаешь себе локти, грусть, твоя команда проигрывает, радость. Фейерверк в груди. Ты выжидаешь этот день, этот матч. Думаешь, с кем пойдешь туда, как это будет: ты представляешь сцену. Когда твоя команда проигрывает, наступает грусть, ты ощущаешь (...) я не знаю, как определить это (...) словно тебе положили соль в чай, ну или нечто в таком духе, а затем ты шагаешь (...) небо серое, а ты так и шагаешь, согнув спину. Потом ты утешаешь себя, приговаривая, что следующий матч пройдет лучше. (Интервью с Ильей, Москва, 19.05.2016)

Эмоции, вызываемые футболом, выходят далеко за пределы конкретного матча и имеют длительный эффект.

Ты стоишь на переполненном секторе, где яблоку некуда упасть! Тут полно людей, которые ждут выхода команды, ждут, что сегодня она выигрывает. Мы и ЦСКА идем впритык, нереальные эмоции, когда мы забиваем гол (...) ты рядом с типом, которого ты даже не знаешь, но ты обнимаешь его и готов задохнуться от радости, это непередаваемые ощущения. Эти чувства остаются с тобой весь день — матч в час дня, но ты ощущаешь это до самого вечера, твой день заполнен этим; мы встречаемся после матча и обсуждаем его. Всю последующую неделю ты находишься захваченным этими впечатлениями. Это можно сравнить с походом в театр, где ты видишь невероятную пьесу, которая тебя восхитила (...) Ты согласишься спектакль, а после этого у тебя будут позитивные эмоции, которые останутся с тобой. Вот, на что это похоже. (Интервью с Вадимом, Москва, 21.08.2014)

36

f) Противостояние и конфликт

В конечном счете в качестве существенных атрибутов этой страсти могут выступить оппозиция и конфликт, которые могут быть выражены в отношении разного рода противников или врагов. Для начала речь идет о тех, кто не признает обоснованность этой страсти или же препятствует ей [Bromberger, 1998, p. 32]. В действительности опрашиваемые болельщики часто думают, что их не понимают.

Переживание, связанное с полной отдачей своему увлечению вопреки всему, усиливает узы дружбы и солидарности.

Для нас это было еще сложнее, потому что на нас напали со всех сторон. Родители по вечерам дома, полиция, болельщики других клубов. Поэтому я могу сказать, что именно из-за этого вера в моих друзей родилась именно тогда и существует до сих пор. Доверие и лояльность к моим друзьям остались, все это осталось. (Интервью со Степаном, Москва, 23.05.2016)

В равной мере это может касаться и «внутренних» врагов, которые ставят под сомнение искренность их вовлеченности в дело.

С годами, как я это вижу, таких болельщиков становится все больше и больше. Сейчас стало модным, красуясь перед девчонками, прогуливаться в шар-

фе и любить футбол; но я не воспринимаю этих людей как болельщиков, они не знают историю. Вы спрашиваете их, в каком году был создан «Спартак», и многие не могут ответить. И я даже не говорю об именах игроков. Они даже не знают братьев Старостиных¹. Они слышали разговоры о них, но не смогут даже сказать, сколько их было. (Интервью с Александром, Москва, 01.05.2013)

В конечном счете соперничество с другими клубами и их болельщиками оказывается камнем преткновения в увлечении футболом. Это противостояние может доходить до отказа от общения с болельщиками другого клуба. Это случай Жени, молодого болельщика ЦСКА, который признает, что избегает дружбы подобного рода, так как *«футбол все же представляется чем-то слишком важным для меня, поэтому, встречая кого-то, я обращаю на это внимание»* (Интервью с Женей, Москва, 04.07.2016).

В равной мере это противостояние связано с чувством гнева, физическим противостоянием, будь оно спонтанным или организованным.

Заключение

37

Сам термин «страсть» позволяет учесть интенсивность отношений между индивидом и объектом его пристрастия. Как показывает Антуан Геньен [Hennion, 2009], социология старается отнестись к этому аспекту небрежно, предпочитая анализ через понятие социального. Объяснение страсти через социальный детерминизм берет верх над пониманием самого пристрастия, которое в действительности важно для самих фанатов. Обращая внимание на это отношение, Геньен предлагает «вновь населить мир посредниками и продемонстрировать их активную роль в со-производстве субъективностей и объектов» [Hennion, 2003]. Пристрастие к футболу оказывается крайне продуктивным посредником: оно приобретает форму совокупности внешних знаков, становится объектом идентификации и одновременно источником солидарности и яростного противостояния. В равной мере оно предполагает драматическое измерение, которое способствует производству социальных представлений о мире.

Эти примеры в равной мере показывают, что увлеченные футболом далеки от того, чтобы быть ослепленными своим пристрастием, и демонстрируют рефлексивность, а также критическую дистанцию по отношению к своей практике. Зачастую именно внутри этого пристрастия они черпают возможности обрести знания, сообщающие им чувство превосходства над окружающим миром.

1 Основатели клуба «Спартак».

Это рефлексивное отношение является еще одним поводом принять всерьез пристрастия, в некоторой мере осмелившись «де-социологизировать» исследуемый объект.

Библиография / References

- Ansart P. (2002) *Connaissance des passions politiques*. Platon, Machiavel, Tocqueville. *Les cahiers psychologie politique*, (1).
- Armstrong G. (1998) *Football Hooligans: Knowing the Score*, Oxford: Berg.
- Bodin D., Robène L. (2007) Le hooliganisme en France : entre traitement social “médiatisé et désintéressé institutionnel”. *Revue européenne de management du sport*, (16).
- Bromberger C. (1995) *Football, la bagatelle la plus sérieuse du monde*, Paris: Editions Bayard.
- Brown S. (dir.) (2007) *Football Fans Around the World: From Supporters to Fanatics*, Abingdon: Routledge.
- Bromberger C. (1998) *Passions ordinaires. Football, jardinage, généalogie, concours de dictée*, Paris: Bayard Editions.
- Bromberger C. (2012) *Le match de football: ethnologie d'une passion partisane à Marseille, Naples et Turin*, Paris: Maison des sciences de l'Homme.
- 38 Cuhe D. (1997) Nouveaux regards sur la culture: L'évolution d'une notion en anthropologie. *Sciences humaines*, 77: 20-27.
- Donnat O. (2009) Présentation , dossier “Passionnés, fans et amateurs”. *Réseaux*, 153 (1).
- Gibril S. (2015) Contentious politics and bottom-up mobilisation in revolutionary Egypt: the case of Egyptian football supporters in Cairo. F. Gerges (éd.) *Contentious Politics in the Middle East: Popular Resistance and Marginalized Activism beyond the Arab Uprisings*, Londres: Palgrave.
- Gloriozova E. (2018) Russia. *Palgrave International Handbook of Football and Politics*, London: Palgrave Macmillan: 265-285.
- Giulianotti R. (2002) Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs: A Taxonomy of Spectator Identities in Football. *Journal of Sport and Social Issues*, 26 (1): 25-46.
- Hennion A. (2009) Réflexivités. L'activité de l'amateur. *Réseaux*, 153 (1): 55-78.
- Hennion A. (2003) “Engager son propre goût”, entretien autour de la sociologie pragmatique d'Antoine Hennion. *ethnographiques.org* (<http://www.ethnographiques.org/2003/Schinz,Flou>).
- Hourcade N. (2004) Les groupes de supporters ultras. *Agora Débats/Jeunesse*, 37: 32-42.
- Hourcade N. (2003) L'émergence des supporters ultras en France. *Emergences culturelles et jeunesse populaire. Turbulences ou médiations?* Paris, L'Harmattan: 75-89.
- Kossakowski R. (2017) Where are the hooligans? Dimensions of football fandom in Poland. *International Review for the Sociology of Sport*, 52 (6).
- Louis S. (2008) La politique dans le mouvement ultra en Italie. *Le football à l'épreuve de la violence et de l'extrémisme*, Lausanne: Editions Antipodes: 67-85.

- Lestrelin L. (2010) *L'autre public des matchs de football. Sociologie des supporters à distance de l'Olympique de Marseille*, Paris: EHESS.
- Meyer M. (2007) *Le philosophe et les passion*, Paris: Presse Universitaire de France: 12-14.
- Mignon P. (1998) *La passion du football*, Paris: Odile Jacob, 67-71.
- Nuytens W. (2004) *La popularité du football. Sociologie des supporters à Lens et à Lille*, Arras: Artois Presses Université.
- Nuytens W. (2008) Le supportérisme: identification, distinction, égotisme. *Football et identité*, Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles: 31-45.
- Pilz G. (2002) Fussball ist unser Leben?! Leerformel oder gesellschaftspolitische Herausforderung. *Der Fussball. Eine Beitrag zu einer Gesellschaftskultur der Zukunft*, Stuttgart: Württembergischer Fussballverband: 59-77.
- Spaaij R. (2006) *Understanding Football Hooliganism: A Comparison of Six Western European Football Clubs*, Amsterdam, Universiteit van Amsterdam.
- Sonntag A. (2008) *Les identités du football européen*, Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.
- Testa A. (2009) The UltraS: An Emerging Social Movement. *Review of European Studies*, 1 (2): 54-63.

Рекомендация для цитирования / For citations:

39

- Глориезова Е. (2018) Футбольный фанатизм как объект изучения социальных наук. *Социология власти*, 30 (2): 24-39.
- Gloriozova E. (2018) Football fandom as a subject-matter of social sciences. *Sociology of Power*, 30 (2): 24-39.

Поступила в редакцию: 4.06.2018; принята в печать: 12.06.2018

Ирина М. Быховская, Ирина Ю. Люевич
Московский городской педагогический университет, Россия

Фандомы — сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении

40

Статья посвящена обзору актуальных направлений в изучении фандомов как явления эпохи экспансии медиакультуры и, в частности, фандомов, связанных со спортом. Интенсивное развитие цифровых технологий сместило фокус внимания fan studies на формы организации фан-сообществ/фан-культур, которые возникли и поддерживаются благодаря принципиально новым коммуникативным возможностям. Возникновение фандомов как особой субкультуры и среды совместного творчества в среде поклонников литературных произведений, телесериалов, комиксов и компьютерных игр стало ярким феноменом и в околоспортивном пространстве. Реализация групповых интересов и потребностей с помощью новых технологий породила особый тип сообществ — медиафандомов.

В статье рассматривается, как в условиях цифрового общества трансформируются ключевые проблемы fan studies: вопросы идентичности, соотношения субкультуры и доминирующей культуры, пересечения фан-культуры и массовой/популярной культуры, культурного производства и потребления. Рассмотрен один из важных атрибутов жизни фандомов — так называемое креативное потребление,

Быховская Ирина Марковна — доктор философских наук, профессор, профессор Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета. Научные интересы: прикладная культурология; инкультурация личности; социокультурные проблемы спорта, тела, здоровья. E-mail: bykirina@gmail.com

Люевич Ирина Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета. Научные интересы: коммуникативистика, медиадискурс, социокультурные аспекты спортивного медиапространства. E-mail: irinl@mail.ru

Irina M. Bykhovskaya — Professor Dr., Moscow City Pedagogical University, Institute of Natural Sciences and Sport Technologies. Research interests: applied cultural research; enculturation process; sociocultural problems of sport, body, health. E-mail: bykirina@gmail.com

Irina Yu. Lyulevich — PhD, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Institute of Natural Sciences and Sport Technologies. Research interests: communication studies; media discourse; sociocultural aspects of sports media space. E-mail: irinl@mail.ru

в том числе в такой его форме, как «текстовое браконьерство». Анализ фан-творчества и его продуктов (артефактов) выявляет тенденцию к гибридности, которая проявляется в освоении артефактов других субкультурных сообществ и как следствие — в размывании границ собственно спортивных фандомов. Деятельность фандомов рассматривается в перспективе «экономики дара/дарения» (gift economy) как адекватной модели для описания безвозмездной кооперации, креативного производства и распространения фан-продукции. Рассмотрены такие особенности спортивных цифровых фандомов, как «запойное смотрение» и «ожидание»/«предвкушение»; лиминальность этих сообществ за счет ситуативного/событийного включения людей, не в полной мере разделяющих субкультурные ценности. Описаны агрессивные формы противостояния «чужим фандомам» в виртуальном пространстве (формирование «хейтдомов»), порождаемые как спецификой фан-культуры, так и соревновательной природой самого спорта.

Ключевые слова: спорт, «околоспорт», субкультура, фанат, фан-сообщество, фандом, медиафандом, fan studies, фан-культура, креативное потребление

Irina M. Bykhovskaya, Irina Yu. Lyulevich, Moscow City Pedagogical University, Russia

Fandoms — Communities of the Digital Age: Hybrid Culture in the “NearSports” Dimension

41

The article is devoted to the consideration of actual trends in the study of fandoms as a phenomenon of the media culture expansion era, and in particular, fandoms related to sports. The intensive development of digital technologies has shifted the focus of fan studies to the forms of organization of fan communities/fan cultures that are born and supported by these technologies, providing radically new communication opportunities. The emergence of fandom as a particular subculture and the field of joint creative activities occurred among the fans of concrete stories and writers, television series, comic books and computer games, and became a bright phenomenon in the nearsports area. The implementation of group interests and needs using new technologies has created a special type of community — mediafandoms. The article examines how the key problems of fan studies are transformed in the digital society: identity problems, the relationship between the subculture and the dominant culture, the intersection of fan culture and mass/popular culture, cultural production and consumption. One of the attributes of fandom life — the so-called creative consumption, including such a form as “text poaching” — is under consideration too. Analysis of fan-creativity and its products (artifacts) reveals a tendency to hybridism, manifested in the erosion of the boundaries of sporting fandoms and their interchange with the creativity of other sub-cultural communities. The activity of fandom is considered in the perspective of the “gift economy” as an adequate model for describing gratuitous cooperation, creative production and distribution of fan products (which is typical for a large part of the fandom). Concerning the characteristics of sports / nearsports digital fandoms, we pay attention to their participants’

“binge-watching”, “expectation” and “foretaste”; the liminality of these communities because of situational/eventual inclusion of people who do not share subcultural values in general. Also considered the aggressive forms of confrontation with “others’/aliens’ fandom” in the virtual space, the “hatedoms” formation which are generated both by the specific nature of this fan culture and, to some extent, by the competitive nature of the sport itself.

Keywords: sports, “nearsport”, subculture, fan, fan community, fandom, media fandom, fan studies, fan culture, creative consumption

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-40-54

«Сама игра ничего не значит, но привязанность к ней, безусловно, имеет значение»

Э. Саймонс. «Секретная жизнь спортивных фанатов.
Наука об одержимости спортом»

42

Особый интерес к фанатской составляющей многообразного околоспортивного мира обусловлен не только конъюнктурностью сюжета, связанного с актуальной повесткой общественной жизни. Наш интерес к предмету стимулировал тот факт, что в нем нашли отражение социокультурные тренды, которые чаще рассматриваются на материале более «престижных», традиционно «весомых» областей — политики, образования и др. Некоторая маргинальность исследовательской зоны не препятствие. Это скорее «манок», с помощью которого можно увидеть всеохватность упомянутых трендов и глубже понять изучаемую область. В нашем случае роль «манка» играет феномен фандомов (fandom), т. е. «территорий» (domain) фанатов — страстных и активных поклонников/почитателей кого-то или чего-то.

Фандомы как субкультурные сообщества для общения и специфического со-творчества сформировались не в спортивной/околоспортивной среде, а среди поклонников жанровой литературы (научной фантастики, позднее — фэнтези и др.), кино (сообщества любителей аниме, тех или иных телесериалов и проч.), видеоигр и т. п. И сегодня спортивные фандомы занимают отнюдь не лидирующее место среди сообществ других профилей, если оценивать это по их представленности в справочной литературе и публикациях иных жанров (см., например, специализированное тематическое издание «Transformative Works and Cultures»).

Как исследовательское направление fan studies сложились несколько десятилетий назад. Изучение фандомов как отдельной области fan studies интенсивно развивается последние 10-15 лет. Причина тому метаморфозы в «фандомном мире», обусловленные масштабными социальными трансформациями прежде все-

го в коммуникативном пространстве. Новые технологии сделали возможным безграничное (и в пространственном, и временном смысле) взаимодействие с «соплеменниками», создали площадку для совместного творчества и презентации его продуктов в масштабах, которые прежде трудно было представить. Реализация фан-интересов/потребностей/запросов посредством новых технологий породила фандомы новой эпохи, медиафандомы. В сравнении с «доцифровыми» сообществами они более масштабны, а их проявления многообразнее и ярче. Члены таких сообществ, как правило, относятся к поколению *digital natives*, для которых освоение новых технологий не представляет особого труда.

Масштабность, всеохватность медиафандомов принимает неожиданные формы. Так, среди исследователей феномена возникла особая (и достаточно экзотическая для ученых) подгруппа, обозначающая себя как «акафаны» (*acafan*). По словам ее яркого представителя (и признанного специалиста по фан-культуре) Г. Дженкинса, «акафан» — это гибридное существо, которое одной своей частью принадлежит миру исследователей (*academic*), а другой, на основе самоидентификации, — к миру фанатов (*fan*). «Самосозидание» в качестве «гибридного продукта» позволяет, согласно Дженкинсу, преодолеть разрыв между «постигаемым миром» и теми, кто его стремится постичь. Взломать часто непроходимые границы между ними, т. е. рассмотреть (и осмыслить) изучаемый феномен, «влезши в шкуру» его представителей» [Jenkins, 2006]. Эта позиция закономерно стала предметом дискуссий в обсуждении методологических оснований новой волны *fan studies* [Click, Scott, 2017; Larsen, Zubernis, 2012 и др.].

43

Формирование и развитие фан-сообществ нового типа определили не только смещение исследовательских акцентов [Larsen, Zubernis, 2012; Peargon, 2010 и др.], но вызвали к ней интерес специалистов из сторонних областей. Прежде всего речь о коммуникативистике и, в частности, изучении актуальной медиаактивности. Примером такого интереса служит исследование Н. Коулдри и А. Хеппа «Медиаконструирование реальности», где авторы рассматривают фан-сообщества в рамках анализа тенденций развития медиапространства и влияния медиапрактик на различные области жизни. «Вместо понимания фан-культур как отдельных сообществ мы должны рассматривать их как элементы сложной конфигурации. Локальные группы в этой конфигурации то выстраиваются в некоторую «вертикальную» иерархию, находясь в отношениях взаимозависимости, то проявляют себя как независимые агенты» [Couldry, Hepp, 2017, p. 171].

В схожем направлении движется мысль и собственно представителей «третьей волны» *fan studies*, ищущих инструментарий, реле-

вантный новому феномену. По мнению М. Хиллса, экспансия медиафандомов в субкультурном мире — и с точки зрения масштабов, и по степени их влияния, многообразие форм их самоорганизации и коммуникативных практик, — требует корректировки многих позиций начиная с понятийного аппарата. Использование таких устоявшихся (читай — устаревших) понятий, как «фан-культура», «фан-сообщество», которые подразумевают четкое структурирование изучаемого поля в соответствии с набором однозначных критериев, не адекватна «турбулентному» характеру рассматриваемого явления. Необходимо искать менее обязывающие/навязывающие, более свободные концепты, например, сделать ключевым понятие «фан-миров» (ср. «арт-мир/миры»).

44 Согласно Хиллсу, использование этого понятия позволяет переосмыслить фандомы как феномен неопределенного в своих границах мира, проявляющего себя как непрестанное «становление сети сетей». «Вместо того чтобы заниматься мэппингом фан-пространства, следует признать его нечеткие границы и открытость, а осмысление феномена фандомов должно означать больше, чем эмпирическое изучение фанатов, которые сами заявляют о себе; ... не следует устанавливать априорные линии, отделяющие фан-мир от других частей общества... Переход от фан-культуры к фан-мирам означает прежде всего переориентацию на рассмотрение того, как современный фандом рефлексивно мобилизуется, используя принцип контрфактуальности» [Hills, 2017b, p. 882-883]. Таким образом, необходимо отказаться от таксономизации, которой руководствуются исследователи фан-культур; уйти от традиционной оппозиции «сообщество vs индивидуализация», поскольку взаимодействия и практики фандомов строятся не столько по прежде популярному принципу «сделай сам» (do it yourself, DIY), сколько по принципу «делаем вместе» (do it together, DIT). Концепт фан-миров предполагает сдвиг фокуса исследовательской оптики со сложившихся структур на процессы их становления и изменения; ориентацию на «понимание того, как пассионарная аудитория может занять определенные позиции в фан-мире» [Ibid., p. 861].

Однако новый этап в развитии fan studies не означает, что ключевые исследовательские проблемы этой области утратили свою значимость. Комплекс вопросов, который сформировался в cultural studies, где и происходила кристаллизация исследовательского направления, не только не растворился в новом контексте, не оказался на периферии, но и обрел новую остроту. Со всеми оговорками и корректировками к числу наиболее актуальных для направления вопросов относятся проблемы субкультурной сущности фан-сообществ; соотношения личной идентичности(-ей) и фан-сообществ; фан-сообществ в контексте массовой культу-

ры и культуры повседневности; фанатских практик в контексте культурного производства и культурного потребления. Конечно, развитие транскультуральности, расширение зоны лиминальных пространств, рост значения цифровой культуры (в том числе в процессах социализации и инкультурации), медиаэкспансия, возникновение «гибридной культуры», «культуры участия» и т. п. задали массу новых «зон повышенного внимания» для исследователей фан-культуры.

К числу «вечнозеленых» проблем можно отнести вопрос об определении социальных границ культуры фанатов. Процесс демаркации усложняется в связи с тем, что фанатская культура перестает быть «культурой выходного дня»; она существует повсюду и круглосуточно, как значимая часть повседневной жизни фанатов, входящих в сетевые общества [Gray, 2007, p. 361]. Термин М. Маклюэна «глобальная деревня» идеально применим к феномену фандомов в интернет-пространстве, акцентируя способность этих сообществ поддерживать мгновенную коммуникацию и координацию фанатов во всем мире, благодаря чему укрепляется идентичность и чувство принадлежности к «своим» [Wiatrowski, 2011]. В результате границы между реальными/виртуальными сообществами стираются; фандомы превращаются в гибридные субкультуры и постепенно переходят из категории маргинальных и даже «гетто-подобных» групп в категорию одной из доминирующих медиакultur (субкультур) [Jenkins, 2013; Johnson, 2017; Pearson, 2010; Stein, 2017].

45

Общая для всех направлений fan studies методологическая проблема демаркации границ культуры приобретает особое звучание в случае со спортивными сообществами. К медиасообществам трудно примкнуть даже тем, кто не в полной мере разделяет их субкультурные ценности и образ жизни. Мотивы присоединения к цифровым «версиям» спортивных фандомов могут быть весьма далеки от мотивов «классических» фанатов. Например, крупные международные соревнования предсказуемо повышают интерес к спорту в самых широких кругах. Чемпионаты мира, Олимпийские игры и другие мега-события вызывают всплески новостной активности, спорт перестает быть прерогативой специализированных СМИ и в силу своей национальной и международной значимости включается в повестку дня всех медиа, что в свою очередь повышает трафик специализированных интернет-сайтов (куда люди приходят за дополнительной информацией). Вовлеченные участники часто не разделяют страсть «классических» фанатов к игре, их поддержка спортивной команды является эпизодической, ситуационной. Такого рода «текущая», сюжетная идентичность превращает спортивные фандомы в лиминальные, переходные по своему характеру пространства.

Другая часть примыкающих к сообществу участников может иметь мотивацию, вообще не связанную со спортом: их может привлекать творчество фандома (фан-арт); персона спортивной «звезды», получившей массовое внимание не только (а иногда и не столько) своими результатами, но и благодаря внешности, имиджу, сенсационным фактам, т. е. аттракторам, лежащим вне границ собственно спорта¹.

Включение новичков в любое сообщество — процесс неизбежно проблемный. Он сопряжен с нежеланием пускать чужаков на свою территорию, возникновением напряженности в коммуникации между «своими» и теми, кто претендует на аналогичный статус, и т. п. Околоспортивные группы в этом смысле не исключение, но специфика виртуального сообщества в отличие от материализованных «оффлайн»-групп проявляется и здесь, поскольку стремление «закрыть дверь» перед нежелательными участниками в цифровом пространстве гораздо сложнее реализовать. Создание «закрытых» групп лишь в некоторой мере может обеспечить эксклюзивность в том числе и потому, что изоляционизм вступает в конфликт с коммерческими целями интернет-ресурсов, заинтересованных в увеличении трафика.

46

Важным индикатором расширения границ и «увеличения разнообразия» фандомов служат новые культурные практики, а именно создание собственных культурных продуктов, которые имеют как декларативно-презентационное значение, так и обеспечивают знаково-символический уровень интеграции фанатской активности. Благодаря этим продуктам в цифровые фандомы массово вовлекаются люди, не принадлежащие к традиционной субкультуре спортивных фанатов. В свою очередь благодаря вовлечению новичков культурные практики цифровых фандомов диверсифицируются, инкорпорируя элементы неспортивных субкультур.

Расширение и диверсификация «креативного потребления», распространение «культуры участия» (participatory culture) в жизни фандомов становятся предметом дебатов и критики [Jenkins,

1 Достаточно вспомнить популярные сайты и форумы, где собираются поклонницы известных футболистов, обсуждающих их прежде всего как звезд шоу-бизнеса. Многие ресурсы для женщин помещают рейтинги «самых красивых», «самых сексуальных» и проч. футболистов мира с выкладкой фотосессий, где они предстают в роли фотомоделей (см., например, <http://www.woman.ru>, www.cleo.ru, www.glamur.ru, www.passion.ru, www.woman.rambler.ru и др.). Даже специализированные медиа и спортивные порталы (Sports.ru, SportFM.ru и др.) размещают аналогичные рейтинги, сопровождая анонсами такого рода: «10 самых красивых футболистов, благодаря которым растет женская аудитория спортивных трансляций» (<http://sportfm.ru/materials/10-samykh-krasivykh-futbolistov-segodnya.html>).

2013, Johnson, 2017; Larsen, Zubernis, 2012; Pearson, 2010]. Изначально в рамках cultural studies принципом бытования любой субкультуры считалось сопротивление культуре доминирующей. Однако «креативное потребление» и «культура участия» подрывают этот принцип, встраивая субкультуру в доминирующую культуру.

Связь культурного производства и потребления рассматривается в ряде классических работ, но приобретает новое звучание в контексте цифровых фандомов. Цифровой фанат в отличие от фаната «классического» потребляет не само зрелище, а медиатекст о зрелище и культурные продукты, которые над медиатекстом надстраиваются. В процессе потребления каждый может стать не только автором, но и «вирусным редактором» (используя «шэры» и «перепосты») комментариев и материалов в социальных сетях, видеороликов на YouTube, «фотожаб», демотиваторов и т. п. В результате диапазон активности участников фандома растет, а их число увеличивается за счет людей из другой, нефанатской среды.

Деятельность вирусного редактора и сопряженные с ней явления (применительно к фанdomам, связанным с литературой и телесериалами) получили название «браконьерства текстовых смыслов», а субъекты этой деятельности — «текстовых браконьеров» [Jenkins, 1992]. Термин подразумевает бесцеремонную переработку авторских текстов для утверждения собственного видения проблемы/ситуации/и проч.; их «отважное» прочтение под углом собственного целеполагания. Термин вполне применим к производству текстов спортивных фандомов. Например, если авторским текстом считать само спортивное соревнование, то любые тексты, комментирующие игру, объясняющие ее проблематику и сюжет, переосмысливающие происходящее на поле и/или экране, репрезентации сюжета в вербальном и/или визуальном варианте, могут рассматриваться как своего рода фанфики¹ и фан-арт.

Проявления соответствующих креативных практик легко обнаружить в создаваемой фанатами атрибутике любимого клуба или своего фандома (логотипы, аватары, коллажи, гимны, кричалки и проч.). Даже поверхностный анализ артефактов выявляет тенденцию размывания культурных границ спортивных фандомов и их слияния с фандомами других субкультур. Часто эпизоды спортивных соревнований или ситуации, связанные с личной жизнью спортсменов, помещают в пространство сюжетов массовой культуры (популярных кино- и анимационных фильмов, телесериалов, компьютерных игр), «разрабатываемых» в неспортивных фандомах. Наиболее популярны образы аниме, Mortal Combat, «Звездных

1 Сленг, от fan fiction.

войн», произведений Дж. Толкина, поттерианы и др. Таким образом не только формируется гибридно-фандомное пространство, но и происходит наделение новыми смыслами спортивного дискурса, как и дискурса массовой культуры в целом.

Впитывая образы из разных сегментов массовой культуры, медиафандомы ее поддерживают. Так, артефакты, созданные фан-обществами, потребляются медиа, которые пользуются субкультурным продуктом в целях инфотейнмента. В этой ситуации интернет-пространство выступает уже не только средой для безвозмездной кооперации фанатов, но и делает результаты фанатского творчества доступными для профессиональных производителей культурных продуктов. Фото- и видеохостинги (например, YouTube) поощряют создание фан-арта посредством предложения монетизации, что увеличивает трафик медиа-ресурсов. Часть фанатов с радостью использует новые возможности цифровых технологий; другие воспринимают трансформацию фан-комьюнити как посягательство корпораций (в нашем случае спортивных организаций и СМИ) на независимое пространство фандома.

48 Проблема креативного потребления/текстового браконьерства/фан-творчества занимает заметное место в работах о медиафандомах. Одни исследователи акцентируют тесную связь потребления и производства со «зрелищной природой индустриального капитализма», с апелляцией к концепции «общества спектакля» Ги Дебора [Sandvoss, 2005]. Другие рассматривают фан-творчество в рамках дискуссий об «экономике дара» (gift economy), противопоставляемой капиталистической экономике и прибыли как драйверу развития. Согласно таким авторам, фанатские сетевые сообщества формируются в процессе одаривания и принятия «даров» [Scott, 2009].

Среди важных характеристик спортивных цифровых фандомов, заимствованных у фандомов других субкультур, фигурируют два особых состояния «переживания» сопричастности к объекту поклонения, которые М. Хиллз, используя терминологию психоанализа, обозначил как «запойное смотрение» (binge-watching) и «ожидание»/«предвкушение». Последнее обычно иллюстрируется коммуникацией любителей определенного телесериала перед началом нового сезона, но в спортивных фандомах найти аналог нетрудно — это обсуждение в сетях предстоящей игры, да и в реальной жизни спортивные болельщики не чужды подобных практик (в доцифровую эпоху они были неотъемлемой частью жизни настоящих «спартаковцев», «динамовцев» и др.). «Запойное смотрение» чаще всего проявляется в спортивных фандомах в форме многократного воспроизведения прошедших игр, как правило, в видеонарезках, выложенных на фанатских сайтах. Хиллз полагает, что совместное переживание указанных состояний получает особое распростра-

нение в цифровых фандомах, поскольку виртуальное пространство позволяет «неотрывно» пребывать в сообществе, практически не возвращаясь в «обычную жизнь» [Hills, 2017a].

Выше мы упоминали, что одной из ключевых проблем fan studies является изучение проблемы личной идентичности в связи с принадлежностью/непринадлежностью к фан-сообществу. Коснемся этого вопроса подробнее в перспективе исследований цифровой идентичности (online identity), опирающихся на идеи технологического детерминизма М. Маклюэна. В случае спортивных фандомов характерная для вопросов идентичности в сообществах оппозиция «мы — они» обостряется соревновательной природой спорта. Идентичность фанатов с неизбежностью предполагает антагонизм по отношению к соперникам, который проявляется нередко ярче и агрессивнее, чем у самих спортсменов.

Наиболее эффективно дифференциации способствует активная включенность индивида в фанатское движение и поддержку команд, предоставляя субъекту надежную систему различения своей/чужой и обеспечивая прочным чувством общности со значимой группой. Сетевой фандом дает большие возможности для реализации указанной дифференциации. Исследователи обращают внимание, что проявления агрессии в дискурсе виртуального фандома многочисленны и весьма экспрессивны, проявляются в расистской, сексистской, реакционной форме. Эту сторону жизни фандомов красноречиво характеризуют термины «фантагонизм» (fantagonism) [Johnson, 2017] и «хейтдом» (hatedom) — под последним понимается объединение людей на основе неприятия и ненависти. Часто хейтдомы находятся в «вассальной зависимости» от базового фандома. Именно «хейтеры» в спортивных фандомах сочиняют оскорбительные кричалки и слоганы про соперников, создают соответствующие демотиваторы и баннеры, посвященные не объекту любви, а объекту ненависти. В хейтдомах выделяется отдельная группа сообществ, ненавидящих не сам объект, а его поклонников, так называемые группы «Hate Dumb» (ненависть к тупым).

В спортивных фандомах сам факт принадлежности к поклонникам определенного клуба зачастую требует выражения ненависти к фанатам других клубов, что далеко не всегда характерно для фандомов другой направленности. Однако не всегда проявления «анти-фанатства» [Theodoroglou, 2017] означают неприятие в повседневной жизни — фанаты разных клубов в реальной жизни могут быть друзьями или родственниками; оппозиция «друг — враг» реализуется прежде всего в околоспортивном дискурсе. Поскольку виртуальная ненависть проявляется в основном вербально, можно говорить о компенсаторной функции, о потенциале замещения агрессивного поведения на трибунах. Виртуальное пространство

позволяет фанатам не только следить за любимыми спортсменами и общаться с себе подобными, но и безопасно демонстрировать коллективную идентичность виртуальными же способами.

Если идентичность «классических» фанатов носила достаточно жесткий и однозначный характер, то для участников медиафандомов она оказывается гораздо более мягкой, множественной. В результате пространство исследовательских возможностей усложняется. Возникает вопрос, насколько релевантно изучать идентичность спортивных фанатов на основе *самоидентификации*, представленной в тех или иных текстах? Этот вопрос и сегодня остается в повестке изучения субкультур.

Важный инструмент, потенциально особенно эффективный для изучения фандомов, предложили в своем исследовании «Секретный мир Ничегонеделанья» («The Secret World of Doing Nothing») Б. Эн и О. Лёфгрен [Ehn, Löfgren, 2010], введя термин «инфра-обыденный» [intra-ordinary]¹ для описания незаметных форм повседневной деятельности, которые трудно «ухватить» и подвергнуть анализу, например мечтание или ожидание. Ряд исследователей полагают, что инфра-обыденное, бессобытийное времяпрепровождение для медиафандомов играет более конститутивную роль, чем производство текстов и иной фан-продукции, поскольку предвкушение и ожидание, происходящие в коммуникации с «соседями» по фандому, укрепляет чувство принадлежности к общей территории.

Обращение к повседневности традиционно рассматривается адептами культурных исследований как сильная сторона своего направления. Критики же, напротив, видят в этом слабость: избыточное внимание к конструкциям повседневной жизни превращает, по их мнению, науку в набор трюизмов, не существенных для познания значимых социальных процессов. Этой линии рассуждений созвучны упреки, которые звучали уже в начале 1990-х. Например, «культурные исследования» утрачивают критическую оптику (в том числе в изучении субкультурных явлений), а сами исследователи встраиваются в доминирующую культуру и теряют аналитическую дистанцию по отношению к объекту изучения. Воздерживаясь от однозначной оценки, можно констатировать, что в первой волне fan studies фандомы рассматривались как «опорные пункты» тех, кто в противостоянии доминирующей культуре «избрал партизанскую тактику в условиях обладания меньшими ресурсами для победы

1 Термин изначально использовался французским писателем Ж. Переком как характеристика определенного типа литературы, произрастающей из «бессобытийной» повседневности; затем стал использоваться и в других областях, например, в психоанализе.

в этой битве» [Gray et al., 2007, p. 2]. Следующее поколение исследователей сосредоточилось на «присущей фанатскому потреблению “имбрикации” медиатекстов (и дополнительных продуктов), т. е. на практике, которые отнюдь не однозначно противостоят логике капитализма, а существуют, скорее, “внахлест” с ней» [Pearson, 2010, p. 86].

Подводя итог беглому рассмотрению феномена околоспортивных фандомов, отметим, что это явление масштабно представлено в отечественных реалиях, но пока изучено слабо. Настоящую статью можно рассматривать как вводную, обзорную «карту» основных вопросов и направлений, которые еще предстоит подвергнуть тщательному топографированию.

Библиография

- Бауман З. (2008) *Текущая современность*, СПб.: Питер.
- Бримсон Д. (2004) *Фанаты: Триумфальное шествие футбольных хулиганов по Европе*, СПб.: Амфора.
- Быховская И.М. (2015) Спорт в «силовом поле» противостояния культуры и цивилизации. Н.О. Осипова (ред.). *Спорт как феномен современной культуры в пространстве междисциплинарных исследований*, Киров: Изд-во ВятГГУ: 6-17.
- Горюнов П.Ю. (2015). *Формальные и неформальные структуры в среде футбольных болельщиков Санкт-Петербурга*. Дис. ... канд. социол. наук, СПб: СПбГУ.
- Дебор Ги (1999) *Общество спектакля*, М.: Логос.
- Козлов В. (2008) *Фанаты. Прошлое и настоящее российского околоспорта*, СПб.: Амфора.
- Люевич И.Ю. (2017) Спортивный медиатекст как репрезентация современной культурной ситуации. *Информационное пространство современного спорта: социокультурные и лингвистические аспекты*, М.: Изд-во РГУФКСМиТ: 112-121. (http://se.sportedu.ru/sites/se.sportedu.ru/files/sbornik_materialov_konferencii_kaf.filologii.2017.pdf)
- Маклюэн М.Г. (2018) *Понимание медиа. Внешние расширения человека*, М.: Кучково поле.
- Cheal D. (2016) *The Gift Economy*, NY: Routledge.
- Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*, Cambridge: Polity Press.
- Ehn B., Löfgren O. (2010) *The Secret World of Doing Nothing*, University of California Press.
- Gray J., Sandvoss C., Harrington C.L. (eds) (2007) *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*, New York: NYU Press.
- Grossberg L. (2010) *Cultural Studies in the Future Tense*, London: Duke Univ. Press.
- Hills M. (2017a) Always-On Fandom, Waiting and Bingeing: Psychoanalysis as an Engagement with Fans' "Infra-Ordinary" Experiences. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 18-24.

Hills M. (2017b) From Fan Culture/Community to the Fan World: Possible Pathways and Ways of Having Done Fandom. *Palabra Clave*, 20 (4): 856-883.

Jacobson B. (2003) The Social Psychology of the Creation of a Sports Fan Identity: A Theoretical Review of the Literature. *Athletic Insight. The Online Journal of Sport Psychology*, 5 (<http://www.athleticinsight.com/Vol5Iss2/FanDevelopment.htm>)

Jenkins H. (2013) *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. Studies in Culture and Communication, N.Y.; London: Routledge.

Jenkins H. (2006) *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*, N.Y.: New York University Press.

Johnson D. (2017) Fantagonism, Franchising, and Industry Management of Fan Privilege. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 395-406.

Larsen K., Zubernis L. (eds) (2012) *Fan Culture: Theory/Practice*, Cambridge.

Pearson R. (2010) Fandom in the Digital Era. *Popular Communication. The International Journal of Media and Culture*, 8 (1): 84-95.

Stein L.E. (2017) Tumblr Fan Aesthetics. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 86-98.

Theodoropoulou V. (2017) “Just to Pique Them”. *Takings Sides, Social Identity and Sport Audiences. The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 221-230.

52 Wiatrowski M. (2011) The Dynamics of Fandom: Exploring Fan Communities in Online Spaces. *The Fourth Annual Folklore and Ethnomusicology Joint University Conference*, Indiana University. (www.academia.edu/491940/The_Dynamics_of_Fandom_Exploring_Fan_Communities_in_Online_Spaces)

References

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*, SPb., Piter.

Brimson D. (2004) *Eurotrashed: The Rise and Rise of Europe's Football Hooligans*, SPb.: Amfora.

Bykhovskaja I.M. (2015) Sport v “silovom pole” protivostojanija kul'tury i civilizacii [Sports in the “force field” of the opposition of culture and civilization]. N.O. Osipova (red.). *Sport kak fenomen sovremennoj kul'tury v prostranstve mezhdisciplinarnyh issledovanij*. Sport as a phenomenon of modern culture in the space of interdisciplinary research], Kirov: Publishing house of VGU: 6-17.

Cheal D. (2016) *The Gift Economy*, NY: Routledge.

Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*, Cambridge: Polity Press.

Ehn B., Löfgren O. (2010) *The Secret World of Doing Nothing*, University of California Press.

Gorjunov P. (2015). *Formal'nye i neformal'nye struktury v srede futbol'nyh bolel'nikov Sankt-Peterburga. Dis. ... kand. sociol. n., SPb: SPbGU [Formal and informal structures among football fans in St. Petersburg. Dis. ... kand. sociol. n., SPb: SPbSU.*

Gray J., Sandvoss C., and Harrington C.L. (Eds.) (2007). *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*, New York: NYU Press.

- Grossberg L. (2010) *Cultural Studies in the Future Tense*, London: Duke Univ. Press
- Hills M. (2017a) Always-On Fandom, Waiting and Bingeing: Psychoanalysis as an Engagement with Fans' "Infra-Ordinary" Experiences. Click M.A., Scott S. (Eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 18-24.
- Hills M. (2017b). From Fan Culture/Community to the Fan World: Possible Pathways and Ways of Having Done Fandom. *Palabra Clave*, 20(4), 856-883.
- Jacobson B. (2003) The Social Psychology of the Creation of a Sports Fan Identity: A Theoretical Review of the Literature. *Athletic Insight. The Online Journal of Sport Psychology*, 5 (1-2). <http://www.athleticinsight.com/Vol5Iss2/FanDevelopment.htm>.
- Gray J., Sandvoss C., Harrington C.L. (eds) (2007) *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*, New York: NYU Press.
- Grossberg L. (2010) *Cultural Studies in the Future Tense*, London: Duke Univ. Press.
- Hills M. (2017a) Always-On Fandom, Waiting and Bingeing: Psychoanalysis as an Engagement with Fans' "Infra-Ordinary" Experiences. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 18-24.
- Hills M. (2017b) From Fan Culture/Community to the Fan World: Possible Pathways and Ways of Having Done Fandom. *Palabra Clave*, 20 (4): 856-883.
- Jacobson B. (2003) The Social Psychology of the Creation of a Sports Fan Identity: A Theoretical Review of the Literature. *Athletic Insight. The Online Journal of Sport Psychology*, 5 (<http://www.athleticinsight.com/Vol5Iss2/FanDevelopment.htm>)
- Jenkins H. (2013) *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. Studies in Culture and Communication, N.Y.; London: Routledge.
- Jenkins H. (2006) *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*, N.Y.: New York University Press.
- Johnson D. (2017) Fantagonism, Franchising, and Industry Management of Fan Privilege. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 395-406.
- Kozlov V.Y. (2008). *Fanaty. Proshloe i nastojawie rossijskogo okolofutbola*. SPb.: Amfora SPbGU [The fans. Past and present of Russian NearFutbol], SPb: Amphora.
- Larsen K., Zubernis L. (eds) (2012) *Fan Culture: Theory/Practice*, Cambridge.
- Ljulevich I.Y. (2016) Sportivnyy mediatekst kak reprezentatsiya sovremennoy kul'turnoy situatsii. *Informatsionnoye prostranstvo sovremennogo sporta: sotsiokul'turnyye i lingvisticheskiye aspekty*, M.: Izd-vo RGUFKSMiT: 112-121. (http://se.sportedu.ru/sites/se.sportedu.ru/files/sbornik_materialov_konferencii_kaf.filologii.2017.pdf) [Sport media text as a representation of the contemporary cultural situation. *Information space of modern sports: sociocultural and linguistic aspects*, Moskow, Publishing house of RGUFKSMiT: 112-121.
- McLuhan M. (2018) *Understanding Media: The Extensions of Man*, M., Kuchkovo pole.
- Pearson R. (2010) Fandom in the Digital Era. Popular Communication. *The International Journal of Media and Culture*, 8 (1): 84-95.
- Stein L.E. (2017) Tumblr Fan Aesthetics. M.A. Click, S. Scott (eds). *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 86-98.

Theodoropoulou V. (2017) "Just to Pique Them". Takings Sides, Social Identity and Sport Audiences. *The Routledge Companion to Media Fandom*, Routledge: 221-230.

Wiatrowski M. (2011) The Dynamics of Fandom: Exploring Fan Communities in Online Spaces. *The Fourth Annual Folklore and Ethnomusicology Joint University Conference*, Indiana University. (www.academia.edu/491940/The_Dynamics_of_Fandom_Exploring_Fan_Communities_in_Online_Spaces)

Рекомендация для цитирования / For citations:

Быховская И.М., Люлевич И.Ю. (2018) Фандомы — сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении. *Социология власти*, 30 (2): 40-54.

Bykhovskaya I.M., Lyulevich I.Yu. (2018) Fandoms — Communities of the Digital Age: Hybrid Culture in the "NearSports" Dimension. *Sociology of Power*, 30 (2): 40-54.

Поступила в редакцию: 15.05.2018; принята в печать: 22.06.2018

КОНСТАНТИН А. БОЧАВЕР, АЛЕКСАНДРА О. САВИНКИНА

Московский институт психоанализа, Россия

К вопросу о феномене групповой сплоченности в спорте: анализ методологических подходов

В статье рассматривается феномен сплоченности спортивной команды. Анализируются классические и современные исследования сплоченности, описываются закономерности формирования сплоченной команды и риски ее функционирования. Статья предоставляет возможность посмотреть на сплоченность как динамическую характеристику и сопоставить методы ее измерения и поддержки. Авторы развивают идею, что феномен сплоченности носит комплексный характер; в нем сочетаются повседневное знание, временная динамика, эффективность совместной деятельности, мотивационное и ценностное единство, совместимость членов группы и эмоциональная привязанность. Представленные в статье данные могут использоваться для анализа спортивных команд и иных подобных групп, при подготовке эмпирических исследований, а также для разработки психологических интервенций.

55

Бочавер Константин Алексеевич — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией «Психология спорта» Московского института психоанализа, психолог Сборной России по скалолазанию и Академии киберспорта М19. Куратор российского сектора Европейского союза спортивных психологов ENYSSP. E-mail: konstantin.bochaver@gmail.com

Савинкина Александра Олеговна — научный сотрудник лаборатории «Психология спорта» Московского института психоанализа, младший научный сотрудник Института медико-биологических проблем РАН, начальник отдела психофизиологии академии автоспорта SMP Racing. Член Европейского союза спортивных психологов ENYSSP. E-mail: sashkasav@gmail.com

Konstantin A. Bochaver — PhD in psychology, head of the laboratory “Sport.Psy.Lab” at the Moscow Institute of Psychoanalysis, psychologist of the Russian climbing Team and the Academy of e-sports M19. Curator of the Russian sector of the European Union of sports psychologists ENYSSP. E-mail: konstantin.bochaver@gmail.com

Alexandra O. Savinkina — researcher at the laboratory “Sport.Psy.Lab” at the Moscow Institute of Psychoanalysis, Junior researcher at the Institute of biomedical problems of RAS, head of psychophysiology department of the Academy of Motorsport SMP Racing. Member of the European Union of sports psychologists ENYSSP. E-mail: sashkasav@gmail.com

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-313-00184 «Сплоченность команды и тревожность спортсменов в ситуации соревновательного стресса»).

Acknowledgments: The study supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 18-313-00184 “Team cohesion and athletes’ anxiety in the competitive stress situation”).

Структурно и содержательно статья является аналитической. Первая часть посвящена проблемам повседневного понимания сплоченности в социальных группах, связанных со спортом. Вторая часть касается методов определения, оценки и верификации сплоченности в конкретных командах; третья часть связывает понятия сплоченности и деятельности, раскрывая суть основных теоретических подходов к изучению данного феномена; четвертая, заключительная часть, описывает основные параметры внутригрупповой совместимости.

Работа имеет методическую направленность, так как описанные подходы, теории и методы могут быть интегрированы в конкретных социологических, психологических и иных исследованиях, а также стать основой прикладных средств формирования сплоченной группы.

Ключевые слова: групповая динамика, деятельность, диагностика, единство, интервенция, команда, малая группа, мотивация, психология спорта, социальная психология, сплоченность, спорт, цель, ценности

Konstantin A. Bochaver, Alexandra O. Savinkina, Moscow Institute of Psychoanalysis, Russia

On the Phenomenon of Group Cohesion in Sports: An Analysis of Methodological Approaches

56

The article deals with the phenomenon of sports team cohesion. Classical and modern studies of cohesion are analyzed, the regularities of formation of a cohesive team and the risks of its functioning are described. The article provides readers with an opportunity to look at cohesion as a dynamic characteristic and compare the methods of its measurement and support. The central idea of the article is the complex nature of the phenomenon of cohesion, which combines everyday knowledge, time dynamics, efficiency of joint activities, motivational and value unity, compatibility of group members and emotional attachment. The data presented in the article can be used for the analysis of sports teams and other similar groups, in the preparation of empirical studies, as well as for the development of psychological interventions.

Structurally and substantively the article is analytical: the first part of the article is devoted to the problems of everyday understanding of cohesion in social groups related to sports; the second part deals with methods for determining, assessing and verifying cohesion in specific teams; the third part connects the concepts of cohesion and activity, revealing the essence of the main theoretical approaches to the study of this phenomenon; the fourth, final part, describes the main parameters of intra-group compatibility.

The proposed work has a methodological orientation, as the described approaches, theories and methods can be integrated into specific sociological, psychological and other studies, as well as become the basis of applied means of forming a cohesive group.

Keywords: group dynamics, activity, diagnostics, unity, intervention, team, small group, motivation, sports psychology, social psychology, cohesion, sport, goal, values

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-55-82

Введение

Проблема сплоченности спортивной команды изучается с момента возникновения спортивной психологии, т. е. с первых конгрессов, инициированных Пьером де Кубертенем в 1910-х годах, однако до сих пор остается дискуссионной. Причины тому относительно ясны. Во-первых, психология спорта — преимущественно прикладная, а не фундаментальная область научного знания, в силу чего можно говорить о ее эклектичности, обусловленной взаимодействием новейших и классических подходов. Во-вторых, полевые эксперименты и исследования, проводимые на реальных спортивных командах, порой противоречивы, в силу чего единого мнения, например о благоприятных факторах и рисках для сплоченности, просто нет. В-третьих, говоря о высших достижениях в спорте, мы часто стоим перед тем, чтобы отказаться от количественных методов в пользу идиографического качественного подхода, поскольку на уровне рекордов принципиально важными становятся индивидуальные особенности, а не общие закономерности.

В данной обзорной статье предпринимается попытка системно описать феномен спортивной сплоченности с разных позиций: сплоченность как знание здравого смысла и естественная категория обиходной речи, как измеримая верифицируемая переменная, как процесс развития команды и социально-психологический феномен единства целей и ценностей членов группы.

57

1. Командный дух: социальные представления о групповой сплоченности в спорте

«Пока мы едины, мы непобедимы! Один за всех и все за одного!»: как правило, говоря о сплоченной спортивной команде, мы представляем себе подобные «кричалки» и круг обнявшихся спортсменов, которые настраиваются на результативную игру. В действительности сплоченность — не только динамическая характеристика группы (которая бывает нужна здесь и сейчас), так называемый командный дух, но скорее многослойная композиция, включающая в себя взаимодействие в спорте и вне его, согласованную работу, синергию ценностей и мотиваций членов команды. Сплоченность касается не только спортсменов, но и широкого круга лиц: команды помощников (staff) от тренера до массажиста, персон, охваченных медиа-активностью (фанаты, болельщики), значимых людей вне спортивной деятельности (друзья, партнеры, родители и дети).

Саму группу, или коллектив спортсменов, можно определить следующим образом: «объединение двух или более лиц, которые обладают общей идентичностью, имеют общие цели и задачи, раз-

деляют общую судьбу, демонстрируют структурированные закономерности взаимодействия и общения, имеют общие представления о структуре группы, инструментально взаимозависимы, испытывают взаимное межличностное влечение и считают себя группой» [Carron, Hausenblas, 2005, p. 13].

Такой подход к группе раскрывает разнообразие переменных, в которых проявляется сплоченность или разобщенность: от эффективности интеракций до эмоциональной привязанности. Однако в повседневной жизни и работе спортсмены и тренеры часто пользуются «знанием здравого смысла», социальными представлениями о сплоченности и в своих оценках отталкиваются от них. Подобные представления, согласно С. Московичи, близки к классическому отечественному термину, установкам Д.Н. Узнадзе, и описываются в современной психологии спорта как attitudes, феномен предрасположенности к определенным действиям.

58 Приведем пример из психологической практики. В ходе практической работы зачастую одной из отправных точек в понимании сплоченности конкретного коллектива становится не только диагностическая оценка (описанная далее в одноименном разделе), но и «живое», метафорическое понимание сплоченности самими членами группы. Так, в соответствии с социологическими работами Д. Лакоффа [Лакофф, Джонсон, 2004] и коллег, мы иногда предлагаем группе сконструировать рабочую метафору идеально сплоченной команды. Чаще всего предлагают образы животных (тотемные волк, медведь, многоглавый дракон и проч.), стихий и сил природы (цунами, пожар, эпидемия), конструкций (непоколебимая стена, автомат Калашникова), а также иные примеры заведомо сплоченных групп (военный отряд, пираты, семья).

Детальный анализ подобных образов позволяет совместными усилиями выработать дорожную карту повышения сплоченности и выявить зону риска конкретной команды, например, высокую конфликтность членов группы, предсказуемость действий в спорте, нехватку авторитета и проч. Как показывает практика, объединяя теоретические подходы к сплоченности с подобными установками, можно достаточно быстро решить проблемы разобщенности.

Смысловое поле сплоченности в социальных представлениях наших соотечественников описывается рядом синонимов. Сплоченность — это единство, спаянность, слитность, единение, скованность, единомыслие, сомкнутость, монолитность, дружность, организованность, связанность, чувство локтя. Очевидно, ядерным концептом сплоченности выступает именно метафора тесной связи нескольких объектов и строительства команды (буквально team building).

В зарубежной и отечественной практике повышение сплоченности часто определяется через метафору зодчества, строительства команды. В результате сплоченность (социальная сплоченность), *cohesion*, реализуется как «динамический процесс, связанный с тенденцией членов группы оставаться вместе, чувствовать себя объединенными в достижении конкретных целей и испытывать удовлетворение от принадлежности к группе» [Tenenbaum, Eklund, Kamata, 2012, p. 411].

Представления о сплоченности в спортивной команде связаны и временной динамикой. С одной стороны, ресурсом сплоченности выступает «сыгранность», то есть общее прошлое, продолжительный опыт совместной деятельности; с другой стороны, сплоченность может быть основана на единстве цели, идеального будущего, грядущей победы на соревнованиях [Paskevich et al., 2001]. Подобным примером ориентации на будущее («стать чемпионами») можно назвать сплоченную работу сборной СССР по хоккею, которая ставила перед собой задачу победить сборную США.

59

Рис. 1. «Красная машина»: сборная СССР по хоккею как непревзойденный образец «командного духа».

Fig. 1. “Red machine”: the USSR national hockey team as an unsurpassed example of “team spirit”.

Командную работу советских хоккеистов описывали устойчивой метафорой «Красной машины» (Red machine). Этот образ фиксировал непоколебимость коллектива, будто лишённого человеческих слабостей (капитану сборной США принадлежит комментарий: «Они были как роботы. Когда они забивали шайбу, они даже не улыбались»).

Итак, сплоченность по-разному понимается в спорте, но чаще всего служит интуитивно понятной метафорической характеристикой; сплоченность обладает определенной динамикой и считается сильной стороной команды, которая ею обладает¹.

2. Верификация сплоченности: подходы к диагностике

Научно-практической задачей спортивного психолога в аспекте командной сплоченности выступает точное понимание состояния группы и повышение эффективности ее деятельности. В целях точного определения уровня сплоченности в России и за рубежом традиционно используются количественные методы, в первую очередь опросники и тесты. Как правило, за основу берутся шкалы групповой интеграции (синергия действий) и персональной аттракции (симпатии/антипатии), описанные ниже в модели Кэррона (таблица 1).

Таблица 1. Наиболее распространенные инструменты для измерения сплоченности в спорте
Table 1. The most common tools for measuring cohesion in sports

Название и структура	Выходные данные
Sport Cohesiveness Questionnaire SCQ* Открытые вопросы, 7 пунктов	Martens R., Landers D.M., Loy J.W. (1972) Sport cohesiveness questionnaire. <i>Unpublished manuscript</i> , University of Illinois, Champaign, IL.
Multidimensional Sport Cohesion Instrument MSCI* 4 шкалы, 22 пункта	Yukelson D., Weinberg R., Jackson A. (1984) A multidimensional group cohesion instrument for intercollegiate basketball teams. <i>Journal of Sport Psychology</i> , 6 (1): 103-117.

1 Интересно, что в одиночных видах спорта, где спортсмены, вошедшие в национальную сборную, являются прямыми конкурентами, сплоченность не всегда имеет однозначно положительный оттенок. Известны случаи, когда страна становилась результативной в определенном виде спорта, если тренировки будущих чемпионов были организованы как постоянная конкурентная борьба равных по силам фаворитов.

Group Environment Questionnaire GEQ* 4 шкалы, 18 пунктов	Eys M.A. et al. (2007) Item wording and internal consistency of a measure of cohesion: The Group Environment Questionnaire. <i>Journal of Sport and Exercise Psychology</i> , 29 (3): 395-402.
Physical Activity Group Environment Questionnaire PAGEQ* 4 шкалы, 21 пункт	Estabrooks P.A., Carron A.V. (2000) The Physical Activity Group Environment Questionnaire: An instrument for the assessment of cohesion in exercise classes. <i>Group Dynamics: Theory, Research, and Practice</i> , 4 (3): 230.
Youth Sport Environment Questionnaire YSEQ* 2 шкалы, 18 пунктов	Eys M. et al. (2009) Development of a cohesion questionnaire for youth: The Youth Sport Environment Questionnaire. <i>Journal of Sport and Exercise Psychology</i> , 31 (3): 390-408.
Социометрия (и ее модификации, в частности, референтометрия, где респонденты угадывают оценки других членов команды)	Морено Я.Л. и др. (2001) Социометрия: <i>Экспериментальный метод и наука об обществе</i> , М.: Академический проект.
Методика диагностики сплоченности спортивной команды	Савинкина А.О. (2015) Методика диагностики сплоченности спортивной команды (на примере футбола). <i>Спортивный психолог</i> , 4: 69-75.
Гомеостат Экспериментальный приборный метод	Ashby W.R. (1959) <i>Introduction to Cybernetics</i> , Chapman & Hall.
Тестирование коллектива по А.Н. Лутошкину	Лутошкин А.Н. (1988) <i>Эмоциональные потенциалы коллектива</i> , М.: Педагогика.

*** На момент выхода настоящей статьи отмеченные тесты официально не переведены и, судя по всему, не использовались в России.**

Приведенный в таблице 1 перечень далеко не полон, но дает представление о разнообразии методов диагностики сплоченности. Остановимся на некоторых инструментах и рассмотрим их подробнее. Распространение в России получил тест для определения индекса групповой сплоченности Сисшора-Ханина, хотя подобные инструменты не обладают спортивной спецификой и с равным успехом применяются в образовании, управлении персоналом. Не меньшей универсальностью обладают и другие проективные тесты, например, модифицированный тест Люшера или рисуночный тест Пипа Уилсона («Человечки на дереве»).

Специфические диагностические инструменты начинают складываться в 1970-х годах в период расцвета пресловутой «Красной машины». К числу первых тестов относится Sport Cohesiveness Questionnaire (SCQ). Респондентам предлагается оценить воспринимаемую ими сплоченность с точки зрения дружбы (межличностное влечение, аттракция), личной силы или влияния на команду, удовольствия от пребывания в команде, дистанции (близости) между членами группы, командной работы, чувства принадлежности группе и воспринимаемой ценности членства в группе. Несмотря на поверхностную правдоподобность и содержательность, этот тест никогда не был адекватно валидизирован для работы со спортсменами [Tenenbaum, Eklund, Kamata, 2012].

62

К числу неординарных инструментов относится модифицированный гомеостат психиатра и одного из основателей кибернетики Уильяма Эшби. Устройство позволяет оценить эффективность взаимодействия малой группы (в исходной версии до четырех человек) на основании их способности поддерживать равновесие шкал, не прибегая к прямой коммуникации. Этот прибор в модифицированном виде до сих пор используется для оценки сплоченности военных подразделений, экипажей МКС и спортивных команд.

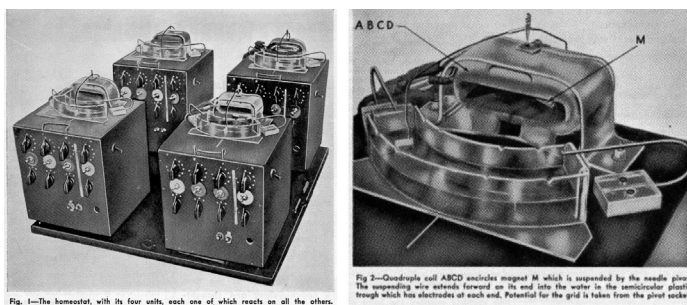

Рис. 2. Оригинальный аналоговый гомеостат, который разработал Уильям Эшби, — прибор для повышения синергии усилий в малой группе.

Fig. 2. The original analog homeostat was developed by William Ross Ashby as a device to enhance synergy of efforts in a small group.

Чаще всего для оценки сплоченности используются инструменты социометрии — это классический метод, предложенный Якобом Морено [Moreno, 1934]. Получаемая социограмма отражает сплоченность группы как интегральную оценку взаимной приязни/неприязни ее членов.

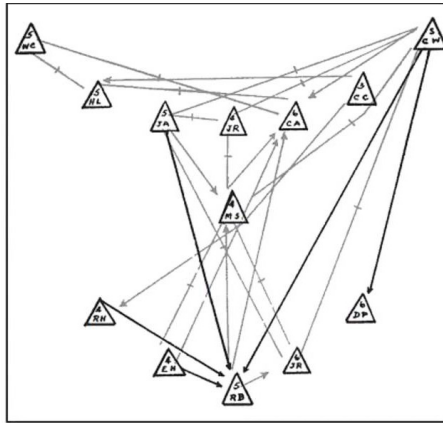

Рис. 3. Одна из первых спортивных социограмм, на которой Якоб Морено отразил позитивное и негативное отношение футболистов друг к другу.

Fig. 3. An early sociogram of the football team, in which Jacob Moreno reflected the positive and negative attitude of the players to each other.

Метод получил развитие в виде модификаций, например, референтограмма предлагает членам команды представить, какие оценки им выставили другие. Однако социометрия не отражает всей полноты феномена сплоченности. Как показано в работах, легших в основу теории коллектива А.В. Петровского, «подлинная сплоченность» — это не только эмоциональные связи членов группы, но единство их целей и ценностей, что созвучно зарубежным представлениям об ориентации на группу и задачу. Идеи А.В. Петровского получили развитие в современной психологии спорта, и результатом объемного эмпирического исследования стала «Методика диагностики сплоченности спортивной команды». Она показывает, как происходит синергия индивидуальных установок членов команды. С ее помощью можно оценить, насколько совпадает понимание футболистами целей и спортивно-значимых качеств команды перед решающим матчем [Савинкина, 2015].

Таким образом, сплоченность команды подлежит оценке, которую можно дифференцировать шкальными методиками и верифицировать на основе экспериментальных или иных неопросных процедур. В формате тренинга или иной интервенции достаточно надежным показателем сплоченности может, по нашему мнению,

выступать временной промежуток, затрачиваемый группой на выполнение тех или иных командных заданий.

3. Сплоченность и деятельность: объединение общим делом

Практически в каждой области, связанной с экстремальными групповыми нагрузками и рисками, есть понимание сплоченности как согласия в совместной деятельности. Спорт, особенно спорт высоких достижений, не исключение. Знаменитый футболист «Арсенала» Тьерри Анри так оценивал результативную игру: «Ты просто не можешь ставить индивидуальные задачи выше командных. Никогда». По этой причине в древней Спарте равно карали как бежавших от врага воинов, так и вырвавшихся вперед.

Рис. 4. Хрестоматийный пример командной сплоченности и боевого духа: регбийная команда Новой Зеландии «All Blacks» исполняет боевой танец маори перед каждым матчем.

Fig. 4. A classic example of team unity and fighting spirit: the new Zealand Rugby team “All Blacks” perform a māori battle dance before each match.

Самая распространенная за рубежом модель сплоченности спортивной команды (модель Кэррона) строится на двух показателях [Carroll, Brawley, 2000]: 1) стремление членов команды выполнить поставленную задачу (task cohesion, сплоченность задачей) и 2) потребность членов команды формировать и поддерживать межличностные связи (social cohesion, социальная сплоченность). Каждый из показателей важен с точки зрения групповой интеграции (group integration, восприятие каждым членом группы степени ее един-

ства) и личной привязанности (individual attraction, факторы, вдохновляющие каждого члена команды в ней оставаться). Комбинируя элементы, А. Кэррон строит четыре комбинации, которые используются и в диагностике, и в интервенциях:

- групповая интеграция в отношении задачи (group integration-task GI-T);
- групповая интеграция в отношении социальной сплоченности (group integration-social GI-S);
- личная привязанность в отношении задачи (individual attractions to the group-task ATG-T);
- личная привязанность в отношении социальной сплоченности (individual attractions to the group-social ATG-S).

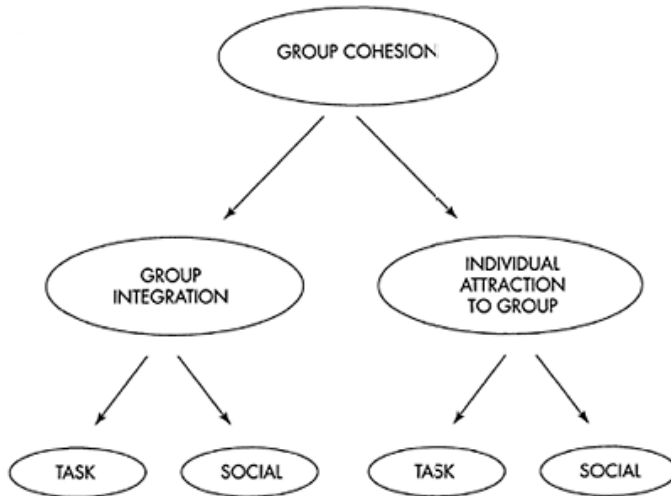

Рис. 5. Модель групповой сплоченности Кэррона.
Fig. 5. Carron's group cohesion model.

Согласно автору модели, сплоченность задач и социальная сплоченность соответствуют тому, что в обиходе называют командной работой и командным духом. Таким образом, мы можем операционализировать понятия из области социальных представлений, о которых говорили выше.

Положительная связь групповой сплоченности с эффективностью спортивной команды не ставится под сомнение большинством тренеров и психологов [Spink, 1992; Bloom, Stevens, Wikwire, 2003; Кардялис, Александрович, 2005; Грецов, 2006; Хотулева, 2009; Шалар, Снопина, Стрикаленко, 2010; Иноземцева, Матросова, 2011; Шериф, 2011]. Однако эмпирически показано, что сплоченность малой группы не всегда является залогом высокой продуктивности [Мартенс, 1979; Кричевский, Дубовская, 2009; Макаров,

2010]. Кроме того, в практике спорта встречаются примеры, когда сплоченность отрицательно сказывается на результативности, особенно в профессиональных командах [Волков, 2002; Уэйнберг, Гоулд, 2001].

Два теоретических подхода рассматривают сплоченность как эмоциональный феномен [Кричевский, Дубовская, 2009]. Согласно первому подходу, сплоченность понимается «как такое групповое свойство, которое является производным от количества и силы взаимных позитивных установок членов группы» [определение Lott, Lott, 1965, p. 259; цит. по Кричевский, Дубовская, 2009, с. 146]. Во втором подходе под сплоченностью понимают «общее поле сил, воздействующих на членов, чтобы те оставались в группе» [определение Festinger, Schacter, Back, 1950; цит. по Уэйнберг, Гоулд, 2001, с. 119]. Иными словами, в первом случае сплоченность понимается как межличностная аттракция, во втором — как мотивация группового членства.

66 Хотя указанные подходы по-разному понимают сущность групповой сплоченности, между ними больше сходств, чем различий. Во-первых, они акцентируют внимание на преимущественно эмоциональной стороне феномена. Во-вторых, исследования в рамках обоих подходов базируются на сходных методах — с использованием опросников об уровне симпатии к малой группе и ее членам или с помощью социометрии¹. В-третьих, в двух описанных подходах есть разделение эмоциональных отношений в малой группе на непосредственно эмоциональные (или социальные) и деловые (обусловленные заданием). Дальнейшие исследования показали, что непосредственная эмоциональная сплоченность и деловая сплоченность имеют разную по направлению связь с эффективностью спортивных команд. Деловая сплоченность положительно связана с результатом, эмоциональная — отрицательно [Кретти, 1978; Параносич, Лазаревич, 1977; Уэйнберг, Гоулд, 2001; Волков, 2002]. Исследование 53 баскетбольных команд также показало, что виды командной сплоченности, обусловленные заданием, имеют прямую, а основанные на личных симпатиях к партнерам — обратную связь с результативностью индивидуальных и командных игровых действий [Вавилов, 2009]. Бóльшая роль деловых отношений (в сравнении с эмоциональными) в эффективности деятельности малой группы подтверждена и рядом других исследований [Предвечный, Шерковин, 1975; Кричевский, Смирнова, 1981; Ханин, Буланова,

1 При этом остается нерешенным вопрос, какая методика оптимальна для определения уровня сплоченности, разные методики на материалах одних и тех же групп дают противоречивые данные.

1981]. Однако в других исследованиях, напротив, благоприятные эмоциональные отношения были положительно связаны с эффективностью деятельности волейболисток [Казаков, 2011].

Социальные психологи предлагают учитывать при анализе сплоченности малой группы «общность системы ценностных ориентаций, целей, норм, установок, присущей всей группе как единому целому» [Петровский, 1979, с. 54]. Такой — деятельностный — подход понимает сплоченность как ценностно-ориентационное единство малой группы. Петровский, развивавший данное направление, в качестве показателя групповой сплоченности предлагал изучать ценностно-ориентационное единство группы, являющееся «интегральной характеристикой системы внутригрупповых связей, отражающее уровень, или степень, совпадения мнений, оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам (целям деятельности, лицам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом» [Петровский, 1979, с. 230].

Проводя аналогию между стратометрической¹ концепцией А.В. Петровского и историей изучения групповой сплоченности, можно отметить, что исторически первое понимание сплоченности как взаимных симпатий и эмоциональной принадлежности к группе соответствует третьему поверхностному слою отношений в малой группе. (Вспомним подход Я. Морено, описанный выше, согласно которому именно этот поверхностный слой был основным в понимании сплоченности.) Ценностно-ориентационное единство группы выступает как референт второй страты — отношений, опосредованных содержанием совместной деятельности [Андреева, 2003].

Одной из методологических проблем в данной работе становится соотнесение теории с эмпирическими результатами сплоченных и разобщенных команд. Коротко изложим часть материалов, подтверждающих достоинства стратометрического подхода и в практике. Проведенный нами анализ взаимосвязи сплоченности с эффективностью групповой деятельности показал, что социометрическая сплоченность не связана ни со спортивной продуктивностью, ни с социально-психологической успешностью футбольной команды. Это относится к социометрии и по эмоциональному, и по деловому критериям (рис. 6). При этом ценностное единство команды связано со спортивной эффективностью, а наиболее сильная связь спортивной продуктивности выявлена в отношении целевого единства команды.

1 Ниже мы используем как синонимы термин «слой сплоченности» и предложенный А.В. Петровским термин «страты».

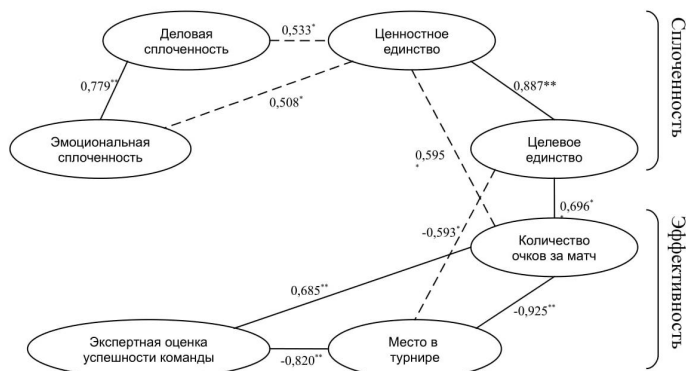

Рис. 6. Связь между различными видами сплоченности футбольной команды и показателями ее эффективности.

Примечание: * (**) — корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$ ($p \leq 0,01$).

Fig. 6. The relationship between different types of football team cohesion and its performance indicators.

68

Полученные данные согласуются со стратометрической концепцией А.В. Петровского и подтверждают ее справедливость в отношении продуктивности футбольных команд. Согласно полученным данным, продиагностированные виды сплоченности соответствуют разным стратам внутригрупповых отношений (рис. 7) [Савинкина, Блеер, 2017].

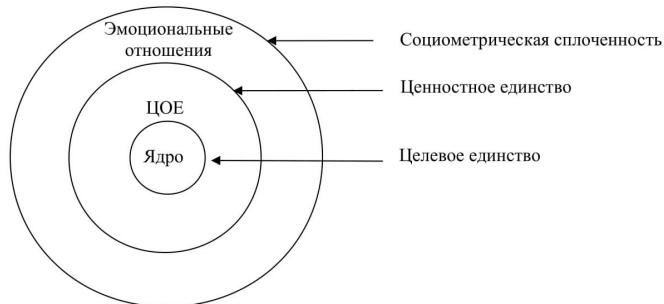

Рис. 7. Соответствие страт в концепции А.В. Петровского (слева) и видов сплоченности (справа).

Fig. 7. Correspondence of strata in the concept of A.V. Petrovsky (left) and types of cohesion (right).

Таким образом, феномен сплоченности в спортивной команде может изучаться как с позиции отношений и установок («командная работа» и «командный дух» на схеме Кэррона), так и с позиций деятельностного подхода (пересмотренная стратометрическая концепция А.В. Петровского).

4. Сходство или дополнение: проблема совместимости членов команды

Методологически сплоченность может быть описана через деятельность, эмпатические связи членов группы, ценностное и целевое единства. Однако в отечественной и зарубежной социальной психологии спорта остается еще одна сторона сплоченности, пока не раскрытая в настоящей работе. С центральным понятием «сплоченность» феноменологически связано также понятие совместимости, отражающее, насколько «подходят друг другу» члены команды. Успешность совместной работы спортсменов определяется в том числе составом группы и совместимостью ее участников [Немов, 1984; Огородова, 2017]. Существует множество трактовок «совместимости». Обобщая, можно определить совместимость как оптимальное сочетание разнообразных психологических характеристик партнеров по взаимодействию, приводящее к высокой эффективности [Обозов, Обозова, 1981; Сигал, Александров, Хоменко, 2009; Нерсесян, 2011]. Высокий интерес к проблемам совместимости в командных видах спорта связан прежде всего с включением психодиагностики в процесс отбора и комплектования команды, игрового звена и т. д. [Кожанова и др., 2015].

69

Говоря о совместимости, стоит разграничивать психофизиологическую, психологическую и социально-психологическую ее разновидности.

1. Психофизиологическая совместимость (или биологическая, функциональная) — это соотношение психофизиологических характеристик людей: скорость реакции, согласованность эмоциональных и поведенческих реакций, синхронизация темпа совместной деятельности, свойств темперамента. Сюда же относят оптимальное соотношение членов команды по уровню возбуждения-торможения, инертности-подвижности, силы-слабости нервной системы и др. [Коломейцев, 1984; Гончаров, 2017].

На биологическом уровне совместимость может заключаться в схожести течения нервных процессов, при котором в сложной ситуации включаются одни и те же нервно-психические механизмы, и люди реагируют сходным образом. Аналогичный «биологический резонанс» нередко наблюдается у близнецов, однако встречается не только у них [Чибрикина, 2006].

Повышенное значение придается психофизиологической совместимости в таких видах спорта как гимнастика, фигурное катание, акробатический рок-н-ролл и др., где действия спортсменов должны быть максимально синхронизированы [Хацкалева, 2015; Гринь, 2017]. В частности, эффективность выступлений в групповых упражнениях по художественной гимнастике связывается

со сходством психофизиологических особенностей гимнасток, куда входят активность анализаторов, уровень координационных и выразительных способностей, ловкость, точность дифференцировки мышечных усилий и восприятия пространственных параметров движения [Украинец, 2007]. Совместимость спортсменок, занимающихся баскетболом, связана с одинаковым чувством времени [Бабушкин, 2005; Девяткина, 2005].

Психофизиологическая однородность не всегда является залогом эффективности. В малых группах партнеры с подвижной нервной системой неуживчивы. Также в условиях взаимозависимой деятельности может возникать рассогласование в действиях членов группы в силу инертности одного и излишней подвижности другого партнера [Третьяков, 2005]. Действительным же препятствием на пути работы несовместимых на первый взгляд групп является неадекватная, противоречивая и конфликтная система взаимоотношений, порождаемая индивидуально-психологическими различиями ее членов. При специальной предварительной подготовке, направленной на обучение способам быстро и бесконфликтно наладить в группе нормальные межличностные отношения, несовместимые группы становятся более эффективными, чем потенциально совместимые [Немов, 1984; Бабушкин, 2005; Воробьев, Брынзак, 2009].

70

2. Следующий уровень совместимости членов малой группы — **психологическая совместимость** (или личностная, межличностная), под которой понимают наилучшее сочетание психических качеств: устойчивости внимания, объема оперативной памяти, быстроты принятия решений, свойств характера, интеллекта, способности к сопереживанию, мотивационных и личностных особенностей и др.

Гетерогенные по мотивации достижения успеха и уровню притязаний баскетбольные команды выступают успешнее, чем гомогенные. Это связано с тем, что игроки с низким уровнем притязаний больше полагаются (т. е. дают чаще передачи) на игроков с более высокой потребностью в достижении, которые могут забросить мяч в корзину [Кретти, 1978]. Футбольные команды показывают более высокие результаты при гетерогенном по мотивации избегания неудач. Однако это верно только для сплоченных команд. Недавно сформированные футбольные команды играют лучше, если все игроки имеют сходную мотивацию избегания неудачи, что обусловлено меньшей конфликтностью таких групп [Савинкина, 2015].

С высокой эффективностью связывают, однако, гомогенность по психологическим качествам экстраверт-экстраверт, сенсорик-сенсорик, избирательности и концентрации внимания, по уровню тактического мышления и общего интеллекта [Бабушкин, 2005; Девяткина, 2005]. Диады с разным уровнем тревожности-адаптивно-

сти менее эффективны, так как в них чаще возникают конфликты [Воробьев, Брынзак, 2009].

3. Социально-психологическая совместимость (или социальная, социологическая) заключается в оптимальном соотношении потребностей, ценностей, ценностных ориентаций, целей, мотивов, интересов и социальных установок членов группы. К данному виду совместимости относят также сочетание социальных ролей и склонностей индивидов к выполнению тех или иных функций в команде; понимание и соблюдение (или не соблюдение) определенных норм поведения и др. [Коломейцев, 1984; Чибрикина, 2006; Шлемова и др., 2011; Гончаров, 2017].

С одной стороны, благоприятные отношения в команде способствуют высоким результатам [Петровский, 1979; Шалар, Снопина, Стрикаленко, 2010]. С другой, спортивные коллективы, которые принято считать бесконфликтными, реже добиваются высоких результатов, чем коллективы, где бывают серьезные разногласия [Чибрикина, 2006]. Связь между эмоциональной близостью членов групп и успешностью их деятельности носит криволинейный характер. До определенного предела эмоциональной контактности эта связь остается положительной, а потом изменяется на противоположную [Петровский, 1979].

71

Группы, разнородные по функционально-ролевой структуре, значительно успешнее решают творческие задачи, чем однородные [Немов, 1984]. В спорте наиболее эффективно сочетание игроков по склонностям быть лидером и ведомым [Бабушкин, 2005; Девяткина, 2005]. Если же в команде есть один или несколько сильных лидеров, то иногда без них команда выступает лучше, чем с ними. Данный феномен получил название эффекта, или теоремы Юинга. Он заключается в том, что общая эффективность команды может снижаться из-за того, что игроки постоянно обращаются к оптимальной стратегии и пытаются играть через лучшего игрока. Таким образом, удаление этого игрока может привести к увеличению эффективности игры команды.

Комплектование малых групп с учетом сходства целей и ценностей повышает эффективность их деятельности [Асеева, Сахарчук, 2010]. Люди, сходные между собой по ценностным ориентациям, интересам и социальным установкам, образуют психологически более устойчивые группы, которые характеризуются большей удовлетворенностью группового членства [Немов, 1984].

Помимо этого существует и собственно спортивная совместимость. Так, команда, в которой все игроки находятся на одинаковом спортивном уровне, часто выступает лучше той, где есть сильный лидер (или лидеры), а остальные игроки обладают меньшим техническим и тактическим мастерством.

В целом совместимость участников на более высоком уровне (общие цели и ценности) способствует тому, что несовместимость на более низком уровне (разность биологических ритмов, свойства темперамента и т. п.) может быть проигнорирована [Либо, 2002]. Кроме того, разные виды деятельности требуют совместимости по разным психологическим качествам. Одни — по физическим, другие — по социально-психологическим, третьи — по эмоционально-волевым [Немов, 1984].

Совместимость, таким образом, по определению является залогом эффективности малой группы. Но в одних случаях речь идет об однородности спортивной команды по какому-либо признаку, в других — о разнородности или взаимодополняемости ее участников [Либо, 2002; Асеева, Сахарчук, 2010]. Факторы совместимости в системе спортсмен-спортсмен могут отличаться от факторов совместимости в диадах спортсмен-тренер [Ермилова, 2016; Гаврилович, 2017].

Заключение

72

Подводя итог, приведем слова шведского футбольного тренера Свена-Йорана Эрикссона, который результативно подготовил английские, итальянские, португальские команды. По его мнению, есть восемь ключевых характеристик успешной спортивной команды.

Во-первых, у членов команды должно быть общее видение и понимание игры.

Во-вторых, все они должны иметь четкое понимание целей команды.

В-третьих, они должны иметь хорошее понимание, какой у них должна быть командная стратегия и тактика.

В-четвертых, они должны иметь внутреннюю дисциплину, которая включает в себя знание и соблюдение правил команды.

В-пятых, у успешных команд должны быть игроки, которые дополняют друг друга. Более чем один Роналду в команде может вызвать проблемы!

В-шестых, эффективные команды требуют разделения ролей, но тренер должен уважать каждого игрока одинаково.

В-седьмых, игроки в успешной команде должны научиться ставить общие интересы превыше собственных.

Наконец, члены успешной команды должны принять коллективную ответственность и думать в категории «мы», а не «я» [Mellalieu, Nanton, 2009].

Мы видим, что эмпирические принципы успешного тренера подтверждают на практике теоретические позиции, принципиальные для осмысления сплоченности спортивной команды. Общее понимание целей и правил, единство системы ценностей, ролевое распреде-

ление и дополняемость персональных характеристик, общий опыт и общее планируемое будущее — это предикторы формирования сплоченности и опосредованно эффективности спортивной команды.

Исследования сплоченности не исчерпываются описанными закономерностями. Имеют место интересные динамические эффекты, которые еще нуждаются в детальном изучении. Можно вспомнить упомянутую выше «теорему Юинга», которую «вывел» в 2001 г. Билл Симмонс, чтобы описать ситуации, когда команда начинает играть лучше после потери своего лучшего игрока. Утратив своего лучшего игрока Патрика Юинга во время встречи с «Индианой», «Нью-Йоркс» выиграли три из следующих четырех матчей и вышли в финал. Актуальной и пока не решенной является проблема командного стресса, точнее, определения той ее меры, которая закаляет и мобилизует команду, и той, которая ломает коллектив, снижая сплоченность и разобщая членов команды.

Модель сплоченности нуждается в развитии и интеграции, поскольку некоторые явления не вписываются в существующие разрозненные подходы. Направление дальнейшей работы в этой области видится авторам в первую очередь интегративным. Приведенная методология исследований в известной мере разрознена.

73

Мы можем остановиться на следующих аспектах сплоченности команды:

1. совместная деятельность, выполнение заданий, требующих распределения обязанностей, и показатели ее эффективности и временных затрат (в таком случае эффективными будут тренинговые и аппаратные техники работы);
2. эмоциональная привязанность внутри коллектива и ее эмпатические характеристики (в данном случае адекватным решением будет та или иная модификация социометрии);
3. совместимость членов команды (сравнение и сопоставление их психологических и физиологических характеристик);
4. единство в отношении целей и ценностей, актуальных для команды в текущий момент ее развития (стратометрический подход).

Логичным будет предположить, что в обозримом будущем появятся и модели, интегрирующие на настоящий момент разрозненные особенности командной сплоченности.

Библиография

Андреева Г.М. (2003) *Социальная психология*, М.: Аспект Пресс.

Асеева И.Н., Сахарчук Е.А. (2010) Учет психологической совместимости сотрудников при комплектовании рабочих групп. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, (2): 168-180.

Бабушкин Г.Д. (2005) Психологическая совместимость и срабатываемость в различных видах спортивной деятельности. *Теория и практика физической культуры*, (10): 28-30.

Соколов Н.Г., Вавилов А.Л. (2008) Влияние групповой интеграции и индивидуальной подготовленности баскетболистов на эффективность командных действий. *Вестник Балтийской педагогической академии*, (82): 222-227.

Волков И.П. (2002) *Практикум по спортивной психологии*, СПб.: Питер.

Гаврилович А.А. (2017) Совместимость как показатель межличностных отношений в спортивной команде и эффективности ее деятельности. *Исторические и психолого-педагогические науки. Сб. научных статей*, Минск: РИВШ: 64-70.

Гончаров А.А. (2017) Психофизиологическая совместимость и групповой отбор. Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании. *Сб. статей Международной научно-практической конференции*. В 2 ч., Уфа: Аэтерна: 116-119.

Грецов А.Г. (2006) Лучшие упражнения для сплочения команды. *Учебно-методическое пособие*, СПб.: СПбНИИ физической культуры.

Гринь А.Р., Тихоплав М.Ю., Запольский Д.П. (2016) Комплектования составов на основе психологической совместимости в парно-групповой акробатике (женские тройки). *Матер. XXVII Всеукраїнської науково-практичної інтернет-конференції «Вітчизняна наука на зламі епох: проблеми та перспективи розвитку» (17 листопада 2017 року: збірник наукових праць)*, Переяслав-Хмельницький: 346-350.

Девяткина Е.Ю. (2005) *Комплектование игрового состава команды высококвалифицированных баскетболисток с учетом психологической совместимости и срабатываемости игроков*. Дис. ... канд. психол. наук, Омск.

Ермилова М.В. (2016) Психология спортивных коллективов. Информационные технологии в науке нового времени. *Сб. статей Международной научно-практической конференции*, Уфа: Аэтерна: 192-194.

Иноземцева Е.С., Матросова Т.С. (2011) Сравнительный анализ групповой сплоченности и физической подготовленности в игровых видах спорта (на примере футбола и волейбола). *Вестник Томского государственного университета*, (351): 135-136.

Казаков Д.О. (2011) Залежність успішності в ігровій діяльності волейболісток від психологічного клімату в команді. *Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту*, (5): 34-38.

Кардялис К., Александровичюте Б. (2005) Конфликтность и сплоченность спортивных команд: диагностика и оптимизация межличностных отношений. *Психологический журнал*, (1): 71-78.

Кожанова О.С., Нестерова Т.В., Гнутова Н.П., Гнутов Е.И. (2015) Использование методологического подхода при отборе спортсменок в команды по групповым упражнениям художественной гимнастики с учетом фактора совместимости. *Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта*, (4): 27-32.

Коломейцев Ю.А. (1984) *Взаимоотношения в спортивной команде*, М.: Физкультура и спорт.

- Кретти Б.Дж. (1978) *Психология в современном спорте*, М.: Физкультура и спорт.
- Кричевский Р.Л., Смирнова М.М. (1981) Удовлетворенность групповым членством как функция соотношения феноменов лидерства и руководства. *Вопросы психологии*, (3): 109-113.
- Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. (2009) *Социальная психология малой группы*, М.: Аспект Пресс.
- Лакофф Д., Джонсон М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*, М.: УРСС Эдиториал.
- Либо М. (2002) Команда, без которой мне не жить. *Персонал-Микс*, (3): 26-29.
- Лутошкин А.Н. (1988) *Эмоциональные потенциалы коллектива*, М.: Педагогика.
- Макаров Ю.В. (2010) Формирование групповой сплоченности средствами социально-психологического тренинга. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, (128): 72-83.
- Мартенс Р. (1979) *Социальная психология и спорт*, М.: Физкультура и спорт.
- Морено Я.Л. (2001) *Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе*, М.: Академический проект.
- Немов Р.С. (1984) *Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива*, М.: Педагогика.
- Нерсесян Л.С. (2011) Методические подходы к решению проблемы психологической совместимости. *Педагогическое образование и наука*, (7): 4-14.
- Обозов Н.Н. (2000) *Совместимость и срабатываемость людей*, СПб.: Облик.
- Обозов Н.Н., Обозова А.Н. (1981) Три подхода к исследованию психологической совместимости. *Вопросы психологии*, (6): 98-101.
- Огородова Т. (2017) *Психология спорта: учебн. пособие*, Ярославль: ЯрГУ.
- Параносич В., Лазаревич Л. (1977) *Психодинамика спортивной группы*, М.: Физкультура и спорт.
- Петровский А.В. (1979) *Психологическая теория коллектива*, М.: Педагогика.
- Савинкина А.О. (2015) Психологическая совместимость игроков в футбольной команде по уровню мотивации достижения успеха и избегания неудачи. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, (12): 545-548.
- Савинкина А.О. (2015) Методика диагностики сплоченности спортивной команды (на примере футбола). *Спортивный психолог*, (4): 69-75.
- Савинкина А.О., Блеер А.Н. (2017) Взаимосвязь трех уровней сплоченности с эффективностью футбольной команды. *Спортивный психолог*, (1): 43-48.
- Сигал Н.С., Александров Ю.В., Хоменко Е.В. (2009) Психологическая совместимость как фактор эффективности совместной деятельности в спортивных танцах. *Физическое воспитание студентов творческих специальностей*, (1): 155-167.
- Предвечный Г.П., Шерковин Ю.А. (1975) *Социальная психология. Краткий очерк*, М.: Политиздат.
- Третьяков Н.В. (2005) Эффективность профессионального взаимодействия при психологической совместимости членов малых групп и коллективов. *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*, (2): 31-37.

- Украинец А.В. (2007) Отбор квалифицированных спортсменов в команды для участия в соревнованиях по групповым упражнениям с использованием методов психодиагностики. *Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту*, (7): 144-148.
- Уэйнберг Р.С., Гоулд Д. (2001) Основы психологии спорта и физической культуры. *Учебник для студентов, преподавателей, работников физической культуры и спорта*, Киев: Олимпийская литература.
- Ханин Ю.Л., Буланова Г.С. (1981) Статус и эмоциональное состояние личности в группах разного уровня развития. *Вопросы психологии*, (5): 124-129.
- Хацкалева Е.Г. (2015) Психофизиологические особенности как фактор совместности гимнасток в групповых упражнениях. Актуальные проблемы физической культуры, спорта, туризма и рекреации. *Матер. III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и аспирантов*, Томск: Томский государственный университет: 120-122.
- Хотулева М.С. (2009) Влияние психотехнических упражнений на социально-психологический климат и сплоченность спортивной команды. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1): 1-9.
- Чибрикина В.Г. (2006) О партнерстве в спорте. *Труды Дальневосточного государственного технического университета*, (142): 153-155.
- Шалар О.Г., Снопва Ю.А., Стрикаленко Е.А. (2010) Психологическая совместимость женской гандбольной команды. *Физическое воспитание студентов*, (1): 109-112.
- Шериф С. (2011) Психологические характеристики групповой сплоченности спортсменов. *Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту*, (7): 100-102.
- Шлемова М.В., Чернышева И.В., Татарников М.К., Липовцев С.П. (2011) Совместимость игроков в баскетболе как один из решающих факторов успешной игры команды. *Международный журнал экспериментального образования*, (3): 178-179.
- Эшби У.Р. (1962) *Конструкция мозга*, М.: Иностранная литература.
- Ashby W.R. (1959) *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall.
- Carron A.V., Brawley L.R. (2000) Cohesion: Conceptual and measurement issues. *Small Group Research*, (1): 89-106.
- Carron A.V., Hausenblas H., Eys M.A. (2005). *Group dynamics in sport. 3rd ed.*, Champaign, IL: Human Kinetics.
- Estabrooks P.A., Carron A.V. (2000) The Physical Activity Group Environment Questionnaire: An instrument for the assessment of cohesion in exercise classes. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, (3): 230-235.
- Eys M.A. (2007) Item wording and internal consistency of a measure of cohesion: The Group Environment Questionnaire. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (3): 395-402.
- Eys M. (2009) Development of a cohesion questionnaire for youth: The Youth Sport Environment Questionnaire. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (3): 390-408.
- Gill D., Williams L., Reifsteck E. (2017) *Psychological dynamics of sport and exercise*, Human Kinetics.

- Bloom G.A., Stevens D.E., Wikwire T.L. (2003) Expert coaches' perception of team building. *Journal of Applied Sport Psychology*, (2): 129-143.
- Martens R., Landers D.M., Loy J.W. (1972) *Sport cohesiveness questionnaire*. Unpublished manuscript, University of Illinois, Champaign, IL.
- Mellalieu S., Hanton S. (2009) *Advances in applied sport psychology: a review*, Oxford, UK: Routledge.
- Moreno J.L. (1934) *Who shall survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Psychodrama*, N.Y: Beacon.
- Paskevich D.M. (2001) Group cohesion in sport and exercise. *Handbook of sport psychology*, (2): 472-494.
- Spink K.S. (1992) Group cohesion and adhesion in exercise classes. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (14): 78-86.
- Tenenbaum G., Eklund R., Kamata A. (2012) *Measurement in sport and exercise psychology*, Human Kinetics.
- Yukelson D., Weinberg R., Jackson A. (1984) A multidimensional group cohesion instrument for intercollegiate basketball teams. *Journal of Sport Psychology*, (1): 103-117.

References

- Andreeva G.M. (2003) *Social'naya psihologiya [Social psychology]*, M.: Aspekt Press.
- Aseeva I.N., Saharchuk E.A. (2010) Uchet psihologicheskoy sovmestimosti sotrudnikov pri komplektovanii rabochih grupp [Consideration of psychological compatibility of employees in the recruitment of working groups]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of Samara humanity Academy]*. Seriya: Psihologiya, (2): 168-180.
- Ashby W.R. (1959) *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall.
- Babushkin G.D. (2005) Psihologicheskaya sovmestimost' i sratatyvaemost' v razlichnyh vidah sportivnoy deyatel'nosti [Psychological compatibility and workability in various sports activities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury [Theory and practice of physical culture]*, (10): 28-30.
- Bloom G.A., Stevens D.E., Wikwire T.L. (2003) Expert coaches' perception of team building. *Journal of Applied Sport Psychology*, (2): 129-143.
- Carron A.V., Brawley L.R. (2000) Cohesion: Conceptual and measurement issues. *Small Group Research*, (1): 89-106.
- Carron A.V., Hausenblas H., Eys M.A. (2005). *Group dynamics in sport*. 3rd ed., Champaign, IL: Human Kinetics.
- CHibrikina V.G. (2006) O partnerstve v sporte [Partnership in sport]. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Proceedings of the Far Eastern state technical University]*, (142): 153-155.
- Devyatkina E.Yu. (2005) *Komplektovanie igrovogo sostava komandy vysokokvalifitsirovannykh basketbolistok s uchetom psihologicheskoy sovmestimosti i sratatyvaemosti igrokov [Acquisition of the gaming team of highly skilled basketball players on the basis of psychological compatibility players]*. Dis. ... kand. psihol. nauk, Omsk.

EHshbi U.R. (1962) *Konstrukciya mozga [Construction of the brain]*, M.: Inostrannaya literatura.

Ermilova M.V. (2016) Psihologiya sportivnyh kollektivov [Psychology of sports teams]. *Informacionnye tekhnologii v nauke novogo vremeni [Information technology in the science of modern times]*. *Sb. statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Ufa: Aehterna: 192-194.

Estabrooks P.A., Carron A.V. (2000) The Physical Activity Group Environment Questionnaire: An instrument for the assessment of cohesion in exercise classes. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, (3): 230-235.

Eys M. (2009) Development of a cohesion questionnaire for youth: The Youth Sport Environment Questionnaire. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (3): 390-408.

Eys M.A. (2007) Item wording and internal consistency of a measure of cohesion: The Group Environment Questionnaire. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (3): 395-402.

Gavrilovich A.A. (2017) Sovmestimost' kak pokazatel' mezhlchnostnyh otnoshenij v sportivnoj komande i ehffektivnosti ee deyatel'nosti [Compatibility as an indicator of interpersonal relations in the sports team and the effectiveness of its activities]. *Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki [Historical and psychological-pedagogical sciences]*. *Sb. nauchnyh statej*, Minsk: RIVSH: 64-70.

Gill D., Williams L., Reifsteck E. (2017) *Psychological dynamics of sport and exercise*, Human Kinetics.

Goncharov A.A. (2017) Psihofiziologicheskaya sovmestimost' i gruppovoj otkor [Psychophysiological compatibility and group selection]. *Innovacionnye proekty i programmy v psihologii, pedagogike i obrazovanii [Innovative projects and programs in psychology, pedagogy and education]*. *Sb. statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. V 2 ch., Ufa: Aehterna: 116-119.

Grecov A.G. (2006) *Luchshie uprazhneniya dlya splocheniya komandy [The Best exercises for team building]*. *Uchebno-metodicheskoe posobie*, SPb.: SpbNII fizicheskoy kul'tury.

Grin' A.R., Tihoplav M.Yu., Zapol'skij D.P. (2016) Komplektovaniya sostavov na osnove psihologicheskoy sovmestimosti v parno-gruppovoj akrobatike (zhenskie trojki) [Acquisition of structures on the basis of psychological compatibility in pair-group acrobatics (women's trio)]. *Mater. HKHVII Vseukraïns'koï naukovopraktichnoï internet-konferencii "Vitchiznyana nauka na zlami epoh: problemi ta perspektivi rozvritku" (17 listopada 2017 roku : zbirnik naukovih prac')*, Pereyaslav-Hmel'nic'kij: 346-350.

Hackaleva E.G. (2015) Psihofiziologicheskie osobennosti kak faktor sovmestimosti gimnastok v gruppovyh uprazhneniyah [Physiological characteristics as a factor in the compatibility of gymnasts in group exercises]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury, sporta, turizma i rekreacii [Actual problems of physical culture, sports, tourism and recreation]*. *Mater. III Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i aspirantov*, Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet: 120-122.

Hanin Yu.L., Bulanova G.S. (1981) Status i ehmocional'noe sostoyanie lichnosti v gruppah raznogo urovnya razvitiya [Status and emotional state of a person in groups of different levels of development]. *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*, (5): 124-129.

- Hotuleva M.S. (2009) Vliyanie psihotekhnicheskikh uprazhnenij na social'no-psihologicheskij klimat i splochnost' sportivnoj komandy [The influence of psycho-technical exercises on the socio-psychological climate and the cohesion of the sports team]. *Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna"* [Psychological journal of the international University "Dubna"], (1): 1-9.
- Inozemceva E.S., Matrosova T.S. (2011) Sravnitel'nyj analiz gruppovoj splochnosti i fizicheskoj podgotovlennosti v igrovyh vidah sporta (na primere futbola i volejbola) [Comparative analysis of group cohesion and physical fitness in team sports (on the example of football and volleyball)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], (351): 135-136.
- Kardyalis K., Aleksandravichyute B. (2005) Konfliktnost' i splochnost' sportivnyh komand: diagnostika i optimizaciya mezhlichnostnyh otnoshenij [Conflict and cohesion in sports teams: diagnosis and optimization of interpersonal relations]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], (1): 71-78.
- Kazakov D.O. (2011) Zalezhnost' uspihnosti v igrovij diyal'nosti volejbolistok vid psihologicheskogo klimatu v komandi. *Pedagogika, psihologiya ta mediko-biologichni problemi fizichnogo vihovannya i sportu*, (5): 34-38.
- Kolomejcev Yu.A. (1984) *Vzaimootnosheniya v sportivnoj komande* [The Relationship between a sports team], M.: Fizkul'tura i sport.
- Kozhanova O.S., Nesterova T.V., Gnutova N.P., Gnutov E.I. (2015) Ispol'zovanie metodologicheskogo podhoda pri otbore sportsmenok v komandy po gruppovym uprazhneniyam hudozhestvennoj gimnastiki s uchetom faktora sovместимости [The use of methodological approach in the selection of athletes in the team for group exercises of rhythmic gymnastics, taking into account the compatibility factor]. *Pedagogika, psihologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Pedagogy, psychology and medical-biological problems of physical education and sport], (4): 27-32.
- Kretti B.Dzh. (1978) *Psihologiya v sovremennom sporte* [Psychology in contemporary sport], M.: Fizkul'tura i sport.
- Krichevskij R.L., Dubovskaya E.M. (2009) *Social'naya psihologiya maloj grupy* [Social psychology of small groups], M.: Aspekt Press.
- Krichevskij R.L., Smirnova M.M. (1981) Udovletvorennost' gruppovym chlenstvom kak funkciya sootnosheniya fenomenov liderstva i rukovodstva [Satisfaction with group membership as a function of correlation of leadership and leadership phenomena]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], (3): 109-113.
- Lakoff D., Dzhonson M. (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by], M.: URSS Editorial.
- Libo M. (2002) Komanda, bez kotoroj mne ne zhit' [Team, without which me not to live]. *Personal-Miks*, (3): 26-29.
- Lutoshkin A.N. (1988) *EHmotional'nye potentsialy kollektiva* [Emotional potentials of the collective], M.: Pedagogika.
- Makarov Yu.V. (2010) Formirovanie gruppovoj splochnosti sredstvami social'no-psihologicheskogo treninga [Formation of group cohesion by means of socio-psychological training]

chological training]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [News of the Russian state pedagogical University A. I. Herzen]*, (128): 72-83.

Martens R. (1979) *Social'naya psihologiya i sport [Social psychology and sport]*, М.: Fizkul'tura i sport.

Martens R., Landers D.M., Loy J.W. (1972) *Sport cohesiveness questionnaire. Unpublished manuscript*, University of Illinois, Champaign, IL.

Mellalieu S., Hanton S. (2009) *Advances in applied sport psychology: a review*, Oxford, UK: Routledge.

Moreno J.L. (1934) *Who shall survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Psychodrama*, N.Y.: Beacon.

Moreno Ya.L. (2001) *Sociometriya: EHksperimental'nyj metod i nauka ob obshchestve [Sociometry: an Experimental method and the science of society]*, М.: Akademicheskij proekt.

Nemov R.S. (1984) *Social'no-psihologicheskij analiz ehffektivnoj deyatel'nosti kollektiva [Socio-psychological analysis of the effective work of the team]*, М.: Pedagogika.

Nersesyan L.S. (2011) *Metodicheskie podhody k resheniyu problemy psihologicheskoy sovместимости [Methodological approaches to solving the problem of psychological compatibility]. Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical education and science]*, (7): 4-14.

80

Obozov N.N. (2000) *Sovместимost' i srabatyvaemost' lyudej [Compatibility of people]*, SPb.: Oblik.

Obozov N.N., Obozova A.N. (1981) *Tri podhoda k issledovaniyu psihologicheskoy sovместимости [Three approaches to the study of psychological compatibility]. Voprosy psihologii [Questions of psychology]*, (6): 98-101.

Ogorodova T. (2017) *Psihologiya sporta [Psychology of sports]: uchebn. posobie*, YAraslavl': YArGU.

Paranosich V., Lazarevich L. (1977) *Psihodinamika sportivnoj gruppy [The Psychodynamics sports group]*, М.: Fizkul'tura i sport.

Paskevich D.M. (2001) *Group cohesion in sport and exercise. Handbook of sport psychology*, (2): 472-494.

Petrovskij A.V. (1979) *Psihologicheskaya teoriya kollektiva [Psychological theory of the team]*, М.: Pedagogika.

Predvechnyj G.P., Sherkovin Yu.A. (1975) *Social'naya psihologiya. Kratkij ocherk [Social psychology. Short essay]*, М.: Politizdat.

Savinkina A.O. (2015) *Metodika diagnostiki sploченности sportivnoj komandy (na primere futbola) [Methods of diagnostics of unity of sports team (on the example of football)]. Sportivnyj psiholog [Sports psychologist]*, (4): 69-75.

Savinkina A.O. (2015) *Psihologicheskaya sovместимost' igrokov v futbol'noj komande po urovnyu motivacii dostizheniya uspekha i izbeganiya neudachi [Psychological compatibility of players in the football team by the level of motivation to achieve success and avoid failure]. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental research]*, (12): 545-548.

Savinkina A.O., Bleer A.N. (2017) Vzaimosvyaz' trekh urovnej splochnosti s ehffektivnost'yu futbol'noj komandy [The Relationship of the three levels of cohesion with the effectiveness of the football team]. *Sportivnyj psiholog [Sports psychologist]*, (1): 43-48.

SHalar O.G., Snopova Yu.A., Strikalenko E.A. (2010) Psihologicheskaya sovmeshtimost' zhenskoy gandbol'noj komandy [Psychological compatibility of women's handball team]. *Fizicheskoe vospitanie studentov [Physical education of students]*, (1): 109-112.

SHerif S. (2011) Psihologicheskie harakteristiki gruppovoj splochnosti sportsmenov [Psychological characteristics of group cohesion of sportsmen]. *Pedagogika, psihologiya ta mediko-biologichni problemi fizichnogo viovannya i sportu*, (7): 100-102.

SHlemova M.V., CHernysheva I.V., Tatarnikov M.K., Lipovcev S.P. (2011) Sovmeshtimost' igrokov v basketbole kak odin iz reshayushchih faktorov uspehnoj igry komandy [Compatibility of players in basketball as one of the decisive factors of successful team play]. *Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya [International journal of experimental education]*, (3): 178-179.

Sigal N.S., Aleksandrov Yu.V., Homenko E.V. (2009) Psihologicheskaya sovmeshtimost' kak faktor ehffektivnosti sovместной deyatelnosti v sportivnyh tancach [Psychological compatibility as a factor of efficiency of joint activity in sports dances]. *Fizicheskoe vospitanie studentov tvorcheskikh special'nostej [Physical education of students of creative specialties]*, (1): 155-167.

Sokolov N.G., Vavilov A.L. (2008) Vliyanie gruppovoj integracii i individual'noj podgotovlennosti basketbolistov na ehffektivnost' komandnyh dejstvij [The influence of group integration and individual preparedness of basketball players on the effectiveness of team actions]. *Vestnik Baltijskoj pedagogicheskoy akademii [Bulletin of the Baltic pedagogical Academy]*, (82): 222-227.

Spink K.S. (1992) Group cohesion and adhesion in exercise classes. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (14): 78-86.

Tenenbaum G., Eklund R., Kamata A. (2012) *Measurement in sport and exercise psychology*, Human Kinetics.

Tret'yakov N.V. (2005) EHffektivnost' professional'nogo vzaimodejstviya pri psihologicheskoy sovmeshtimosti chlenov malyh grupp i kollektivov [The Effectiveness of professional interaction in the psychological compatibility of members of small groups and groups]. *CHelovecheskij faktor: problemy psihologii i ehrgonomiki [Human factor: problems of psychology and ergonomics]*, (2): 31-37.

Uehjnberg R.S., Gould D. (2001) *Osnovy psihologii sporta i fizicheskoy kul'tury. Uchebnik dlya studentov, prepodavatelej, rabotnikov fizicheskoy kul'tury i sporta [Fundamentals of sports psychology and physical culture. Textbook for students, teachers, workers of physical culture and sports]*, Kiev: Olimpijskaya literatura.

Ukrainec A.V. (2007) Otbor kvalificirovannyh sportsmenok v komandy dlya uchastiya v sorevnovaniyah po gruppovym uprazhneniyam s ispol'zovaniem metodov psihodiagnostiki [Selection of qualified athletes in the team to participate in competitions in group exercises using methods of psychodiagnostics]. *Pedagogika, psihologiya ta mediko-biologichni problemi fizichnogo viovannya i sportu*, (7): 144-148.

Volkov I.P. (2002) *Praktikum po sportivnoj psihologii [Workshop on sports psychology]*, SPb.: Piter.

Yukelson D., Weinberg R., Jackson A. (1984) A multidimensional group cohesion instrument for intercollegiate basketball teams. *Journal of Sport Psychology*, (1): 103-117.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Бочавер К.А., Савинкина А.О. (2018) К вопросу о феномене групповой сплоченности в спорте: анализ методологических подходов. *Социология власти*, 30 (2): 55-82.

Bochaver K.A., Savinkina A.O. (2018) On the Phenomenon of Group Cohesion in Sports: An Analysis of Methodological Approaches. *Sociology of Power*, 30 (2): 55-82.

Поступила в редакцию: 18.06.2018; принята в печать: 27.06.2018

Статьи. Исследования

Сильвен Дюфрес

Университет Нанта, Франция

Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР

Статья посвящена феномену спортивных «звезд» в условиях советского общества. В начале работы дается рабочее определение понятия «знаменитость», позволяющее операционализировать конкретно-историческую семантику, связанную со славой и признанием в различных социальных средах. В качестве базовой проблемы ставится вопрос о применимости аналитического языка, выработанного для описания статуса звезд на Западе, к выдающимся спортсменам, пользовавшимся широкой известностью и даже народной любовью в СССР. Проблематизируются механизмы формирования спортивной славы в Советском Союзе и ее особенности, делается краткий экскурс в историю русских и раннесоветских спортивных знаменитостей. Особое внимание уделено реконструкции процесса отбора и повышения популярности выдающихся атлетов посредством СМИ. Анализируется амбивалентность статуса звезд советского спорта, находившихся под пристальным вни-

83

Сильвен Дюфрес — агреже по истории и доктор современной истории. Доцент кафедры общественных наук и спорта, член Объединенной исследовательской группы 6025 Нантского центра социологии, входящего в систему Национального центра научных исследований Франции. Научные интересы: политика СССР в сфере спорта и досуга. E-mail: Sylvain.dufraise@univ-nantes.fr

Sylvain Dufraise — agrégé in history, Phd in Modern History. Associate Professor of the Department of Social Sciences and Sports, participant of Joint Research Team 6025 of Center for Sociology of Nantes (a part of The French National Center for Scientific Research). Research interests: USSR politics in sports and leisure. E-mail: Sylvain.dufraise@univ-nantes.fr

Перевод с французского Нины Грековой под редакцией Ивана Напреенко. В основу публикации легли тезисы выступления автора на международной конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15-16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами: <https://cfs.hse.ru/announcements/213582209.html>.

манием властей и нередко становившихся объектом острой критики со стороны органов официальной пропаганды. В качестве примера приводится кейс известного футболиста Э. Стрельцова, превратившегося из кумира молодежи в объект травли. Отдельно анализируется динамика в образах спортивных знаменитостей в послесталинское время. Указывается на постепенную «нормализацию» положения советских спортивных звезд в 1970-е годы, все больше превращавшихся из «героических строителей коммунизма» в обычных людей. В заключении делается вывод о том, что звезды спорта функционально выступали в качестве символических репрезентантов существовавшей в СССР системы, и в качестве таковых являлись важным инструментом для производства политических образцов и смыслов. Предполагается, что массовое занятие спортом как одна из целей вмешательства государства в сферу физической культуры заложило основу для возникновения национальной спортивной элиты.

Ключевые слова: СССР, советский спорт, спортивные знаменитости, СМИ

Sylvain Dufraisse, University of Nantes, France

The Advent of Sport Celebrities: How to Analyze the Celebrity Phenomena in Soviet Union

84

The making of celebrities became an issue of sociological and historical researches recently. This article aims at analyzing how sporting celebrities appeared in the Soviet Union. It highlights the process of the edification of sportsmen, how they became celebrities and how that could be problematic in a socialist state. This article shows that the promotion of sportsmen started to be an issue of symbolic struggle. It first explains that sports celebrities appeared during the tsarist era and what kinds of debates sporting celebrities have launched. After the revolution, sporting celebrities were denounced and were considered as marks of the ancient capitalist world and from professionalism. As spectator sport grew in the Soviet Union and as the sports policy evolved, some sportsmen became a role model and examples for the Soviet citizen. They embodied new values, but these values evolved during the Soviet period. This article explains in a second part how the making of celebrities happened and what kinds of channels were used to make sportsmen 'known to people whom they don't know'. The third part of this article explains how in the 1950s and in the 1960s the edification of the sportsman as an example, the rise of spectator sport and the growing mediatization created a massive gap between sporting heroes, celebrities promoted by sports and political organs, and unofficial celebrities that rose from mass mobilization and fandom.

Keywords: USSR, soviet sport, sport celebrities, media

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-83-100

Понятие «знаменитость» принято определять выражением французского моралиста Никола де Шамфора «быть известным среди тех, кто неизвестен тебе». Историк Антуан Лилти расширил это определение, отметив, что знаменитость — это тот, кто известен среди «людей, у которых нет никаких причин о нем знать и которые напрямую не заинтересованы в том, чтобы оценивать его личность или способности» [Lilti, 2014, p. 13].

Первые работы, посвященные феномену знаменитостей, появились довольно давно, вспомним книгу Эдгара Морена «Звезды», вышедшую в 1957-м, или «Мифологии» Ролана Барта, опубликованные в том же году. На некоторое время тема вышла из поля актуальных исследований, но теперь вновь на слуху. Интерес к ней реактуализуется в Соединенных Штатах, где в 1990-х образовалось направление *celebrity/star studies*, затем во Франции [Marshall, 2006; Juan, Picard, 2011; Heinich, 2011]. С тех пор вышло много работ в области социальных наук, чьи авторы старались осмыслить феномен известности, ее происхождение и силы, которые ей движут.

Исследователям удалось проанализировать, как возникает слава, как происходит отбор и формируются способы репрезентации звезд и их поклонников, как завершаются «звездные» карьеры, каковы технологические, правовые и моральные условия появления знаменитостей, а также показать, что слава — это фабричный продукт [Lilti, 2014]. Внутри «фабрики звезд» особого внимания заслуживают два процесса: становление статуса знаменитости и способы ее продвижения. Как показал Ален Шеню, на обложках журнала *Paris Match* появляются герои разных социальных кругов, и у каждого из них своя «лестница славы», свои правила и критерии отбора [Chenu, 2008]. В случае спортсменов особую роль играют большие события — Олимпийские игры, теннисные турниры, чемпионаты мира [Andrews, Jackson, 2001]. Важным, но единственным условием спортивной славы являются физические качества. С. Виль [Ville, 2016] в работах о Жорже Карпантье показывает, что боксер становится знаменитостью, когда его признание выходит за пределы боксерского ринга, и спортсмен превращается в востребованного героя массовых зрелищ. Известность Карпантье и таких, как он, — это продукт не только спортивных достижений, но и эстрадных выступлений. Развитие СМИ, скорость и масштаб распространения информации в XX веке способствовали взлету популярности знаменитостей в целом и звезд спорта, в частности.

Феномен знаменитостей в западном мире подробно изучен; возникает вопрос: а существовал ли схожий феномен в Советском Союзе? В 1957 г. Эдгар Морен считал, что звезды не могут появиться в СССР, потому что «звездная система» (*star system*) — это институт, характерный для развитого капитализма. В Союзе было место

героям, но не звездам. «Талант советской знаменитости — любого стахановца, бегуна, солиста балета, выдающегося писателя, служит доказательством превосходства сталинской системы и свидетельствует о политической заслуге, которая может быть вознаграждена избранием в Верховный Совет» [Mogin, 1972, p. 98]. Работы, посвященные кино и телевидению, внесли определенные нюансы в эту точку зрения [Boulgakova, 2003, p. 104]. Анализ письменных источников, произведений искусства, прессы или новостей кино, особенно второй половины XX века, обнаруживает в советском обществе черты «звездности». Их носителями оказываются, в частности, спортсмены, чей престижный статус целенаправленно повышался популяризацией в СМИ. Другие источники, например, письма, фиксируют проявления «спонтанной» народной любви к спортсменам и спортсменкам. Таким образом, звезды спорта в Советском Союзе все-таки были.

86

Отголоски этого феномена слышны по сей день. Владислав Третьяк, Лидия Скобликова, Валерий Харламов, Лев Яшин, Ирина Роднина — легендарные имена советского спорта. Эти люди заняли руководящие должности в спорте и политике, прославившись победами в гимнастических залах, на катках и стадионах. Советский спорт в современной России переживает второе рождение, и образы этих героев оживают и нередко появляются в СМИ. Становясь героями фильмов и сериалов, участвуя в различных церемониях (например, в старте эстафеты олимпийского огня или открытии Зимних олимпийских игр 2014 г. в Сочи), экс-чемпионы связывают советское прошлое и российское настоящее, и значит, они были и остаются настоящими знаменитостями.

Цель данной статьи — понять суть и особенности спортивной славы в СССР. Как она возникла? Какие средства способствовали появлению спортивных знаменитостей в условиях, когда против чемпионов, их прославления выступало движение физкультурников? Что именно в этой сфере вызывало разногласия в Советском Союзе?

Я также постараюсь показать, как менялись образы советских звезд. Работы о спортивных знаменитостях СССР, как правило, анализируют их профессиональные достижения и репрезентации так, как если бы они были неизменными. Однако образы советских звезд, как и средства их популяризации, менялись, сохраняя некий базовый элемент [Mertin, 2009].

Рассуждения на эту тему возвращают нас к вопросу о символическом значении тела, поскольку «спорт несет в себе противоречие: тело одновременно является объектом физической активности, обладающим универсальной ценностью, и средством, с помощью которого общество во всем своем многообразии воплощается в индивидуумах» [Faure, Suaud, 2011, p. 15]. Более того, «спорт открывает

практически неограниченные возможности для борьбы за символическое значение, в которую социальные институты и группы вступают не только ради побед и наград, но, в менее явной форме, ради насаждения определенных смыслов» [Ibid.]. Мы рассмотрим столкновение различных точек зрения на то, что такое спортивная знаменитость и как вообще это явление возникло, на материале советского спорта.

От образцов для подражания к знаменитостям

Занятия спортом получают широкое распространение в Европе после Первой мировой войны. Спорт приобретает современный характер: растет зрительская аудитория, спорт профессионализируется, ключевые дисциплины обретают популярность, и в них появляются спортивные звезды. Они демонстрируют свои мускулистые, загорелые, выносливые тела и отстаивают в командном спорте свою идентичность в соперничестве с членами других локальных или национальных групп [Charle, 2011, p. 361].

Современный спорт делает возможным невозможное: успех с юных лет, немедленное получение наград, головокружительную славу при жизни. Спорт создает современных героев — молодых людей, которые переживают (и предъявляют зрителю) опыт на грани физических возможностей. Общеевропейские тенденции повышения престижа спортивных знаменитостей не обходят стороной российскую империю, затем большевистскую Россию и Советский Союз. Луиза МакРейнольдс и Ирина Хмельницкая показали, что по мере того, как спортивные занятия получают широкое распространение в буржуазных и аристократических кругах в Российской империи в середине XIX века [Хмельницкая, 2011], в некоторых видах спорта (силовые состязания, борьба и велосипедный спорт) появляются первые признаки зрелищной организации и первые чемпионы-знаменитости [Mac Reynolds, 2003, p. 131-142]. Борцы Георг Лурих, Георг Гаккеншмидт, а также Иван Поддубный строят в Российской империи карьеру. Они пользуются популярностью не только благодаря зрелищным боям, но и почтовым открыткам и упоминаниям в прессе. Их популярность выходит за пределы империи: харизматичные силачи участвуют в международных представлениях и выступают на главных эстрадных сценах Парижа и Америки. Спортивный опыт эпохи основывается именно на стратегии, которой яростно противятся большевики, но с которой им приходится считаться, реформируя физическую культуру.

Спортивный мир 1920-х годов отмечен противоречивыми тенденциями (деятельность гигиенистов, создание Пролеткульта, распространение идей социалистического соревнования), а также ин-

дивидуальной и институциональной борьбой между комсомолом и Всесоюзным центральным советом профсоюзов (ВЦСПС) [Grant, 2013]. В этот период социальных преобразований сталкиваются разные взгляды на то, каким должен быть обновленный спорт. Физическая культура стремится объединить в себе новые тенденции, в большинстве своем противоположные чемпионству, индивидуализму, профессионализму спортсменов, специализации спортивных кадров и спорту как зрелищу, которое тем не менее широко востребовано. Для сторонников физкультурного движения спортивная слава играет роль жупела. В то же время в футболе появляются первые звезды: Павел Канунников, Петр Исаков и братья Артемьевы [Edelman, 2009, p. 61].

88 Кульминация напряженной борьбы вокруг того, какой должна быть советская физическая культура, пришлось на конец 1920-х, период спартакиад. В 1928 г., когда проводились эти соревнования, в понятии «чемпион» воплощаются все противоречия советского спортивного движения, институциональные разногласия, теории и практики своего времени [Dufraisse, 2014]. Движение физкультурников, по меньшей мере в лице некоторых своих участников, категорически отвергает феномен «чемпионства», считая, что чемпионы озабочены собственными рекордами, самосовершенствованием и стремлением занять первое место [Физкультура и спорт, 1928, 39, с. 1]. Альтернативой чемпиону становится образ мастера, для которого рекорды и первые места не главное, а главное — служить образцом для рядовых физкультурников, готовых следовать его примеру [Там же]. Мастер хорошо воспитан, помогает членам своего физкультурного кружка достичь выдающихся результатов, трудится на благо коллектива, помогает укреплять здоровье и делится техническим мастерством [Герсон, 1929, с. 3]. Первое преобразование налицо: спортивные знаменитости имеют право на существование лишь при условии, что они служат образцом для советских граждан.

Именно эта точка зрения возобладала в 1930-х. В СМИ ее продвигали видные деятели и руководители советского спортивного движения¹. В 1934 г. в репортаже о велосипедисте Григории Козлове были сформулированы отличительные черты хорошего советского спортсмена, которые приносят ему успех. Помимо регулярных тренировок он ведет здоровый образ жизни, которому следует подражать. Он не пьет, не курит, регулярно проходит медосмотры,

1 Мы ссылаемся на концепт Сильвена Венейра. Он говорит об «образцах, которые образуют вокруг определенной формы большую часть представленный первого порядка. [...] Тем не менее эти образцы отличаются от веберинского идеального типа тем, что они созданы не исследователем, а исходят непосредственно от рассматриваемого общества» [Venayute, 2012, p. 141].

отдыхает после работы и соблюдает режим [Физкультура и спорт, 1934, 11, с. 4-5]. Позднее в прессе публикуется фотография борца Николая Белова в образе, совершенно немислимом для силачей начала века, подобно Ивану Поддубному, обычно выставляли на показ свои мускулы. Белов в опрятном костюме, с идеальной прической, сидит, под руку со спутницей, за столом, накрытым белой скатертью, в уютной квартире со шторами и элегантным абажуром [Физкультура и спорт, 1947, 6, с. 6]. Спортсмены, которых популяризировали СМИ, как и образцовые рабочие, становятся воплощением ценностей режима.

Соответствие этике советского гражданина (культурность, интерес к коллективу и деятельность на его благо) как в физическом плане, так и в плане поступков, является условием их известности, т. е. продвижения в прессе, живописи и скульптуре. Так, например, на шестнадцати фарфоровых барельефах, выполненных скульптором Еленой Янсон-Манизер для оформления станции метро «Динамо» (открыта в 1938 г.), мы видим фигуры спортсменов, каждый из которых, по словам автора, выполняет характерное для его вида спорта движение [O'Mahony, 2006, p. 117]. Скульптор изобразила натренированные тела, воспевая идеалы атлетизма, подчеркивая физическую силу, молодость, дисциплину, равенство между мужским и женским видами спорта. Это не безымянные персонажи [Wunsche, 2000]. Среди фигур можно увидеть чемпионку по конькобежному спорту Марию Исакову и футболиста Григория Федотова. Искусство привлекало внимание к спортсменам как к образцам для подражания и тем самым превращало их в знаменитостей.

89

Великая Отечественная война и мобилизация актуализируют достаточно редкое профессиональное качество, носителем которого являются, к примеру, вратари¹. Спортсмен, как и другие советские персонажи, становится героем-защитником родины. Военная доблесть и патриотизм, мужество и отвага на поле боя проявляются в тяжелых испытаниях и превозносятся в прессе. Лучшие советские спортсмены «были превосходными солдатами и превосходными офицерами» [ГА РФ. Ф.Р-7576. Оп. 1. Д. 570. Л. 1].

Возвращение к мирной жизни оказалось особенно сложным для молодых мужчин, чей жизненный опыт ограничивался войной, а тела пострадали в сражениях. Многие фронтовики остались без работы и крова, многие были тяжело ранены. И вновь чемпионы оказываются положительными героями, примерами для подражания.

1 См. в качестве примера заключительные сцены из фильмов «Вратарь», реж. С. Тимошенко. «Ленфильм», 1936; «Боксеры», реж. В. Гончуков. Одесская студия художественных фильмов, 1941.

Показателен случай Юрия Дуганова, уроженца Кировской области, студента Ленинградского института физической культуры. В годы войны сражается под Пулковом. Получив тяжелую контузию, надолго попадает в госпиталь. В блокированном Ленинграде Юрия определяют в батальон выздоравливающих, где он ведет занятия физкультурой и помогает в реабилитации раненых. Чувствуя физическую слабость, Юрий по совету опытных товарищей решает тренироваться, чтобы вновь обрести форму. Регулярно упражняясь, он берет все больший вес, восстанавливает силы и завоевывает свой первый титул чемпиона Ленинградского фронта в тяжелой атлетике. После другой травмы — в автомобильной аварии — Дуганову вновь удается реабилитироваться и вернуться на вершину советской тяжелой атлетики [Физкультура и спорт, 1952, 7, с. 18].

90 В 1950–1960-х тенденция представлять спортсменов в качестве образцовых советских людей приобретает иное направление. Для популяризации идеальной социальной группы используются новые СМИ, в первую очередь кинохроники и телевидение. Меняется и режим героизации — происходит «омоложение»: в постсталинской пропаганде увеличивается роль молодежи, разворачиваются споры о том, какой должна быть «современная молодежь» [Roth-Eu, 2003, p. 167]. В докладе о спортивном образовании на собрании тренеров и врачей в апреле 1959 г. говорится: «советский спорт должен воспитывать передовых граждан нашего общества, которые совершают правильные поступки, воспитывать передовых работников, которые честны в спортивной борьбе, дисциплинированы, уважают товарищей и коллектив» [ГА РФ. Ф.Р-9570. Оп. 1. Д. 1919. Л. 36-37]. В том же докладе утверждается, что спортсмены должны быть обходительны с женщинами, совершенствовать свой эстетический вкус; говорится, что необходимо обращать внимание на манеру одеваться и литературу, которую они читают, так как спортсмены склонны увлекаться рок-н-роллом и иностранными фильмами [Там же, Л. 47-48]. Указанные черты вписываются в образ молодежи времен «оттепели»: она более самостоятельна, раскрепощена, открыта Западу и американской культуре.

Фабрика звезд: популяризация в СМИ

В СССР было много высококлассных спортсменов, но не все пользовались равным вниманием СМИ. В середине 1930-х формируются механизмы отбора и повышения престижа спортсменов. В 1950–1960-х они меняются. Спорт становится все более популярным массовым зрелищем, и образ спортсменов переживает трансформации. В их жизни, которую делают общедоступной репортажи, сочетаются неординарные практики (приглашения на приемы, тусовки

в «хорошем» столичном обществе, частые зарубежные поездки) и советская обыденность. Необходимо проанализировать, каким образом отдельным спортсменам высокого уровня удастся выделиться из массы себе подобных и добиться славы за пределами спортивной арены [Mignon, 2007].

Главным средством популяризации чемпионов с внушительным списком наград становятся печатные и аудиовизуальные СМИ. Спортивные события широко освещаются. «Правда», «Известия», «Литературная газета» регулярно публикуют результаты советских спортсменов в международных соревнованиях, выделяя имена победителей; «Комсомольская правда» постоянно пишет о тех же достижениях. Специализированная пресса, например «Советский спорт» или «Физкультура и спорт», а также ежемесячные кинохроники «Советский спорт» публикуют обширные статьи и репортажи, чередуя описания матчей, турниров, спортивной жизни колхозов и заводов, портреты спортсменов¹.

На страницах газеты «Советский спорт» и журнала «Физкультура и спорт» мы можем зафиксировать два типа иконографии чемпионов. Первый — это «доски почета» (крупный план, официальный костюм, нейтральный фон) [Советский спорт, 1964, 243, с. 1; 252, с. 1]. Характерные для спортсменов черты отсутствуют, что сближает фотографии с изображениями передовых рабочих (стахановцев). Другой тип фотографий — это спортсмены в движении (в решающий момент состязания либо сразу после него) [Советский спорт, 1964, 250, с. 3; 243, с. 3; 247, с. 7]. Такие изображения позволяют продемонстрировать профессиональные качества (концентрацию, твердость, способность приложить максимум усилий), выраженные в телесных позах.

Два типа изображений выполняют разные функции (каноническое изображение выдающейся личности и хроника событий), сосуществуют и дополняют друг друга. В спортивной кинохронике можно обнаружить то же иконографическое деление. Портретные кинозарисовки спортсменов, зачастую постановочные и снятые в неестественной обстановке (специально подобранные костюмы, грим), иллюстрируют идеальный образ чемпионской жизни. С подобными репортажами соседствуют материалы, где герои запечатлены в эпицентре действия, на состязаниях и чемпионатах; окружающей обстановке внимания практически не уделяется.

1 Кинозарисовки зачастую были тщательно спланированными и постановочными. В них регулярно повторялся набор клише: тренировка в лесу на свежем воздухе, сцена в опрятной квартире и т. д. Чемпионы никогда не показывались в момент усилий, вспотевшими, но исключительно безупречными.

В последние годы хрущевской эпохи интерес к жизни спортивных знаменитостей начинает выходить за пределы спортивных рубрик. Так, рождение сына у Валерия Брумеля в 1963 г. стало сюжетом для репортажа: в киножурнале «Новости дня»¹ показали выписку матери и ребенка из роддома и их возвращение домой.

Иногда в прессе публикуют карикатуры на известных спортсменов, которые подчеркивают их выдающиеся способности. Так, борец Гиви Картозия изображен несущим слонов; Владимир Куц — обгоняющим зайца, оленя, автомобиль и самолет. Гребцы Юрий Тюкалов и Александр Беркутов — плывущими на рыбах. Толкательница ядра Тамара Тышкевич — бросающей пушечные ядра с силой, которая удивляет самого барона Мюнхгаузена, который пролетает мимо верхом на таком же ядре [Физкультура и спорт, 1957, 4, приложение 3, рис. 26].

92 Лучшие спортсмены не только появляются на страницах газет и журналов, теле- и киноэкранах, они становятся живыми талисманами и гастролируют по всему Союзу. Осенью 1952 г. в павильоне физической культуры и спорта Всесоюзной сельскохозяйственной выставки выступают олимпийские медалисты — гимнасты Виктор Чукарин, Грант Шагинян и Мария Гороховская, легкоатлетки Нина Ромашкова и Галина Зыбина, борец Арсен Мекокишвили и гребец Юрий Тюкалов; к ним присоединяются команды волейболистов и баскетболистов, ставших чемпионами мира и Европы [ГА РФ. Ф.Р-7576. Оп. 1. Д. 867. Л. 80]. Лучшие конькобежцы Союза объезжают с гастролями Челябинск, Новосибирск, Курган, Молотов (ныне Пермь), Омск, Архангельск, Сыктывкар. Цель гастролей и публичных выступлений — популяризация физкультуры и повышение престижа кумиров, отобранных спортивным руководством. Тому же способствуют церемонии чествования по возвращении с соревнований.

Традиция чествовать победителей появилась во второй половине 1930-х годов. Она продолжается в 1950-х и 1960-х — спортсменов встречают с летних Олимпийских игр и чемпионатов мира². В 1956 г. после Летних олимпийских игр в Мельбурне советская делегация триумфально прибывает по морю во Владивосток. Затем олимпийцы следуют по легендарной Транссибирской магистрали на поезде, украшенном спортивной символикой и лозунгом «За Родину!». Фильм «Наши олимпийцы» демонстрирует ликующие толпы со-

1 Киножурнал «Новости дня», № 52, 1963, ЦСДФ, 10'21.

2 Так, конькобежцев, вернувшихся с чемпионатов мира в Финляндии и Норвегии, толпы встречали возгласами: «Советские конькобежцы — чемпионы мира!», ЦСДФ, 1953.

ветских людей на перронах городов, через которые следует поезд. Москвичи встречают чемпионов цветами и флагами.

В 1960 г. по возвращении спортсменов с Летних олимпийских игр в Риме в аэропорту разворачивается сцена в духе времени. Толпа ждет олимпийцев у трапа. Они приветствуют болельщиков, а те встречают кумиров овацией. Спортсменам вручают охапки цветов, они обнимают родных и поклонников, после чего бегун на длинные дистанции Петр Болотников и метатель копья Виктор Цыбуленко произносят речи. Почести не заканчиваются церемониями встречи. В честь празднования 1957 года победители зимних и летних Олимпийских игр приглашены на Бал олимпийцев в Кремле¹. Церемония, организованная отделом административных органов ЦК КПСС, широко освещалась в СМИ: советские чемпионы в костюмах и вечерних платьях собрались в позолоченных залах Кремля, некоторые из них демонстрируют свои танцевальные таланты [Томилина, 2014, с. 12].

Таким образом, международные победы и растущий интерес населения к спорту способствуют распространению феномена спортивных знаменитостей. СМИ помогают спортсменам «быть известными среди тех, кто им неизвестен». Пресса, кинохроники, радио, телевидение освещают спортивные новости и демонстрируют не только достижения спортивной элиты, но и ее будни. Программы и публикации участвуют в отборе персонажей, пригодных на роль знаменитостей, которые путешествуют по всему СССР, популяризируя физкультуру. Однако народное признание звезд спорта не всегда совпадает с «официальным культом». «Раскрученные» спортсмены не всегда привлекают толпы поклонников. У народной любви свои законы, которые необходимо принимать во внимание, даже если они не соответствуют официальным критериям идеального советского спортсмена.

93

Двойственный характер славы

Чемпионы Юрий Власов, Валерий Брумел, Лариса Латынина, Тамара Пресс пользовались большим вниманием СМИ в 1950-1960-х годах. Они были героями и образцами для растущего поколения. На их фоне возникает новый тип «негативных» кумиров — хоккеисты и футболисты, далеко не всегда отличающиеся высокой нравственностью.

1 Киножурнал «Советский спорт», ЦСДФ, 1, 1957, 7'45; А. Рыбакова «Наши олимпийцы», ЦСДФ, 1957. О «Бале олимпийцев» и его месте в истории советского спорта см. [Нилин, 2005, с. 108].

Изобличение пороков спортсменов — жанр в СССР традиционный. Можно вспомнить поэму Маяковского «Товарищи, поспорьте о красном спорте!», написанную по случаю Спартакиады 1928 г. Поэт высмеивает две отрицательные черты чемпионов: любовь к выпивке и глупость. Двадцать с лишним лет спустя в третьем выпуске сатирического журнала «Крокодил» за 1951 г. появляется карикатура, высмеивающая недалеких спортсменов. На первой картинке изображены трое спортсменов, двое мужчин и женщина, представители лыжного, конькобежного и мотоциклетного спорта. «Мы ждем лучших результатов» — гласит подпись. На второй картинке те же персонажи дремлют за рабочим столом, и уточняется, в чем же именно от них ждут лучших результатов: в ходе политической подготовки три чемпиона, столь целеустремленные на спортивной арене, смогли осилить лишь десять страниц учебника за 188 дней, 16 часов, 43 минуты и 22,5 секунды [Крокодил, 1951, 3, с. 7]¹.

94

Высмеивание спортсменов становится обычной практикой 1950-х. Момент, когда спортсмены становятся звездами, получая славу, известность, привилегированный образ жизни, отмечен чередой скандалов, примерами быстрого превращения малообразованных молодых людей в кумиров. Руководители физкультурного движения были вынуждены противостоять распущенности спортсменов, которые завоевывали мировые пьедесталы. В прессе идут жаркие дискуссии в связи с громкими скандалами, звучат сожаления о неблагодарности безнравственных молодых людей, переживших стремительное возвышение. Потребление оказывается социальным маркером. Спортсмены делятся на «хороших» героев и «дурных» кумиров.

В газете «Вечерняя Москва» за 2 октября 1954 г. выходит репортаж «Отец и дети» о заслуженном мастере спорта, игроке московского «Спартака» Николае Шумилкине. В материале сообщается, что отец двух дочерей забросил их воспитание: не интересовался учебой и поведением в школе, не участвовал в жизни семьи, не организовывал культурный досуг детей, не строил планы на каникулы. Когда старшая дочь спортсмена уехала из дома к бабушке в Ростов-на-Дону, он не оказывал ей никакой материальной помощи [ГА РФ. Ф.Р-7576. Оп. 1. Д. 1049. Л. 34]. Статья опубликована с назидательной

1 Иллюстрации на подобные темы можно найти в выпуске журнала «Физкультура и спорт» за ноябрь 1956 г. На рисунке несколько «первоклассных» спортсменов со счетами и азбукой. На другой иллюстрации спортсмен рядом с шестью пустыми бутылками. Тогда один персонаж восклицает: «Уходим! Мы не сможем перевыполнить норму чемпиона!» [Физкультура и спорт, 1956, 11, с. 41].

целью: продемонстрировать, что некоторые известные спортсмены стали носителями новых нравственных норм (отцы участвуют в жизни семьи, борются с алкоголизмом), однако в реальности остаются и противоположные примеры. Такие контрпримеры встречали резкое осуждение прессы и спортивных организаций, что способствовало укреплению нового образа общества.

Вероятно, известное дело Эдуарда Стрельцова¹ следует рассматривать именно в контексте пропагандистского контраста между идеальной молодежью и «отрицательными» персонажами. Молодой футболист, ставший воплощением плохого спортсмена, стал объектом газетной диффамации, которая длилась несколько недель. В прессе осуждались его развращенный нрав, варварское поведение, отсутствие чувства коллектива. Так, газета «Спортивная жизнь России» после хвалебных слов в адрес образцовых чемпионов говорила о Стрельцове как о примере противоположного образа жизни, указывая на его индивидуализм, низкий уровень образования и отсутствие самоотверженности [Спортивная жизнь России, 1958, 9, с. 1].

Начиная с Олимпийских игр 1952 г. в Хельсинки и до середины 1960-х, в период, ознаменованный смертью Сталина, десталинизацией и поиском новых путей развития, о которых говорил Хрущев, популярность спортивных знаменитостей росла. Этому способствуют благоприятные политические и социальные условия. Развенчание культа личности создало вакуум, в котором возникают обновленные героические образы, не похожие друг на друга, молодые. Оттепель внесла спокойствие в общественную жизнь. Бурное развитие радио и телевидения расширило аудиторию матчей и турниров. Увеличилось время для досуга населения.

Рост популярности знаменитостей носит двойственный характер. Некоторые чемпионы играют роль героев, но героизация хрущевской эпохи имеет свою специфику. Характерные черты советских героев остаются неизменными (самоотверженный труд, дух коллективизма, скромное социальное происхождение). Но некоторые представители спортивной элиты, сохраняя верность нравственным принципам «строителей коммунизма», становятся «певцами» нового времени, для которого характерно, к примеру, изменение соотношения мужских и женских ролей в обществе, развитие технологий. Народная любовь к определенным видам спорта, напротив, порождает новых кумиров, которые соперничают с «высокоморальным» образом атлетов или гимнастов.

1 В 1958 г. известный футболист Эдуард Стрельцов был арестован по обвинению в изнасиловании и приговорен к 12 годам лишения свободы.

Хоккеисты и футболисты, пользующиеся огромной популярностью и поддержкой болельщиков, становятся кумирами со спорным образом жизни. Разворачивается борьба образов, и ее подогревает рост свободы слова. В свете скандалов вокруг спортсменов, публично ведущих разгульный образ жизни, вырабатывается определенный механизм борьбы с безнравственностью как главной причиной дисквалификации лучших спортсменов. Сначала проступки осуждаются публично; в критику активно включается интеллигенция, обрушиваясь на молодых людей, вознесенных до небес, несмотря на их варварство и распущенность. Затем публично восхваляются образцовые и порядочные спортсмены, которые являются доблестными защитниками строительства социализма.

Заключение

Итак, каким же образом герои спорта, а затем спортивные знаменитости стали объектом «борьбы символических значений» в СССР? Предложенные ответы представляют собой лишь общие соображения, они требуют проработки и анализа на основании более тщательного качественного или количественного исследования — в качестве примера можно привести работу Ален Шеню на материале обложек журнала *Paris Match* [Chenu, 2008].

Тем не менее наше исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, Советский Союз не обошли стороной две глобальные тенденции: развитие спорта как зрелища с широким освещением в СМИ и использование спорта в политических целях, внешних и внутренних. Поначалу советское спортивное руководство старалось выработать новую форму физической активности — культуру, и распространить рабочий спорт через альтернативную Международному олимпийскому комитету организацию — Красный спортивный интернационал. Затем оно приняло правила игры «буржуазного спорта», но продолжило бороться с его устоями посредством социалистического толкования спорта, стремясь физически сравняться с капиталистическим противником *in situ*.

В эту эпоху возникает спортсмен-чемпион как воплощение пантеона советских героев; участвуя в демократизации знаменитостей, он прежде всего должен служить образцом для всего общества. Но этот образец пластичен, его качества меняются в зависимости от выбора тех, кто его формирует. Развитие медиа, мультипликация дискурсов и изображений умножают средства передачи информации, а также способствуют изменчивости образов. За неординарными сюжетами о спортивных достижениях следуют обычные зарисовки из частной жизни спортсменов. В то же время, когда одни знаменитости становятся образцами для подражания, против

других разворачиваются кампании в прессе, представляя их как антигероев. Так, в СССР появляется критика славы и опасностей, который она несет, но за критикой неизбежно следует возвышение новых, образцово-нравственных знаменитостей.

Наш анализ завершается 1960-ми. В последующие десятилетия рост популярности знаменитостей продолжается, но акценты меняются. В момент, когда герои спорта действительно доказывают превосходство советского режима, они уже не похожи на могучих строителей социализма, бесстрашных воинов, сражающихся против нацистских захватчиков или доблестных строителей коммунизма. Они стали похожи на обыкновенных героев.

Себастьян Флерель показал, что реализации политики спорта высших достижений во Франции сопутствовало продвижение «демократической фикции», утверждающей, что кто угодно может стать чемпионом — т. е. высококлассный спортсмен олицетворяет успех, которого может добиться любой гражданин. Флерель приходит к выводу, что эта гипотетическая модель закладывает идеологическую базу для вмешательства государства в управление спортивной элитой [Fleuriel, 2004, p. 37]. По мере своего вмешательства в формирование спортивной элиты Советский Союз выстроил похожий миф, который вновь обрел силу в 1970-х. Массовое занятие спортом как одна из целей вмешательства государства в сферу физической культуры является, вероятно, основой для возникновения национальной спортивной элиты. Очевидно, что вышедшие из этой элиты спортивные знаменитости стали вполне обычными гражданами.

97

Библиография

- Герсон В. (1929) Чемпионы и рекордсмены, или Нужные нам мастера. *Физкультура и спорт*, 19.
- Гордись именем своим, спортсмен страны советов. *Спортивная жизнь России*, 1958, 9.
- Какие мастера нам нужны (о «чемпионстве»). *Физкультура и спорт*, 1928, 39.
- Какие спортсмены нам нужны (о «чемпионстве»). *Физкультура и спорт*, 1928, 39.
- Нилин А. (2005) *XX век. Спорт*, М.: Молодая гвардия.
- Пискарёв А. (1952) Забивной характер. *Физкультура и спорт*, 7.
- Томилина Н., Прозуменщиков М., Казарина И. (2014) *Белые игры под грифом «секретно»: СССР и Зимние олимпийские игры 1956–1988 гг.*
- Хмельницкая И. (2011) *Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва*, М.: Новый хронограф.
- Charle C. (2011) *Discordances des temps, une brève histoire de la modernité*, Paris: Armand Colin.

- Andrews D.L., Jackson S.J. (2001) *Sport Stars: The Cultural Politics of Sporting Celebrity*, London; New York: Routledge.
- Boulgakova O. (2003) Les beautés et le pouvoir. N. Laurent (ed.) *Le Cinéma «stalinien», questions d'histoire*, Toulouse: Presses universitaires du Mirail.
- Chenu A. (2008) Des sentiers de la gloire aux boulevards de la célébrité, Sociologie des couvertures de Paris Match, 1949-2005. *Revue française de sociologie*, 49 (1): 5-13.
- Dufraisse S. (2014) Какие чемпионы нам нужны? Споры о советской спортивной элите в 1928-1929-х годах. [Quels champions nous faut-il? Débats sur l'élite sportive, 1928-1929]. *Soviet History Discussion Papers*, 4.
- Edelman R. (2009) *Spartak Moscow, a History of the People's Team in the Workers' State*, Ithaca/Londres: Cornell University press.
- Faure J.-M., Suaud C. (2011) *La raison des sports, Sociologie d'une pratique universelle et singulière*, Paris : Raisons d'agir.
- Fleuriel S. (2004) *Le Sport de haut niveau en France, sociologie d'une catégorie de pensée*, Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.
- Grant S. (2013) *Physical Culture and Sport in Soviet Society, Propaganda, Acculturation and Transformation in the 1920s and 1930s*, New York: Routledge.
- 98 Heinich N. (2011) La culture de la célébrité en France et dans les pays anglophones. Une approche comparative. *Revue française de sociologie*, 52 (2): 353-372.
- Heinich N. (2012) *De la visibilité. Excellence et singularité en régime médiatique*, Paris, Gallimard, «Bibliothèque des Sciences humaine».
- Juan M. (2011) *La célébrité à l'heure de la reproductibilité. L'invention de la star de cinéma en France pendant l'entre-deux-guerres*, Hypothèses: 127-144.
- Juan M., Picard N. (2011) *Célébrité, gloire, renommée. Introduction à l'étude historique du fait d'être connu de ceux que l'on ne connaît pas*. Hypothèses: 87-96.
- Lilti A. (2014) *Figures publiques, l'invention de la célébrité, 1750-1850*, Paris: Fayard.
- Marshall P.D. (2006) *The Celebrity Culture Reader*, New York/Londres: Routledge.
- Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26 (4): 469-483.
- Mignon P. (2007) Les deux performances. Ce que les médias ont fait des sportifs. *Le Temps des médias*, 9: 149-163.
- Morin E. (1972) *Les Stars*, Paris: Editions du Seuil.
- O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR, Physical Culture-Visual Culture*, Londres: Reaktion books.
- Roth-Ey Kristin (2003) *Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950-1960s*, Ph.D. sous la direction de Stephen Kotkin et Laura Engelstein, Université de Princeton.
- Venayre S. (2012) *Disparu! Enquête sur Sylvain Venayre*, Paris: Les Belles Lettres.
- Ville S. (2016) Georges Carpentier, naissance d'une célébrité sportive (1894-1926). *Genèses*, 103: 49-71.
- Wünsche I. (2000) Homo Sovieticus: The Athletic Motif in the Design of the Dynamo Metro Station. *Studies in the Decorative Arts*, 7 (2): 65-90.

References

- Andrews D.L., Jackson S.J. (2001) *Sport Stars: The Cultural Politics of Sporting Celebrity*, London; New York: Routledge.
- Boulgakova O. (2003) Les beautés et le pouvoir. N. Laurent (ed.) *Le Cinéma «stalinien», questions d'histoire*, Toulouse: Presses universitaires du Mirail.
- Charle C. (2011) *Discordances des temps, une brève histoire de la modernité*, Paris: Armand Colin.
- Chenu A. (2008) Des sentiers de la gloire aux boulevards de la célébrité, Sociologie des couvertures de Paris Match, 1949-2005. *Revue française de sociologie*, 49 (1): 5-13.
- Dufraisse S. (2014) Kakiie chempiony nam nuzhny? Spory o sovetskoï sportivnoi elite v 1928-1929 godakh. [Quels champions nous faut-il? Débats sur l'élite sportive, 1928-1929], *Soviet History Discussion Papers*, 4.
- Edelman R. (2009) *Spartak Moscow, a History of the People's Team in the Workers' State*, Ithaca/Londres: Cornell University press.
- Faure J.-M., Suaud C. (2011) *La raison des sports, Sociologie d'une pratique universelle et singulière*, Paris: Raisons d'agir.
- Fleuriel S. (2004) *Le Sport de haut niveau en France, sociologie d'une catégorie de pensée*, Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.
- Gerson V. (1929) Chempiony i rekordsmeny, ili Nuzhnyie nam mastera. *Fizkultura i sport*, 19.
- Grant S. (2013) *Physical Culture and Sport in Soviet Society, Propaganda, Acculturation and Transformation in the 1920s and 1930s*, New York: Routledge.
- Heinich N. (2011) La culture de la célébrité en France et dans les pays anglophones. Une approche comparative. *Revue française de sociologie*, 52 (2): 353-372.
- Heinich N. (2012) *De la visibilité. Excellence et singularité en régime médiatique*, Paris, Gallimard, «Bibliothèque des Sciences humaine».
- Juan M. (2011) *La célébrité à l'heure de la reproductibilité. L'invention de la star de cinéma en France pendant l'entre-deux-guerres*, Hypothèses: 127-144.
- Juan M., Picard N. (2011) *Célébrité, gloire, renommée. Introduction à l'étude historique du fait d'être connu de ceux que l'on ne connaît pas*, Hypothèses: 87-96.
- Kakie mastera nam nuzhny (o «chempionstve»), *Fizkultura i sport*, 1928, 39.
- Kakie sportsmeny nam nuzhny (o «chempionstve»), *Fizkultura i sport*, 1928, 39.
- Khmelnitskaia I. (2011) *Sportivnyie obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva*, M.: Novyi khronograf.
- Lilti A. (2014) *Figures publiques, l'invention de la célébrité, 1750-1850*, Paris: Fayard.
- Marshall P.D. (2006) *The Celebrity Culture Reader*, New York/Londres: Routledge.
- Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26 (4): 469-483.
- Mignon P. (2007) Les deux performances. Ce que les médias ont fait des sportifs. *Le Temps des médias*, 9: 149-163.

Morin E. (1972) *Les Stars*, Paris: Editions du Seuil.

Nilin A. (2005) *XX vek. Sport*, M.: Molodaia gvardiia.

O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR, Physical Culture-Visual Culture*, Londres: Reaction books.

Piskarev A. (1952) Zabivnyj kharakter [Target man], *Fizkultura i sport*, 7.

Roth-Ey Kristin (2003) *Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950-1960s*, Ph. D. sous la direction de Stephen Kotkin et Laura Engelstein, Université de Princeton.

Tomilina N., Prozumenshchikov M., Kazarina I. (2014) *Belyie igry pod grifom "sekretno": SSSR i zimniie Olimpiiskie igry 1956-1988 gg.*

Venayre S. (2012) *Disparu! Enquête sur Sylvain Venayre*, Paris: Les Belles Lettres.

Ville S. (2016) Georges Carpentier, naissance d'une célébrité sportive (1894-1926), *Genèses*, 103: 49-71.

Wünsche I. (2000) Homo Sovieticus: The Athletic Motif in the Design of the Dynamo Metro Station. *Studies in the Decorative Arts*, 7 (2): 65-90.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Дюфрес С. (2018) Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР. *Социология власти*, 30 (2): 83-100.

Dufraisse S. (2018) The advent of sport celebrities: how to analyze the celebrity phenomena in the Soviet Union. *Sociology of Power*, 30 (2):83-100.

Поступила в редакцию: 11.05.2018; принята в печать: 19.05.2018

РОМАН А. МАТВИЕНКО

МВШСЭН, Москва, Россия

Запрос видеоповтора в регби: последовательность действий главного судьи

В статье рассматривается последовательность действий главного судьи регбийного матча при запросе просмотра игровой ситуации телевизионным официальным представителем матча (ТМО) — специальным помощником судьи, ответственным за просмотр видеоповторов игровых эпизодов. В соответствии с принципами, предложенными исследователями-этнометодологами, автор описывает несколько фрагментов трансляций регбийных матчей, в которых показаны действия судьи от приостановки игры до запроса видеоповтора эпизода. В качестве отправной точки для составления описания автор обращается к протоколу ТМО — приложению к правилам регби, в котором регламентируются действия главного судьи и его помощников при переходе к видеопросмотру. Описание дополняется расшифровками разговоров и диаграммами видеофрагментов.

Автор рассматривает ряд догадок о последовательности и содержании действий судьи. В частности, обсуждается значение судейского свистка как конститутивного элемента изучаемой ситуации, аспекты, связанные с приостановкой игрового процесса и остановкой отсчета игрового времени, вовлечением помощников судьи, а также положением участников ситуации в игровом пространстве. Утверждается, что судье необязательно следовать регламентированной протоколом процедуре, чтобы его действия были поняты другими участниками ситуации. Движения, жесты и реплики судьи, а также его ориентация на игроков и помощников представляют остальным участникам достаточно информации для осмысленной трактовки происходящего, даже если судья значительно отклоняется от буквы протокола. Это позволяет не допустить заминок в случаях нарушения судьей последовательности действий, предусмотренной протоколом. Таким образом, подчеркивается социальный и упорядоченный характер ситуации перехода к видеопросмотру.

Ключевые слова: регби, видеоанализ, судейство, видеоповторы, свисток

101

Матвиенко Роман Александрович — слушатель МВШСЭН. Научные интересы: объектно-ориентированная онтология, акторно-сетевая теория, социология спорта. E-mail: r.a.matvienko@gmail.com

Roman A. Matvienko — student of MSSSES. Research interests: object oriented ontology, actor-network theory, sociology of sport. E-mail: r.a.matvienko@gmail.com

Roman A. Matvienko, MSSES, Moscow, Russia

Television Match Official Review in Rugby Union: the Sequence of Referee's Actions

The paper examines how rugby referee requests video review of a game episode by a television match official (TMO) who assists referee in adjusting or revising in-game decisions. Author describes a number of fragments of test rugby broadcasts where actions of a referee from stopping play to video review request are shown. Author derives from the TMO Global Trial Protocol, a special document which regulates sequence and content of match officials' actions during consultation with the TMO. The description is made from the perspective of ethnomethodology and is provided with transcripts of conversations and video fragments.

The paper suggests a number of guesses about sequence and content of the referee's actions related to blowing a whistle to stop play, stopping time with or without special signs and gestures, assistant referee's involvement, and location of participants of the situation. Author claims that it is not necessary for a referee to follow the Protocol in case his actions were properly understood by other participants. His moves, gestures and words as well as his orientation on players and assistants provide other participants enough information for meaningful interpretation of what is happening here and now. This allows to prevent halts and breaks during the game when the referee violates the sequence of actions provided by the Protocol. So social and ordered character of the situation under consideration is emphasized.

102

Keywords: rugby, video analyses, officiating, television match official, whistle

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-101-120

Введение

Регби¹ — спортивная командная игра с мячом, которая ведется по многочисленным нюансированным правилам. Каждый регбийный матч контролируется «официальными представителями матча» — судьей на поле (далее по тексту — судьей) и двумя боковыми судьями (далее по тексту — помощниками) [World Rugby, 2017, p. 48].

Регби является динамичной контактной игрой, поэтому в ходе матчей случаются эпизоды, по которым судья затрудняется вынести решение единолично. В таких случаях правила позволяют судье консультироваться с другими официальными представителями

1 Существует несколько разновидностей регби, правила которых значительно различаются; в этом тексте под регби понимается игра по правилам союза регби (регби-юнион, регби-15).

матча для вынесения решения, которое будет соответствовать правилам игры.

В 2001 г. Международный совет регби¹ разрешил судьям просмотр видеоповторов во время матча для вынесения решения по неочевидным эпизодам [Cleary, 2001]. Для этого организатор соревнований может назначить телевизионного официального представителя матча (далее по тексту — ТМО), который «использует технические устройства для внесения ясности» в ситуациях, связанных с результативными действиями и проявлениями грубой игры [World Rugby, 2017, p. 51]. С начала 2000-х годов ТМО назначается практически на все матчи ведущих сборных и клубных регбийных команд.

Любой официальный представитель матча, в том числе ТМО, может порекомендовать просмотр ситуации ТМО (далее по тексту — видеопросмотр). При этом им следует придерживаться протокола ТМО (далее по тексту — протокола), в котором пошагово прописана процедура запроса видеопросмотра [World Rugby, 2014]. В частности, при переходе к видеопросмотру судье предписывается следующая последовательность действий:

1. остановить игру свистком;
2. выполнить знак «Т» об остановке отсчета времени матча (рис. 1);
3. выполнить знак «прямоугольник» (рис. 2);
4. одновременно с жестом «прямоугольник» проинформировать ТМО о необходимости его совета.

Таким образом, правила игры и протокол предлагают образец для исключения заминок. Последние могли бы возникнуть, если бы ТМО не понял, что судья ждет от него совета по поводу игрового эпизода, а судья в свою очередь из-за этого не мог принять решение и возобновить ход матча.

Далее будет показано, что для исключения таких заминок судье не обязательно строго следовать предписанной процедуре. Для этого анализируются некоторые аспекты порядка приостановки регбийного матча для видеопросмотра: какие действия и в какой последовательности совершаются официальными представителями матча при переходе к видеопросмотру; как в конкретной ситуации достигается взаимное понимание по поводу того, что после приостановки игры будет остановлен отсчет времени матча и начнется видеопросмотр.

1 Международный совет регби (далее по тексту — IRB) — руководящая организация, регулирующая правила игры.

Рис. 1. Знак «Т».
Fig.1. Signal “Т”.

Рис. 2. Знак «прямоугольник».
Fig. 2. “Square-box” signal.

Исследовательская перспектива

104

Социологи обращались к таким аспектам судейства в регби, как толкование изменений правил [Kew, 1987], двигательная активность [Martin et al., 2001] и принятие решений в игровых ситуациях [Mascarenhas et al., 2005; Mascarenhas, Collins, Mortimer, 2005]. Обширный каталог натуралистических исследований посвящен взаимодействию официальных представителей матча в регби [Mellick et al., 2005; Mellick et al., 2007] и в других игровых видах спорта [Neville et al., 2017]. Наконец, некоторые исследователи изучают применение технологий для вынесения решений судьями в спортивных играх [Kerr, 2016; Leveaux, 2010; Steen, 2011]. Здесь аспекты взаимодействия регбийных судей анализируются в этнометодологическом ключе как ситуационная социальная практика.

Из множества нюансов ситуации запроса видеопросмотра рассматривается последовательность действий участников (их положение и перемещение в игровом пространстве, жесты, реплики), которая воспринимается двояко: как предмет исследования и аналитическое средство [Heath, Hindmarsh, Luff, 2010, p. 62]. В соответствии с указанием Харви Сакса на существование «порядка в каждой точке» предполагается, что порядок действий судьи проявляется в каждой детали наблюдаемой практики [Schegloff, 2006, p. xlvii]. Каждое действие связывается с предыдущими действиями соучастников деятельности и, в свою очередь, предоставляет основу для последующих действий [Heath, Hindmarsh, Luff, 2010, p. 68]. Таким образом, ключом к пониманию каждого отдельного действия является его место во всей последовательности действий.

Сакс и его коллеги предложили аналитическую рамку для исследования разговорных взаимодействий, благодаря которой они выявили и описали систему очередности, применяемую в разго-

воре [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974]. Как отмечает Кристиан Хит, физическое поведение необязательно структурируется в виде отдельных «чередов»¹ («turns»), но позиция каждого изменения в процессе взаимодействия принципиальна важна в контексте того, как всякое действие — вербальное, визуальное или их комбинация — производится или понимается самими действующими. Участники взаимодействия используют последовательный характер физического поведения, чтобы интерпретировать и анализировать отдельные действия и деятельность в целом [Heath, Hindmarsh, Luff, 2010, p. 74].

Применительно к анализируемой ситуации это значит, что действия судьи погружены в контекст происходящего. Судья ориентируется на действия остальных участников матча (прежде всего регбистов), и в то же время его действия инструктивны для остальных. Например, после судейского свистка регбисты понимают, что нужно завершить игровой эпизод. Помощнику больше не нужно быть готовым в каждое мгновение зафиксировать место, где игрок с мячом или мяч пересек боковую линию поля, но нужно приготовиться к возможному совещанию с судьей. Видеооператоры и режиссер трансляции фокусируются не на борьбе за мяч, а на судьбе или других аспектах происходящего (это может быть потасовка между регбистами или, напротив, момент, где один регбист помогает подняться с земли сопернику или партнеру по команде). Сам судья переходит к следующему действию в последовательности, в итоге завершающейся свистком о возобновлении игры.

105

Данные и методы анализа

Исследование проводится на материале записей телевизионных трансляций регбийных матчей. Специфика этих данных накладывает ряд ограничений, вот наиболее значительные из них.

1. Зачастую во время остановок игры и переходов к видеопросмотрам действия судьи оказываются за кадром: режиссер трансляции предпочитает переключиться на других действующих лиц (например, на игроков) или на повтор предшествовавшего эпизода.

1 В российской социологии в текстах конверс-аналитиков *turn* принято переводить как «черед». См., например, русский перевод [Sacks et al, 1974]: Сакс Х., Шеглофф Э.А., Джефферсон Г. (2015) Простейшая систематика организации очередности в разговоре. *Социологическое обозрение*, 14(1): 142–202.

2. Телевизионная трансляция не показывает помещение, где находится ТМО, поэтому его действия в момент перехода к видеопросмотру остаются за кадром.
3. Голоса телевизионных комментаторов матча и гул стадионной толпы накладываются на переговоры между судьей и его помощниками или ТМО, из-за чего эти переговоры иногда не поддаются расшифровке.

Для анализа отобраны три фрагмента трансляций, в которых показаны действия судьи от сигнала о приостановке игры до запроса видеопросмотра. В двух фрагментах предписанная протоколом последовательность действий соблюдается, в третьем — незначительно нарушается. Ситуационные различия позволяют дать более разностороннее описание исследуемой практики.

Видеофрагменты предоставляют доступ ко всей последовательности действий судьи и сопутствующим действиям других участников. Их анализ позволяет выдвинуть ряд догадок о ситуационном порядке взаимодействия.

106 Характер данных (видеозаписи) обуславливает аналитическую рамку исследования. Для анализа отобранных фрагментов используются решения, предложенные Хитом и его коллегами [Heath, Hindmarsh, Luff, 2010, p. 150–154]: многократный просмотр видеофрагментов (включая ускоренную, замедленную и покадровую перемотку) и составление вспомогательных диаграмм и расшифровок для фиксации видимых действий и реплик.

Сравнительное описание видеофрагментов

Для того что схватить общие черты исследуемой ситуации и отметить ее элементы, предлагается начать исследование с краткого описания анализируемых видеофрагментов.

На первом фрагменте¹ зафиксирован эпизод матча между сборными Франции (в темно-синей форме) и Новой Зеландии (в бело-черной форме). Непосредственно перед этим эпизодом мяч после розыгрыша рака² оказался в зачетном поле³ французской команды, где его коснулся рукой новозеландский регбист. Если после того как мяч пересек линию ворот, первой его коснулась рука новозеландца,

1 <https://www.youtube.com/watch?v=oYKI2dsuhn8>.

2 Рак — это фаза игры, когда один или несколько игроков от каждой команды, стоя на ногах и находясь в физическом контакте друг с другом, группируются вокруг мяча, находящегося на земле.

3 Зачетное поле — площадь между линией ворот, линией «мертвого мяча» и боковыми линиями зачетного поля.

то судья должен засчитать попытку¹; если рука француза — схватку² в пяти метрах от линии зачетного поля. Судья матча Ангус Гарднер свистком останавливает игру, показывает сигнал «Т» о приостановке отсчета времени матча и подходит к помощнику Мэтью Кэрли. Между ними происходит непродолжительный обмен репликами³.

1. A: Black (handle) (line) (out) first (for) (ball)

2. (2.9)

3. R: Yeah

4. (0.5)

5. R: David check it

6. (1.4)

7. R: Dave (.) you there?⁴

Последние реплики судьи (строки 5 и 7) обращены к ТМО Дэвиду Грэшоффу; они произносятся в движении и сопровождаются сигналом «прямоугольник».

Ситуация на втором фрагменте⁵ (матч Аргентина — Новая Зеландия) несколько отличается. Она связана не с совершением попытки, а с проявлением грубой игры: игрок новозеландской сборной (в черном) сделал высокий захват. Такое действие может привести к серьезной травме, поэтому наказывается не просто штрафным ударом, а желтой (удаление на 10 минут) или красной (удаление до конца матча) карточкой. Судья матча Яко Пейпер останавливает игру, показывает регбистам обеих команд, что они должны разой-

107

1 Попытка — результативное действие, которое засчитывается при первом приземлении мяча игроком нападения в зачетном поле соперника. Приземление попытки приносит отличившейся команде 5 очков.

2 Схватка — способ возобновления игры после незначительного нарушения или остановки игры. Схватка формируется на игровом поле, когда восемь игроков от каждой команды, связанные в три линии на команду, смыкают ряды с соперниками таким образом, что головы игроков первых линий сцепляются. Это образует туннель, в который полузащитник схватки вбрасывает мяч так, чтобы игроки первой линии могли бороться за мяч, зацепив его ногами.

3 Здесь и далее в расшифровках разговоров и в диаграммах используются следующие обозначения: R (С в переводе реплики на русский) — судья, А (П) — помощник, Т (Т) — ТМО.

4 Перевод:

1. П: Рука (черного) (коснулась) (мяча) за линией первой.

2. (2.9)

3. С: Ага.

4. (0.5)

5. С: Дэвид проверь это.

6. (1.4)

7. С: Дэйв (.) ты здесь?

5 <https://www.youtube.com/watch?v=XWf2XLqjPCc>.

тись по своим сторонам, подходит к помощнику Матью Райналю и обменивается с ним несколькими репликами.

1. A: Two player involv'in'a tuckle but (.) I think the number (.) eigh(t) (.) black =
2. (0.2)
3. R: Yep. =
4. A: = his arm (unsafe) but (.) we need to check =
5. A: = (.) whether (.) the false and (wait) to [check =
6. R: [Okay.
7. A: = exa:ctly. =
8. R: = We also in repeated enfrenq'ments.
9. (0.3)
10. A: Yea: =
11. R: = Okay.
12. (0.3)
13. R: We gonna check upstairs. =
14. R: = Morris (0.2) put it on screen for me¹.

Последние две реплики (строки 13-14) обращены ТМО Мариусу Йонкеру и сопровождаются жестом «прямоугольник».

108

В отличие от первого фрагмента на втором судья не показывает знак «Т», кроме этого здесь необходимость видеопросмотра формулируется не судьей, а помощником (4 и 5 строка расшифровки).

Третий фрагмент² взят из трансляции матча Аргентина — ЮАР. Ситуация здесь разворачивается у зачетного поля аргентинской команды (в бело-голубой форме). Игрок южноафриканской сборной приземляет мяч в зачетном поле соперника, но судья матча Паскаль Гозре не засчитывает попытку незамедлительно. Он подает свисток, останавливает отсчет времени сигналом «Т», делает несколько шагов вглубь зачетного поля аргентинцев, выполняет сигнал «прямоугольник» и обращается к ТМО Гленну Ньюману.

1. 1. П: Двое игроков в захвате но (.) я думаю номер (.) (восемь) черных= (0.2)
2. С: Да.=
3. П: = его рука (небезопасно) но (.) нам нужно проверить.=
4. П: =(.) было ли (.) нарушение и (дождаться) [точной=
5. С: [Хорошо.
6. П: =проверки=
7. С: =Так же повторяющиеся нарушения правил?
8. (0.3)
9. П: Да: =
10. С: =Ладно.
11. (0.3)
12. С: Мы собираемся проверить наверху.=
13. С: =Морис (0.2) покажи мне это на экране.
2. <https://www.youtube.com/watch?v=PxH6RA7VfU>.

В этой ситуации отличается прежде всего место действия: оно равноудалено от обеих боковых линий. Кроме того, судья сразу запрашивает видеопросмотр, не обращая за советом к помощнику.

1. R: Glen =
2. (0.7)
3. T: [()
4. R: [= (Guess) (.) try yes or no¹.

Сходства и различия между фрагментами отражены в таблице.

Сопоставление видеофрагментов
Comparison of videofragments

	Фрагмент 1	Фрагмент 2	Фрагмент 3
Причина	Попытка	Грубая игра	Попытка
Продолжительность	14,4 с	33,2 с	12,2 с
Место на поле	Около зачетного поля, рядом с боковой линией	В середине поля, рядом с боковой линией	Около зачетного поля, далеко от боковых линий
Свисток	Да	Да	Да
Сигнал «Т»	Да	Нет	Да
Сигнал «прямоугольник»	Да	Да	Да
Взаимодействие с помощником	Да	Да	Нет

1 Перевод:

1. С: Глен =

2. (0.7)

3. T: [()

4. С: [= (Предположение) (.) попытка да или нет.

	Фрагмент 1	Фрагмент 2	Фрагмент 3
Взаимодействие с регбистами	Нет	Да	Нет
Упоминание имени ТМО	Да	Да	Да
Перемещение судьи в игровом пространстве	Да	Да	Да

Такой первичный анализ позволяет сформулировать несколько догадок о последовательности действий при переходе к видеопросмотру.

110

1. Свисток судьи является необходимым элементом начала рассматриваемой ситуационной практики.
2. Обращение судьи к ТМО по имени является маркером завершения ситуации.
3. Ситуация упорядочена таким образом, что нарушение протокола не ведет к непреодолимой заминке.
4. Перемещение судьи во время перехода к видеопросмотру является элементом ситуации.
5. Участие помощника может влиять или не влиять на принятие решения о видеопросмотре.
6. Участие прочих официальных представителей матча или регбистов не является необходимым элементом ситуации.
7. Удаленность места в игровом пространстве, где разворачивается ситуация, от боковой линии определяет, будет ли помощник ее участником.

Для документированного подтверждения, уточнения или опровержения этих догадок предлагается перейти к более детальному анализу фрагментов.

Свисток

До перехода к видеопросмотру судье необходимо остановить игру. Как и в прочих игровых ситуациях для этого он подает регбистам сигнал свистком. Значение свистка судьи для хода матча уже кратко

обсуждалось во введении, но теперь следует рассмотреть этот элемент более внимательно.

Несвоевременная подача свистка в некоторых игровых ситуациях может не только привести к конфликту между регбистами или между регбистами и судьей (например, при очевидном нарушении), но и гипотетически вызвать замешательство регбистов: что делать, если эпизод очевидным образом доигран, но судья не сигнализирует свистком о его завершении¹.

При этом сигнал свистком встраивается в ход игры по-разному. В первом фрагменте это случается из-за того, что борьба перемещается в зачетное поле французской команды. В зачетном поле не разыгрывается рак, а значит мяч не может быть возвращен в игровое поле. У игроков не остается предусмотренных правилами возможностей для возобновления игры. Соответственно, судейский свисток избавляет игроков от необходимости «изобретать» варианты продолжения игры и фиксирует сложившееся положение дел: игра не может быть продолжена, и она не будет продолжена.

Во втором фрагменте судья обозначает преимущество² аргентинской команды после нарушения правил новозеландским игроком. Аргентинцы получают возможность для более рискованных игровых приемов (в случае потери мяча или перехвата им не угрожает контратака). Но необходимо учитывать, что эпизод разворачивается в середине поля. Выполнение штрафного удара с места нарушения за боковую линию поля³ позволит аргентинцам продвинуться вперед, сэкономя значительные усилия, и организовать атаку после вбрасывания мяча из аута. В тактическом плане аргентинской команде выгоднее освободиться от мяча и перейти к штрафному удару, чем разыгрывать преимущество в многофазовой атаке. В свою очередь новозеландцам необходимо собранно отыграть в обороне, чтобы не допустить опасного прорыва соперника. Также им нужно завладеть мячом как можно скорее, чтобы

-
- 1 Из личного опыта игры в регби и судейства регбийных матчей.
 - 2 Преимущество — игровая ситуация, когда судья матча поощряет команду продолжить игру до свистка, несмотря на нарушение со стороны команды соперника. Если результатом нарушения одной команды будет присуждение преимущества команде соперника, судья не останавливает игру свистком немедленно после нарушения правил. Судья останавливает игру, если считает, что команда соперника не получает преимущества (например, теряет мяч или не может продвинуться вперед).
 - 3 При нарушении правил соперником команда может выбрать три варианта возобновления игры: удар по воротам, схватка, удар в аут. В последнем случае команда вводит мяч из-за боковой линии.

не тратить силы в изматывающих оборонительных действиях. Это и происходит: новозеландцы практически сразу отбирают мяч после захвата. Судья незамедлительно подает сигнал свистком. Он не просто останавливает игру, но и подтверждает предыдущее решение — трактовку действия игрока новозеландской команды как нарушения правил.

Таким образом, во фрагментах 1 и 2 свисток судьи возникает вследствие завершения игрового отрезка. В первом случае это происходит явно: у регбистов нет предусмотренных правилами возможностей для продолжения матча, во втором судья подает сигнал, который ожидался обеими командами еще после нарушения правил, но не был подан, поскольку атакующая команда сохранила мяч. Приземление мяча в зачетном поле и переход мяча к не владеющей преимуществом команде трактуется всеми участниками матча как очевидное завершение эпизода и уместная точка для свистка судьи.

112 В третьем фрагменте ситуация отличается. Игрок южноафриканской команды физически находится в игровом поле, ему необходимо вытянуть руку, чтобы приземлить мяч в зачетном поле. Однако если судья убежден, что мяч не был приземлен, то он может не подать никакого сигнала. Это может вызвать возмущение и несогласие атакующей команды, но игра может и будет продолжена. (Например, такая ситуация возникла 10 февраля 2018 г. в матче Россия — Испания, когда судья встречи не засчитал попытку российской команды, не увидев приземления мяча в зачетном поле¹.) Судейский свисток здесь прерывает игровой эпизод, т. е. оповещает игроков, что борьба за мяч должна быть остановлена.

Таким образом, своим свистком судья дает начало ситуационной практике. Однако этот сигнал имеет не просто инструментальное значение. Он встраивается в ход матча и понимается его участниками в соответствии с ситуацией на поле. С одной стороны, судья подает сигнал свистком, когда регбисты исчерпывают возможности для ведения игры по правилам, т. е. когда эпизод завершается. С другой — свисток может прерывать ход матча и давать определение сложившемуся положению дел на поле, т. е. завершать эпизод.

Необходимо вкратце рассмотреть и завершение ситуации перехода к видеопросмотру. Маркер завершения ситуации — обращение к ТМО по имени. Этот момент можно интерпретировать в русле классического конверсационного анализа [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974] как технику назначения следующего говорящего.

1 <https://youtu.be/qxI4LQeNKEg?t=540>.

Особенность заключается в том, что судья передает не только слово, но и действие: квалификация эпизода теперь становится задачей ТМО. Передавая действие, судья обозначает завершение ситуации перехода к видеопросмотру и начало новой ситуации — собственно видеопросмотра.

Эти элементы — сигнал свистком и обращение к ТМО — являются конститутивными для рассматриваемой практики. Оба элемента завершают предыдущую и одновременно начинают новую ситуацию, обеспечивая непрерывность игрового процесса. Дальнейший анализ призван показать разнообразие набора действия участников ситуации и внутренние механизмы, которые обеспечивают ее устойчивость к нарушению протокола.

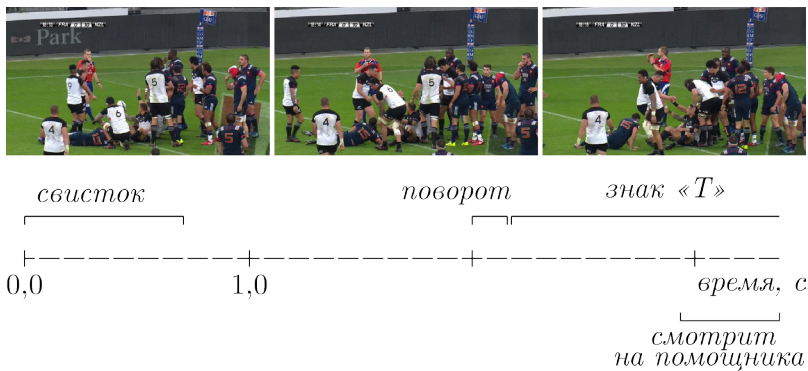
Приостановка игры и отсчета времени матча

Свистку судьи в рассмотренных фрагментах сопутствует ряд действий. Например, на диаграмме 1 видно, что за свистком следует полторасекундная пауза, во время которой судья поворачивается к линии ворот и начинает показывать сигнал «Т», а затем поворачивается к помощнику и смотрит на него.

113

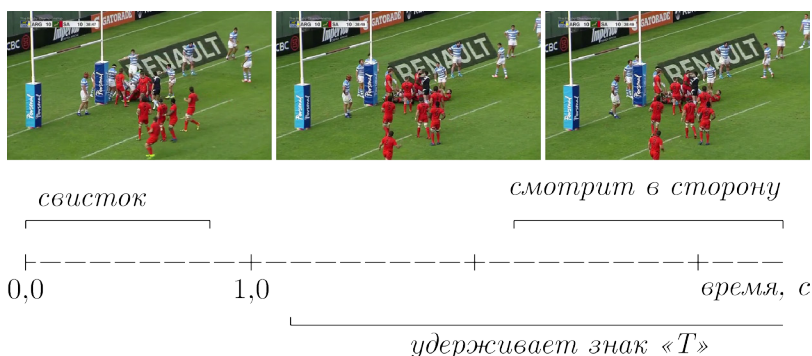
Свисток обозначает конец предыдущей и начало новой игровой ситуации. Действия в следующие полторы секунды дают определение этой ситуации: судья еще не обратился за советом к другому официальному представителю матча, но поворот к помощнику и одновременная остановка отсчета времени матча позволяют остальным понять, что судья затрудняется самостоятельно трактовать эпизод.

Диаграмма 1. Фрагмент 1: остановка времени
Diagram 1. Fragment 1: time out

В видеофрагменте 3 пауза между свистком и сигналом «Т» отсутствует (диаграмма 2). Новая ситуация после свистка упорядочивается не только сигналом об остановке отсчета времени, но и положением судьи в игровом пространстве: он находится непосредственно рядом с местом, где разворачивался предшествующий эпизод. Таким образом, непринятие любого другого решения указывает на возникшее перед судьей затруднение по поводу трактовки эпизода.

Диаграмма 2. Фрагмент 3: остановка времени
Diagram 2. Fragment 3: time out

114

Фрагмент 2 в этом отношении выглядит проблематичным. Судья здесь не сигнализирует о приостановке отсчета времени матча. Тем не менее на графике в левом верхнем углу экрана видно, что на отметке 50:29 часы замирают. Значит, хронометрист нашел руководство к остановке отсчета времени в деталях практики.

После свистка судья подходит к месту предыдущего эпизода. Полсекунды он неподвижен, а затем делает полшага назад.

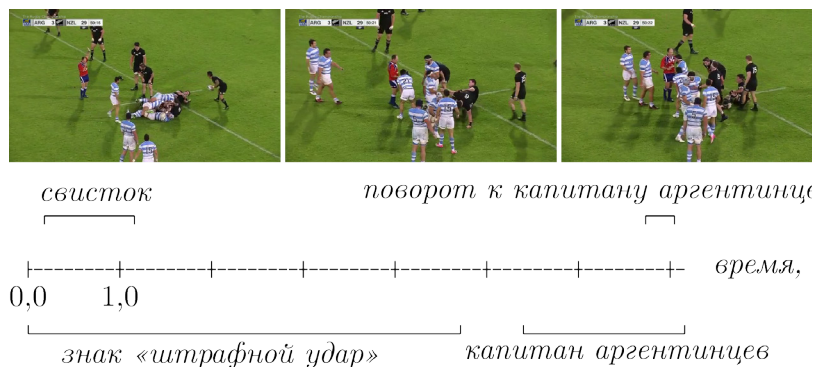
Следует обратить внимание на сигнал «штрафной удар» (поднятая вверх рука), которую судья удерживает в течение 4,7 с. В отличие от фрагментов 1 и 3, где судьи затруднялись квалифицировать игровую ситуацию, здесь Яко Пайпер явно обозначает решение о назначении штрафного удара. Необходимость остановки отсчета времени пока не очевидна.

Примечательно, что в этом фрагменте к судье подходит капитан аргентинской команды (на диаграмме 3 он второй слева на среднем кадре). Капитан — единственный регбист в команде, который имеет право обращаться к судье. Его неразличимая на видео реплика привлекает внимание судьи.

Далее следует обмен репликами между судьей и капитаном аргентинской команды. Зафиксировать его по видео невозможно; тем

не менее можно предположить¹, что капитан обращает внимание судьи на случившийся высокий захват.

Диаграмма 3. Фрагмент 2: остановка игры
Diagram 3. Fragment 2: play stop

Следующие три секунды (диаграмма 4) вмещают несколько важных событий. Судья жестом показывает капитану сборной Аргентины, чтобы он отошел, дожидается пока тот отвернется и начнет отходить, и возобновляет движение к боковой линии. Перед началом движения он произносит реплику, которая предположительно расшифровывается как «Time over» — вербальный сигнал на приостановку отсчета времени. Если это предположение верно, то хронометристу требуется около трех секунд, чтобы отреагировать на этот сигнал и остановить отсчет времени.

115

Это предположение может быть неверным: судья мог сказать нечто другое. Но хронометрист остановил часы на отметке 50:29. В этом случае он ориентировался на знание правил и протокола: судья определяет нарушение, которое чревато удалением игрока с поля, но направляется не к нарушителю, чтобы предъявить ему желтую или красную карточку, а к помощнику. Судья не подал сигнал «Т», однако момент для остановки отсчета времени угадывается в порядке взаимодействия. Хронометрист встраивает собственное действие в последовательность и «исправляет» неточность судьи.

Итак, практика обнаруживает устойчивость к нарушению формальных правил, которыми она регулируется. Положение судьи в игровом пространстве и его перемещения, жесты и реплики интуитивны для других участников практики. Эти элементы по-

1 Основываясь на личном опыте игры в регби.

и помощник, но находился ближе, поэтому исключает наблюдения помощника как избыточные по сути еще до начала диалога. Это проявляется в физическом поведении судьи в момент разговора.

Фрагмент 3 в этом отношении представляет обратную ситуацию. Судья и помощник наблюдают игровой эпизод с разных сторон, соответственно у судьи нет оснований считать замечания помощника избыточными, напротив, они могут разрешить его сомнения по поводу квалификации эпизода. Судья подходит к помощнику, и именно последний проговаривает необходимость в видеопросмотре. Выше уже показано, что эта ориентация судьи на помощника предоставляет хронометристу достаточно информации, чтобы восстановить локальный порядок после отклонения судьи от протокола.

118 Таким образом, место совершения игрового эпизода становится важным элементом ситуации перехода к видеопросмотру. Оно определяет вовлечение помощника в производство ситуации. Непосредственное участие помощника (как во фрагменте 1) может ничего не прибавлять к ситуации, если судья, ориентируясь на свою позицию, позицию помощника и место игрового эпизода, отсекает полученные от помощника сведения как излишние. В то же время (фрагмент 2) оно может соконституировать ситуацию (именно помощник предлагает судье перейти к видеопросмотру) и поставлять информацию другим (например, хронометристу) о необходимости их включения в производство ситуации.

Заключение

Проведенный анализ призван показать, что ситуация перехода к видеопросмотру содержит ряд механизмов, делающих ее понятной для всех участников игры: судьи, помощников, ТМО, регбистов, видеооператоров, режиссера телетрансляции и т. д. Эта понятность задается локальным порядком, который обеспечивается не только правилами игры и требованиями протокола, но и проводится самими участниками игры. В каждом конкретном случае ситуация разворачивается по-разному, и иногда судья не соблюдает букву протокола. Судья может разнообразить предписанный протоколом репертуар действий (как во фрагменте 2, где он подает сигнал об остановке времени не жестом, а голосом). Такие отклонения не приводят к непреодолимым заминкам: другие участники интерпретируют действия судьи в соответствии с более широким контекстом производящейся ситуации и дополняют их собственными действиями. Этот контекст возникает со свистком судьи, который, как было продемонстрировано, сам по себе является неоднозначным сигналом и конституируется разнообразными элементами, включающими положение в игровом пространстве, перемещения,

действия и реплики участников. Другими словами, ситуация предоставляет участникам достаточно информации для беспрепятственно и «бесшовного» продолжения игрового процесса.

Это подчеркивает социальный и упорядоченный характер перехода к видеопросмотру и — шире — правил применения спортивных правил. Последние оказываются имманентно встроены в игровую процесс таким образом, что их воспроизводство и подтверждение зависят от складывающейся здесь и сейчас ситуации не меньше, чем действия самих спортсменов. Следовательно, это проблематизирует и уточняет ряд классических концептуализаций, в которых правила выносятся вовне как структурные составляющие спортивного действия как игрового [Loy, 1968; Ingham, Loy, 1974].

Предметом отдельного исследования может быть вторая часть ситуации видеопросмотра: от очерчивания судьей «прямоугольника» до принятия решения по эпизоду и возобновлению игры. Более обширная тема — действия судьи непосредственно во время матча: как судья избегает столкновения с регбистами или с мячом, где он стоит, куда и когда перемещается, куда и когда смотрит, как он поправляет игроков и предостерегает их от нарушения правил; к его жестам как записанным в правилах (например, обозначение преимущества), так и изобретаемым им самостоятельно; к продолжительности и громкости судейских свистков и т. д.

119

Библиография / References

- Cleary M. (2001) World Cup Play-Offs Abandoned. *The Telegraph* (<http://www.telegraph.co.uk/sport/rugbyunion/international/3002507/World-Cup-play-offs-abandoned.html>).
- Heath Ch., Hindmarsh J., Luff P. (2010) *Video in Qualitative Research: Analysing Social Interaction in Everyday Life*, Los Angeles: SAGE.
- Ingham A.G., Loy J.W. (1974) The Structure of Ludic Action. *International Review of Sport Sociology*, 9 (1): 23–62.
- Kerr R. (2016) *Sport and Technology: An Actor-Network Theory Perspective*, Manchester: Manchester University Press.
- Kew F. (1987) Contested Rules: An Explanation of How Games Change. *International Review for the Sociology of Sport*, 22 (2): 125–135.
- Leveau R. (2010) Facilitating Referee's Decision Making in Sport via the Application of Technology. *Communications of the IBIMA*, 1–8 (<http://ibimapublishing.com/articles/CIBIMA/2010/545333/>)
- Loy J.W. (1968) The Nature of Sport: A Definitional Effort. *Quest*, 10 (1): 1–15.
- Martin J., Smith N.C., Tolfrey K., Jones A.M. (2001) Activity Analysis of English Premiership Rugby Football Union Refereeing. *Ergonomics*, 44 (12): 1069–1075.

Mascarenhas D.R.D., Collins D., Mortimer P. (2005) The Accuracy, Agreement and Coherence of Decision-Making in Rugby Union Officials. *Journal of Sport Behavior*, 28 (3): 253-271.

Mascarenhas D.R.D., Collins D., Mortimer P.W., Morris B. (2005) Training Accurate and Coherent Decision Making in Rugby Union Referees. *The Sport Psychologist*, 19 (2): 131-147.

Mellick M.C., Fleming S., Bull P., Laugharne E.J. (2005) Identifying Best Practice for Referee Decision Communication in Association and Rugby Union Football. *Football Studies*, 8 (1): 42-57.

Mellick M.C., Fleming S., Davies G. (2007) An Interpretive Analysis of Interpersonal Communication: A Case Study from Elite Rugby Union Match Officiating. *International Journal of Performance Analysis in Sport*, 7 (2): 92-105.

Neville T.J., Salmon P.M., Read G.J.M. (2017) Analysis of In-Game Communication as an Indicator of Recognition Primed Decision Making in Elite Australian Rules Football Umpires. *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*, 11 (1): 81-96.

Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. (1974) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 50 (4): 696-735.

Schegloff E.A. (2006) Introduction. H. Sacks, G. Jefferson (ed.) *Lectures on Conversation: Volumes I & II*, Oxford: Blackwell: ix-lxii.

120

Steen R. (2011) Going Upstairs: The Decision Review System — Velvet Revolution or Thin Edge of an Ethical Wedge? *Sport in Society*, 14 (10): 1428-1240.

World Rugby (2014) Television Match Official (TMO) Global Trial Protocol. *World Rugby Laws*. (http://laws.worldrugby.org/downloads/TMO_Protocol_Aug_14_EN.pdf).

World Rugby (2017) *Rugby Union Laws of the Game*.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Матвиенко Р.А. (2018) Запрос видеоповтора в регби: последовательность действий главного судьи. *Социология власти*, 30 (2): 101-120.

Matvienko R.A. (2018) Television Match Official Review in Rugby Union: the Sequence of Referee's Actions. *Sociology of Power*, 30 (2): 101-120.

Поступила в редакцию: 30.05.2018; принята в печать: 11.06.2018

Поль Дичи

Университет Франш-Конте, Безансон, Франция

Футбольный мяч от Belle époque до зари глобализации

Статья посвящена материальным аспектам экономической истории спорта конца XIX — первой половины XX веков, которые анализируются на примере развития французского и международного рынка футбольных мячей в контексте глобализации с привлечением широкого спектра архивных материалов. Текст сочетает несколько сюжетных линий: рассматривается эволюция технологии производства спортивных снарядов из кожи (долгое время представлявшей нечто промежуточное между ремеслом и индустрией) и ее влияние на саму игру, с кратким экскурсом в технологическую историю кожаного мяча (вопросов стандартизации размеров и веса, требований по уходу за ним и т. п.), начиная с XVI века и заканчивая современным высокотехнологичным производством; освещается значительный сегмент спортивного бизнеса, его рынок, коммерческие и рекламные стратегии, формы взаимодействия со спортивными организациями и т. п. Центральное место в тексте занимает история французского рынка мячей, анализируются взаимоотношения производителей мячей и ФИФА, а также процедура выбора «официального мяча» футбольных турниров, включая чемпионаты мира по футболу. Предлагается объяснение, почему рынки и производства, связанные с мячами, оставались национальными до конца 1960-х годов, вплоть до наступившей в 1970-е эпохи глобального доминирования продукции фирмы adidas, в результате успешной конкуренции (в том числе с французской фирмой Hungaria) создавшей первый мировой бренд спортивного инвентаря и экипировки. Завоевание французского рынка стало прелюдией к эре глобализованного футбольного мяча.

121

Ключевые слова: Франция, футбол, мяч, Кубок мира, adidas

Дичи Поль — профессор современной истории Университета Франш-Конте, директор Центра Люсьена Февра. Научные интересы: спорт и политика, культурная история футбола. E-mail: paul.dietschy@univ-fcomte.fr
Paul Dietschy — professor of contemporary history at the université de Bourgogne-Franche-Comté (Besançon, France), director of Centre Lucien Febvre. Research interests: sports and politics, cultural history of football. E-mail: paul.dietschy@univ-fcomte.fr

Перевод с французского Глеба Напреенко. В основу публикации легли тезисы выступления автора на международной конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15-16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами: <https://cfs.hse.ru/announcements/213582209.html>.

Paul Dietschy, Université de Bourgogne-Franche-Comté, Besançon, France
Football from Belle Époque till Globalization Dawn

The article dwells on the material aspects of the economic history of sports of the late XIX century and first half of the XX century. Those aspects are analyzed on the example of the development of the French and international footballs market in the context of globalization involving a wide range of archival materials. The text combines several story lines: the evolution of the technology for the production of sporting shells from leather (which represented for a long time something intermediate between craft and industry) and its impact on the game itself, with a brief excursion into the technological history of the leather ball (standardization of dimensions and weight, care requirements for him, etc.), from the XVI century to modern high-tech production. Author highlights a significant segment of the sports business, its market, commercial and advertising strategies, forms of interaction with sports organizations, etc. The central place in the article occupies the history of the French market of footballs, the relationship between the producers of balls and FIFA, as well as the procedure of selecting the "official ball" of football tournaments, including the World Cups. Author offers an explanation why the markets and ball-related industries remained national until the late 1960s. Then the era of global domination of adidas products began as a result of successful competition (with French firm 'Hungaria' among others rivals) that established adidas the first world brand of sports equipment and outfits. The conquest of the French market was the prelude to the era of a globalized football.

122

Keywords: France, football, ball, World Cup, adidas

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-121-140

В мемуарах историка Жан-Жака Беккера есть воспоминание семейного и одновременно спортивного характера, относящееся к концу июня 1940 г.: «[...] чтобы пересечь Сену, нам пришлось ждать долгие часы. Мы убивали время за игрой в мяч. В то время я обожал футбол, и несколькими неделями ранее мой отец мне подарил мне отличный мяч — из настоящей кожи! Когда мы выезжали, я со всеми предосторожностями положил его в багажник машины. Именно этим мячом мы и играли. Полагаю, что, когда мы отправились в дальнейший путь, я его плохо упаковал, и он выпал из багажника. Как бы то ни было, мяча там больше не было, и я долгое время не мог утешиться. Впоследствии это событие казалось мне очень символическим» [Becker, 2009, p. 47].

Далеко не сводясь к символической детали французского «Амаркорда», «кожа», столь ценная для ребенка, впоследствии ставшего историком Первой мировой, может также стать отправной точкой для исследования места спортивного инвентаря в развитии произ-

водства, торговли и использования объектов потребления. И хотя история спорта бурно развивалась на протяжении последних тридцати лет, о чем свидетельствует, к примеру, появление статьи «Спорт» в «Историческом словаре французских менеджеров», фактически ее экономической составляющей в основном пренебрегали. Разумеется, попытки синтетического изложения истории французского спорта включали в себя описание и этого движущего элемента спортивных практик и зрелищ [Hubscher, Durgu, Jeau, 1992; Dietsch, Clastres, 2006; Tétart, 2007].

В числе прочего результатом исторического исследования велосипедного спорта стали убедительные работы, посвященные его коммерциализации [Thompson, 2008; Reed, 2015; Mignot, 2014]. Однако исследования футбола или профессионализма скорее были выполнены в социальной тональности и занимались изучением новых профессий и общественной борьбы, которая сопровождала их развитие [Wahl, Lanfranchi, 1995]¹. При этом мало какие исследования (если такие вообще найдутся) были посвящены компаниям, занимавшимся спортивным инвентарем, которые стали создаваться в 1880-е-1890-е годы и начали признавать друг друга и объединяться в 1930-е, одновременно с созданием Профсоюзной палаты производителей изделий для всех видов спорта².

123

Данная статья призвана внести вклад в изучение экономической истории спорта конца XIX в. — этой эпохи начала современной глобализации — на примере футбольного мяча. Сначала речь пойдет о представлявшем нечто промежуточное между ремеслом и индустрией производстве кожаной оболочки, вмещавшей каучуковую камеру, и о том, как о ней должен заботиться пользователь-потребитель. Далее мы перейдем к рынку футбольных мячей, прежде всего французскому, разделенному между импортерами и национальными производителями, торговавшими в первую очередь этими круглыми и грубыми изделиями, что, однако, не исключало поисков возможных инноваций. Наконец, на примере футбольных соревнований, и особенно Кубка мира, организуемого Международной федерацией футбола (ФИФА), мы сможем понять, почему рынки и производства, связанные с мячами, оставались долгое время национальными до прихода в этот сектор экономики в конце 1960-х годов компании adidas, первого *мирового бренда* в спорте.

1 А также недавнее досье *Mouvement social*, озаглавленное «Sportif au travail en Europe (XX-XXI siècles)», 2016/1, n°254.

2 Сегодня Французская федерация промышленности спортивных товаров (FIFAS).

I. (Сложное) стандартизированное производство спортивного снаряда из кожи

Добиться круглой формы: долгий путь технических усовершенствований

«Мяч ассоциации должен быть круглым, все это знают. И что же! В начале матча он круглый; к концу первого тайма — уже нет» [Maigresse, 1933, p. 97] Так говорил в 1933 г. Жак Мересс, игрок команды «Ред Стар» из Сент-Уэна и будущий президент первого профсоюза футболистов; это был год завершения первого профессионального чемпионата во Франции. «Объясните это чем хотите, — продолжал он, — [...], но это факт: после первого тайма мяч начинает описывать в воздухе удивительные и непредсказуемые кривые». Фактически футбольные правила, известные всему миру и определенные Международным советом футбольных ассоциаций (ИФАБ) вплоть до 1938 г. не включали положения о том, что мяч «должен быть сферическим» [Tenèze, 2011, p. 53]. Даже если производство было налажено на полупромышленных основаниях, технологии хромового дубления кожи¹ и особенно сшивки нитями составных частей мяча, не гарантировали ни совершенства формы мяча, который должен был выдерживать сильные удары ногами и головой, ни его водонепроницаемости в случае дождя или использования на влажной или грязной почве.

Поэтому допускалась весьма несовершенная круглая форма, в то время как с 1872 г., согласно правилам лондонской Футбольной ассоциации, длина окружности мяча должна была составлять от 27 до 28 дюймов (0,657–0,700 м). Также фиксировался определенный вес (до начала использования) — от 12 до 15 унций (340–425 г), а в 1937 г. — от 14 до 16 унций (396–453 г). Впитывая влагу, мяч мог потяжелеть почти до килограмма (столько весил набивной мяч). Этот-то увесистый мяч игроки и должны были пинать ногами и... головой. Следствием чего была определенная сдержанность в отношении этого технического приема, заставившая авторов работы о распространении спорта в Belle époque констатировать, что «отказ от использования рук и пальцев в пользу головы — далеко не самая незначительная причуда человеческого духа» [Garcet de Vauresmont, 1912, p. 55]. Морис Буньян, английский тренер, обосновавшийся во Франции с 1920-х годов, утверждал в середине 1930-х, что «многие игроки тер-

124

1 «Хромовое дубление: процедура обработки кожи с помощью солей хрома, которые иногда сочетаются с небольшими количествами других вспомогательных реагентов» [Rama, 1973, p. 69].

петь не могут удары головой, поскольку они слишком болезненны» [Вунуан, 1935, р. 58].

Помимо веса, само устройство футбольного мяча также могло повлечь некоторые неудобства для игроков. В составленную из нескольких фрагментов кожаную оболочку сквозь щель, которая затягивалась кожаным шнуром, вставлялась каучуковая камера. При игре головой шнуровка могла оставить след или вызвать покраснение на лбу смелого футболиста. Можно заметить, что с 1905 г. члены ИФАБ стремились защитить здоровье пользователя-потребителя, включив своего рода принцип предосторожности в посвященное мячу второе правило. Он гласил, что «никакой материал, вызывающий подозрения в том, что он может плохо сказаться на здоровье игрока, не может быть использован в его [мяча] изготовлении»¹.

Между индустрией и ремеслом: изготовление футбольного мяча

Изготовление спортивных изделий началось задолго до кодификации спорта в XIX в. В конце XVI — начале XVII вв., когда игра в мяч (*jeu de paume*) стала считаться национальной французской игрой и когда прибывший из-за Ла Манша путешественник, заявил, что «во Франции больше игроков в мяч, чем любителей пива в Англии, и это о чем-то говорит» [Bernard-Tambour, Carlier, 2001, р. 71], производство материальной экипировки для этой игры уже приняло вид корпораций. Фактически «в 1610 г. искусство производства инвентаря для игры было организовано в профессиональную корпорацию под названием “Сообщество мастеров по изготовлению ракеток, мячей, шаров и мячиков”» [de Nanteuil, de Saint-Clair, 1898, р. 78]. После упадка игры в мяч, произошедшего в XVIII в., ремесленное производство экипировки также потеряло свои позиции, когда на рынок в 1874 г. поступили запатентованные британским военным служащим, майором Уолтером Клоптоном Уингфилдом, портативные комплекты, в которые входили ракетки, мячи и сетка. Их продавало лондонское общество French & Cie [Gillmeister, 1998, р. 175]. С тех пор игра ракеткой в мяч покидает помещения и выходит с территории «азартных игр» на свежий воздух: на пляжи, газоны и покрытые кирпичной крошкой площадки в садах при отелях Лазурного берега. Тогда же были закреплены и кодифицированы общеобязательные правила, так родился современный футбол.

Первая кодификация правил Футбольной ассоциации в 1863 г. в Лондоне определенным образом предшествовала началу индуст-

1 Archives FIFA (Zurich), Commission d'arbitrage, Lois du jeu 1939-1940.

стриального производства мячей, хотя специализировавшиеся на мячах фирмы появились очень быстро. В эдвардианской Англии фирма Shillcock, основанная в Бирмингеме в 1862 г., продавала от 40 до 50 тыс. футбольных мячей в год. Дело казалось очень прибыльным: в 1906 г. Уильям Шиллок, глава фирмы, писал, что «поставка мячей была “большой и доходной индустрией”» (цит. по [Vamplew, 1988, p. 55]). Шиллок также был производителем футбольной обуви, поскольку искусство производства мячей во многом произошло от мастерства обувщиков, работавших с кожей. Так, фотография, опубликованная в «Book of Football of 1905», изображает один из цехов фабрики Shillcock с армией обувщиков на своих рабочих местах. До 1960-х годов способ производства мячей, по-видимому, почти не менялся, опираясь на квалифицированную рабочую силу, основу которой составляли обувщики.

126

После того как шкуры доставлялись в цех с кожевенного завода, первая операция заключалась в их растягивании: «На фабрику прибывают крупные куски кожи: сначала они подвергаются специальной обработке перед резкой» [Réthacker, 1954, p. 151]. Ход последних производственных операций определялся относительным разделением труда. Оно зависело прежде всего от резки, которая позволяла выбирать куски кожи в зависимости от их толщины, прочности и цвета. Именно от резчика зависел этот выбор, поскольку это он делил кожу с помощью пресса и металлических фигур. Фрагменты могли быть разной формы: обычные, то есть прямоугольные, а также Т-образные, круглые или пятиугольные. Затем следовала наиболее деликатная часть работы, т. е. сборка, производимая руками «сшивальщиков». Для этой операции, «очень тяжелой физически» и «требующей силы и особенной гибкости рук», были необходимы «редкие ловкость и сноровка», вплоть до того момента, «когда сшивание было завершено» [Réthacker, 1954, p. 152] и мяч можно было вывернуть на лицевую сторону. Операция сшивания мяча не подчинялась точному хронометражу, уходившее на нее время варьировалось: «Порой, даже если дело может быть завершено за две минуты, сшивальщику требуется еще полчаса, чтобы завершить работу» [Réthacker, 1954, p. 152]. Себестоимость мяча, таким образом, сложно было определить вплоть до финальной операции, а именно вставки поставившейся производителями каучуковых изделий «камеры (хорошо покрытой тальком)» и «проверочного» взвешивания.

Готовый мяч: аксессуары и уход

Ввиду сложности производства мяч был объектом заботливого ухода потребителей. Вплоть до 1960-х годов технические руководства по футболу содержали подробные советы о том, как сохранить глав-

ный объект игры в хорошем состоянии. В 1921 г. в работе журналиста Мориса Пефферкорна «Футбольная ассоциация. Теория и практика игры в футбол» были детально описаны аксессуары, необходимые для правильного ухода за мячом. Помимо насоса с подходящим клапаном, необходимо было иметь специализированные инструменты: два шила и инструмент для затягивания шнура, чтобы можно было заменить камеру и затянуть шнуровку. Вовсе не анекдотическая деталь: в 1938 г. в Париже имелось девять предприятий, производивших или продававших этот «маленький набор для ремонта футбольных мячей»¹. В своей работе Пефферкорн также рекомендовал футболистам приобретать аксессуар, поставляемый или изготавливаемый 15 компаниями в Парижском регионе², чтобы «не надувать мяч ртом, что грозит попаданием влаги внутрь камеры» [Pefferkorn, 1921, p. 181]. Он также советовал им тщательно чистить кожаную оболочку после матча, до того как промазывать смазкой «вдоль швов перед сдутием». «Чтобы смазка хорошо проникала в швы и пропитывала кожу, — добавлял он, — стоит сдуть мяч на следующий день или через день после его использования» [Pefferkorn, 1921, p. 183]. Можно было также оставить его надутым, подвесив в сетке. Эти предосторожности были связаны с заботой о круглой форме мяча: «Также, — предостерегал Пефферкорн, — владельцам мяча не слишком рекомендуется использовать его в течение недели на твердой, мощеной или асфальтированной почве, бить им об стены, садиться на него и так далее» [Pefferkorn, 1921, p. 183]. Эти дурные привычки имели своим следствием то, что «ваш мяч переставал быть круглым». Последняя рекомендация — «как только мяч немного расходинется, нужно немедленно его зашивать, не дожидаясь ухудшения» [Pefferkorn, 1921, p. 183]. Тридцать три года спустя журналист Жан-Филипп Ретаркер предлагал те же советы, добавляя, однако, что никогда не следует оставлять мяч «наполненным воздухом, потому что именно так он может деформироваться и что кожа изнашивается намного больше, когда она натянута» [Réthacker, 1954, p. 152]. Он также давал очень точные инструкции по применению: стараться не надувать мяч на жирной почве, «смачивать мяч перед матчем и после конца первого тайма», если почва была сухой, и даже покрывать кожу «парафином или свинцовым карандашом» [Réthacker, 1954, p. 152], чтобы к нему не приставали грязь или снег. Иными словами, предполагалось, что, если у вас есть мяч, то у вас должны быть и некоторые познания касательно кожи и способов работы с ней, а также доступ к секретам, передаваемым от знатока к знатоку.

1 *L'Annuaire industriel. Répertoire général de la production française*, 1938.

2 *Ibid.*

II. Футбольный мяч: рынок и инновации

От импорта из Соединенного Королевства до национального производства

Атрибут британского спорта прижился во Франции после 1872 г.¹ и до 1890 г. являлся предметом импорта. По этой причине он облагался умеренным налоговым сбором. В 1912 г. мячи облагались налогом 80 франков на 100 кг², что составляло 26 сантимов с одного мяча. Если самая дешевая модель марки Williams стоила 9 франков, то налог составлял не больше 3% от стоимости товара. Избежав запретительных налогов, импортный мяч был весьма желанным предметом из-за его высокого качества. В 1930-е годы Жак Мересс признавал безусловное превосходство импортных мячей в сравнении с мячами национального производства. В результате, как он констатировал, «заграничные мячи, и особенно английские, держат удар и не деформируются так быстро, как наши» [Mairesse, 1933, p. 97].

До 1914 г. было не принято разделять продавцов и производителей, особенно в Париже. Судя по рекламе, фирмы, торговавшие импортными мячами, за исключением France-Sports на Рю Бонапарт, 31, располагались на правом берегу Сены. Фирма G. Laurent & Cie, Севастопольский бульвар, 58, предлагала The Zug, который был «единственным мячом, использовавшимся на матчах чемпионата». В свою очередь Joseph Raquin, Bertholle & Cie, Бульвар Капуцинов, 43, предлагал модель Jar «превосходного качества» и Scott, «гарантированно не поддающуюся деформациям». Торговый дом Tunmer первым начал производить мячи с пометкой *Made in France* на своей фабрике в Леваллуа. Она была основана братьями британского происхождения, и ключевой фигурой в ней стал Альфред-Адриен Тунмер, капитан футбольной команды и глава гоночного клуба Франции. В 1914 г. Тунмеры владели тремя магазинами в Париже и еще тремя в Бордо и Лионе.

В период между двумя войнами производство и дистрибуция футбольных мячей пережили новый расцвет. Протекционизм тридцатых годов отдал предпочтение французским маркам, особенно марке Hungaria, основанной в 1931 г. орлеанским товариществом Plaut et Pradet. Оно использовало имидж техничной и элегантной венгерской национальной сборной для производства и продажи футбольных мячей и обуви. В 1946 г. во Франции насчитывалось

1 Дата основания Футбольного клуба Гавра, самого старого французского футбольного клуба, британскими работниками торговых домов и транспортных обществ, поселившимися в нормандском порту.

2 *Le Moniteur du Sport*, décembre 1912, n°1.

уже девять фирм-производителей футбольных мячей: четыре в Париже и его окрестностях (Burdin-Sports, Dockes-Helle Nary, Somms, Bailleau), две в Лионе и Вийурбане (Desbrosses et Fils, Thomasson et Cie), одна в пригороде Бордо Мериньяке (Grenier), одна на окраине промышленного района Сомюр, где производилась вандейская обувь (F.O.C.), и, наконец, Hungaria [Mairesse, 1933, p. 407]. Торговля, видимо, не отставала. К концу Второй мировой войны, помимо больших магазинов и других мест, приспособленных для торговли футбольными мячами, во Франции можно насчитать 338 специализированных магазинов за пределами Парижа¹. Еще 25 было в Лионе, и особенно много торговых точек было у компании La Hutte, которая в равной степени была представлена в Лилле, и которая в 1950-е-1960-е годы открыла первую торговую сеть спортивных товаров.

Рынки футбольных мячей

В 1912 г. в единственном номере мертворожденного журнала «*Moniteur du Sport*» говорилось, что футбол «получил существенное распространение, что требует и соответствующего развития сопутствующих товаров, на которых можно будет заработать миллионы»². Хотя мы не располагаем на сегодняшний момент статистикой о товарах и цифрами продаж у фирм этого сектора, но численность спортивных федераций может дать нам возможность составить об этих цифрах достаточно точные представления. К 1910 г. по подсчетам английской Футбольной ассоциации число игроков в Англии «составляло от 300 до 500 тыс., что в свою очередь составляло не меньше 6,8% от числа всех мужчин от 15 до 39 лет» [Vamplew, 1988, p. 52]. Учитывая то, что французский футбол функционировал в виде многочисленных спортивных федераций, сложно дать точные цифры, но по прикидкам перед 1914 г. насчитывалось от 50 до 100 тыс. лицензированных игроков. К этому можно прибавить детей, подростков и взрослых, игравших в футбол непрофессионально, например на лужайках парижского парка Багатель или в Венсенском лесу. В 1930 г. Французская федерация футбольной ассоциации (FFFA) насчитывала 3458 обществ и 116 277 членов [Loir, 1930, p. 49]. Даже если владелец ухаживал за своим мячом или мячами, на рынке новых мячей должны были появляться несколько десятков новых единиц ежегодно.

Но кто мог позволить себе футбольный мяч в десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне? Судя по рекламе, которая печата-

1 Согласно списку, представленному во «Всеобщей энциклопедии спорта» (*L'Encyclopédie générale des sports*, 1946, p. 913-935).

2 *Le Moniteur du Sport*, décembre 1912, n°1.

лась в органе Союза французских спортивно-атлетических обществ (USFSA), «Tous les Sports», средняя цена самых дорогих моделей составляла 17,33, а менее дорогие стоили 10,5 франка. У дистрибуторов был более широкий разброс цен. Tiptop продавал мячи стоимостью от 17,50 франков за самые дорогие до 7,50 франков за самые дешевые¹. Williams предлагали даже мячи по 5,25 франка, про которые неизвестно, были ли они сделаны из ткани или просто представляли собой каучуковую оболочку. Поскольку магазины также рассылали свои рекламные каталоги по почте, их клиентура в преимущественно сельской Франции в основном состояла из горожан. Если принять во внимание, что 60% заработка работников индустриальных предприятий уходило на питание и что средняя зарплата рабочего составляла 5 франков в день [Lejeune, 1991, p. 117-119], можно утверждать, что футбольный мяч оставался дорогим товаром, который могли себе позволить дети буржуазии, а низшим классам он был доступен только в качестве коллективной собственности спортивных обществ и попечительских религиозных организаций. Для таких ассоциаций мяч был довольно ценной и редкой вещью. Отсутствие мяча в команде часто было причиной проигрышей перед войной 1914-1918 гг. А в спортивных пространствах пригородов, к которым примыкали также сельскохозяйственные, садоводческие и скотоводческие владения, их обитатели, раздраженные тем, что мячи приземлялись на их территории, конфисковывали или портили их к большому расстройству игроков и руководителей ассоциаций [Sorez, 2013, p. 136-138].

Как рассказывает Жан-Жак Беккер, между мировыми войнами и в годы кризиса мячи не стали продаваться лучше, даже несмотря на то что производители предлагали разнообразные товарные линейки и широкий ценовой диапазон.

В годы оккупации товары из кожи стали еще большей редкостью. В своих мемуарах известный футболист Раймон Кора рассказывает, как он вместе с товарищами украл мяч у немецких солдат в коммунае Не-ле-Мин. Это была двойная победа, поскольку обладание таким объектом было недоступно сыну польского шахтера и поскольку такой «подвиг» вполне мог сойти за патриотический. «Наконец мы и правда завладели мячом, — рассказывает он. — Но, кроме того, нам удалось обокрасть захватчиков. В наших глазах это был акт помощи Соппротивлению» [Кора, Burchkalter, 2006, p. 25-26].

Проблема нехватки футбольных мячей встала уже в ходе Первой мировой войны и открыла производителям военные рынки. В ноябре 1914 г. служившие в армии футболисты написали обращение в спортивные организации с просьбой выслать им мячи. Такие периоди-

1 *Tous les sports*, 13 octobre 1906.

ческие издания, как ежедневная газета «L'Auto» или еженедельник «Sporting», объявляли подписку в 1914, 1915 и 1916 гг., пока на смену им не пришел радикальный ежедневник «L'Œuvre» и журналист Жорж Розет. Весной 1917 г. этот последний возмущался ростом цен на мячи, «достигшие 30 франков за мяч, который перед войной стоил 12,50». Если верить Розету, «кожаные спортивные товары составляют едва ли не большую часть английского экспорта». Распоряжение министра торговли от 1 апреля 1917 г. запрещало «с данного момента эту статью экспорта как предмет роскоши»¹. Требовалось получить «специальное разрешение» и «особую лицензию», чтобы обойти «этот запрет», в то время как «ящики с мячами, уже складированные в Париже, должны были дожидаться решения о растаможивании без каких-либо гарантий»². Наконец, после всех возмущений Жоржу Розету удалось убедить председателя Совета министров и военного министра Поля Пэнлевэ направить эти футбольные мячи на поднятие морального духа солдат. Приказом пехотного управления Военного министерства от 24 сентября 1917 г. мячам было дозволено попасть в армейский мир. Как говорилось в приказе, «по непосредственному распоряжению председателя Совета министров и военного министра» необходимо «путем прямых закупок собрать от 4 до 5 тыс. футбольных мячей, для чего в Париж и Лондон была направлена специальная закупочная миссия»³. Мячи должны были быть посланы в Северную, Северо-Западную, а также Восточную армии; впоследствии такие закупки «минимум 5000 мячей» совершались раз в три месяца.

131

Повышение надежности

Марка Shillcock стала важным игроком на рынке мячей благодаря тому, что ей удалось улучшить качество своей продукции. В 1866 г. фирма James Lillywhite & co, находящаяся в Лондоне, утверждала в появившейся одной из первых рекламе футбольных мячей, что «при производстве мяча особое внимание уделяется его форме», а также «коже, обработанной специально для этой цели». Это позволило фирме «создать товар высшего уровня, невероятно долговечный и прочный»⁴. Точно так же реклама фирмы Shillcock утверждала

1 *L'Œuvre*, 12 juin 1917.

2 *Ibid.*

3 Service historique de la Défense (SHD), Vincennes, Archives de l'Armée de Terre, 7 No 1989, Ministère de la Guerre, Direction de l'infanterie, Section d'Instruction et d'Entraînement Physiques, Note pour l'État-major datée du 24 septembre 1917. Analyse Question des ballons de football.

4 Реклама мячей для регби и футбола James Lillywhite приводится в [Rous, Ford, 1974].

перед Первой мировой войной, что использование водонепроницаемой бычьей кожи делает мяч «практически неуязвимым»¹ и что качество выделки кожи является главным секретом фирмы.

Практически в тот же момент фирма Williams, также известная своими теннисными мячами, выбросила на французский рынок модель Special Williams, «отличающуюся особой выкройкой кожи, которая делает мяч практически недеформируемым»². Что до кожи, то она была «превосходного качества»; работа также отличалась «высоким качеством». Tunmer рекомендовал свой хит, Tunmer Special, о котором говорилось, что он сделан «из кусков кожи, сшитых с одинаковым натяжением», что позволяло мячу «всегда сохранять свою форму»³.

На примере Жака Мересса видно, что эти обещания не всегда выполнялись. Вероятно, в belle époque производители находились в поисках технических инноваций, которые позволили бы гарантировать круглую форму и долговечность мяча. Первые мячи, вроде тех, что делала фирма Lillywhite, состояли из кусков кожи, напоминавших своей выкройкой дольки апельсина. Таким образом, первые мячи сшивались из шести больших фрагментов, что приводило к риску деформации. Кожаные оболочки, производившиеся фирмой Shillcock, особенно мяч модели McGregor, использовали по четыре куска кожи более тонкой выделки для каждой из половин сферы, причем полусферический фрагмент соединял две части мяча.

132

Более сложные геометрические формы сшиваемых фрагментов — по две трапеции с противоположных сторон одного прямоугольника — позволяли избежать деформаций и увеличить прочность мяча, который подвергался давлению изнутри при надувании камеры. Использование в годы между двумя войнами Т-образной выкройки, а в 1950-е годы — круглой, завершили эти поиски, которые пришли в итоге к современной и мало подверженной деформациям форме, несомненно, удорожившей производство. Отныне футбольные мячи делались более чем из 18 фрагментов. Главным результатом этих поисков, без всяких сомнений, стала модель мяча Scarphandre фирмы Hungaria, который после 1955 г. стал одним из эталонных мячей Европы. Теперь мячи делались из шести круглых фрагментов, сшитых с восемью фрагментами в форме трехконечной звезды.

В Scarphandre также применялось новшество, позволившее сделать удар головой гораздо менее болезненным. В 1947 г. датский игрок и инженер Эйгил Нильсен изобрел каучуковый клапан, встроенный в кожаную оболочку, что позволило избавиться от жестких

1 *Book of Football 1905.*

2 *Tous les Sports*, 3 mars 1906.

3 *Tous les Sports*, 13 octobre 1906.

клапанов, обуславливавших раньше необходимость щели, которая затягивалась шнуровкой. С этих пор оболочка мяча была цельной, так что камеру больше нельзя было поменять, кроме как распоров кожаную оболочку. Хотя мяч и становился менее долговечным и его практически невозможно было больше использовать при проколе оболочки, зато он становился более ровным.

Изобретение распространилось очень быстро, и благодаря мячу Duplo T, изготавливавшемуся фирмой Superball Organização Brasileira de Equipamentos Esportivos, этот новый производственный процесс стал использоваться в мячах, которые использовались на Кубке мира 1950 г. Новшество, которое, если верить программе соревнования, спонсируемого бразильской нефтяной компанией Standard Oil, означало торжество нового мира над старым, который все еще играл «старым мячом со шнуровкой»¹.

III. Мяч и Кубок мира: от протекционизма к глобализованной монополии

Официальные мячи Кубка FA и Кубка Франции

133

Как и гонки для автомобильных компаний, большие футбольные матчи и атрибутика престижных клубов составляют излюбленное поле для рекламы производителей футбольных мячей. В 1912 г. фирма Shillcock опубликовала лонг-лист финалистов Кубка Футбольной ассоциации с указанием того, какие профессиональные клубы играют с мячами модели McGregor. Год спустя в вышедшем раз в две недели журнале «Football et les sports athlétiques» появилась реклама фирмы Williams, которая гласила: «Spécial Williams, [...] который использовался в матчах Франция-Англия, Париж-Норд, Франция-Бельгия и Париж-Лондон»².

После Первой мировой войны марки, представленные на французском рынке, в особенности такие как DUCIM, Allen, Falize, Spalding и Williams, искали более длительных партнерств, и особенно после апреля 1919 г., когда была создана Французская федерация футбольных ассоциаций, объединившая французский футбол. Основные прибыли этой молодой организации шли на проведение Кубка Франции по футболу, учрежденного в 1917 г., и международные матчи с участием французской сборной. Даже если руководители FFFA происходили из католического и любительского спорта, они были лично заинтересованы в успехе спортивного зрелища, как,

1 *Copa do Mundo, 1950*, p. 5.

2 *Football et les sports athlétiques*, 25 février 1913.

например, генеральный секретарь Анри Делоне, так как по контракту ему полагалось 10% «чистой прибыли, получаемой Федерацией на международных матчах»¹. Поэтому они использовали решения, заимствованные из велосипедного спорта, т. е. обсуждали спонсорские контракты с печатными изданиями. Чтобы закрепить продвижение Кубка Франции, FFFA подписала партнерский контракт с изданием «Lectures pour Tous», принадлежавшим группе Hachette, а также со спортивными еженедельниками «La Vie au Grand Air» и «Sporting», чтобы затем установить длительное сотрудничество с «Le Petit Parisien», которое длилось с 1923 по 1944 г.²

Точно так же FFFA стремилась к сотрудничеству с производителями мячей. Финалы Кубка Франции 1922 и 1924 гг. проходили с использованием мячей DUCIM, а также Primo фирмы Allen — модели, которая также использовалась в матчах сборной Франции по меньшей мере до 1960 г.³

К несчастью, хотя Французская футбольная федерация (FFF) смогла закрепить свои партнерские контракты с прессой, ей не удалось достичь того же постоянства с производителями мячей, и попытки переговоров с Бюро FFFA остались бесплодными. Однако, как это показывает пример Кубка мира, организованного FIFA, экипировка стала бесплатной, поскольку ее производители таким образом отдавали должное той рекламе, которую получали их товары. Для этих целей марку и модель мяча начали писать большими белыми буквами, которые хорошо различимы на фотографиях команд, капитанов и судей перед началом игры.

134

Верность национальным производителям... и Кубок мира

Проведенный в первый раз в 1930 г. в Уругвае, Кубок мира быстро показал, как футбольные состязания такого уровня становятся излюбленной витриной для демонстрации спортивной экипировки. Финал первого Кубка, в котором команда страны-организатора играла с командой своего соседа и соперника — Аргентины, — стал сценой для соревнования мячей. «Каждая команда, — вспоминал Джон

1 Archives FFF, Procès verbaux. Bureau et Conseil mars 1919-août 1919, Bureau, séance du 19 mars 1919.

2 Для больших подробностей см. также «La Coupe de France 'fête nationale du football français' dans l'entre-deux-guerres», в книге Gounot, Jallat, Caritey, 2007, p. 95-109.

3 Archives FIFA, Correspondance avec les associations nationales, Dossier France, Programme officiel du match France-Chili disputé le 16 mars 1960; в данном документе указано, что мяч матча Франция — Чили, состоявшегося 16 марта 1960 года, по-прежнему был марки Allen.

Лангенюс, бельгийский арбитр, судивший этот матч, — привезла с собой мяч национального производства и желала играть именно им. Этим объясняется то, что, когда я должен был встать в центре поля, чтобы дать свисток к началу игры, у меня было по мячу в каждой руке. Чтобы выбрать мяч, пришлось кидать монетку» [Langenus, 1943, p. 209]. В первом тайме играли аргентинским мячом, во втором — местным. Дело было скорее в спорте, чем в бизнесе. Игроки двух команд хотели играть тем мячом, который им был привычнее. В результате аргентинцы закончили первый тайм, в котором играли своим мячом, со счетом 2:1, после чего Уругвай выиграл во втором тайме, в котором уже использовался местный мяч, со счетом 4:2.

Чтобы избежать новой неразберихи, FIFA решила, что на Кубке 1934 г. будут использоваться итальянский и... английский мячи. 3 мая 1934 г. организационный комитет Кубка мира постановил, что «на каждом поле должно быть по три мяча того веса и той окружности, которые указаны в правилах игры, а именно два итальянских и один английский мяч»¹. Фашистскому режиму с его жадной качественных спортивных зрелищ нужно было воспользоваться этим случаем с надежным британским мячом, чтобы удовлетворить свои авторитарные амбиции. В рекламе итальянского *pallone (мяча)* «tipo Federale 102», выпущенной l'Ente Centrale Approvvigionamenti Sportivi de Rome и опубликованной в официальной программе чемпионата, говорилось, что «в эти годы великих побед все итальянские футбольные клубы должны заменить иностранные мячи на аутентичные, произведенные национальными усилиями»². Тем не менее рекламные объявления в той же программе признавали и достоинства британских мячей. Так, с произведенным фирмой Turphine мячом модели ZIG-ZAG, «очень достойным», «безупречным», «недеформируемым», *azzurri* сыграли 35 домашних матчей в период с 1910 по 1932 г.³, а мяч фирмы Cliff модели Globe, был «с 1928 по 1934 гг. официальным мячом итальянской федерации футбола (F.I.G.C.) на всех международных матчах команд А и Б»⁴, что вступало в некоторое противоречие с утверждениями о превосходстве продукции Turphine. Выбор мяча для игры оставался за капитанами. Если им решить этот вопрос не удавалось, «решал судья, и его слово было последним»⁵.

1 Archives FIFA, Comité exécutif, Procès-verbal de la réunion de la Commission d'organisation de la Coupe du monde tenue à Rome le 3 mai 1934.

2 *Campionato mondiale di calcio. Programma ufficiale edito a cura della F.I.G.C.*, Rome, 1934.

3 Ibid.

4 Ibid.

5 Archives FIFA, Comité exécutif, Procès-verbal de la réunion de la Commission d'organisation de la Coupe du monde tenue à Rome le 3 mai 1934.

Четыре года спустя во Франции фирма Allen, поставщик экипировки Французской футбольной федерации, потребовала от Арбитражного комитета ФИФА «проверить и маркировать» эти мячи¹. Как представляется, не существовало прямой зависимости между рынком мячей и Кубком мира², и реклама фирмы Allen дает понять, что модель мяча «Кубок мира», специально выпущенная по случаю, была выбрана в качестве официальной «из числа всех представленных моделей и марок»³. В любом случае архивы ФФФ и ФИФА не содержат упоминаний о каких-либо тендерах на официальный мяч. Эксклюзивность, которую получила эта парижская фирма, также занимавшаяся импортом английских мячей, объясняется, несомненно, ее старыми связями с ФФФА и организуемым ей Кубком Франции, а также англо-французскими корнями компании, которые гарантировали качество продукции.

136

То, что предпочтение всегда отдавалось национальным производителям, подтвердилось и на Кубке мира 1966 г., проводившегося в Англии. В 1950 г. в Бразилии мяч национального производства без шнуровки был выбран в качестве официального в рамках политики автономного развития, которую проводил президент Жетулиу Варгас еще в 1930-х годах. В дальнейшем на спортивные организации оказывали влияние ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле) и США, которые лоббировали открытие границ. Так, швейцарский организационный комитет Кубка мира 1954 г. решил, что выбирать он будет из «швейцарских, итальянских и аргентинских мячей»⁴, и модель, которой отдадут предпочтение, должна будет поступить в количестве 50 экземпляров на матчи соревнования. И вот, после того как «многочисленные швейцарские и зарубежные фирмы предложили организаторам мячи своего производства»⁵, ими был выбран мяч... швейцарской марки, модели WC Match Ball. Фирма-производитель предоставила по четыре новых мяча на каждый матч, всего 104 единиц. Формальное открытие Кубка мира в качестве нового канала поставок для производителей мячей получило развитие в 1958 г. Более 110 разных видов мячей были анонимно представлены отборочному комитету, который в итоге выбрал мяч № 5 Top Star, произведенный...

1 Archives de la Fédération française de football (FFF), Comité d'organisation de la Coupe du monde 1938, Instructions aux représentants de la F.I.F.A. pour l'organisation des matches de la compétition finale du 4 juin au 19 juin 1938.

2 Мы не нашли никаких ее следов ни в архивах ФФФ, ни в архивах ФИФА.

3 *Revue de la Coupe du monde de football 1938*.

4 Archives FIFA, Coupe du monde 1950, Annexe au rapport du Comité suisse d'organisation à l'occasion de la séance de la Commission d'organisation de la FIFA, du 16 novembre 1953 à Paris.

5 *Ibid.*, Service de presse, 12 mai 1954.

в Швеции¹. При этом ФИФА начала руководствоваться иными критериями качества. В октябре 1957 г. арбитражная комиссия этой организации предложила «выделить лондонской Футбольной ассоциации субсидии размером 50 фунтов (при общей сумме трат 250 фунтов) на научные исследования баллистических качеств футбольных мячей»². Эта проблема и сегодня является основной в дебатах о выборе официальных мячей для футбольных соревнований.

Если образцы мячей национальных и зарубежных фирм и посылались организационной комиссии чемпионата мира имени Жюля Риме 1962 г., проводившегося в Чили, то уже задолго до начала матчей чилийский оргкомитет открыто заявлял, что «выбрать следовало мяч чилийского производства». Выбор был сделан в пользу мячей модели Zamoga фирмы Stack оранжевого, белого или желтого цвета, которые производитель «бесплатно предоставлял для финальных матчей»³. Тем не менее для большей надежности был выбран также мяч шведского производства в дополнение к набору мячей, фигурировавших на каждой встрече. В итоге проверка этих наборов, проводившаяся Арбитражной комиссией, показала, что производство мячей оставалось непростым искусством. По словам Хельмута Кезера, генерального секретаря ФИФА, «контроль показал, что из сорока восьми чилийских мячей [...] двадцать семь не отвечали установленным требованиям, и только двадцать один мяч оказался пригодным. Из числа шведских мячей было забраковано двадцать восемь, семьдесят один мяч был признан соответствующим правилам»⁴.

Организация Кубка мира 1966 г. была доверена Англии, стране, производившей лучшие футбольные мячи, так что поводов для беспокойства было на этот раз меньше. Тем более что выбор был сделан заранее на заседании оргкомитета в Лондоне в мае 1965 г. К этому заседанию ФИФА попросил Футбольную ассоциацию «подобрать некоторое количество мячей разных фирм для осмотра членами комитета»⁵. Модель Challenge 4 Star фирмы Slazenger выиграла в сравнении с 111 другими мячами английского и зарубежного производства. Это был последний раз, когда были организованы такие выборы и когда в финале Кубка мира использовался мяч национального производства.

1 Чемпионат мира 1958 года проходил именно в Швеции. — *Прим. ред.*

2 Ibid., Comité d'urgence, Séance du 13 octobre 1957 au siège de la Football Association, Londres.

3 Ibid., Coupe du monde 1962, Commission d'organisation, Séance n°3 à Santiago. Samedi le 25 mars 1961, Santiago du Chili.

4 Archives FIFA, Coupe du monde 1962, Notes protocolaires concernant la conférence des arbitres à Santiago-du-Chili, mardi 28 juin 1962.

5 Archives FIFA, Coupe du monde 1966, Agenda of Meeting No 7 of the World Cup Bureau to be held at FIFA-House Zurich, on Saturday, 27th February, 1965, at 9 a. m.

Adidas vs Hungaria, мировой рынок против национального

За год до Кубка мира 1970 г. Мексиканская федерация предложила организационной комиссии ФИФА «использовать на матчах чемпионата мира мячи adidas»¹. Эта просьба была удовлетворена. Оправдывая свое требование, мексиканские футбольные руководители объясняли, что «эта фирма владеет сейчас производством в Мексике и что эти мячи полностью оправдали себя на футбольных матчах Олимпийских игр»². Царствование фирмы adidas на Кубке мира и ее влияние на ФИФА началось еще до эры бразильского президента ФИФА Жоао Авеланжа (1974-1998) и его преемника, швейцарца Йозефа Блаттера (1998-2016). Отражая те отношения, которые сложились у международной федерации с транснациональными корпорациями, выбор мяча adidas модели Telstar, названной в честь американского спутника связи, запущенного NASA в 1961 г., указывал также на то, как национальные рынки могли влиять на процесс глобализации спорта.

Очевидно, что желание adidas конкурировать с мексиканскими фирмами было связано не только с мексиканским, но и североамериканским рынком. Но внезапное появление adidas, т. е. фирмы, специализировавшейся на производстве спортивной обуви, в особенности футбольных бот, в смежном, но новом для себя сегменте футбольных мячей, было в основном мотивировано желанием конкурировать со своими соперниками на французском рынке. Фирма adidas, созданная во Франконии в конце 1940-х годов Ади Дасслером, открыла свой французский филиал в Эльзасе в 1959 г. Там она выкупила предприятие, специализировавшееся на производстве детской обуви, но прогоревшее после того, как его главный рынок сбыта, Саарская область, стал в 1955 г. частью Германии [Smit, 2007, p. 70]. Под управлением Хорста, сына основателя фирмы, эльзасский филиал превзошел успехи материнской компании, в особенности в области текстиля. Озабоченный созданием сети спортивных предприятий, Хорст Дасслер начал привлекать к сотрудничеству бывших чемпионов. Жюст Фонтен, чья карьера прервалась из-за серьезной травмы, вложил часть своих денег в спортивный магазин в Тулузе и теперь работал на adidas. На французском рынке adidas должен был вступить в жестокую конкуренцию с Hungaria. Заметив, что фирма из Луаре выдвигала в качестве условия поставок своих очень ценившихся мячей модели Scarphandre также и заказы на обувь собственного производства, Фонтен настоял, чтобы младший Дасслер тоже начал внедрять производство мячей из кожи [Smit, 2007, p. 74]. По-

138

1 Ibid., Coupe du monde 1970, Procès-verbal de la séance n° 6 de la Commission d'organisation du championnat du monde (bureau) tenue à Amsterdam le 17 mai 1969.

2 Ibid.

сле многочисленных испытаний мяч Telstar, сшитый из 32 пятиконечных фрагментов черной и белой кожи, был представлен футбольному миру и широкой публике. Если он и не совершил революцию, его качество позволяло конкурировать с мячом Scaphandre. Это было началом упадка Hungaria: фирма, сменившая название на Hunga, была поглощена adidas в начале 1970-х годов. Завоевание французского рынка стало прелюдией к эре глобализованного футбольного мяча.

Заключение

Мы рассматриваем эту статью как набросок к более общей истории спортивной экипировки (футбол, регби, атлетика). Мы рассчитываем на то, что она в не меньшей степени пробудит любопытство у тех читателей, которые проявляют мало интереса к *people's game*. В любом случае мы намерены и дальше изучать производивших мячи компании, их владельцев, работников, конструкторские бюро, обороты и прибыль.

Работа в архивах компаний (некоторые документы Hungaria хранятся в архивах департамента Луаре) или национальных трудовых архивов в Рубо, в банковских архивах, тщательное изучение технических и профессиональных изданий, а также спортивной прессы должно позволить нам восполнить пробелы в знаниях об этой сфере. Так или иначе, архивные фонды, использованные для написания этих строк, позволяют нам осветить значительный сегмент бизнеса, с его рынком, коммерческими и рекламными стратегиями, формами взаимодействия со спортивными организациями и определить место этого товара потребления среди других спортивных атрибутов и игрушек для мальчиков.

139

Библиография / References

- Becker J.-J. (2009) *Un soir de l'été 1942... Souvenirs d'un historien*, Paris: Larousse.
- Bernard-Tambour T., Carlier Y. (2001) *Jeu des rois roi des jeux. Le jeu de paume en France*, Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux.
- Bunyan M.T. *Le football simplifié* (1935), Paris: P. Fauville.
- Dietschy P., Clastres B. (2006) *Sport, société et culture en France du XIXe siècle à nos jours*, Paris: Hachette.
- Garcet de Vauresmont Pierre et Jean (1912) *Les Sports athlétiques*, Paris: Larousse.
- Gillmeister H. (1998) *Tennis: a cultural History*, New York: New York University Press.
- Gounot A., Jallat D., Caritey B. (2007) *Les Politiques au stade. Etude comparée des manifestations sportives du XIXe au XXIe siècle*, Rennes: Presses universitaires de Rennes: 95-109.
- Hubscher R., Durry J., Jeu B. (1992) *L'Histoire en mouvements. Le sport dans la société française (XIX-XX siècle)*, Paris: Armand Colin.

Kopa Raymond avec la collaboration de Patrice Burchkalter (2006) *Kopa par Raymond Kopa*, Paris: Jacob-Duvernoy.

La France de la Belle Époque 1896-1914, Paris: Armand Colin.

Langenus J. (1943) *En sifflant par le monde. Souvenirs et impressions de voyages d'un arbitre de football*, Gand, Liège: Snoeck-Ducaju.

Le Football (1921) *Association. Théorie et pratique du jeu de Football*, Paris, Flammarion.

Lejeune D. (1991) *La France de la Belle Époque 1896-1914*, Paris: Armand Colin.

Loup J. (1930) *Les sports et le droit?* Paris: Librairie Dalloz.

Mairesse J. (1933) *Football, quand tu nous tiens*, Paris: Société Parisienne d'Édition. Maurice Pfefferkorn.

Mignot J.-F. (2014) *Histoire du Tour de France*, Paris: La Découverte.

Nanteuil E., de Saint-Clair G. (1898) *La Paume et le Lawn-Tennis*, Paris: Hachette.

Rama L. (1973) *Dictionnaire technique de l'industrie de la chaussure*, Lyon: Centre Technique du Cuir.

Reed E. (2015) *Selling the yellow jersey. The Tour de France in the global era*, Chicago: The University of Chicago Press.

Réthacker J.-Ph. (1954) L'équipement. *Encyclopédie des sports modernes. Le football*, Monaco: Union européenne d'éditions.

140

Rous S., Ford D. (1974) *A History of the Laws of Association Football*, Zurich: FIFA.

Smit B. (2007) *Pitch Invasion. Adidas, Puma and the Making of Modern Sport*, Londres: Penguin book.

Sorez J. (2013) *Le football dans Paris et ses banlieues. Un sport devenu spectacle*, Rennes: Presses universitaires de Rennes.

Tenèze L. (2011) *Histoire du football. Le Board et l'analyse des transformations des lois du jeu*, thèse de doctorat STAPS, Paris: Université Paris Descartes.

Tétart Ph. (dir.) (2007) *Histoire du sport en France. Du Second Empire au régime de Vichy. De la Libération à nos jours*. Vol. 2, Paris: Vuibert.

Thompson Ch. (2008) *The Tour de France. A cultural history*, Berkeley: University of California.

Vamplew W. (1988) *Pay up and play the game. Professional Sport in Britain*, Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Дичи П. (2018) Футбольный мяч Belle époque на заре глобализации. *Социология власти*, 30 (2): 121-140.

Dietschy P. (2018) Football from Belle Époque till Globalization Dawn. *Sociology of Power*, 30 (2): 121-140.

Поступила в редакцию: 07.05.2018; принята в печать: 16.05.2018

ЭДУАРД С. АКОПЯН

Музей архитектуры им. А.В. Щусева, Москва, Россия

Центральный стадион страны как элемент репрезентации власти в истории советской архитектуры 1920–1950-х годов

Понятие «Центральный» или «Всесоюзный» стадион впервые в истории отечественной архитектуры возникает в советской России вместе с оформлением концепции коммунистического государства, постепенно обретающей тоталитарный характер, и трансформацией утопических моделей, разрабатываемых в первые послереволюционные годы в авангардной культуре. В истории советской архитектуры известны три попытки строительства главного стадиона страны, каждая из них появлялась в моменты формирования новой парадигмы спорта как фактора конструирования общества и элемента внешней репрезентации. Однако путь от первоначального замысла до осуществления проекта растянулся более чем на тридцать лет, едва не обернувшись одной из многих нереализованных утопий.

Международный Красный стадион (1920-е), Центральный стадион им. И.В. Сталина (1930-е), Центральный стадион им. В.И. Ленина (1950-е) — все эти стадионы с разными названиями и программой объединяла задача создания громадного спортивного архитектурного парка для демонстрации преимущества коммунистического спортивно-физкультурного движения над «буржуазным олимпийским». Но, как это ни парадоксально, именно с вхождением Советского Союза в международную олимпийскую семью Москва заполучила Центральный стадион, который до сих пор остается самым большим в стране.

Ключевые слова: архитектура, спорт, авангард, олимпийские игры, социальная утопия, культура, футбол

141

Акопян Эдуард Самвелович — искусствовед, специалист по истории архитектуры. Научный сотрудник Музея архитектуры им. А.В. Щусева. Научные интересы: советская архитектура, архитектура модернизма, культура эпохи авангарда. E-mail: ardakopian@gmail.com

Eduard S. Akopian — historic of art, specialist in the history of architecture. Research fellow at the Schusev State Museum of Architecture. Research interests: soviet architecture, modern architecture, avantgarde culture. ardakopian@gmail.com

Текст представляет собой дополненную и исправленную версию работы: Акопян Э.С., Горлова А.В. (2018) Концепции Центрального стадиона в архитектуре СССР. 1920–1950-е годы. Каталог выставки «Архитектура стадионов», М.: ГНИМА: 108–129.

*Eduard S. Akopian. Schusev State Museum of Architecture, Moscow, Russia
State Central Stadium as an element of the representation of power in the history of
soviet architecture 1920–1950-s*

The concept of a “Central” or “All-Union” stadium arose in Soviet Russia for the first time in the history of Russian architecture, along with the formulation of the concept of a communist state, which was gradually gaining a totalitarian character, and the transformation of utopian models that had their roots in the first post-revolutionary years and avant-garde culture. In the history of Soviet architecture, there were three attempts to build the main stadium of the country; each of them was undertaken at the time of the formation of a new paradigm which viewed sport both as a factor of cohesion for the society and as an instrument of external representation. The best architects of the country were involved in the search for the image and the development of the architectural solution of the ideal socialist stadium. However, the path from the initial design to the implementation of the project stretched out for more than thirty years, almost turning into one of many unrealized utopias.

The International Red Stadium (1920’s), the Stalin Central Stadium (1930’s), and the Lenin Central Stadium (1950s) were projects with different titles and programs, but they were united in the task of creating a giant architectural sports park to demonstrate the advantages of the communist sports and physical culture movement over the “bourgeois Olympic” movement. Paradoxically, but only with the entry of the Soviet Union into the international Olympic family, Moscow ended up with such a stadium, the Lenin Central Stadium, still the largest in the country.

Keywords: architecture, avantgarde, sport, Olympic games, social utopia, culture, football, mass action

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-141-166

142

Международный Красный стадион. Театрализация физической культуры

Идея сооружения первого спортивного комплекса всероссийского значения принадлежала руководителю Всеобща¹, известному военному и партийному деятелю Николаю Ильичу Подвойскому. Он предложил построить в Москве стадион для всероссийских и международных состязаний, которые утвердили бы статус столицы молодой советской республики как центра мирового пролетариата. 2 февраля 1921 года на заседании Комиссии по сооружению стадиона Н.И. Подвойский представил слушателями грандиозные перспективы реализации проекта: «В результате

1 Всеобщее военное обучение — организация, созданная в 1918 году, главной задачей которой была подготовка молодежи к военной службе.

этой работы, я уверен, на Россию будут действительно смотреть как на страну невероятных возможностей, ибо эта страна сумела в столь необычайном предприятии, идущем в разрез со всеми реальными условиями, в этом фантастическом и необычном предприятии сконцентрировать такое множество богатейших идей, которое дает возможность этому предприятию сыграть величайшую роль высоко революционного порядка... Этот стадион будет являться тем гигантским мировым памятником революции и свободного духа человеческого, о котором будут говорить не только в наш век, но через сотни, тысячи лет»¹.

Так появилась идея Международного Красного стадиона (МКС)², которая очень скоро захватила умы ведущих деятелей культуры, среди них художник Г.Б. Якулов, скульпторы С.Т. Коненков и А.Н. Златовратский, искусствоведы Д.С. Недович и П.П. Муратов, поэты С.А. Есенин и А.Б. Мариенгоф, режиссер В.Э. Мейерхольд и др.

Вовлечение лидера авангардного театра в орбиту МКС оказалось ключевым в формировании идеологической программы стадиона. На диспуте «Всеобуч и искусство» в Доме печати в декабре 1920 года Н.И. Подвойский и В.Э. Мейерхольд выступили единодушно «за сближение театра с природой и физической культурой» в целях создания «нового коллективного человечества» [Подвойский, Мейерхольд, 1921, с. 25]. Будущий комплекс мыслился как площадка для реализации идей русского авангарда о подлинном синтезе искусств, местом не только спортивных мероприятий, но «сосредоточением культурной жизни во всех областях ее проявления». Так театрализация физической культуры явилась главной парадигмой первого центрального стадиона страны.

Для строительства был выбран живописный склон Воробьевых гор. В октябре 1920 года состоялась торжественная церемония закладки первого камня. А летом 1921 года для проведения спортивно-гимнастического празднества, приуроченного к III Конгрессу Коминтерна, были сооружены временные спортивные площадки и деревянные трибуны. Согласно первоначальной программе, разработанной при участии архитектора И.И. Рерберга, комплекс состоял из расположенной на средней террасе в центре Воробьевых гор арены с поднимающейся по склону холма трибуной на 30–40 тыс. зрителей.

1 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 4346. Оп. 1. Д. 588. Л. 2, 9.

2 Подробнее об истории МКС см. [Коккинаки, 1985б, с. 100-107].

На вершине откоса располагался Дворец спорта с многофункциональным залом на 2 тыс. человек, музеем спорта и обсерваторией. На юго-востоке — опирающийся на склон открытый театр массовых действий в виде амфитеатра. Ниже арены и театр — трибуны для зрителей водных видов спорта. На противоположном, левом берегу Москвы-реки на месте Лужников предполагалось построить ипподром и яхт-клуб [Жокинаки, 1985а, с. 70]. Соединялись оба берега новым мостом. Эта программа в 1922 году легла в основу дипломной работы студента архитектурного факультета ВХУТЕМАСа Н.Я. Колли, будущего автора Центрального стадиона им. И.В. Сталина. В том же году из-за недостатка государственных средств, выделяемых на строительство стадиона, было создано паевое Общество строителей Международного Красного стадиона (ОС МКС), в задачи которого входили агитация и сбор средств не только в России, но и за рубежом. Иностранная деятельность ОС МКС — предмет отдельного исследования в контексте деятельности Коминтерна, для нас же важно отметить, что главный стадион планеты по замыслу авторов и нужно было строить всем миром.

144

Рис. 1. Членский билет ОС МКС на имя И.В. Ламцова, 1924.

Fig. 1. I. Lamtsov membership card of the cooperative Society of Builders of the International Red Stadium, 1924.

В 1924 году в газете «Красная нива» вышла статья «Москва будущего» председателя Московского архитектурного общества (МАО) и автора генерального плана «Новая Москва» А.В. Щусева, где он поддержал идею МКС: «Весь горный склон превращается при помощи монументальных лестниц в спортивный Акрополь с памятником Ленину, стадионами, гимназиумами, школами плавания и речного спорта... Вход с Воробьевых гор напоминает виды Рима в компози-

циях Пиранези» [Щусев, 1924, с. 414]. Особенную заинтересованность в сотрудничестве с ОС МКС высказал основатель Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА), лидер творческого течения рационализма, выдающийся архитектор и педагог Н.А. Ладовский.

По итогам конкурса среди студентов художественных вузов возглавляемой им мастерской во ВХУТЕМСе была поручена разработка МКС. «Перед нами разворачивается сейчас необычайно большая строительная перспектива... увековечения памяти Ленина¹ в ряде монументальных архитектурных сооружений на Воробьевых горах... Наши товарищи завоевали симпатии председателя Общества строителей Международного Красного стадиона, члена ЦИК т. Подвойского, относящегося очень скептически к Щусеву и МАО»², — так в письме Л.М. Лисицкому описывал предстоящую работу Н.А. Ладовский. Именно с его приходом в качестве главного архитектора идея Красного стадиона воплотилась в реальный архитектурный проект, который на Всемирной выставке 1925 года в Париже был удостоен золотой медали по архитектуре. Л.М. Лисицкий также принял участие в работе над МКС, исполнив проект яхт-клуба.

«Территория Ленинских гор... в рельефе представляет три террасы. Здесь задача архитектора почти граничит со скульптурой — необходимо лепить сооружение по месту... Связь всего сооружения с рекой, рельефом и территорией вообще осуществлена ориентировкой главных частей трибун на реку и подчинением этому положению остальных элементов; нарастанием рельефа сооружения соответственно характеру и силе нарастания рельефа места; соподчинением всех элементов сооружения на основе динамического принципа» [Ладовский, 1927, с. 279-281]. Сложный, динамичный характер местности определил столь же неординарный, «движущийся» архитектурный образ. В результате была задумана экспериментальная композиция с двумя, открытыми со стороны Москвы-реки, аренами, имеющими вытянутые, гипертрофированные формы: верхняя — 380 на 120 м, нижняя — 250 на 60 м (для сравнения размеры стандартного футбольного поля 105 на 70 м).

Н.А. Ладовский объединяет сооружения для разных видов спорта в единую композицию, создав сложные, многофункциональные организмы. Так, яхт-клуб, лыжная станция и школа плавания располагались в одном пространстве, «изменяясь функционально

- 1 Имеется в виду переименование Воробьевых гор на Ленинские в рамках программы увековечения памяти В.И. Ленина, объявленной в 1924 году.
- 2 Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РАГЛИ). Ф. 2631. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 8-9.

во времени». «Время является одной из проблем современности, которая в архитектуре имеет свое выражение в универсализме сооружений», — писал Н.А. Ладовский [Цит. по Коккинаки, 1985б, с. 104]¹. Идея сочетания постоянных и переменных величин в архитектуре отразилась в конструктивных решениях стадиона. Часть трибун главной арены архитектор предлагает стать мобильными, перемещающимися при помощи зрителей. Также были запланированы мобильные декорации, изменяющие свою конфигурацию в зависимости от происходящего состязания. Неизменными в течение соревнований сохранялись только беговые дорожки, обрамлявшие арену. Огромный стадион был рассчитан на 40–45 тыс. человек, из них 30 тыс. располагались на поднимающейся по склону холма центральной трибуне, за которой высились «многоярусные башни», рассчитанные еще на 5 тыс. человек. На нижних трибунах — 8 тыс. По расчетам архитекторов участников действия на поле должно быть те же 40–45 тыс., как и зрителей.

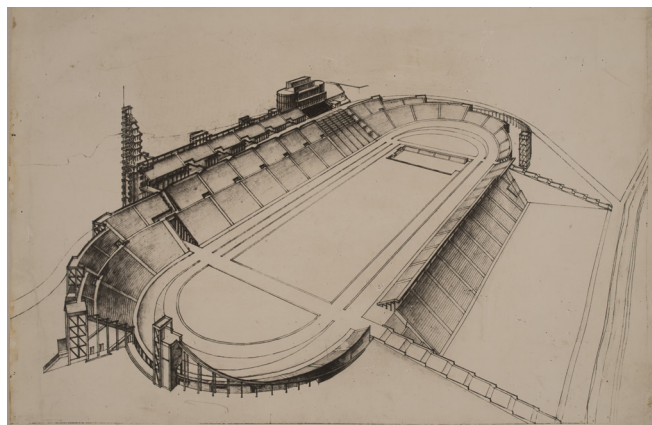

Рис. 2. Н.А. Ладовский. Проект Международного Красного стадиона. Аксонометрия, 1926.

Fig. 2. N. Ladovskiy. Project of the International Red Stadium. Axonometry, 1926.

Н.А. Ладовский считал, что «архитектура сооружений, действуя на восприятие своим ритмом и согласованностью отдельных элементов, рассчитана воздействовать на гигиену духа психическими путями, как спорт воздействует на него физически. Архитектура

1 Далее по тому же источнику приведены цитаты из программы Н.А. Ладовского, изложенной им в журнале «Строительная промышленность», 1924, №12.

ОС МКС проводит свои принципы на простых формах, вытекающих из техники дела, служа высшей и общей технике — ориентации человека в пространстве».

В пояснительной записке проекта Н.А. Ладовский так определяет исходную задачу и пути ее разрешения: «Основные принципы, на которых строится пролетарский спорт, диктуют содержание, а, следовательно, и форму пролетарского стадиона.

А) Массивность происходящих на его спорт-арене упражнений переносит центр тяжести с беговой дорожки на самое поле спорт-арены, следствием чего должно быть увеличение этого поля и техническое приспособленность его к производству маневрирования больших масс.

Б) Отсутствие строго разделения на зрителей и участников (зритель становится участником, а отдыхающий участник — зрителем) влияет на вторую часть стадиона, на его амфитеатр, уменьшая и приближая его к спорт-арене.

В) Международно-политический характер МКС также оказывает влияние на его форму, требуя от стадиона условий агитвоздействия на большие массы, что технически должно выражаться в устройстве трибун для ораторов, громкоговорителей, вышек для проекционных фонарей и т. д.

147

Г) Международный характер предстоящих Октябриад требует, чтобы все виды спорта, культивируемые за границей рабочими организациями, могли быть выявлены на стадионе» [Ладовский, 1927, с. 279-281].

Формально Н.А. Ладовский продолжает практику объединения в одном стадионе (впервые примененную на Олимпийском стадионе в Лондоне в 1908 году) нескольких спортивных дисциплин: игрового поля, бассейна, беговых дорожек и вело-мототрека.

Рис. 3. Олимпийский стадион «Уайт-Сити» в Лондоне (архитекторы Дж. Вебстер, Дж Уимпи), 1908.

Fig. 3. White City Olympic stadium in London, 1908.

Динамические трансформации конструкций и взаимопроникновения пространств в проекте МКС делают его уникальным в спортивной архитектуре первой половины XX века. Не разделяя мечту А.В. Щусева о создании на Воробьевых горах «спортивного Акрополя» или «Колизея», Н.А. Ладовский создает архитектуру, не имеющую ничего общего с «исторической стилизацией и индивидуально-эстетическими построениями». «Элементы, которые не являются чисто техническими или утилитарными в обычном смысле слова и которые можно рассматривать как архитектурные мотивы должны быть рациональны и служить высшей технической потребности человека ориентироваться в пространстве» [Мастера советский архитектуры... 1975, с. 346] — эта мысль, высказанная Н.А. Ладовским еще в 1921 году, остается основополагающей для определения архитектурного образа Красного стадиона.

148 Красный стадион был темой академических работ в ведущих художественных вузах Москвы в 1920-х годах. На строительстве и проектировании спортивного комплекса сформировалась целая плеяда молодых архитекторов, таких как Г.Т. Крутиков, А.Е. Аркин, М.А. Туркус, С.А. Лопатин, И.В. Ламцов, В.С. Попов, В.А. Ершов, Ю.М. Мушинский, В.Н. Симбирцев, В.А. Лавров и др. Одной из наиболее ярких работ, выполненных в рамках учебной программы ВХУТЕМАСа, стал дипломный проект М.П. Коржева. Начинающему архитектору предложили разработать проект не на склоне Ленинских гор, а на левом берегу Москвы-реки в Лужниках. Н.А. Ладовский — руководитель дипломной работы — так сформулировал программу и состав проекта: «Генплан всей территории, проект главного здания (клуб с двумя залами — аудиторией и спортзалом), трибуны, трек для автогонок, велотрек, дорожки для скачек, тренировочные сооружения, водная станция» [Хан-Магомедов, 2005, с. 221-222]. Коржеву предстояло разработать полную программу стадиона от общей организации пространства до объемно-пространственной композиции масштабного здания спортивного клуба, представить проекты спортивных сооружений всех видов, решить конструктивные и формообразующие задачи при проектировании трибун.

Объемно-пространственную композицию здания спортклуба составляли два параллельных ряда квадратных в плане башен, включающих вертикальные коммуникации (лифты и лестницы).

Между башен помещались основные объемы внутренних помещений, в виде ступенчато понижающихся параллелепипедов. На уровне первого этажа башни соединены общими вестибюлями, а верхние ярусы объединялись переходами и открытыми галереями.

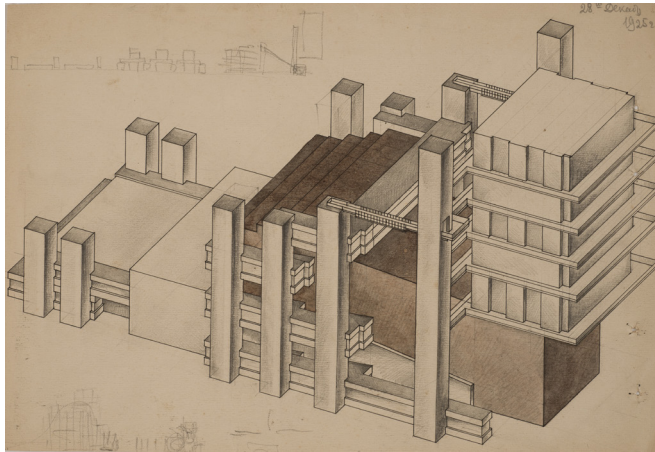

Рис. 4. М.П. Коржев. Проект спортклуба МКС. Аксонометрия, 1925.

Fig. 4. M. Korzhev. Project of the Sport Club for the International Red Stadium, 1925.

Трибуны стадиона состояли из двух основных частей. Нижняя железобетонная конструкция решена в виде традиционного типа спортивных трибун с тремя ярусами сидячих мест. Нижний ярус перекрыт железобетонным консольным козырьком, который в то же время является дорожкой для скачек. Два верхний яруса имеют консольный козырек из металла с подвешенными к нему пятью рядами кабин для зрителей. Этот необычный функциональный элемент стал главным конструктивным нововведением М.П. Коржева.

149

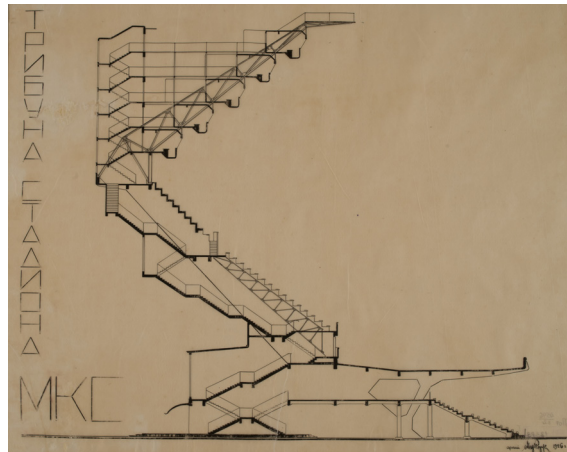

Рис. 5. М.П. Коржев. Проект Международного Красного стадиона.
Разрез трибун, 1926.

Fig. 5. M. Korzhev. Project of the Sport Club for the International Red Stadium.
Section of the Stands, 1926.

Несмотря на весь энтузиазм и серьезность намерений строителей и архитекторов, из-за удорожания проекта и сложной геологии местности капитальное строительство стадиона постоянно откладывалось. Но даже без центральной арены МКС вел активную деятельность. На территории за несколько лет прошло более пятидесяти массовых постановок, среди которых «Земля дыбом» В.Э. Мейерхольда, «Наступление империализма на пролетарскую республику» Нота Дж. Керзона. В них приняли участие более 350 тыс. крестьян и рабочих. Постепенно территория Ленинских гор трансформировалась в излюбленное место гуляний москвичей, превратившись в увеселительный парковый комплекс с летним театром, горками для катаний, каруселями.

Спортивные функции комплекса в 1928 году отошли вновь построенному первому железобетонному стадиону в России «Динамо», на котором состоялась первая Всесоюзная спартакиада рабочих. В 1930-х годах с закатом модернистского проекта в России ОС МКС был ликвидирован, территория, которая находилась в аренде на 49 лет, перешла Парку культуры и отдыха им. А.М. Горького, а отдельные постройки — летний театр, киоски, горки для катания — разобрали. МКС остался в истории как один из важнейших экспериментов архитектуры авангарда в проектировании масштабного общественного сооружения и первым примером разработки спортивного центра всероссийского и мирового значения.

150

Центральный стадион им. И.В. Сталина. Коллективное советское тело

«Для обеспечения... проведения Спартакиады построить в Москве Центральный стадион Союза ССР. При строительстве стадиона исходить из сооружения зрительских трибун не менее, как на 120 тыс. нумерованных мест и достаточного количества различного рода физкультурных сооружений вспомогательного значения, учебного, массового пользования» — с этого постановления президиума ЦИК СССР от 23 сентября 1931 года начинается история Центрального стадиона, получившего название в честь «вождя народов» И.В. Сталина.

Спортивный праздник, приуроченный к окончанию первой пятилетки, был призван «отобразить успехи побеждающего социализма, преимущества социалистической системы над капиталистической». Спартакиада, которая была намечена с 5 по 20 августа 1933 года, призвана продемонстрировать «рост пролетарского мирового спортивного движения, смотр физкультурных достижений трудящихся Союза» [Заплетин, 1932, с. 12]. Под строительство Центрального стадиона СССР была отведена территория на восточной

окраине Москвы за окружной железной дорогой в измайловском зверинце общей площадью 300 га. Согласно первоначальной программе, важнейшими элементами комплекса были центральная спортивная арена, митинговое поле и место массовых действий. Также на огромной территории спортивного города следовало разместить специализированные площадки для игровых видов спорта, учебно-тренировочные поля, воднолыжную станцию, учебный корпус академии физкультуры, жилые корпуса для студентов и преподавателей академии, Дворец физкультуры, детский стадион, аэрополе, места стоянки автомашин и т. д.

«Основное демонстрационное ядро комплекса является местом проведения массовых мероприятий и соревнований по отдельным видам спорта. В состав массовых мероприятий должно входить:

1. проведение демонстраций, шествий, общеполитических, ведомственных и физкультурных парадов;
2. проведение массовых действий с участием в них зрителей;
3. проведение театрализованных постановок;
4. организация массового катания на коньках» [Там же, с. 19].

Решение о строительстве гигантского стадиона принято в условиях свертывания авангардного проекта и нарастания консервативных тенденций в архитектуре 1930-х годов. Симптоматично, что в 1931 году в первоначальную программу перекочевали постулаты футуристической программы 1920-х годов о практиках массовых действий с вовлечением зрителей. Однако уже в 1935 году автор проекта, принятого к реализации, Н.Я. Колли в рассуждениях о стадионе отмечает: «Зритель должен свободно ощущать естественное природное окружение стадиона. Он должен быть поставлен в условия хорошей видимости, в хорошие условия в отношении направления стран света, ветра и пр., вместе с тем должна быть создана обстановка, которая бы способствовала тому, чтобы каждый зритель воспринимал себя в неразрывной связи с мощным коллективом, с происходящими действиями и окружающей природой» [Колли, 1985, с. 41]. Зритель оказывался уже не участником массовых практик, а участником шаблонного исповедания коллективного культа. Перефразируя В.Э. Мейерхольда, который мечтал о создании «коллективного человечества», стадион в Измайлове создавал коллективное советское тело.

«Физкультурный комбинат — новый плацдарм развернутого фронта культурной революции — должен отражать всю революционную сущность физкультуры, отразить в архитектуре идею победы первой пятилетки и мощное развитие социализма в СССР» [Заплетин, 1932, с. 12]. Если Всеобуч — военизированное ведомство — вел пропаганду МКС через вовлечение людей в синтетические формы искусства на демократических началах, то Высший совет физиче-

ской культуры (ВСФК) — формально совещательный орган — разрабатывал новую программу физкультурного воспитания на принципах жесткой военизированной дисциплины.

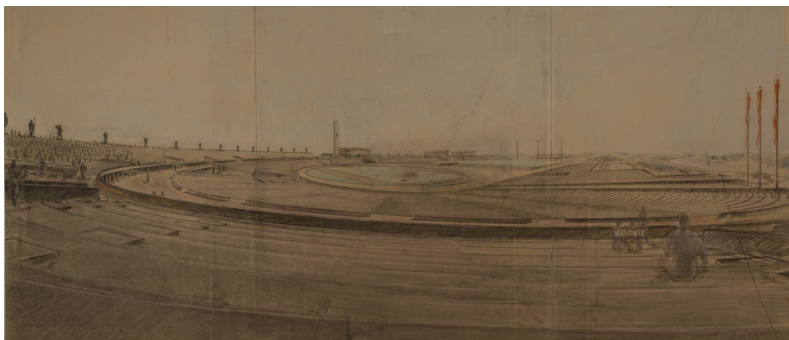

Рис. 6. Н.Я. Колли, С.Г. Андриевский, В.Б. Вольфензон, Т.И. Макарычев, В.П. Сергеев, Н.Н. Селиванов. Центральный стадион им. В.И. Сталина.

Проект, принятый к строительству. Перспектива, 1933.

Fig. 6. N. Kollı, S. Andrievsky, V. Wolfenson, T. Makarychev, V. Sergeev, N. Selivanov. Stalin Central Stadium. Project approved for construction.

Perspective, 1933.

152

Теперь парад физкультурников был главным событием на стадионе. Таким образом, стадионом в Измайлове окончательно формируется концепция центрального стадиона страны как символа могущества социалистического государства.

В 1931 году после выхода постановления правительства Советом строительства ВСФК были даны заказы на составление проекта Всесоюзного стадиона четырем архитектурным бригадам. В закрытом конкурсе приняли участие два коллектива студентов Архитектурно-строительного института (АСИ) под руководством И.А. Голосова, бригада архитекторов А.Я. Лангмана и Л.З. Черикове-ра и творческий коллектив в составе Н.Я. Колли, В.Б. Вольфензона, М.Б. Полонского¹.

Коллектив № 1 АСИ в составе архитекторов Цыганкова, Иванкова, Крылова и Шило в своем проекте развили С-образный тип трибун, предложив ее геометризованный трапециевидный вариант с девятью ярусами. Высота трибун 44 м, максимальное расстояние зрителя от центра ядра 171,5 м. Коллектив № 2 АСИ — Андреасян, Алексеев, Сусоколов, Сорокин — предложили трибуны в виде параболы, раскрывающейся в сторону круглой демонстрационной арены размером 6 га. Внутри чаши стадиона располагались футбольное поле

1 Подробно об итогах конкурса см. [Там же, с. 12-20].

с беговыми дорожками, отделенное от арены массовых действий огромным бассейном размером 120 на 300 м. Три яруса зрительских мест создают единую линию трибун в разрезе. Это увеличило максимальное расстояние зрителя от центра ядра до 202 м. Два нижних яруса располагались на земляной насыпи ниже уровня земли, а верхний ярус из железобетона, вмещающий 40 тыс. человек, поднимался на высоту 16 м над землей.

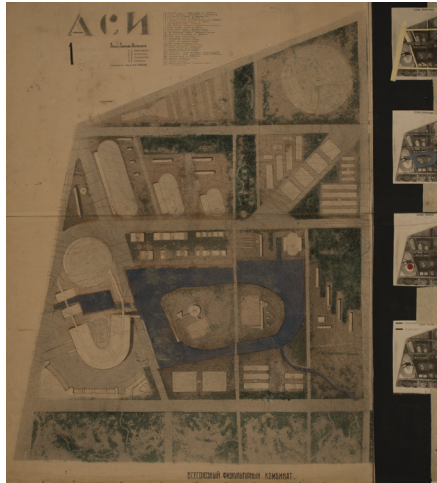
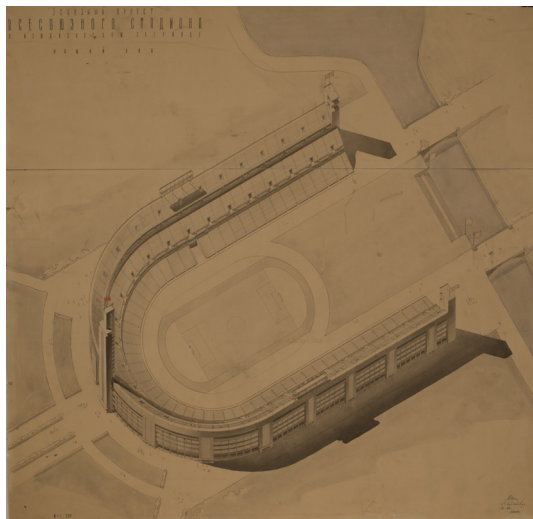

Рис. 7. А.В. Андриасян, (?) Алексеев, С.Н. Сусоколов, (?) Сорокин. Проект Центрального стадиона им. В.И. Сталина. 1-й конкурс. Генплан, 1932.
 Fig. 7. A. Andriasian, (?) Alexeev, S. Susokolov, (?) Sorokin. Project of the Stalin Central Stadium. 1st competition. Master plan, 1932.

Архитекторы А.Я. Лангман и Л.З. Чериковер ограничились проектированием стадиона без проработки генерального плана. В предложенном варианте трибуны имели вид удлиненной подковы, которая охватывала спортивное поле с беговыми дорожками и примыкающее к ним с юга поле массовых действий.

В основе проекта Н.Я. Коли, В.Б. Вольфензона, М.Б. Полонского лежит передовой на тот момент на Западе тип олимпийского стадиона эллипсовидной формы с выпрямленными центральными трибунами. Трибуны предполагались двухъярусные: нижний на 55 рядов, верхний на 30 рядов, с самостоятельной для каждого системой загрузки, эвакуации и обслуживающих помещений. Демонстранты попадали на стадион через парадные пропилеи в разомкнутой части южной торцевой трибуны. При этом верхний ярус оставался замкнутым, что стало нововведением проекта Н.Я. Коли. Такое решение усложняло взаимосвязь внешнего и внутреннего пространств стадиона по сравнению с разомкнутой формой уже

существующего на тот момент олимпийского стадиона в Лос-Анджелесе и будущего олимпийского стадиона в Берлине для игр 1936 года, но не добавляло ему торжественности, на которой настаивали организаторы конкурса.

154

Рис. 8. А.Я. Лангман, Л.З. Чериковер. Проект Центрального стадиона им. В.И. Сталина. 1-й конкурс. Аксонометрия, 1932.

Fig. 8. A. Langman, L. Cherikover. Project of the Stalin Central Stadium. 1stcompetition. Axonometry, 1932.

В 1932 году ВСФК объявил новый конкурс, в рамках которого заказы получили четыре бригады архитекторов. Среди них были американской архитектор Гектор О'Гамильтон¹, бригада Н.Я. Колли в составе С.Г. Андриевского, В.В. Вольфензона, С.Е. Харитонова, бригада Д.М. Иофана в составе С.А. Гельфельда, Н.П. Заплетина, С.П. Зверинцева, бригада АСИ под руководством И.А. Голосова в составе А.В. Андриасяна, Г.А. Исабекяна, С.Н. Сусоколова, Н.Е. Цыганкова².

Г. О'Гамильтон предложил генеральный план в виде трех концентрических кругов с главным стадионом в центре, от которого расходятся четыре луча парадных аллей. Первый круг проходит непосредственно вокруг стадиона. Второй круг формируют открытые площадки для баскетбола, волейбола, теннисные корты. Третий — более крупные стадионы для велогонок, легкой атлетики, бокса,

- 1 Получил заказ во время пребывания в Москве для второго варианта проекта Дворца советов.
- 2 Подробно об итогах конкурса см. [Заплетин, Зверинцев, Нестеров, 1933, с. 46-56].

городков, тяжелой атлетики и т. д. Подковообразный центральный стадион на 122 тыс. зрителей имеет необычный силуэт в виде С-образных боковых трибун. Завершает композицию стадиона огромная сцена с оркестровой ямой.

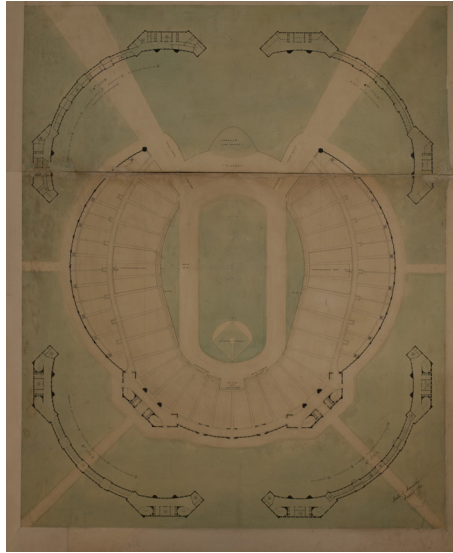

Рис. 9. Г. О'Гамильтон. Проект Центрального стадиона им. В.И. Сталина. 2-й конкурс. Схема трибун, 1933.

Fig. 9. H. O'Hamilton. Project of the Stalin Central Stadium. 2st competition. Stands scheme, 1933.

Коллектив Архитектурно-строительного института в обновленном составе предложил новое композиционное решение с сохранением параболической формы стадиона и круглого демонстрационного поля. В новом проекте исчезает барьер в виде искусственного бассейна между стадионом и полем, объединяя их в единое каплевидное пространство. Весь комплекс получает ориентацию на пруд, что вкупе с трибунами на земляной насыпи представляется удачным ландшафтным решением. Завершает композицию центрального ядра комплекса высокая «башня обороны» рядом с полем массовых действий.

Д.М. Иофан предлагает компактный генеральный план, все объекты в котором сосредоточены вокруг и внутри кольцевой транспортной магистрали. Внутри расположены газонное поле массовой физкультурной работы размером 560 на 300 м, слева от него бассейн, справа — стадион. Стадион запроектирован в виде земляного холма с трибунами на 141 тыс. зрителей. Обратный склон холма в восточной части образует дополнительные западные трибуны поля мас-

совых действий. Заглубление арены предусматривалось на 8 м при высоте холма 14 м от уровня земли. Остальные сооружения группировались вокруг центрального ядра вдоль кольцевой магистрали.

Н.Я. Колли, несмотря на обновления коллектива соавторов, не стал радикально менять первоначальный проект, сосредоточившись на дальнейшей разработке. Архитектор придал трибунам правильную эллипсоидную форму с более широким раскрытием южных трибун в сторону демонстрационного поля, избавившись от барьера между ними в виде пропилей. Бесформенное пространство площади перед стадионом, приобретает четкую организацию. Ее форма в виде клина, пронзающего острием южную трибуну овала стадиона, находит неожиданные параллели с образностью авангарда. Вспоминаются плакат «Клином красным бей белых» Эля Лисицкого (1920) и памятник «Красный клин» (1918), спроектированный Н.Я. Колли еще в студенчестве. Стадион предполагался железобетонным, высотой в 24 м с выявлением на фасаде каркасной структуры.

156

Рис. 10. Н.Я. Колли, С.Г. Андриевский, В.Б. Вольфензон, С.Е. Харитонов.
Проект Центрального стадиона им. В.И. Сталина. 2-й конкурс.
Генплан, 1933.

Fig. 10. N. Kolli, S. Andrievsky, V. Wolfenson, S. Kharitonov. Project of the
Stalin Central Stadium. 2st competition. Master Plan, 1933.

По результатам двух этапов конкурса выполнение окончательного проекта было поручено Н.Я. Колли и бригаде архитекторов в составе С.Г. Андриевского, В.Б. Вольфензона, Т.И. Макаричева, В.П. Сергеева и Н.Н. Селиванова с рекомендациями существенной перера-

ботки проекта, в том числе замены железобетонных конструкций главного стадиона насыпными. В начале 1933 года коллектив авторов представил совершенно новый проект, не имеющий ничего общего с предыдущими наработками Н.Я. Колли. В его основе скорее просматриваются идеи бригады Д.М. Иофана со стадионом-холмом и примыкающего к нему огромного поля для физкультурников. Только теперь они объединяются в цельный небывалых размеров комплекс.

Рис. 11. Н.Я. Колли. Проект памятника «Красный клин», 1918.

Fig. 10. N. Kolli. Sketch of the monument "Red Wedge", 1918.

Спортивное поле получает одну С-образную трибуну на искусственном холме со 104 рядами на 100 тыс. человек. С севера к нему примыкает трибуна, охватывающая всю длину поля массовых действий, с 60 рядами на 27 тыс. зрителей. В общей сложности со всеми дополнительными трибунами и стоячими местами серповидный стадион вмещал почти 160 тыс. человек. Также пространство стадиона включало в себя открытый бассейн и зону военной подготовки.

Пока архитекторы бесконечно улучшали проект, а строители не спеша приступали к возведению Центрального стадиона, в иерархии государственных приоритетов идея проведения социалистических олимпиад окончательно уступила идее военной подготовки, ГТО. Венцом государственной политики в области спорта стали ежегодные физкультурные парады на Красной площади.

158

Рис. 12. Парад на Красной площади, 1931.
Fig. 12. Parade on the Red Square, 1931.

По существу трибуны Мавзолея стали главными трибунами страны, а Красная площадь — центральным стадионом, где главный зритель был один, а в праздной публике больше не было необходимости. Вместе с этим угас и интерес к стадиону. К концу 1930-х годов строительство практически остановилось, однако Н.Я. Колли продолжал творческие изыскания. На протяжении еще 15 лет он создает множество эскизов стадиона, пройдя путь от ар-деко в середине 1930-х годов до неоклассических реминисценций в дизайне фасадов послевоенного времени с башнями и монументальными портиками. Тем удивительнее (это действительно уникальный пример модернисткой архитектуры в скучные 1940-е), что в конце 1940-х годов на примере стадиона им. И.В. Сталина он предлагает абсолютно новаторский проект с подвижными трибунами из металлических конструкций, разрывая связь с традиционалистской архитектурой.

Центральный стадион им. В.И. Ленина. Навстречу мировому спорту

Триумфальное вхождение Советского Союза в международное олимпийское движение (1952), приход к власти Н.С. Хрущева и наступив-

шая вскоре оттепель привели к изменению политики в отношении спорта. Идеологическая установка больше не предполагала разработки особенного социалистического языка спорта и физкультуры. Новая цель — утвердить Советский Союз в роли ведущей спортивной нации через победы на международных соревнованиях. В результате акцент смещается с помпезных парадов и демонстраций условных коллективных спортивных навыков на само соревнование. Появляется состязательность. Массовый спорт отделяется от военной подготовки, а наиболее талантливые физкультурники — от станка, становясь фактически профессиональными спортсменами. В результате новой спортивной парадигмы вновь актуализируется идея строительства Центрального стадиона страны.

23 декабря 1954 года вышло постановление Совета министров СССР о строительстве в Москве Центрального стадиона имени В.И. Ленина, предназначенного для проведения всесоюзных и международных спортивных соревнований [Напасников, 1957, с. 4]. На проектирование и строительство отвели очень сжатые сроки — три и пятнадцать месяцев соответственно. Уже летом 1956 года стадиону предстояло принять Спартакиаду народов СССР — по сути национальный соревновательный отбор к предстоящим Олимпийским играм в Мельбурне. Составление проекта стадиона было поручено авторскому коллективу под руководством А.В. Власова в составе архитекторов И.А. Рожина, Н.Н. Улласа, А.Ф. Хрякова, инженеров В.Н. Насонова, В.П. Поликарпова. Н.М. Резникова, без проведения конкурса. Отсутствие избыточной идеологической нагрузки Спартакиады 1956 года определило программу стадиона. Теперь требовалась не разработка особенной социалистической типологии стадиона в духе архитектурных утопий 1920–1930-х годов, а сооружение современной арены с учетом уже богатой на тот момент мировой практики строительства крупных стадионов для олимпийских игр, которые СССР предполагал в будущем принять.

Для сооружения грандиозного комплекса выбрано знакомое место — Лужнецкая пойма. Территория, которую когда-то уже пытались освоить строители первого всесоюзного спортивного комплекса МКС, вновь привлекла внимание градостроителей в качестве удобной площадки для архитектурного ансамбля. Для строительства расчистили старую беспорядочную застройку, а уровень земли приподняли на 1,5 м с целью предотвращения затопления местности. Одновременно Москву-реку расширили со 120 до 250 м, укрепив берег гранитной набережной. Первые проекты планировки территории Лужников А.В. Власов выполнил еще в 1930-х годах, работая над созданием Центрального парка культуры и отдыха.

Рис. 13. А.В. Власов. Проект планировки Лужнецкой поймы, 1935.

Fig. 13. A. Vlasov. Project of the Luzhnetsky Flood plain planning, 1935.

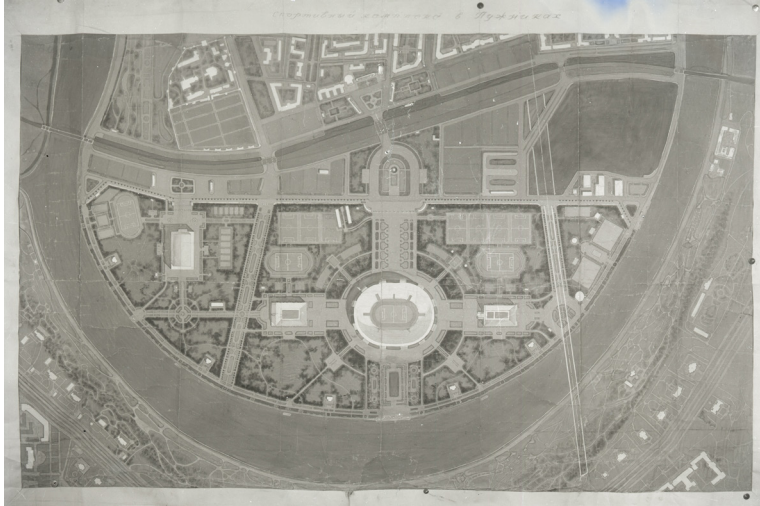
160

Комплекс Центрального стадиона страны предполагал создание ансамбля: большой спортивной арены с трибунами на 100 тыс. зрителей, малой спортивной арены на 15 тыс., открытого плавательного бассейна на 13 тыс., Дворца спорта на 15 тыс. зрителей. Комплекс также включал в себя тренировочные футбольные поля, теннисные корты, легкоатлетические зоны и детский городок.

Генеральный план, предложенный А.В. Власовым, имел четкую ориентацию по двум перпендикулярно расположенным осям. Центральная ось совпадала с вектором развития города в юго-западном направлении.

Четкая перспективная линия соединяла главный вход, парадную аллею, большую спортивную арену, широкий цветочный партер с расположенным на другом берегу реки зданием Московского университета — доминирующей вертикалью юго-западного района Москвы. Вторую ось формируют большая арена и расположенные симметрично по обе стороны от нее малая арена и открытый бассейн. Спроектированная на пересечении этих осей чаша большой спортивной арены как бы стягивает на себя все пространство комплекса, организуя и «дисциплинируя» его. «Масштаб элементов планировки определен громадными массами людей, которых привлекают спортивные мероприятия. Перпендикулярные оси, на пересечении которых воздвигнута главная спортивная арена, задали основной костяк организации пространства комплекса. На северо-восточной ветви перекрестия находится главный подход к трибуне

со стороны города; юго-западная сформирована как торжественный партер, ведущий к набережной» [Иконников, 1984, с. 134] — так описал решение генерального плана Лужников историк архитектуры А.В. Иконников.

161

Рис. 14. А.В. Власов, И.Е. Рожин, А.Ф. Хряков, Н.Н. Уллас. Проект Центрального стадиона им. В.И. Ленина. Генплан, 1955.

Fig. 14. A. Vlasov, I. Rozhin, A. Khryakov, N. Ullas. Project of the Lenin Central Stadium. Master plan, 1955.

Спортивный парк в Лужниках стал воплощением новой философии спортивного действия. План его нарочито регулярный, не предполагающий каких-либо избыточных действий. Имеются в виду массовые построения, суетливые сборы перед стадионом с последующим торжественным входом на поле, как это было предусмотрено, например, на стадионе Сталина. Пространство спортивного парка организовано так, чтобы подвести потоки зрителей к чаше стадиона и эвакуировать их по окончании мероприятия, в остальное время здесь должны были тренироваться спортсмены. В отличие от проектов предыдущих десятилетий главный стадион отрывается от окружающего ландшафта, становится самостоятельным высотным объемом, трибуны его смыкаются, а план приобретает форму правильного эллипса по типу римских амфитеатров.

Проект А.В. Власова завершил целую главу советской архитектуры в области проектирования стадионов обращением к римскому прототипу. «В стадионах римской эпохи арена стремится приобрести универсальный характер сценической площадки... Вследствие введения сводчатых конструкций выбор места перестает

быть решающим, стадион больше не зависит от рельефа, становясь высотным сооружением... Арена стадиона замыкается. Стадион становится общегородским зрелищно-массовым центром. Рост профессионализма, сокращение числа атлетов-любителей делают ненужным гимназии» [Зверинцев, 1988, с. 25]. Так советская спортивная архитектурная мысль буквально за три десятилетия повторила многовековой путь от греческого стадиона, где соревнования носили форму религиозного праздника, до римского амфитеатра — одного из ключевых архитектурных сооружений Римской империи, фактором социальной организации римлян.

162

Рис. 15. Центральный стадион им. В.И. Ленина. Аэрофотосъемка, 1956.

Fig. 15. Lenin Central Stadium. Aerial photography, 1956.

Фасад стадиона оформлен колоннадой, образованной тонкими высокими столбами, опирающимися на облицованный гранитом цокольный этаж. Эти стены-столбы — словно вертикали арматуры, несущие на себе тяжелый выносной карниз верхнего этажа, завершающий объем стадиона. Горизонталь верхнего яруса поддержана выделенными на фасаде линиями межэтажных перекрытий. Вертикальные и горизонтальные членения фасада образуют четкую геометрическую сетку, между прутьями которых легкие стеклянные простенки. По осям двенадцати лестниц, ведущих на галерею второго этажа, располагались двойные арки, придающие дополнительную ритмичность композиции. Они создавали мощные акцен-

ты, перебивающие монотонную протяженность фасада. Верхний этаж облицован просвечивающими стеклянными блоками, что снижало ощущение тяжеловесности с близкого расстояния.

Рис. 16. Колизей (80 год н.э.). Аэрофотосъемка.
Fig. 16. Coliseum (80 A.D.). Aerialphotography.

163

Длина арены составляла 300 м, а общая протяженность окружности — почти километр. В качестве основы для трибун использованы металлические сборные консольные конструкции.

На контрасте с эллипсовидной формой большой арены малая арена и бассейн имели прямоугольный в плане вид. В основе конструкции всех трех сооружений сборный железобетонный каркас, состоящий из столбов, для расстановки которых применялась модульная сетка, и наклонных ригелей, на которые укладывались железобетонные гребенки [Ниппельбаум 1958].

Несколько в стороне от центрального ядра находится Дворец спорта. В основе сооружения большой прямоугольный крытый зал с трибунами для спортивных соревнований и общественно-партийных съездов. Конструкция дворца основана на двадцати металлических арках, опирающихся на цельнометаллические колонны каркаса. Фасад здания решен чередованием вертикальных полос широких оконных секций и узких простенков между ними, которые зрительно перекликались с опорами остальных арен. Но если в большой и малой аренах это следствие конструктивных решений, то во дворце полукруглое перекрытие здания заточено в прямоугольную железобетонную оболочку, на который наложен декоративный фасад.

В 1956 году с третьей попытки Москва получила Центральный стадион. Успех этого проекта можно объяснить вполне простой и понятной задачей, стоявшей перед архитекторами: строительство современного спортивного комплекса, адекватного актуально-

му состоянию мирового спорта. Сравним эту установку с мечтами строителей МКС о памятнике на тысячелетия или с идеей физкультурного комбината в Измайлове, который должен был сочетать и танковые учения, и выступление атлета в толкании ядра. Если проанализировать причины неудач предшествующих попыток, можно отметить, что проекты 1920–30-х годов несли на себе отпечаток поисковой экспериментальной архитектуры, которая была отражением социальных экспериментов довоенных лет.

Спорт как великое действие будоражил умы современников, мечтавших о величайшем сооружении, не имевшем аналогов в мире. Безусловно, проект МКС был не осуществим в 1920-е годы, хотя бы ввиду технической невозможности ее реализации. Но что такое несколько лет ожидания, пока строительные технологии «догонят» проектировщиков, когда «перед нами тысячелетия» (Н.И. Подвойский).

Проект Центрального стадиона в Измайлове, которому предстояло стать мировой демонстрационной площадкой коммунизма, местом сакральным, а не спортивным, остался на бумаге, не нужный ни власти, ни зрителям. Возвращение советскому спорту соревновательности и его выход из мировой изоляции стали одним из ключевых факторов модернистских устремлений русской культуры и архитектуры 1950–60-х годов, символом чего стал Центральный стадион им. В.И. Ленина.

164

Библиография

- Заплетин Н. (1932) Всесоюзный физкультурный комбинат. *Строительство Москвы*, №4.
- Заплетин Н.П., Зверинцев С.П., Нестеров С.А. (1933) Физкультурные сооружения. *Советская архитектура*, №1.
- Зверинцев С.П. (1938) *Архитектура спортивных сооружений*, М.
- Иконников А.В. (1984) *Архитектура Москвы. XX век*, М.
- Коккинаки И.В. (1985а) Градостроительный проект зоны спорта, науки и культуры для Москвы (первый этап проектирования Красного стадиона на Воробьевых горах). *Проблемы истории советской архитектуры*, М., выпуск 7.
- Коккинаки И.В. (1985б) Международный Красный стадион. К истории проектирования и строительства. *Архитектура СССР*, №6.
- Колли Н.Я. (1935) В мастерской архитектора. Творческий итог (работа мастерской №6 Моссовета). *Архитектура СССР*, №3.
- Ладовский Н.А. (1927) Международный Красный стадион в Москве. *Строительная промышленность*, №4.
- Мастера советской архитектуры об архитектуре*. (1975) Т. 1, М.

- Напасников В. (1957) *Центральный стадион имени В.И. Ленина*, М.
- Наппельбаум Л.М., Наппельбаум Э.Л. (1958) *Центральный стадион имени В.И. Ленина*, М.
- Подвойский Н.И., Мейерхольд В.Э. (1921) Всеобуч и искусство. *Вестник театра*, №78-79.
- Хан-Магомедов С.О. (2005) *Сто шедевров советского архитектурного авангарда*, М.
- Щусев А.В. (1924) Москва будущего. *Красная нива*, 17.

References

- Han-Magomedov S.O. (2005) *Sto shedevrov sovetskogo arhitekturnogo avangarda [One hundred masterpieces of the Soviet architectural avant-garde]*, M.
- Ikonnikov A.V. (1984) *Arhitektura Moskvy. XX vek [Architecture of Moscow. XX century]*, M.
- Kokkinaki I.V. (1985a) Gradostroitel'nyj proekt zony sporta, nauki i kul'tury dlya Moskvy (pervyj ehtap proektirovaniya Krasnogo stadiona na Vorob'evyh gorah) [Town-planning project of a zone of sports, science and culture for Moscow (the first stage of designing the Red Stadium on Vorobyovy Gory)]. *Problemy istorii sovetskoj arhitektury [Topics in the history of Soviet architecture]*, M., issue 7.
- Kokkinaki I.V. (1985b) Mezhdunarodnyj Krasnyj stadion. K istorii proektirovaniya i stroitel'stva [International Red Stadium. To the history of design and construction]. *Arhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, №6.
- Kolli N.YA. (1935) V masterskoj arhitekтора. Tvorcheskij itog (rabota masterskoj №6 Mossoveta) [In the workshop of the architect. The creative result (the work of the workshop number 6 Mossoveta)]. *Arhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, №3.
- Ladovskij N.A. (1927) Mezhdunarodnyj Krasnyj stadion v Moskve [International Red Stadium in Moscow]. *Stroitel'naya promyshlennost' [Construction industry]*, №4.
- Mastera sovetskoj arhitektury ob arhitekture [Masters of Soviet architecture on architecture]*. (1975) Т. 1, М.
- Napasnikov V. (1957) *Central'nyj stadion imeni V.I. Lenina [Central Stadium named after V.I. Lenin]*, М.
- Nappel'baum L.M., Nappel'baum E.H.L. (1958) *Central'nyj stadion imeni V.I. Lenina [Central Stadium named after V.I. Lenin]*, М.
- Podvojskij N.I., Mejerhol'd V.E. (1921) Vseobuch i iskusstvo [Vseboruch and art]. *Vestnik teatra [The Bulletin of the Theater]*, №78-79.
- Shchusev A.V. (1924) Москва budushchego [Moscow of the Future]. *Krasnaya niva [Red Field]*, 17.
- Zapletin N. (1932) Vsesoyuznyj fizkul'turnyj kombinat [All-Union Physical Culture Combine]. *Stroitel'stvo Moskvy [Construction of Moscow]*, №4.
- Zapletin N.P., Zverincev S.P., Nesterov S.A. (1933) Fizkul'turnye sooruzheniya [Physical culture facilities]. *Sovetskaya arhitektura [Soviet architecture]*, №1.
- Zverincev S.P. (1938) *Arhitektura sportivnyh sooruzhenij [Architecture of sports facilities]*, М.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Акопян Э.С. (2018) Центральный стадион страны как элемент репрезентации власти в истории советской архитектуры 1920-1950-х годов. *Социология власти*, 30 (2): 141-166.

Akopian E.S. (2018) State Central Stadium as an element of the representation of power in the history of soviet architecture 1920-1950-s. *Sociology of Power*, 30 (2): 141-166.

Поступила в редакцию: 21.06.2018; принята в печать: 27.06.2018

ЕКАТЕРИНА А. КУЛИНИЧЕВА

Независимый исследователь, Москва, Россия

Футбольная экипировка как предмет социокультурного анализа: перспективы и проблемы исследовательского поля

Статья посвящена особенностям социокультурных исследований вестиментарной культуры спорта на примере футбольной экипировки. В первой части статьи обозначаются основные проблемы работы с этим предметным полем: маргинальный статус спорта как темы во многих академических дисциплинах; сохранность источников и архивов; устоявшиеся представления отдельных исследовательских дисциплин и академические традиции делать фокус на определенных темах; вопрос «видимости» некоторых тем в исследовательском поле и дискурсе фанатов и знатоков и т. д.

Во второй части статьи предпринимается попытка описать особенности предметного поля вестиментарной культуры спорта как объекта исследования (наличие широкого круга потенциальных объектов исследования, не похожих друг на друга) и предложить комплексную методологию для работы с ним. Наконец, в третьей части статьи на избранном материале предлагается спектр новых методов анализа и новых способов видения феномена вестиментарной культуры спорта с выходом за границы отдельных дисциплин. Центральное место здесь занимают темы технологии и функциональности, эстетики, производства и потребления. Возможные подходы к работе с ними разби-

167

Кулиничева Екатерина Анатольевна — магистр искусствоведения, независимый исследователь, постоянный автор журнала «Теория моды: одежда, тело, культура». Научные интересы: история спортивного дизайна, история спорта, история костюма и моды, история повседневности. E-mail: kulinichevak@gmail.com

Ekaterina A. Kulnicheva — master of history and theory of art. Independent researcher, based in Moscow, permanent contributor in Fashion Theory Journal (Russia). Research interests: history of design and fashion in sport; history of sport; fashion history; history of everyday life. E-mail: kulinichevak@gmail.com
В основу публикации легли тезисы выступления автора на международной конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15-16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами: <https://cfs.hse.ru/announcements/213582209.html>.

раются на примере футбольной обуви. Примеры, разобранные в этой статье, с нашей точки зрения наглядно подтверждают тезис о том, что изучение разных аспектов бытования спортивной экипировки может существенно расширить не только наши знания об истории спорта и его материальной культуры, но и других аспектов этого поля, включая социальные и политические.

Ключевые слова: мода, футбол, история спорта, история футбола, спортивная мода, спортивный дизайн

Ekaterina A. Kulnicheva, independent researcher, Moscow, Russia
Football Equipment as a Subject of Socio-Cultural Analysis: Possibilities and Problems of the Research Field

168

The history of sports equipment is an under-researched topic in history of sport as well as fashion studies. This article is dedicated to the socio-cultural studies of the culture of sport's fashion and design in general and football equipment in particular. The first part of the article sheds light on main difficulties of this field: the marginal status of sport as subjects of research in many academic disciplines; conditions and preservation of archives; some fundamental ideas established in specific research disciplines such as fashion studies where fashion of sport traditionally see as "no-fashion" and scholarly tradition to focus on particular topics; the problem of "visibility" of some topics in the academic research and the discourse of fans and connoisseurs, etc. In the second part of the article, is making an attempt to describe some qualities of the field of fashion of sport as a research object (such as the existence of very wide range of different subfields) and to propose a complex interdisciplinary methodology. Finally, in the third part of this article, with the selected material is offered a range of new methods of analysis and new ways of seeing the phenomenon of the fashion and design of sport with the transfer beyond the boundaries of individual disciplines. The central place is occupied by the topics of technology and functionality, aesthetics, production and consumption. Possible approaches to work with them are analyzed using the example of football shoes (boots). The examples analyzed in this article, from our point of view, clearly confirm the thesis that the study of different aspects of production, consumption and using of sports equipment can significantly expand not only our knowledge of the history of sports and its material culture, but also other aspects of this field, including social and political ones.

Keywords: fashion, football, sport history, football history, sport fashion, sport design

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-167-189

В книге «Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX-XX веков» историк спорта Александр Суник цитирует рассказ российского спортивного деятеля Людвига Чаплинского о церемонии открытия Игр 1912 года в Стокгольме: «Русский парад

по атлетическому виду и мускулатуре участников был, безусловно, лучше всех. Один наш знаменосец чего стоил! Высокий, стройный, с феноменально развитой мускулатурой и удивительно красивым лицом, поручик Раевский резко выделялся из ряда знаменосцев других наций, выглядевших довольно жалко и с большим трудом несших большие знамена. Но, увы, и тут мы проиграли. В то время как участники других наций были одеты в щегольские костюмы, чистые, новые и подогнанные к линиям тела, на наших были самые разнокалиберные костюмы, закупленные en gros и по дешевке, болтавшиеся на одних, лопавшиеся на тяжелых гигантах, как Фарнаст, и придававшие в общем русским атлетам какой-то странный бутафорский вид» [Суник, 2004, с. 439].

Показательно и то, что сам Чаплинский решил включить этот эпизод в свои «Воспоминаниях о V Олимпиаде», и что работающий с его текстом как с источником Суник счел нужным привести эту довольно обширную цитату, вроде бы не касающуюся собственно спортивных соревнований и их результатов. Мы практически не найдем текстов, посвященных спорту, в которых не упоминалась бы одежда, обувь, костюм в целом, — и неважно, о каком жанре идет речь: академических исследованиях, публицистике или мемуарах. Часто костюм или его элементы не просто упоминаются, а описываются в подробностях как «говорящая» деталь, как в приведенном отрывке. И в то же время «костюмный» сюжет остается во многом «невидимым» в исследовательском поле. Специальных работ, посвященных спортивной экипировке или костюму, связанному со спортом, до сих пор немного¹, на что, в частности, указывается в книге «Униформа» Дж. Крейк [2007, с. 123]. Что касается исследований, посвященных другим аспектам истории или теории спорта, то в подавляющем большинстве связанные с костюмом эпизоды практически не комментируются, оставаясь неотрефлексированными и необъясненными².

1 В поле исследований футбола см. [Stride, Williams, Moor, Catley, 2015; Williams, 2015]. Обе работы были опубликованы в 2015 г. в спецвыпуске журнала «Sport in History».

2 Недостаточная степень исследованности предмета может приводить к спорным выводам или предвзятым трактовкам. На приведенный выше эпизод я обратила внимание благодаря одному из коллег-журналистов, который готовил статью об Олимпийских играх 2012 года. Поскольку в самом тексте книги вопрос о костюме никак не комментируется, коллега решил, что Российская империя нарушила правила или обычаи, касающиеся экипировки, и, зная, что я занимаюсь исследованиями олимпийского костюма, хотел уточнить, в чем именно заключалось нарушение.

Сегодня трудно понять, что именно во внешнем виде российской команды так расстроило Чаплинского. На сохранившихся фотографиях ранних олимпийских церемоний открытия российские спортсмены не выделяются среди других делегаций менее презентабельным или неопрятным внешним видом. Существовавшие в то время правила экипировки команда также не нарушала, выбрав одну из двух существовавших в то время равноправных стратегий — спортивную соревновательную экипировку¹, и этот выбор нельзя считать хоть сколько-нибудь экстравагантным. Возможным объяснением эмоциональной реакции автора воспоминаний может служить фраза «Но, увы, и тут мы проиграли». Поскольку «Воспоминания о V Олимпиаде» писались ретроспективно по окончании Игр, возникает логичный вопрос: а где еще проигрывали? Та олимпиада стала первой, где Российская империя приняла официальное участие как отдельная команда, но результаты российских спортсменов оказались не слишком впечатляющими. В частности, футболисты проиграли оба матча и записали на свой счет разгромное поражение от Германии (0:16). Один из заголовков в русской прессе после описывал случившееся как «Спортивную Цусиму»² [К Спорту, 1912, с. 2]. Можно себе представить, что это значило для подданного Российской империи в 1912 г., когда после поражения в русско-японской войне прошло всего семь лет. Таким образом, критическое описание костюма здесь может указывать, скорее, на эмоциональную реакцию современника на описываемые события, чем на объективные качества униформы.

Эта статья написана преимущественно на материале из истории футбола: толчком к ее написанию стало выступление на конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспектива». Она опирается на эмпирический материал, собранный автором во время нескольких взаимосвязанных исследований, посвященных истории современной спортивной обуви, истории производства и потребления спортивной обуви в СССР, а также вестиментарной³ культуре современного «большого спорта» и олимпийского движения. В то же время многие затрагиваемые здесь вопросы имеют более широкий характер и относятся к проблеме социогуманитарных исследований вестиментарной культуры спорта в целом. Статья не претендует на то, чтобы исчерпывающе раскрыть

1 Подробнее об истории олимпийской парадной экипировки и эволюции ее форм см. [Кулиничева, 2016].

2 Автор этой статьи указан как *Н.С.*

3 Вестиментарная (культура, практика и т. д.) — тем или иным образом связанная с одеждой. Термин является широко используемым в поле *fashion studies*.

тему, в число ее основных задач входит обзор исследовательского поля вестиментарной культуры спорта на примере футбольной экипировки, в частности: обозначение основных проблем, которые существуют в этой области, формулировка перспектив, определение возможных тем и анализ особенностей работы с материалом. Отсутствие разработанной методологии и понятных исследовательских стратегий в настоящий момент является одной из главных проблем данного поля. Попытка наметить пути ее решения предпринимается в данной работе.

Проблемы исследований вестиментарной культуры спорта

Я хотела бы начать с проблем исследовательского поля. Не пытаюсь дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему тема вестиментарной культуры спорта является относительно малоразработанной в социогуманитарных дисциплинах, можно тем не менее попытаться обозначить ряд вопросов и трудностей, с которыми сталкиваются исследователи. Одной из них можно считать маргинальный статус спорта как темы во многих академических дисциплинах. Олег Кильдюшов [2013, с. 44] в статье «Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики», указывая на общую маргинальность исследований философии и социологии спорта в российском контексте в целом, отмечает, что спорт воспринимается в академической культуре как «низкая, профанная сфера социальной активности, не относящаяся к Высокой Культуре и потому не заслуживающая внимания Высокой Теории». Приходится констатировать, что подобное отношение бывает характерно не только для «профессионалов философской рефлексии», но и для академической культуры в целом, что не может не отражаться на состоянии конкретного, более узкого исследовательского поля вестиментарной культуры спорта.

Также можно говорить о ряде специфических проблем: в первую очередь это сохранность источников и архивов; устоявшиеся представления отдельных исследовательских дисциплин (например, существующая в *fashion studies* проблема взгляда на спорт как пространство вне «моды», как на сферу «неизменного», «постоянного», о чем будет подробнее сказано далее); вопрос «видимости» некоторых тем в исследовательском поле и дискурсе фанатов и знатоков и т. д. Рассмотрим их по порядку.

Одной из основных является проблема источников: архивов, артефактов и их сохранности. Как указывает Джулс Проун, в культуре разные типы артефактов наделяются разной «ценностью», что напрямую влияет на их сохранность для будущих поколений [*Prown*,

1982, p. 4]. Спортивная экипировка очень долго воспринималась как сугубо утилитарный объект, который не обязательно сохранять и музеефицировать. Поэтому исследователи материальной культуры спорта традиционно сталкиваются с проблемой сохранности материальных артефактов, которая особенно остро встает применительно к ранним этапам развития современного спорта или к так называемому любительскому спорту. Исключение, как и в культуре в целом, составляют вещи, принадлежащие известным спортсменам или тренерам, которые наделяются мемориальной ценностью. Однако они до сих пор использовались скорее как «иллюстрации» к биографическим нарративам, чем как самостоятельный полноценный источник информации.

172 Также существует проблема с сохранностью каталогов и других документов, способных стать источниками визуального материала и более подробной технической информации для исследователей спортивного дизайна. Особенно остро она встает применительно к архивам предприятий и фирм, прекративших свое существование¹, а это, в свою очередь, может ставить исследователей истории спортивной экипировки и инвентаря в определенную зависимость от рекламных нарративов компаний, которые продолжают работать, ведь их деятельность оказывается в таких обстоятельствах куда более «заметной».

В России в силу исторических причин проблема источников, относящихся к материальной культуре спорта, особенно актуальна. Хотя в СССР функционировали проектные организации и специализированные предприятия, работающие в индустрии спортивной экипировки, после распада страны большинство из них либо прекратили существование, либо прошли через череду бюрократических пертурбаций и чаще всего, даже сохранив прежнее имя, не сохранили архив. Например, неизвестна судьба архива Дома моделей спортивной одежды при Спорткомитете СССР — главной проектной организации в сегменте спортивной одежды, которая работала с начала 1960-х и до начала 1990-х. В то же время без изучения этих материалов крайне затруднено введение в научный оборот новых данных, которые обеспечили бы прирост знания о предмете и конструктивную работу с маркетинговыми мифами и нарративами из «вторичной памяти». Под «маркетинговыми мифами» я понимаю род рекламных нарративов, касающихся, например, вопроса

1 О трудностях такого рода упоминает, например, Джеральдин Биддл-Перри в своей статье «The Rise of the World's Largest Sport and Athletic Outfitter: A Study of Gamage's of Holborn», 1878-1913, где предметом ее исследования была давно закрывшаяся компания, архивы которой практически не сохранились [Biddle-Perry, 2014].

первенства во внедрении какой-либо технологии¹, ее значения для достижения того или иного результата, наиболее интересных публических аспектов биографии звезд спорта и т. д. Хотя подобные истории во многих случаях становятся частью мифологии спорта, «коллективной памяти» нации и фанатского знания, и в этом качестве постоянно воспроизводятся в медиа, часто такие истории невозможно проверить и подтвердить.

Проблема «слепых пятен» и «видимости» разных аспектов темы

Убеждение, что более качественный или грамотно подобранный инвентарь и экипировка могут стать решающим для победы фактором, в истории современного спорта сформировалось достаточно давно. Вспомним две знаменитые истории, связанные с футболом. 9 сентября 1934 г. в США состоялся знаменитый матч по американскому футболу между клубами «Чикаго Беарс» и «Нью-Йорк Джайантс», вошедший в историю под названием «The Sneakers game» — «Игра имени кроссовок». В тот день поле обледенело и было скользким, и капитан нью-йоркской команды Рэй Флаэрти, вспомнив похожий случай, предложил тренеру переобуть игроков в баскетбольную обувь с резиновой подошвой. К перерыву команда из Нью-Йорка уступала «Чикаго» со счетом 3:10, но переобувшись в кеды, сумела благодаря рывку в заключительной четверти завершить игру в свою пользу (30:13) [Canavan, 1986].

4 июля 1954 г. в финале чемпионата мира по футболу сборная Германии сенсационно обыграла фаворитов из Венгрии — тот матч вошел в историю под названием «Чудо в Берне»². В числе факторов, позволивших немцам выиграть, традиционно называют придуманные Ади Дасслером новаторские бутсы со съёмными шипами, длину которых можно было регулировать в зависимости от состояния газона. Такая обувь, как считается, обеспечила команде преимущество на влажном от дождя поле [Smit, 2009, p. 35-36].

Таких примеров в истории спорта можно найти достаточно много. Но в то же время тема спортивных технологий и культурно-исторического контекста их развития порой кажется «слепым пятном» в поле социально-гуманитарных исследований, особенно

- 1 Например, в сегменте спортивной обуви фирмы часто рекламируют свою продукцию как «первые в мире кроссовки», решающие какую-либо проблему, и каждая компания считает именно свое предложение прорывным.
- 2 О значении этой победы для ФРГ в социально-политическом контексте, например, см. [Кильдюшов, 2015].

это касается одежды и обуви. Тому, как представляется, есть несколько причин. Культура футбольных болельщиков остается подчеркнута маскулинной, в то время как интерес к «моде», как на бытовом уровне часто понимается интерес «к одежде и ее дизайну», по-прежнему может восприниматься в культуре как маркер «женского» модуса поведения. Даже сегодня, когда исследователи моды отмечают изменения в сфере мужского потребления, многие говорят о его «особых» формах, которые позволяют реализовать интерес мужчин к моде, не нарушая устоявшихся представлений о нормативной мужественности. Было бы преувеличением считать, что футбольные фанаты и другие категории интересующихся игрой с мячом вовсе не интересуются модой в широком смысле. Как для многих субкультур, «стиль» здесь играет очень важную роль. Нелучайно мода футбольных болельщиков (конкретно британских) давно стала одним из субкультурных источников вдохновения для индустрии моды вообще. Однако декларирование интереса к художественно-эстетическим аспектам футбольной экипировки и других костюмных комплексов, связанных с игрой, — по-прежнему не самое частое явление. Многие интересующиеся футболом

174

мужчины, с которыми мне доводилось обсуждать эту тему, подчеркивают, что их могут заинтересовать технические инновации в области спортивной экипировки, но не дизайн, внешний вид и пристрастия футболистов в области одежды. Это подпитывает дискуссию¹ о том, как «правильно» интересоваться футболом, входит ли в понятие «правильного мужского интереса» что-то помимо тактики и статистики, должны ли бутсы и их дизайн интересовать обычного зрителя и т. д.

Применительно к публицистике и академическому дискурсу ситуацию осложняет тот факт, что спортивная экипировка сегодня прочно ассоциируется с крупными международными компаниями, традиционным объектом интеллектуальной критики, а любая попытка недостаточно критически говорить об их работе и продукции может восприниматься как реклама².

В частности, большинство книг, посвященных компании Nike, сосредоточены в первую очередь на маркетинговой политике и стратегиях продвижения. Часто их авторы выбирают критическую оптику и рисуют образ всемогущих «кукловодов» маркетинга. В итоге эволюция технологий в спортивной одежде и обуви

1 Это наблюдение основано на многолетнем опыте работы автора в качестве спортивного журналиста и беседах с коллегами на эту тему.

2 Эту проблему, в частности, в разговорах с автором упоминали спортивные комментаторы и журналисты — представители важной категории «знатоков», которые участвуют в производстве знаний о футболе.

низведена до набора маркетинговых мифов, а сами исследования фактически повествуют не столько о технической и художественно-эстетической стороны работы компании, сколько о работе обслуживающих их рекламных агентств.

Сегодня в случае с производством спортивного инвентаря и экипировки мы имеем дело с полем, которое довольно сильно мифологизировано (благодаря маркетинговым мифам, с одной стороны, и стремлению их препарировать, с другой) и при этом мало исследовано историками, социологами и другими представителями гуманитарных наук.

В этой ситуации история производственных технологий, оборудования и материалов оказывается в своего рода «слепой зоне». Сегодня история технологий в спорте в основном пишется как история конкретных изобретений и изобретателей. Многие книги, посвященные истории спортивной обуви, концентрируются на истории конкретных моделей [Coles, 2016]. Большинство подобных подборок обладает рядом специфических характеристик: в основном речь идет о брендах и моделях, которые представлены на рынке и сегодня, поскольку сами издания во многом рассчитаны на коллекционеров и разборчивых потребителей, интересующихся историей. Кроме того, в таких изданиях может рассматриваться специализированная спортивная обувь вроде беговых шиповок или футбольных бутс, но большинство выбранных авторами моделей по той же причине составляет более интересная широкой публике многофункциональная обувь вроде теннисных, беговых, баскетбольных кроссовок.

175

Между тем именно развитие производственных технологий и материалов обеспечило в XX веке удешевление спортивной экипировки и увеличение тиражей, что сильно повлияло как на массовый спорт, так и на массовую моду. Например, в конце 1960-х годов на фабриках adidas были задействованы машины стоимостью 100 000 долларов, которые могли одновременно соединять с верхом 30 подошв. Оборудование было столь впечатляющим, что упоминание о нем попало в статью журнала «Sports Illustrated», посвященную совсем другой теме: бизнес-соревнованию adidas и Puma и практикуемым ими подпольным выплатам спортсменам за негласную рекламу своей продукции. Однако данные о машинах, по всей видимости, оказались автору той самой деталью, которая способна проиллюстрировать масштабы и амбиции одной из немецких компаний [Underwood, 1969].

Именно технологическая отсталость производства и невозможность модернизировать его в нужных объемах в условиях плановой экономики, нехватка современного оборудования, способного производить большие тиражи продукции, оказались в числе главных

причин, почему в СССР при всем внимании государства к спорту не сформировалось конкурентоспособной индустрии по производству спортивных товаров и, в частности, спортивной одежды и обуви [Давидович, 1989].

Тема производства спортивных товаров и его организации сегодня сводится в социально-гуманитарном дискурсе преимущественно к критике использования дешевой низкоквалифицированной рабочей силы. Не оспаривая важность этого сюжета, хочется тем не менее обратить внимание на другие «незаметные» аспекты темы. Например, на социально-экономический контекст формирования крупных центров спортивной индустрии. Как отмечает в своей книге о спортивной обуви Том Вандербильд, причины успеха азиатского региона как центра современного производства спортивных товаров лежат не только в наличии большого резерва дешевой рабочей силы, но и в том, что здесь удалось создать систему предприятий, способных выполнять поставленные задачи в плане тиражности производства и поддерживать отлаженную систему логистики [Vanderbilt, 1998]. В свою очередь основатель Nike Фил Найт [2017, с. 495] приводит в своих воспоминаниях эпизод, когда его компания пыталась повысить оплату работникам фабрики, но натолкнулась на противодействие местных чиновников.

176

Эволюция спортивной экипировки также тесно связана с развитием медицины и дискурса о «здоровье», развитием технологий в разных отраслях промышленности, спортивной политикой, которая часто напрямую влияла на внешний вид и отбор инвентаря и экипировки, поощряя одни нововведения и ограничивая другие. Эту тему на примере раннего этапа развития современного спорта разбирает С. Харди [Hardy, 1990]. Исследования вестиментарной культуры как «большого», так и «любительского» спорта могут добавить новые страницы к истории упомянутых предметных полей.

Перспективы исследований вестиментарной культуры футбола

С методологической точки зрения чрезвычайно полезными представляются наработки таких исследовательских дисциплин, как исследования материальной культуры, в том числе материальная культура спорта, визуальные исследования спорта и *fashion studies*.

Д. Проун [Prown, 1982] определяет «исследования материальной культуры» как изучение верований (ценностей, идей и т. д.) сообществ и культур через изучение их артефактов. Опираясь на наработки истории искусств и археологии, Проун предлагает работать с артефактами, создавая их описания, изучая восприятие, форму-

лируя гипотезы и вопросы на основании полученного материала [Ibid., p. 6-7]. Он особо подчеркивает перспективность исследований одежды как отдельного направления в исследованиях материальной культуры. Используя предложенную Проуном методологию для исследований спорта, С. Харди, Дж. Лой и Д. Бут [Hardy, Loy, Booth, 2009, p. 130] констатируют, что «материальная культура способна развивать, репрезентировать, усиливать или изменять систему спортивных ценностей» и «никто не может надеяться понять правила игры, развитие лиги и ее движущие силы или героические выступления, не уделяя пристального внимания объектам, которые лежат под поверхностью риторики». Авторы отмечают, что «как свидетельства и источники для исследования, материальные объекты так же важны, как протоколы влиятельных спортивных организаций, воспоминания о жестких магнатах и гениальных тренерах или ежедневные репортажи и скандалы, освещавшиеся в спортивной прессе» [Ibid., p.148].

Не менее значим инструментарий визуальных исследований спорта, разрабатываемый, в частности, в работах М. О'Махоуни и М. Хаггинса [O'Mahony, 2013; Huggins, 2008]. Эти исследователи предлагают рассматривать визуальные материалы (например, фото или рекламу) не просто как иллюстрации к истории спорта, но как полноценный источник, который следует подвергать иконографическому и иконологическому анализу.

Кроме того, исследователи вестиментарной культуры спорта могут опираться на наработки *fashion studies* как дисциплины, занимающейся разработкой методов исследования костюма, моды и телесности в целом. Однако приходится констатировать, что в поле *fashion studies* до настоящего времени вестиментарная культура спорта оставалась маргинальной темой. В числе причин можно выделить традицию понимать спорт как пространство «не-моды» или даже «анти-моды» и противопоставлять поля «спорта» и «моды» как «противоположные концы культурного производства». На это указывает, в частности, Л. Салазар [Salazar, 2008] во вступлении к каталогу выставки «Fashion vs Sport» в Музее Виктории и Альберта. Салазар также упоминает «дихотомию присущей спорту вневременности и постоянно меняющейся природы моды» [Ibid.]. В эссе, опубликованном в том же каталоге, К. Бруард приводит мнение одного из наблюдателей, поясняющее процитированный тезис: рассматривая футбольную униформу, автор заключает, что за десятилетия она изменилась лишь незначительно (в частности, вес и длина трусов), и фотографии игроков 1900-х и 1960-х чрезвычайно похожи. Сам Бруард склонен считать спортивную униформу «союзом неизменной традиции и прогрессивной инновации» [Ibid., p. 24].

Устойчивые ассоциации спорта и его вестиментарной культуры с вневременной статичностью, безусловно, далеко не бесспорны. В частности, такой подход игнорирует присущее современному спорту стремление к постоянному обновлению рекордов, которое достигается помимо прочего постоянным совершенствованием инструментария и экипировки. Кроме того, имеет смысл задаться вопросом, как мы определяем моду. Если взять точку зрения автора, процитированного в упомянутом эссе, может сложиться впечатление, что мода сводится к декоративным деталям костюма, но такая трактовка даже при разделении вестиментарной культуры на «моду», «не-моду» и «анти-моду» представляется слишком упрощенной. Однако это может объяснять, почему академические исследования моды традиционно фокусируются на других темах и вопросах, связанных со спортом, например, на «спортивности» в повседневной моде, но оставляют собственно спорт, как «большой», так и любительский, без внимания.

Комбинация подходов и методов упомянутых выше исследовательских направлений в сочетании с традиционными подходами истории спорта представляется продуктивной при работе со спортивной вестиментарной культурой.

178

Особенности исследований вестиментарной культуры спорта

Рассмотрим особенности костюмных исследований спорта, которые необходимо принять во внимание.

Прежде всего само по себе предметное поле вестиментарной культуры спорта, как и понятие «спортивной моды», является очень обширным и включает в качестве потенциальных объектов исследования множество костюмных комплексов, различающихся по своему назначению и условиям бытования. Каждый костюм, связанный со спортом, обладает своей спецификой, и далеко не всегда история этих видов костюма развивается одинаково. Например, соревновательная экипировка и обувь в баскетболе могут воплощать передовые технологии, иллюстрировать стремление в будущее даже на визуальном уровне (или наоборот, визуализировать ретроповороты). А стиль одежды спортсменов вне игры в то же самое время — двигаться к более консервативным формам костюма, как это произошло в Национальной баскетбольной ассоциации с введением дресс-кода в 2005 г.

Подобная ситуация давно наблюдается в европейском клубном футболе, где многие команды имеют традицию на матчи приезжать в строгих формальных костюмах. Эти же практики перенимаются и сборными командами. Даже ограничивая сферу исследователь-

ского интереса только футболом, в число потенциальных объектов для анализа стоит включать не только игровую экипировку (футболку, трусы, гетры), но также специализированную футбольную обувь (бутсы) и любые виды униформы или костюма, используемые футболистами и командами, и, наконец, предметы одежды, которые спортсмены носят в нерабочее время. В качестве самостоятельной темы для исследований может фигурировать вестиментарная культура тренерского цеха в футболе, которую можно рассматривать через дискурсы власти, авторитета и профессиональной компетенции, устойчивых культурных представлений и костюмных элементов, которые их воплощают. Достаточно вспомнить дебаты среди российской публики о якобы неуместном спортивном костюме тренера сборной России по футболу Леонида Слуцкого или знаменитый пуховик многолетнего наставника лондонского «Арсенала» Арсена Венгера, который даже удостоился тематических групп в социальных сетях¹. Примечательно, что когда Венгер объявил об уходе со своего поста в клубе в апреле 2018 г., газета «Guardian» в разделе «Спорт» опубликовала полосу с фотографиями тренера в разные годы и в разной одежде [Guardian, 2018]. Так костюм тренера становится «триггером», который может оживить воспоминания болельщиков и перенести их в тот или иной сезон.

179

Широчайшее поле спортивной моды традиционно также включает в себя вещи из обычного «гражданского» гардероба, которые мигрировали туда из спортивной одежды (например, кроссовки) или сформировались под ее влиянием. Так, термином *sportswear* часто обозначают не только «одежду для занятия спортом», но любую одежду, позволяющую движения широкой амплитуды, легкую в ношении и имеющую такие практичные детали, как удобные застёжки или карманы. Подобное понимание *sportswear* демонстрировалось, в частности, на выставке «American Ingenuity: Sportswear, 1930s-1970s» Музея Метрополитен и в одноименном каталоге [Magtin, 1998]. Поэтому при работе с вестиментарной культурой спорта как исследовательским полем важно четко определять предмет анализа, а не говорить об абстрактной спортивной моде.

Далее мы подробнее разберем некоторые направления и темы исследований вестиментарной культуры футбола. Центральное место здесь занимают функциональность и технологии, эстетика, потребление.

1 Например, страница в Facebook под названием «Купите Арсену Венгеру новое пальто» (Buy Arsene Wenger a new coat, <https://www.facebook.com/Buy-Arsene-Wenger-a-new-coat-130651273662200/>). Можно также упомянуть страницу болельщика «Арсенала» под названием «Пуховик Венгера на молнии» (Wenger's Coat Zip, <https://www.facebook.com/WengersCoatZip/>).

Технологии

Рассмотрим тему технологий и функциональности на примере обуви для футбола. Ж. Вигарелло полагал, что для спорта рубежа XIX–XX веков характерна «очарованность техническими средствами», а «физические практики начала XX в. соединились с механизмами этой эпохи, а также с новыми материалами [История тела, 2016, с. 155]. Эти факторы сохраняют актуальность и сегодня. А. Гуттман [2016] также приходит к выводу, что важной чертой современного спорта является стремление к рационализации и унификации стандартов (правил, размеров площадок, экипировки и инвентаря), что позволило ввести систему универсальных подсчетов.

Экипировка играет важную роль в рационализации спорта. В то же время она служит одним из средств освоения игры через навыки правильного выбора, овладение практиками ухода и т. д. Неслучайно получение «настоящих» бутс и другого инвентаря в биографиях многих спортсменов знаменовало переход на новый уровень мастерства. Лев Яшин [1976] вспоминает: «Немало порвали мы собственных тапок, истрепали трусов и маек, пока выдали нам казенное обмундирование. Еще позже дали бутсы. Сперва большие, разношенные, разбитые игроками взрослой команды и за ненадобностью списанные, а уж потом — поменьше и поновее. О том, как ложится на ногу или замирает в твоих объятиях новенький абсолютно круглый, нештопанный мяч, мы тоже довольно долго не знали. Таких мячей было в клубе два, и выдавали их только взрослым, да и то не на тренировки, а на игры. Мы же пробавлялись старенькими, с латанными-перелатанными покрывками, отчего камеры то и дело лопались».

В ранних руководствах для футболистов выбору игровой обуви и уходу за ней традиционно уделялось много внимания. Например, Михаил Ромм в книге «Что нужно знать новичку-футболисту» наставляет читателя: «Самой важной частью костюма являются башмаки. Футбольные башмаки или бутсы должны быть очень легкими по весу, из хорошо выделанной кожи, которая не растягивается и не промокает. Башмак должен хорошо и плотно облекать ногу. Примерять его при покупке нужно на легкий носок и следить за тем, чтобы большой палец не упирался в башмак. Носок башмака должен быть плотный и постепенно сходить на нет. Подошва должна быть тонкой и твердой. На подошве — не полосы, а шипы, дающие гораздо лучший упор. Башмаки должны быть снабжены двумя парами крепких и длинных (1-1½ м) шнурков. При игре нужно надевать легкий носок, а сверху шерстяной чулок. Тогда ноге будет достаточно мягко, а башмак будет сидеть плотно и хорошо» [Ромм, 1930, с. 23]. В другой книге Ромм [1927, с. 172] напоминал: «За бутсами необходим постоянный уход; их нужно часто (в сырую погоду обязательно

после каждой игры) промазывать жиром, лучше всего касторовым маслом, перед каждой игрой нужно осмотреть шипы и привести их в порядок, следить за тем, чтобы шнурки были прочны».

Вместе с тем обувь, особенно в футболе, является одним из инструментов достижения результата, который надлежит постоянно совершенствовать. Исследования, как менялась экипировка, во многом дают нам представления о том, как менялся тот или иной вид спорта. Современные бутсы, легкие, низкие, с подошвой из полимерных материалов, плотно сидящие на ноге, заметно отличаются от старых футбольных ботинок, кожаных, тяжелых и высоких. В то же время эволюция футбольной обуви тесно связана с эволюцией футбольных мячей и покрытий площадок.

Считается, что на раннем этапе развития футбола английские рабочие использовали для игры собственные тяжелые кожаные ботинки со шнурками [Hennig, Sterzing, 2010]. Чтобы ноги не скользили, к подошве по аналогии с беговой обувью стали прикреплять металлические шипы. К концу XIX в. такие ботинки сменила специализированная футбольная обувь, где вместо шипов металлических были более толстые столбикообразные кожаные шипы (обычно их было шесть). Обувь с шипами использовали в основном для игры на газоне, а для помещений и твердых покрытий с теми же целями к подошве вначале крепили полоски из кожи [Энциклопедический словарь, 1928, с. 951]. Важным элементом ранней футбольной обуви был твердый носок, который одновременно не должен быть высоким. Ромм [1927, с. 172] писал: «Носки бутс должны быть достаточно твердыми, чтобы предохранить пальцы от ушиба, при этом они не должны быть высокими. В хороших заграничных бутсах в средней части подошвы проложена легкая стальная пластина, придающая подошве некоторую упругость и предохраняющая от растяжения мышц пальцев и ступни».

До Второй мировой войны носок футбольных ботинок часто укрепляли дополнительной накладкой с отверстием, которая частично перекрывала шнуровку. Иногда ее делали контрастной, объединяя эстетику и функционал. Довоенные бутсы были, видимо, достаточно жесткими. Ромм [1927, с. 172] дает новичкам совет не надевать во время игры пять пар носков и не наматывать сверху портянки для мягкости, как, по словам автора, любили делать некоторые игроки. Вероятно, дополнительные слои материала были призваны защитить ногу при ударах по тяжелым кожаным мячам. Ромму, вполне возможно, пришлось бы по вкусу предпринятая уже в XXI в. попытка объединить бутсу и носок в одном предмете, что на уровне идеи делает специализированную обувь непосредственным продолжением ноги спортсмена. Еще одним интересным технологическим экспериментом стало введение в 2016 г. бутс без шнурков.

В XX в. перед производителями спортивной обуви и экипировки стояло несколько основных задач: вещи должны как можно меньше весить и как можно меньше ограничивать подвижность. История футбольной обуви отразила все эти тенденции. Ранние кожаные бутсы были высокими (до щиколотки) и довольно тяжелыми — около 500 г, а в сырую погоду могли тянуть и на 1 кг. Уменьшение веса без потери функциональности стало одной из главных задач производителей футбольной обуви. Когда на чемпионате мира 1954 г. Ади Дасслер представил бутсы, весившие около 380 г, это воспринималось как технологический прорыв [Hennig, Sterzing, 2010]. Развитие синтетических материалов во второй половине XX в. позволило еще больше снизить вес специализированной обуви для футбола, не жертвуя ее функциональными качествами. Наиболее легкие современные бутсы весят около 100–150 г. В 2013 г. компания adidas представила бутсы, где вес каждого ботинка составлял всего 99 г [Footyheadlines, 2013].

182

В конце 1950-х — начале 1960-х появляются привычные нам сегодня низкие футбольные бутсы, не закрывающие голеностоп. Это, по всей видимости, было логичным эволюционным решением, поскольку туго зашнурованные высокие ботинки ограничивали подвижность ноги. По словам Ромма, в период между двумя мировыми войнами высокие футбольные бутсы часто не шнуровали по всей высоте, вместо этого используя сложную систему: «Правильно зашнуровать футбольный башмак — тоже не простое дело. Доверху шнуровать не надо — это стеснит движения ступни. Нужно плотно зашнуровать башмак до конца подъема, затем обернуть шнурок вокруг щиколотки, перекрестить на подъеме, пропустить под подошвой, вновь перекрестить на подъеме и завязать сзади щиколотки. При таком способе башмак будет сидеть плотно и не стеснять движения ноги» [Ромм, 1930, с. 23].

Эстетика

В современном футболе с его жесткими правилами, регламентирующими внешний вид экипировки, спортивная обувь часто выступает как инструмент самовыражения в пространстве униформности и единообразия. Самыми распространенными инструментами персонализации обуви сегодня являются надписи, содержащие имена, девизы или фирменные фразы. Когда 18 мая 2013 г. Дэвид Бекхэм проводил свой последний официальный матч, на нем были бутсы, изготовленные специально к этому событию. Обувь украшали имена четырех детей футболиста, инициалы его жены, номера, под которыми Бэкхем в разное время выходил на поле, и дату прощального матча — 18/5/13. Таким образом, игрок

символически взял с собой на поле все самое важное, включая государственные символы. Цветовое решение пары с использованием белого, синего и красного отсылало к британскому флагу, «Юнион Джек» также украшал пятку каждой из бутс. Хотя у этой страны нет единой футбольной сборной, а Бэкхем играл за Англию, дизайнеры adidas подчеркнули его статус одного из самых узнаваемых представителей современной Британии, чья слава вышла за пределы круга футбольных болельщиков.

Довольно тривиальная на первый взгляд тема личных контрактов знаменитых игроков с фирмами-экипировщиками и противоречия, которые возникают здесь с клубными контрактами, открывает возможности для разговора об иерархии и распределении власти и ресурсов в большом спорте, сложной взаимосвязи личного звездного статуса в командном виде спорта и коллективных интересов, напряжении между идентичностями индивидуальной (спортсмен-звезда) и групповой (команда-сборная-«нация»). Например, две главные звезды чемпионата Испании Криштиану Роналду и Лионель Месси представляют бренды-конкуренты — Nike и adidas соответственно, при этом adidas является техническим спонсором «Реала», клуба Роналду, а «Барселона», за которую играет Месси, связана контрактом с Nike. Напряжение между личным и коллективным в футболе с течением времени только растет, ведь сегодня в индустрии спорта, как и в шоу-бизнесе, именно индивидуальность легко конвертируется в хорошо продаваемый бренд. Костюм и тело традиционно выступают в качестве наиболее удобных инструментов эту индивидуальность наглядно продемонстрировать. Повторимся, из-за специфики правил в футболе именно обувь — наряду с прическами и телом (в особенности кожей, которую покрывают татуировками) — остается одним из немногих доступных спортсменам средств самовыражения.

Обувь также может маркировать статус игрока внутри команды. Когда Хамес Родригес стал лучшим бомбардиром чемпионата мира по футболу 2014 г., для него сделали специальные бутсы с золотой подошвой. Золотая обувь в спорте встречается довольно часто, при этом здесь используется традиционный для культуры способ маркировать статус человека с помощью элементов костюма и символики конкретного цвета. Неймар, главная звезда сборной Бразилии, на том же турнире также получил от своего технического спонсора специальную пару бутс с золотым верхом. Правда, почти как в сказке, надетая не по статусу (или раньше времени) обувь сыграла со спортсменом злую шутку: сборная Бразилии не выиграла чемпионат, в полуфинале потерпев унизительное поражение от Германии, в результате обувь футболиста стала поводом для ироничных замечаний.

Потребление

Богатый материал не только для истории спорта, но и для истории повседневности в целом способны дать исследования особенностей локальных рынков спортивных товаров, их производства и потребления. Например, из мемуаров и интервью советских спортсменов мы знаем, что предметы одежды часто становились для них поводом почувствовать себя не в своей тарелке. Это дает интересный ракурс для разговора об особенностях советского потребления и обусловленной ими специфике возникновения материальных «объектов желания» в СССР и на постсоветском пространстве. Подобные монологи транслируют своего рода «вещевую травму», комплекс вещевой неполноценности, свойственный советскому (а зачастую и постсоветскому) потребителю в целом. На самоощущение атлетов, очевидно, влияла ситуация постоянного непосредственного сопоставления себя с «другими» на международной спортивной арене.

184

В воспоминаниях Константина Бескова [1994] о турне футбольного «Динамо» по Великобритании в 1945 г. есть такой эпизод: «Мы провели в Лондоне еще несколько безмятежных дней, посетили Британский музей, Национальную галерею, концертный Альберт-холл, Букингемский дворец... Повсюду нас узнавали (впрочем, было бы странно, если бы не узнавали: все мы были в одинаковых желтых ботинках, широких немодных брюках, в выглядевших анахронизмом москвошвеевских шляпах)». Практика одевать делегации, выезжающие за рубеж, была распространена в СССР, и речь, по-видимому, идет как раз о таких костюмах. Однако в данном случае поразительно, что ощущение, будто с костюмом что-то не то, посетило футболиста в послевоенном Лондоне, где действовала карточная система и существовали сложности с обеспечением одеждой и другими товарами повседневной надобности. Возможно, здесь дали о себе знать многолетние бытовые проблемы, с которыми сталкивался советский человек, порождавшие общее ощущение ущербности собственной материальной культуры.

Парадоксальная черта советского спорта: хотя он фактически был инструментом большой политики и должен был доказывать преимущества социалистического строя, его материальная база, начиная как минимум с 1960-х, все больше зависела от импорта. Спортсменов высокого класса целенаправленно старались снабжать импортной экипировкой и инвентарем. Так, в 1970-е спортсменам сборных команд СССР и команд высшего дивизиона футбольного чемпионата полагались по привилегированной категории снабжения две пары бутс adidas и кроссовки той же фирмы [Постановление, 1973]. Известная фотография Льва Яшина на ры-

балке запечатлела его в таких кроссовках, плаще и широкополой шляпе.

По воспоминаниям работников Дома моделей спортивной одежды, они крайне мало работали с футбольной элитой, поскольку на этот популярный вид спорта достаточно рано начали выходить представители зарубежных фирм¹. На Олимпиаде 1988 года футбольная сборная СССР, как показывают фото, в отличие от остальной команды носила не униформенные спортивные костюмы, разработанные советскими модельерами, а спортивные костюмы adidas, что для олимпийской практики довольно необычно.

Однако взаимодействие советского спорта с внутренними и зарубежными производителями спортивных товаров, которое представляет несомненный интерес в контексте экономической, дипломатической истории и истории повседневности, насколько известно автору, на данный момент остается практически неисследованной темой.

Заключение

Как подчеркивал антрополог Игорь Копытофф [Kopytoff, 1986, p. 67], «биографии вещей способны делать заметным то, что в других обстоятельствах остается скрытым». Примеры, кратко разобранные в этой статье, демонстрируют, что изучение разных аспектов бытования спортивной экипировки может существенно расширить не только наши знания об истории спорта и его материальной культуре, но и о других аспектах этой области, включая социальные и политические. Хотя эта статья и представляет собой обзор особенностей исследовательского поля, в текст сознательно включено довольно большое количество кейсов с эмпирическими примерами.

Это сделано по двум основным причинам. Во-первых, многие из рассмотренных кейсов малоизвестны и могут быть не знакомы читателям и коллегам, занимающимся более традиционными сюжетами из истории спорта. Второй и главной причиной было стремление показать, что подобный эмпирический материал — это не просто публицистическое перечисление занятых фактов из истории спорта, чтобы развлечь читателя. Это полноценный материал для исследования, внимательное изучение которого помогает формулировать новые исследовательские вопросы, открывать новые сюжеты или с новой стороны подходить к знакомым темам.

1 Информация в этом абзаце получена автором из собственных бесед с работниками ДМСО, в частности, с его главным художественным руководителем Надеждой Большуновой.

Библиография

Бесков К.И. (1994) *Моя жизнь в футболе* (<http://bmsi.ru/doc/d81e035c-78e2-4840-a40d-cf5d15816e02>)

История тела (2016) *Перемена взгляда: XX век*. А. Корбен, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло (ред). Т. 3, М.: Новое литературное обозрение.

Давидович Б.Я. (1989) Рынок товаров для спорта и туризма: состояние, проблемы и перспективы. *Государственная торговля: Обзорная информация*. Вып. 2, М.: ЦНИИ-ИНТЭИ торговли: 1-48.

Кильдюшов О.В. (2015) Изображая нацию: футбол и национальная репрезентация. (К политической социологии спорта). *Вопросы национализма*, (22): 3-8.

Кильдюшов О.В. (2013) Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики. *Логос*, (5): 43-60.

Крейк Дж. (2007) *Краткая история униформы (Форма на показ: от традиционализма к вызову)*, М.: Новое литературное обозрение.

Кулиничева Е.А. (2016) Модное шоу для миллиардов. Олимпийская парадная униформа как национальный костюм и дизайнерское произведение. *Теория моды: одежда, тело, культура*, (42): 37-60.

186

Найт Ф. (2017) *Продавец обуви. История компании Nike, рассказанная ее основателем*, М.: Эксмо.

Постановление комитета по физической культуре и спорту при совете министров СССР (1974): *О порядке обеспечения спортсменов, тренеров и спортивных судей табельным спортивным имуществом, специальной обувью и спортивным инвентарем личного пользования (и другие материалы)*, М.

Ромм М.Д. (1927) *Футбол: Описание, правила, техника, тактика, тренировка и обучение*, М.; Л.: Государственное изд-во.

Ромм М.Д. (1930) *Что нужно знать новичку-футболисту*, М.; Л.: Физкультура и спорт. Спортивная Цусима (1912) *К Спорту!*, (32): 2.

Суник А.Б. (2004) *Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX-XX веков*, М.: Советский спорт.

Энциклопедический словарь по физической культуре (1928), М.-Л.: Государственное изд-во.

Яшин Л.И. (1976) *Записки вратаря*. (https://www.e-reading.club/chapter.php/68401/3/Yashin_Zapiski_vratarya.html)

Adidas Present 99 gram Adizero f50 Boot, Footyheadlines.com (2013). May 24. (L: <https://www.footyheadlines.com/2013/05/adidas-present-99-gram-adizero-f50-boot.html>)

Adieu Arsene. *Guardian* (2018). 21 April.

Biddle-Perry G. (2014) The Rise of "The World's Largest Sport and Athletic Outfitter": A Study of Gamage's of Holborn, 1878-1913. *Sport in History*, 34 (2): 295-317.

Canavan T. (1986) *Sneakers Game is most famous episode in Bears-Giants rivalry*, Gainesville Sun, Jan 5.

- Coles J. (2016) *Golden Kicks: The Shoes that Changed Sport*, Bloomsbury Publishing.
- Hardy S. (1990) "Adopted By All the Leading Clubs": Sporting Goods and the Shaping of Leisure, 1800–1900. *For fun and profit: The transformation of leisure into consumption*, Temple University Press: 71-101.
- Hardy S., Loy J., Booth D. (2009) The material culture of sport: Toward a typology. *Journal of Sport History*, 36 (1): 129-152.
- Huggins M. (2008) The sporting gaze: towards a visual turn in sports history–documenting art and sport. *Journal of Sport History*, 35 (2): 311-329.
- Kopytoff I. (1986) The cultural biography of things: commoditization as process. *The social life of things: Commodities in cultural perspective*, Cambridge University Press: 70-73.
- Martin R.H. (2013) *American Ingenuity: Sportswear, 1930s-1970s*, N.Y.: Metropolitan Museum of Art.
- O'Mahony M. (2013) *Olympic visions: Images of the games through history*, London: Reaktion books.
- Prown J.D. (1982) Mind in Matter: An Introduction to Material Culture Theory and Method. *Winterthur Portfolio*, 17 (1): 1-19.
- Salazar L. (ed.) (2008) *Fashion vs Sport*, London: Victoria & Albert Museum.
- Stride C., Williams J., Moor D., Catley N. (2015) From Sportswear to Leisurewear: The Evolution of English Football League Shirt Design in the Replica Kit Era. *Sport in History*, 35 (1): 156-194.
- Underwood J. (1969) No goody two-shoes, *Sports Illustrated*, March 10. (https://www.si.com/vault/issue/41179/1/1?cover_view=1)
- Vanderbilt T. (1998) *The sneaker book: anatomy of an industry and an icon*, Bazaar Books.
- Williams J. (2015) Given the Boot: Reading the Ambiguities of British and Continental Football Boot Design. *Sport in History*, 35 (1): 81-107.

References

- Adidas Present 99 gram Adizero f50 Boot, *Footyheadlines.com* (2013). May 24. (L: <https://www.footyheadlines.com/2013/05/adidas-present-99-gram-adizero-f50-boot.html>)
- Adieu Arsene. *Guardian* (2018). 21 April.
- Beskov K.I. (1994) *Moya zhizn' v futbole [My life in football]*. (<http://bmsi.ru/doc/d81e035c-78e2-4840-a40d-cf5d15816e02>)
- Biddle-Perry G. (2014) The Rise of "The World's Largest Sport and Athletic Outfitter": A Study of Gamage's of Holborn, 1878–1913. *Sport in History*, 34 (2): 295-317.
- Biddle-Perry G. (2014) The Rise of "The World's Largest Sport and Athletic Outfitter": A Study of Gamage's of Holborn, 1878–1913. *Sport in History*, 34 (2): 295-317.
- Canavan T. (1986) Sneakers Game is most famous episode in Bears-Giants rivalry. *Gainesville Sun*, Jan 5.

Chesnokov B.M. (sost.), Semashko N.A. (ed.) (1928) *Entsiklopedicheskiĭ slovar' po fizicheskoi kul'ture* [Encyclopedic Dictionary of Physical Culture], M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Coles J. (2016) *Golden Kicks: The Shoes that Changed Sport*, Bloomsbury Publishing.

Craik J. (2007) *Kratkaia istoriia uniformy (Forma napokaz: ot traditsionalizma k vyzovu)* [Uniforms Exposed. From conformity to transgression], M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Davidovich B.Ia. (1989) Rynok tovarov dlia sporta i turizma: sostoianie, problemy i perspektivy [Market of goods for sports and tourism: conditions, problems and possibilities]. *Gosudarstvennaia torgovlia: Obzornaia informatsiia* [State trade: overview information], (2): 1-48.

Hardy S. 1990 "Adopted By All the Leading Clubs": Sporting Goods and the Shaping of Leisure, 1800-1900. For fun and profit: The transformation of leisure into consumption, Temple University Press: 71-101.

Hardy S., Loy J., Booth D. (2009) The material culture of sport: Toward a typology, *Journal of Sport History*, 36 (1): 129-152.

Huggins M. (2008) The sporting gaze: towards a visual turn in sports history-documenting art and sport, *Journal of Sport History*, 35 (2): 311-329.

Iashin L.I. (1976) Zapiski vrataria [Goalkeeper's notes]. (https://www.e-reading.club/chapter.php/68401/3/Yashin_-_Zapiski_vratarya.html)

188

Kil'diushov O.V. (2015) Izobrazhaia natsiiu: futbol i natsional'naia reprezentatsiia. (K politicheskoi sotsiologii sporta) [Representing the nation: football and national representation. (To the political sociology of sports)]. *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism], (22): 3-8.

Kil'diushov O.V. Sport kak delo filosofii: ob evristicheskoi tsennosti novoi analiticheskoi optiki [Sport as a matter of philosophy: the heuristic value of the new analytical optics]. *Logos* (5): 43-60.

Knight P. (2017) *Prodavets obuvi. Istoriia kompanii Nike, rasskazannaia ee osnovatelem* [Men who sell shoes. The history of Nike, told by its founder], M.: Eksmo.

Kopytoff I. (1986) *The cultural biography of things: commoditization as process. The social life of things: Commodities in cultural perspective*, Cambridge University Press: 70-73.

Korbin A., Courtine J.-J., Vigarelo J. (eds) (2016) *Istoriia tela* [History of body]: 3 t. T. 3: *Peremena vzgliada: XX vek* [Change of perspective: XX century], M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kulinicheva E.A. (2016) Modnoe shou dlia milliardov. Olimpiiskaia paradnaia uni-forma kak natsional'nyi kostium i dizainerskoe proizvedenie [Fashion show for billions. Olympic parade uniforms as costume of nation and work of design]. *Teoriia mody* [Fashion theory], (42): 37-60.

Martin R.H. (2013) *American Ingenuity: Sportswear, 1930s-1970s*, N.Y.: Metropolitan Museum of Art.

O'Mahony M. (2013) *Olympic visions: Images of the games through history*, London: Reaktion books.

Postanovlenie komiteta po fizicheskoi kul'ture i sportu pri sovete ministrov SSSR (1974): O poriadke obespecheniia sportsmenov, trenerov i sportivnykh sudei

tabel'nyim sportivnym imushchestvom, spetsial'noi obuv'iu i sportivnym inventarem lichnogo pol'zovaniia (i drugie materialy) [Resolution of the Committee for Physical Culture and Sport under the Council of Ministers of the USSR: On the procedure for providing athletes, coaches and sports judges with tavern sports equipment, special footwear and sports equipment for personal use (and other materials)], М.

Prown J.D. (1982) *Mind in Matter: An Introduction to Material Culture Theory and Method*. *Winterthur Portfolio*, 17 (1): 1-19.

Romm M.D. (1927) *Futbol: Opisanie, pravila, tekhnika, taktika, trenirovka i obuchenie* [Football: description, rules, technique, tactics and training], М.; Л.: Gosudartsvennoe izd-vo.

Romm M.D. (1930) *Chto nuzhno znat' novichku-futbolistu* [What do you need to know as a new football player], М.; Л.: Fizkul'tura i sport.

Salazar L. (ed.) (2008) *Fashion sv Sport*, London: Victoria & Albert Museum.

Sportivnaia Tsusima [Tsushima of sport] (1912). *K Sportu!* [Towards sport!], (32): 2.

Stride C., Williams J., Moor D., Catley N. (2015) From Sportswear to Leisurewear: The Evolution of English Football League Shirt Design in the Replica Kit Era. *Sport in History*, 35 (1): 156-194.

Sunik A.B. (2004) *Rossiiskii sport i olimpiiskoe dvizhenie na rubezhe XIX-XX vekov* [Russian sport and the Olympic movement at the turn of the XIX-XX centuries], М.: Sovetskii sport.

Underwood J. (1969) No goody two-shoes, *Sports Illustrated*, March 10 (https://www.si.com/vault/issue/41179/1/1?cover_view=1)

Vanderbilt T. (1998) *The sneaker book: anatomy of an industry and an icon*, Bazaar Books.

Williams J. (2015) Given the Boot: Reading the Ambiguities of British and Continental Football Boot Design. *Sport in History*, 35 (1): 81-107.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Кулиничева Е.А. (2018) Футбольная экипировка как предмет социокультурного анализа: перспективы и проблемы исследовательского поля. *Социология власти*, 30 (2): 167-189.

Kulinicheva E.A. (2018) Football Equipment as a Subject of Socio-Cultural Analysis: Possibilities and Problems of the Research Field. *Sociology of Power*, 30 (2): 167-189.

Поступила в редакцию: 20.05.2018; принята в печать: 10.06.2018

Переводы

ГЕЛЬМУТ ПЛЕССНЕР

Функции спорта в индустриальном обществе

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-190-205

190

Каждый, кто начинает изучать чрезвычайно значимый для нашей эпохи феномен спорта, удивляется, как мало в этой сфере сделано со стороны социологии и антропологии. Как будто мы не хотим признаться, что спорт есть сущностный симптом, сущностное проявление культурного состояния нашего современного общества. Как будто это лишь странный феномен, находящийся где-то на периферии. Им приходится заниматься лишь тогда, когда этого требует врач, т. е. когда затрагиваются непосредственно вопросы тренировки, физиологии или в лучшем случае психологии. Станным образом до сих пор очень мало задумывались над тем, что спорт тесно связан с социальной структурой, т. е. с социальной жизнью. И он не просто эфемерный феномен, придающий особую форму массовому обществу и, вероятно, являющийся продуктом вырождения или распада. Здесь я должен сразу сказать, что в этой области сам являюсь человеком, который на ощупь приближается к этому вопросу.

Предлагаемые тезисы недостаточны, но, вероятно, они смогут осветить хотя бы небольшой фрагмент этого очень сложного и запутанного образования. Это связано с вынужденным отождествлением — в той мере, в какой этой допустимо, — спорта вообще с некоторыми яркими феноменами массового спорта, хотя против этого говорят примеры спортивного альпинизма или лыжного спорта и многих других видов спорта, в которых нет массовых мероприятий и массового участия. Тем не менее я думаю, что социологу сле-

Плесснер Гельмут (1892-1985) — немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии.

Helmuth Plessner (1892-1985) — german philosopher and sociologist, cofounder of philosophical anthropology.

Перевод с немецкого О.В. Кильдюшова, выполнен с оригинала: Plessner H. (1956) Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft. Vortrag, gehalten am 13.12.1956 an der Universität Wien. *Wissenschaft und Weltbild. Vierteljahresschrift für die Grundlage der Forschung*, 9(4): 262-274.

дует попытаться приблизиться к этому феномену, фокусируя свое внимание прежде всего на массовых симптомах.

Очевидно, спорт возникает только в индустриализованном и урбанизированном обществе, для которого характерны повсеместное применение техники и глубокое разделение труда. В сельской жизни, в крестьянской среде раньше и сейчас распространены в основном игры, но не спорт. Конечно, корни идеи спорта и многих его видов уходят в доиндустриальную эпоху. Прежде всего в Англии спорт во многом все еще сохраняет черты этоса аристократии и ранней буржуазии — ведь, как известно, именно для этой страны было характерно взаимопроникновение дворянского слоя и буржуазии, что позволило последней более легко адаптироваться к формам жизни высшего слоя.

Однако распространение спорта, его дифференциация на различные ответвления и его популяризация все же проходили параллельно с развитием первого современного индустриального общества в этой стране. «Англия — страна спорта» — так называется небольшое сочинение Герберта Шеффлера (оно наверняка попало кому-то на глаза) [Schöffler, 1935]. Таким образом, пионерская роль Англии как страны спорта и страны промышленности была очень значимой еще в XIX веке, но постепенно она ослабевала по мере того, как индустриализация распространялась по всему миру. Это ощущается даже по определенным трансформациям спорта, угрожающим привести к исчезновению из него рыцарских элементов игры. Кто хочет понять значимость спорта для нашего западного мира и для нашего современного общества, тот должен исходить из фундаментального опыта, связанного с феноменом усиливающейся урбанизации.

В нашем современном обществе нарушается, если не сказать, разрушается естественное отношение к телу. Быстрый рост городов, их доминирующая роль в современной жизни вызвали глубокое недовольство деформирующим влиянием современного труда на человека. Весь этот проблемный комплекс связан с понятиями индустриализации, механизации, специализации и бюрократизации. Конечно, мы больше не находимся в ситуации того конфликта, в котором жили поколения людей до 1830-х или даже 1880-х годов. Процесс адаптации городских масс к новой среде, к тому же ставшей со временем гораздо более гигиеничной, дружественной и человечной, активно шел многие десятилетия. Давно утихли остро воспринимавшиеся тогда сетования по поводу утраты старых ремесленных, традиционных крестьянских или дедовских буржуазных способов переживаний и связанных с ними представлений о счастье. В любом случае они уже звучат не столь громко и вряд ли воспринимаются молодежью. Для сегодняшней молодежи противопоставление натуралистического элемента — через натурализм

в литературе, в искусстве вообще — целиком относится к прошлому. Индустриализм, механизация, специализация и бюрократизация постепенно стали самоочевидными, неизбежными формами, некогда пришедшими вместе с индустриальным обществом; они давно приняты огромными массами. Но это нисколько не отменяет чувства, что в рамках современного труда — как ручного, так и умственного — человеку в целом некомфортно в его физическом, телесном существовании. Из-за неестественных среды и одностороннего характера нагрузки — будь то шахта, фабрика или контора — он или перенапрягается в качестве вынужденного инструмента для выполнения узко специализированных задач, или оказывается в не менее неестественной обстановке исключительно умственного труда.

Это чувство своего рода атрофированности телесного существования сегодня дополнительно усиливается в результате механизации способов передвижения. Конечно, индивид может этого не осознавать, но это давит на него. Пешеход постепенно становится анахронизмом, как это уже произошло в Америке. К людям, приехавшим туда с оптимизмом европейца и пытающимся совершить прогулку (как об этом постоянно рассказывают), обращаются с предложениями помощи. Из первой же остановившейся машины их спрашивают: «Могу ли я вам чем-то помочь?». И ответ «Я хотел бы немного прогуляться» вызывает полную растерянность. Мы сидим в поезде, машине, на велосипеде, в самолете и конторе. Избыток комфорта имеет не только позитивный характер, как и избыточная скорость, с которой мы можем сегодня передвигаться. Направляющийся в Мекку паломник, за несколько часов в самолете достигающий своей цели, до которой еще несколько десятилетий назад требовалось добираться пешком в течение многих недель, правильно сформулировал собственное состояние: «Мысленно я еще не здесь». Но иначе и быть не может, ведь мысль идет пешком. Лететь — больше не значить путешествовать (в самом широком смысле), не ехать на машине или на поезде. Конечно, это уже совсем иной способ путешествовать. Дух странствий стал чужд современным путешествиям, хотя он соответствует выносливости нашего тела, границы которой одновременно задают свой собственный масштаб, соразмерность и тем самым возможность созерцательного восприятия и реального переживания. Прогуливающийся человек воспринимается лишь как фигура в стиле бидермейер.

Из-за подобного ощущения нарушенного баланса между духовными возможностями и телесной нагрузкой индустриализированный мир ищет и в значительной мере находит в спорте определенную компенсацию. Я приведу здесь цитату из Макса Шелера: «...поскольку спорт непосредственно направлен на ресублимацию (т. е. на пополнение с помощью тела и физической культуры в ис-

кусственно регулируемой форме определенного уровня жизненной энергии, ранее чрезмерно потраченной на мысль и труд,», он является не чистым прекрасным выражением и высшей формой благоприобретенного тела (как в греческом гимнасии), а вторичной рефлексией и искусственным восстановлением самоценности телесного бытия, на долгие века оставшегося без должной заботы»¹.

И вторая причина: в качестве жителей мегаполиса и вообще горожан люди больше не способны получать удовлетворение от выполненной работы, как это было возможно в рамках традиционной формы организации труда, прежде всего в ремесле, но также в иных областях, часто вплоть до крестьянского труда. Не нужно забывать, что подобное удовлетворение было знакомо подавляющему большинству европейского населения вплоть до конца эпохи Гете, занявшей значительную часть XIX века. Все они превратились в шестеренки механизма, принципы функционирования которого вряд ли понимают целиком. В подобном безличном учреждении они выполняют узкоспециализированные функции, отвечая за выполнение частной задачи, которая не имеет никакого отношения к их личности.

На сотни тысяч людей давит осознание того, что они заменимы, что их оценивают лишь по результату. И не важно, к какой трудовой «группе армий» они относятся — к рабочему классу, служащим или интеллектуалам. При этом они уже не способны сопротивляться этому оцениванию людей по шкале производительности, поскольку сегодня большинство вряд ли может представить себе другие способы оценки. В большей мере они сопротивляются неизбежно связанной с этим невидимости своей собственной личности. Растворенность в массе, полная анонимность угнетает их еще сильнее. Даже производя результат, они хотят, чтобы в них видели индивидов. Этой потребностью сейчас активно занимается современная индустриальная социология, анализирующая *human relations*. Человек стремится именно к заметности, он хочет восхищаться сам и вызывать восхищение у других. Эта потребность, повсюду разбухшая, повсеместно каким-то образом возвращенная и одновременно блокированная в своей реализации индустриализированным миром, находит пространство для своего осуществления именно в спорте.

Однако быть значимым внутри массы и для массы, выдвинуться из нее таким образом, чтобы каждый мог понять и восхититься этим возвышением, — и здесь приходим к третьей причине — возможно лишь в том случае, когда масса и каждый в состоянии понять

1 Речь идет о цитате из предисловия Шелера к изданной в виде книги инаугурационной диссертации Альфреда Петерса: [Peters, 1927]. — Прим. перев.

и каким-то образом осознать это возвышение как достижение, присущее индивиду в качестве его особенности. А что понятно каждому? В принципе именно физическая сила, ловкость и телесные состязания. Не будем забывать, что мы живем в узкоспециализированном обществе, в котором отдельное достижение ценится тем выше, чем меньше круг тех, кто способен понять и оценить его. Конечно, это стремление к недоступности существовало в любой дифференцированной культуре.

Но пока эта культура строилась и опиралась на традицию, т. е. была сословно структурирована и основывалась на аграрном и ремесленном базисе, эта непостижимость (зоны непостижимости общественного труда для людей различных сфер жизни, слоев и профессий) на практике всегда имела заранее заданные и транслируемые традицией границы. Однако она не воспринималась — и это самое важное — как что-то особенное, примечательное, поскольку разделение на сословия и касты считалось богоугодным и естественным. Наш мир не только сложно организован и специализирован, но в первую очередь настроен на постоянное развитие этих свойств. И в качестве открытого классового общества свободной конкуренции он стремится уважать каждого индивида в условиях открытой дифференциации — в том смысле, что один должен уметь что-то такое, что не может другой. Эти умения привязаны ко все более удлиняющимся по срокам и усложняющимся вариантам обучения, и сами эти предпосылки все более отличаются друг от друга. Поскольку положение нестабильно, поскольку ориентирующаяся на результат система подвержена постоянным преобразованиям и возникают все новые профессии, а, с другой стороны, сохраняют значимость идеал свободного выбора профессии и принцип открытого пути для каждого прилежного работника, то огромная масса живет со странным раздвоением сознания. А именно: то, что может делать другой, собственно, могу или мог бы делать и я, если бы имел те же шансы пройти обучение, что и он. А с другой стороны: я не могу делать то, что делает другой; я даже не понимаю того, что он делает; в принципе я и не должен понимать этого. Это очень странный и крайне противоречивый феномен, связанный с функциональной демократизацией нашего современного общества.

Как мы знаем, индустриальный мир существует благодаря науке. Ее изобретательный дух, враждебно настроенный к традиции, имеет ярко выраженные интеллектуальные черты. Многие профессии, которые до конца XIX века сохраняли верность традиционным нормам и способам обучения, а сегодня оказались под угрозой исчезновения, переживают революционные изменения и втягиваются в общую интеллектуализацию. Теперь для занятия ими требуется среднее или даже высшее образование. И этот процесс идет все

дальше. Получение новых профессий требует прохождения предварительных интеллектуальных стадий. Многое из того, что раньше было даже еще более доступно людям без всего этого балласта предварительного обучения, теперь достижимо в качестве профессии лишь путем изучения определенной дисциплины.

Люди инстинктивно сопротивляются этому захватывающему все вокруг интеллектуализму, который углубляет неспособность понимать друг друга. Они хотят иметь возможность где-то померяться силами, но понятным, ясным каждому образом. Они хотят достичь интеграции, причем вне разделения на дисциплины и профессии, вне раскола на профессиональные или партийно-политические лагеря. Они хотят противопоставить избыточному дисциплинированию мышления новую первозданность, в рамках которой было бы возможно реализовать тайные желания превзойти других, добиться для себя признания и уважения, достичь высших результатов и почитания в качестве героя. С одной стороны, они хотят спастись от механизма вечной демонстрации себя, а с другой — находятся в его власти. Они ищут выход в другом уровне интеграции, но такую интеграцию им может обеспечить только спорт.

Нами были названы три главные причины занятий спортом: ощущение искаженности физического существования, сопротивление анонимности индивида в массе и сопротивление отчуждению всех от всех в результате интеллектуализации сегодняшней жизни. Соответственно значение спорта для современного общества может быть описано с помощью краткой формулы: спорт есть компенсаторная реакция. Он представляет собой пространство, в котором люди, находящиеся под давлением специализированной трудовой сферы, стремятся удовлетворить некоторые элементарные желания, которые она в них пробуждает и одновременно мешает реализовать. Конечно, эти часто упоминаемые потребности горожанина в отдыхе, социальном контакте и, как мы еще увидим, в агрессии и игре, в соперничестве и героизме могут быть реализованы и иным образом — как в профессии, так и вне ее. Их реализация необязательно должна принимать форму спорта, но тогда она остается личным делом. А позволить себе это может сегодня не очень много людей.

Порабощение гигантской массы наемных работников, сужение их внешней и внутренней свободы действий, однообразие их материального существования не в меньшей степени, чем их фантазии, — все это достигло такого уровня, что быстро исчезает всякий порыв к приватности. Чем больше нас пичкают с помощью прессы, радио, кино, экскурсий и многого другого, тем больше каждый отдаляется и отвлекается от себя. Поэтому потребности в отдыхе и социальном контакте, агрессии и игре, в соперничестве, самоутверждении и героизме имеют тенденцию к публичности и получают

свою реализацию в спорте. Он способен интегрировать их всех и каким-то образом уловить и реализовать. В нем каждый получает то, к чему стремится: неважно в каком качестве — игрока или зрителя, неважно в каком виде спорта — в футболе или легкой атлетике (или в теннисе, крикете, гольфе, конькобежном спорте, лыжах, альпинизме и многих других видах).

Увлечение спортом должно быть внутренне связано с современным социальным устройством. Это мы ясно видим по всем признакам, поскольку оно больше не привязано ни к какому особому общественному слою и в принципе скорее охватывает все. Здесь могут возразить, что существуют определенные формы спорта, которые все еще являются привилегией слоев, выделяющихся своими финансовыми возможностями. Бесспорно, это может быть именно так. Гольф до сих пор так и не стал народным спортом, и он, как и крикет¹, мало подходит на роль привлекающих общественное внимание шоу или грандиозных состязаний с сотнями тысяч зрителей. В крикете, как и гольфе, есть что-то от сельского терпения, которым обладает англичанин, что-то такого странного, часто непонятного человеку из континентальной Европы. Но это, видимо, исключения. Но даже эти формы каким-то образом можно понять в качестве исходной точки для типично спортивного поведения.

196

В принципе спорт во всех своих проявлениях больше не привязан к какому-то отдельному общественному слою, охватывая все сразу. Здесь сразу бросается в глаза трудовой характер индустриального общества — его трудовой этос и способ организации труда, основанный на специализации и организации, постоянно принуждающий к механизации. Что касается трудового этоса, то даже в странах свободного мира сегодня больше нет класса, который беззаботно относился бы к своей праздности (это то, мимо чего не может пройти теория спорта). Нет имущих слоев, которые могли бы только наслаждаться или творить, читать, писать, рисовать, музицировать, исследовать или еще в какой-то форме позволить себе роскошь свободной жизни. В XIX веке находившиеся на подъеме слои могли сказать, что *труд облагораживает*; сегодня в качестве самоочевидного говорят, что *только труд облагораживает*. Принцип личных заслуг утвердился вплоть до этики и в настоящий момент вытесняет все остальные принципы отбора и оценки. Сегодня ученые, художники, представители академических профессий все больше рассматривают себя как рабочих духа, как функционеров государства или

1 Плесснер говорит здесь о европейской ситуации, тогда как, например, в бывших британских колониях в Южной Азии (Индия, Пакистан и Шри-Ланка) крикет популярнее футбола. — Прим. перев.

крупных институтов, и все это в ситуации растущего истощения, обнищания и моральной социализации (*moralische Sozialisierung*)¹.

Растущий аппарат управления, основанный на разделении труда исследовательских средств и институтов, усложняющегося рынка не в меньшей степени привязывает творческие силы и дух предпринимательства ко все более организованной массе потребителей и трудящихся. В такого рода обобществленном обществе свой триумф празднует идея труда, этоса труда. А вместе с их триумфом усиливается давление со стороны труда, сокращается свободное время, которым можно распорядиться по собственному усмотрению. В качестве компенсации возникает остаточный феномен так называемого досуга, оцениваемый очень низко. Индустриализация всей жизни дополнительно экономит время, в течение которого отдыхают от работы и набираются новых сил для нее же. Время, измеряемое как по объему, так и по содержанию, не позволяет просто отвернуться от индустриализации и делать, что кому вздумается. Скорее оно навязывает свой ритм и свой этос даже в нетрудовой сфере, устанавливает диктатуру — как душевную, так и материальную, — поскольку в его рамках в качестве культурной и досуговой индустрии разрабатываются способы и виды отдыха для масс и индивида. Это путешествия, наслаждение произведениями искусства и, наконец, игра — игра в спорте.

197

Наше общество совершенно иное — оно в гораздо большей мере основано на личных достижениях, чем это было в античности, в средневековом или раннем нововременном обществе вплоть до конца XVIII века. С исчезновением сословных привилегий, религиозно укорененного, освященного традицией культурного идеала и под влиянием прогрессирующей науки в XIX веке утвердилось открытое общество с принципиально равными шансами для каждого. Начав свое победное шествие с Европы и Америки, оно распространилось на весь мир. Его лозунг: «Дорогу — прилежному!», а прилежен тот, кто успешен. Принцип свободной конкуренции, который мы не должны путать с принципом свободной экономики (поскольку первый утвердился даже в экономике плановой), означает непре-

1 Термин «социализация» в трактовке Плеснера имеет амбивалентное значение, не сводящееся к привычному «усвоению общезначимых норм и ролевых предписаний». В немецкой социологической традиции живо обоснованное Зиммелем понятие о процессе социализации, позволяющем отдельным людям находить общее, вступать в общение, выходить за пределы индивидуального. Иначе говоря, в рамках восходящих к Канту представлений, социализация применительно к морали очевидным образом противопоставляется моральной индивидуации. Редакция благодарит А.Ф. Филиппова и В.А. Куренного за ценные пояснения по данному вопросу.

станное предложение новых изобретений, новых возможностей в производстве.

Таким образом, сегодня статичное общество утратило шансы на сохранение. На его место пришло динамичное, ни на что не направленное открытое общество, которому безразлично, каковы его члены в религиозном и человеческом отношении. Это общество знает лишь неписаный закон эффективности и пытается в своей массе уйти именно от трудового принципа. Но, конечно, оно не способно освободиться от мощной суггестии, исходящей от принципа результативности, и даже не желает эмансипироваться от своей индустрии культуры и развлечений, поскольку в результате — если не рассматривать всю техническую и материальную проблематичность этого для абсолютного большинства — могло бы возникнуть невыносимое напряжение между повседневностью труда и досуга. Абсолютное большинство просто не способно вынести его.

Спорт предлагает идеальный способ компенсации, в котором нетрудовой момент соединяется с принципом результативности, обеспечивая тем самым удовлетворение в превосходстве над другими в личном и групповом самоутверждении. Таким образом, трудовое общество пробуждает потребность в компенсации посредством такого рода отдыха, который обеспечивает удовлетворение нереализованных потребностей в гармоническом контроле над телом, самоутверждении и превосходстве над другими. Но и здесь значим результат, причем высший результат, здесь преодолеваются добровольно установленные искусственные трудности, а напряжение снимается посредством решения задач, которые не ставятся нигде еще, прежде всего в рамках телесного бытия.

Разумеется, отвлекающая от труда деятельность с формальной точки зрения, конечно, носит игровой характер. В качестве примеров можно привести игры с мячом, в карты, шахматы, игры на сохранение равновесия, бег, плавание, прыжки и т. д. Хотя мы знаем, что игра и спорт не тождественны друг другу и внешне, и внутренне. Дух спорта требует особой дисциплины, принуждая тем самым к регулированию, совершенствованию и, наконец, к рекорду. Этот вид дисциплинирования чужд игре, которая хотя и может в любой момент достичь стадии спорта, все же рассматривается как самоценность и выпадает из жизненного контекста. К счастью, с педагогической точки зрения, спорт всегда сохраняет контакт с игровой формой деятельности. Если бы это было не так, он никогда не достиг бы такого положения в современном трудовом обществе и такой феноменальной популярности, которую мы, как я надеюсь, начинаем понимать немного глубже.

Парадокс здесь заключается в том, что он в некотором роде выстраивает второе общество, противостоящее трудовому характеру

общества, т. е. обществу труда; общественное поведение в нем имеет игровой характер, но одновременно игровой характер становится основой нового мира труда. Таким образом, несчастные современники видят перед собой в принципе два мира труда, перемещаясь из одного в другой. В одном из них для достижения результата необходимо крайне напрягаться. Чтобы отдохнуть от этой нагрузки, переходят в другой мир, где точно так же напрягаются до изнеможения. Можно сказать, что все не так ужасно. Конечно, не все изнемогают в мире труда, поскольку мы знаем огромное число тех, кто пребывает в конторской тишине. Они не станут так сильно напрягаться, переходя к спорту. Однажды врач в Висбадене рассказал мне, что большая часть изможденных пациентов работала в Федеральном статистическом ведомстве. Как мы видим, в индустриальном обществе существует множество возможностей для переутомления людей. Они не всегда связаны с добровольностью, гигантским честолюбием или титаническим чувством долга — дело в самой структуре предмета.

Теперь о второй стороне. В спорте полностью отсутствуют все характерные для высокоспециализированного общества сложности, связанные с изнурительным трудом, связями и происхождением, необходимыми для того, чтобы обратить на себя внимание общественности. Ребенок из народа, имеющий природные данные и доставляющий радость своими способностями, имеет уникальный шанс стать известным. А насколько люди заинтересованы в публичности, видно по огромной популярности значимых в обществе фигур в иллюстрированных изданиях. А телевидение доводит это до невыносимого уровня, как мы вынуждены предварительно констатировать. Все это навязывает индивиду возможность быть увиденным и оцененным, которая была совершенно недостижима еще в XIX веке. Таким образом, простой человек из народа (*poor man*) имеет здесь уникальный шанс. Где еще любитель ценится выше профессионала? Где еще реализовано в известном смысле бесклассовое общество? В спорте. Причем почти без усилий и как бы само собой. Счастье, которое манит здесь, может оказаться кратким. Бегуна или прыгуна могут забыть. Но кто этим будет озадачиваться? — «За миг единый, прожитый в раю, я с радостью всю жизнь отдам»¹. К тому же жизнь продолжается, позолоченная воспоминанием о том, что ты хотя бы раз был первым!

В спорте масса интегрируется в социальное целое, для которого сохраняется и одновременно блокируется возможность открытого классового общества труда. Он обеспечивает самую непосредственную популярность (при этом не обсуждается, на каком уровне, по-

1 Шиллер Ф. *Дон Карлос, инфант испанский*. I, 5. — Пер. Ф.М. Достоевского.

скольку он не претендует быть тем, чем не является). Он обеспечивает самый прямой путь к публичности, где индивид и его группа встречается с массой. Лишенный корней горожанин, в одиночку сталкивающийся с анонимными институтами, находит здесь, вне своей более или менее навязанной команды коллег, подлинное товарищество, круг тех, кто его уважает и кто на него рассчитывает, для которого он значим, причем благодаря тем качествам, которые остаются скрыты в повседневной жизни. Здесь он может применительно к своей личности осуществить то, что самая совершенная демократия гарантирует каждому посредством права и что остается абстрактным для большинства: равное притязание на социальное возвышение и признание и на равные жизненные шансы. Ведь те преграды, которые демократическое общество разрушает отменой сословных границ и классовых ограничений, оно тут же возводит вновь посредством конкуренции всех со всеми. Оно тормозит, освобождая. Слишком многие стартуют одновременно, чтобы не чувствовать того, что для них цель недостижима, борьба слишком тяжела, а требования слишком высоки. Это относится ко второй причине.

200 Третий мощный повод для популярности спорта — это потребность в агрессии, которая вращена индустриальным обществом с его открытой конкуренцией и одновременно сдерживается им. В принципе это лишь выражение общего застоя, который современное общество вызывает в массе своих членов. Ведь оно поддерживает стремления, реализация которых тут же подавляется ради сохранения дифференцированного разделения труда. Здесь мы вообще не затрагиваем вопрос, имеет ли эта современная агрессивность еще более глубокие корни в человеческой природе, выражает общее недовольство человека культурой в целом или, наконец, лишь обостряется в результате индустриальной трансформации современного общества. Мы не собираемся исследовать здесь, прав ли был Фрейд или шлифовщик оптических линз из Амстердама¹, да и нужно ли вообще ссылаться на теории инстинктов или рост агрессивности.

Достаточно того, что есть импульс, который усиливается в открытом классовом обществе благодаря абстрактно равным шансам пробиться наверх. Он усиливается посредством интенсивных чувств, связанных с фрустрацией, подавленностью, неудовлетворенностью и неполноценностью. Ими мы, сторонники свободы, должны теперь платить за наше освобождение. Ведь не только возникновение понятия неполноценности, но осознание своей неполноценности явно глубинным образом связано с утверждением современного

1 Имеется в виду Бенедикт Спиноза, зарабатывавший на жизнь шлифовкой линз. — *Прим. перев.*

общества. Вместе с идеей, что каждый имеет возможность, так сказать, возвыситься, уже при попытке ее осуществления необходимым образом должно возникнуть ощущение проблематичности. Но теперь заблокированные чувства в этом резервуаре имеют достаточный выход в сложных формах деятельности социального редуктора, поскольку большая часть так называемой радости от труда проистекает от избыточного давления с этой стороны.

Однако формы деятельности одновременно опять-таки тормозят, требуют самодисциплины и рефлексии, что может быть сублимацией скопившихся импульсов, а потому требуют расходовать силы и трудиться. Я думаю, Фрейд очень точно раскрыл этот своеобразный механизм. Так, импульсы ищут прямой выход и находят его сегодня в спорте, как отчасти ранее в рыцарских турнирах. При этом не все, что проявляется как обозначающая группу этикетка, является носителем и предметом агрессивности, прежде всего в политической и социальной сфере, в которой подчеркивается классовый антагонизм мира труда. Существуют спортивные объединения рабочих, но они не выступают против предпринимателей, а если бы они и выступали, то спортивный дух не допустил бы того, чтобы столь глубокое противоречие между ними проявлялось даже во время игры. Все это возможно: железнодорожники против горняков, рабочие против врачей, студенты-медики против студентов творческих профессий, техники против почтальонов. Но гораздо ожесточеннее борются между собой клубы горожан и особенно национальные команды или даже индивиды как представители своих наций.

201

Именно здесь получает свободный выход агрессивность, ничем не сдерживаемая лишь во время войны, причем все еще в рыцарских формах; на это сегодня война уже вряд ли способна. Детище барона де Кубертена все же было вполне своевременным, несмотря на трагическую иронию. Правда, оно не привело к примирению народов в том смысле, что олимпиады способны предотвращать войны, как он надеялся. Сразу после их основания началась Первая мировая война, так продолжалось и далее, а между делом случались олимпиады. Но они такое же подлинное выражение современного национализма, как и сами современные войны. Одновременно они есть выражение страха перед его взрывной силой, страха перед войной, выражение отвращения к ней, ностальгия по рыцарским и мирным компромиссам. Одним словом, олимпиады — это фиктивное осуществление оказавшегося неосуществимым стремления всех наций, идентифицирующих себя сегодня со своей национальностью и лишь с нею.

Слово «благородство», напоминающее нам о феодализме и словных предрассудках, лучше всего заменяет слово «спортивное поведение». Тем самым обозначается этика, которая не привязана

ни к какому сословию и классу и вообще ни к какой ценностной иерархии метафизического характера. Так мы приходим к очень специфической функции спорта в современном индустриальном обществе, о которой обычно не думают, а именно об этической перспективе данного феномена. *Спортивно* ведет себя тот, кто уважает соперника, относится к нему с благородством, не хватается за любой мелочный шанс победить и соблюдает правила, хотя это ему невыгодно и даже может привести к поражению. Быть *good loser* — это почти критерий подлинно спортивного поведения. Это сложнее, чем просто не оскорблять побежденного. Спортивное поведение включает в себя дух товарищества, добровольное подчинение внутри группы, поддержку командного духа, мужество, выдержку, т. е. добродетели, которые ожидают от каждого в ситуации состязательного соперничества. Опираясь на них, спорт приступил к новой стилизации мира труда, согласно собственному образу мыслей.

202

Кроме принятых на веру христианских норм, у индустриального мира и индустриального общества больше нет ничего, что они признавали бы и действительно принимали как нечто обязывающее. Достаточно посмотреть на внутренний и внешний плюрализм, на сосуществование религиозных убеждений и различных философий, государственных и негосударственных идеологий, на различные системы ценностей, исключаящие друг друга. Мы знаем это по опыту. Если индустриальное общество действительно однажды получит возможность определять политическое поведение, то это обязательно приведет к разрушительным последствиям. Плюрализм сегодняшнего общества в принципе допускает лишь нейтральный, индифферентный этос формальных действий, который отказывается от всякого содержания — как мирского, так и потустороннего. Расовые, классовые, сословные и образовательные различия исключаются здесь точно так же, как и различия религиозные. Таким образом, чисто формально Другой есть не что иное, как партнер по команде или игрок команды соперника, точно так же приспособляющийся к ситуации, задаваемой правилами. Однако под схему этого этоса подходит не только спорт, но и весь мир труда, если его понимать формально и функционально. Спорт смог получить такое развитие потому, что он усвоил и законсервировал в себе определенные черты мира труда, отбросив обязательства повседневной жизни.

Я могу здесь привести очень милый пример из последней главы книги Хейзинги «*Homo ludens*». Хейзинга рассказывает о промышленнике из Роттердама. Этот руководитель одного из мировых концернов во время присуждения ему почетной докторской степени Роттердамской высшей торговой школы сказал: «Со времени моего вступления в акционерное общества между техническим и ком-

мерческим руководством шло соревнование в борьбе за первенство. Один старался производить столько, чтобы, как он полагал, коммерческое руководство не поспевало со сбытом, другой же пытался продать столько, чтобы производство не могло угнаться за сбытом, и это соревнование не утихало. То один был впереди, то другой одерживал победу. Ни мой брат, ни я никогда не рассматривали наше дело как некую поставленную перед нами задачу, но скорее как спорт, навыки которого мы старались привить нашим сотрудникам и младшему поколению» [Хейзинга, 2011, с. 277]. Будет нетрудно найти примеры подобного образа мысли из сфер труда, политики, науки и искусства, даже если их представители стремятся избегать такого прямого сравнения.

Как олимпиады маркируют постоянный агон, так же — пусть и несколько отдаленно — его маркируют Нобелевские премии, за которые ведется постоянный агон в современном научном мире. Сегодня мы живем в культуре, которая не может с чистой совестью указать свою цель, как это было возможно в средневековой культуре, культуре Просвещения и в рамках веры в прогресс в течение значительной части XIX века. Нынешняя культура уже не может отважиться на это. У нее нет другого выбора, кроме как вернуться к нейтрально-формальным функциональным ценностям чистой результативности, культивированию *fair play* и всех остальных добродетелей, которые также культивируются в спорте. Поэтому она превращает профессию и труд в спорт. Этот факт не затрагивает убеждений и личных верований отдельного человека. Спортсмен может быть католиком, протестантом, мусульманином или марксистом, но вся структура целиком затрагивает и усиливает стремление к результату, к рекорду, приводит к завышенной оценке функциональности и к индифферентности к целям, к пренебрежению всем тем, что не связано с результатом и не может быть оценено мерками результативности.

Так что союз между индустриализмом современного мира и спортом наряду с позитивными сторонами имеет и негативные стороны. Как спорт придает всему свою форму, навязывая стремление к рекорду и иные искажения, так и индустриализм, но в обратном направлении, использует функционализм и формализм, позволяющий в облике этики безупречной необязательности играть даже там, где на кону стоит само существование. Выразусь еще яснее: агональный образ мысли в спорте оказывает обратное воздействие на общество и уводит его от самого себя таким образом, что оно понимает самое себя лишь как состязание, неважно, было ли это запланировано или нет. Военственные устремления очень далеки от того, чтобы полностью находить в спорте свое фиктивное осуществление, как на это, например, еще мог надеяться и дей-

ствительно надеялся Ницше. Ведь спорт живет за счет накопленной агрессии, проявления которой препятствуют упорядоченной буржуазной жизни. С другой стороны, воинственные устремления получают таким образом идейное, если не сказать идеологическое оправдание посредством этоса спортивного поведения. Этот этос иммунизирует людей от более глубоких размышлений о целях своих действий, о границах способности давать все больший результат. Он лишает их понимания покоя и меры, досуга и игры. Если бы он оставлял им хотя бы возможность ужаснуться собственной неутомимости! Но, судя по всему, он пытается ампутировать саму возможность угрызений совести, непреднамеренно усиливая воинственные устремления, которые и без того доминируют в нашу эпоху в силу многих причин.

204 Я опасаясь, что из моих рассуждений можно вынести больше негативного, чем позитивного, и что может возникнуть желание записать меня в ряды многочисленных культурных пессимистов, видящих в спорте лишь распад системы. Вероятно, может возникнуть заблуждение, что я как профессор, т. е. представитель духа, должен с неприязнью относиться к «бездуховному характеру спорта». Для многих ученых это может быть верно даже сегодня. Но все мы знаем также живые примеры обратного, и я могу утверждать, что чуждость спорту среди интеллектуалов старого образца отмирает сама собой, как и популярность этого выражения. Это связано не только с изменением жизненной среды прежде всего в сфере транспорта. Есть и другие причины новой стилизации духовной жизни, ее специализации, ее разделения на дисциплины и функции, ее растущей зависимости от рынка культурной индустрии, работающей при помощи гигантских аппаратов и подобно производству материальных благ имеющей своих предпринимателей, менеджеров и рабочих.

Это звучит невесело, да и поставленный мною диагноз спорту звучит несколько мрачно. Уже одно выведение спорта из агрессивности может выглядеть как попытка бросить на него тень и лишить его подлинности, веселости и беззаботности. На самом деле все как раз наоборот. Спорт может снимать напряжение, выполняя свою освобождающую и ободряющую функцию для многих из тех, кто живет в тени прогресса, — а кто из нас не входит в их число? — лишь в той форме, которую он приобрел под давлением современного общества. Например, он имеет бесспорное, хотя и с трудом поддающееся оценке влияние на здоровье людей. И это только благодаря призыву вести здоровый образ жизни. Сокращение алкоголизма, несомненно, является его делом. Более того, он оказывает упрощающее воздействие, что — при всей поверхностности и при всем антиинтеллектуализме, о которых постоянно говорят, — по край-

ней мере, правильно и честно, так как это позволяет игнорировать мнимую образованность. В любом случае спорт делает возможными подходы к образованию, которые — даже на более глубоком уровне, чем в период 1890-х годов, — могут охватить тело и дух в равной мере, что оказалось утраченным под влиянием нововременного интеллектуализма.

Спорт не лучше и не хуже, чем общественный порядок, в рамках которого он возникает, выполняя компенсаторную функцию. Невозможно ругать первое и одобрять второе. Что применимо к одному, то применимо и к другому. Стремление к рекорду в одном связано со стремлением к рекорду в другом. Невозможно изменить спорт, если нет мужества и сил изменить общественный порядок. Первый есть отражение и альтернатива второму, поэтому осуждая или восхищаясь одним, также осуждают или восхищаются другим.

Библиография

Хейзинга Й. (2011) *Homo ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Peters A. (1927) *Psychologie des Sports. Seine Konfrontierung mit Spiel und Kampf*, Leipzig: Der neue Geist Verlag.

Schöffler H. (1935) *England das Land des Sports. Kultursoziologische Erklärungen, Hefte zur Englandkunde, Bd. 9*. Leipzig.

205

References

Hejzinga J. (2011) *Homo ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры [Homo ludens. Experience in defining the game element of culture], SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha.

Peters A. (1927) *Psychologie des Sports. Seine Konfrontierung mit Spiel und Kampf*, Leipzig: Der neue Geist Verlag.

Schöffler H. (1935) *England das Land des Sports. Kultursoziologische Erklärungen, Hefte zur Englandkunde, Bd. 9*, Leipzig.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Плеснер Г. (2018) Функции спорта в индустриальном обществе. *Социология власти*, 30 (2): 190-205.

Plessner H. (2018) Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft. *Sociology of Power*, 30 (2): 190-205.

Поступил в редакцию: 15.05.2018; принят в печать: 18.05.2018

НИКОЛАУС КАТЦЕР

Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-206-230

206

На протяжении нескольких десятилетий, исходя из различных перспектив, ведутся дискуссии о том, в чем заключалось «советское» в истории России в XX веке и насколько советское было «социалистическим». При этом ставятся под сомнения старые истины о прочности того, что называется «советским наследием» или «советской традицией». При реконструкции взаимодействия символов, праздничной культуры, ритуалов и конвенций в повседневности советских людей важные моменты может прояснить анализ физической культуры (физкультуры) и спорта. Ведь оба этих элемента современной культуры выполняли важные функции для самопонимания и образа советской системы как внутри, так и вовне. На протяжении десятилетий им приписывались различные качества с разной степенью значимости, способствующие формированию общности, укрепляющие идентичность, репрезентационные или же исключительно рекламные. Они были конститутивными для проектов будущего общественного порядка и новой антропологии. С ними были связаны специфическая преемственность с предшествующим развитием и представление о привлекательности и молодости советской модели. Когда после Второй мировой войны координаты социалистического образа жизни в странах развитого социализма, входивших в Восточный блок, были заново определе-

Катцер Николаус — немецкий историк, в 1996–2010 гг. профессор истории Гамбургского университета им. Гельмута Шмидта, с 2010 г. директор Германского исторического института в Москве.

Nikolaus Katzer — German historian, History Professor in Helmut Schmidt University in 1996–2010, the director of the German Historical Institute Moscow since 2010.

Перевод с немецкого Олега Кильдюшова, выполнен с оригинала: Katzer N. (2012) Die sportive Gesellschaft als ideale Ordnung. Zum sowjetischen Konzept der Körperkultur. В. Pietrow-Ennker (Hrsg.) *Russlands imperiale Macht. Integrationsperspektiven und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive*, Wien; Köln; Weimar: 85–102. Публикуется с любезного разрешения автора.

ны и в конечном счете зафиксированы, физкультура и спорт бесспорно относились к его несущим опорам.

Наряду с исследованием крупных периодов советской эпохи в недавних дебатах все больше затрагивается целостность истории России в XX веке. В формуле «стремительное движение социализма» и таких понятиях, как «роботы-атлеты» или «спортивное чудо», проявляется высокая значимость спортивной метафоры в самоили внешних описаниях системы. Одновременно в них звучит восхищение ее способностью эффективно концентрировать ресурсы, целенаправленно применять научную экспертизу и разрабатывать альтернативные методы оптимального физического развития. Между тем этот функциональный механизм советского «спортивного тела» указывает на сращивание социалистической системы с ее идеологическими конкурентами, которые схожим образом пытались достичь совершенства с помощью науки и техники. На всех уровнях утверждался примат планирования. Близкая к военной модель порядка служила во внутренней политике в качестве инструмента *социальной инженерии*.

В международных отношениях «спортивная дипломатия» заняла еще плохо регулировавшееся пространство, значимость которого стремительно росла [Washburn, 1955/1956]. Однако спортивная история позволяет увидеть не только оригинальный мобилизационный и интеграционный потенциал или внешнеполитического помощника. Современная физическая культура также создавала пространства для девиантного коллективного поведения и индивидуальных практик. Субкультуры и альтернативные миры в поле напряжения между регламентированным и неупорядоченным пространствами указывают на проходимость границ в советской общественной модели и на проблематичность структур власти.

В истории спорта и физической культуры отражается эта амбивалентность между инструментализацией и автономизацией. Применительно к отсталой периферии современные двигательные концепты могли использоваться в качестве рычага для продвижения превосходящей имперской культуры. Благодаря им урбанистические центры имперского ядра представляли в качестве источника прогресса, дисциплины и порядка. Советская власть рано увидела заманчивый потенциал, дремавший в дореволюционном спортивном движении, присвоила его себе и превратила в мягкую стратегию культурного доминирования. Одновременно гетерогенный и мультифункциональный спорт высвобождал динамические энергии и открывал неизвестные пространства. Благодаря широкому предложению новых культурных символов и телесных практик с их собственными богатыми ассоциациями подрывалась унифицирующая монополия аппарата власти на интерпретацию.

Тем самым нормативная советская цивилизация и современное спортивное общество могли не совпадать друг с другом полностью. То, что, с одной стороны, годилось для мобилизации, интеграции и утверждения новых смыслов, с другой — способствовало процессам индивидуализации и дифференциации. Спорт выступал в качестве мотора межкультурной коммуникации как между Западом и Востоком, т. е. между коммунистическим и капиталистическим мирами, так и между регионами самой советской империи. Таким образом, конкурирующие спортивные системы скорее обуславливали, нежели разграничивали друг друга. Невзирая на взаимные притязания на исключительное право репрезентировать настоящий и истинный спорт, каждый из них по-своему являлся актором телесно-культурной революции XX века. Их соперничество лишь ускорило стремительное превращение спорта в глобальный феномен.

Государство рабочих и спортивный социализм

208

Для мифа об основании советского спорта «пролетарское» является не менее конститутивным, чем для нарратива о первом социалистическом государстве в мировой истории. И было не важно, что рабочие представляли незначительное меньшинство в крестьянском обществе. Педагогическая программа молодой советской власти по развитию физкультуры включала в себя обещание построить идеальное будущее без этнических, национальных и культурных ограничений. Между тем вокруг пролетарского ядра физкультуры разгорелся ожесточенный спор, продолжавшийся вплоть до 1930-х годов. Семантика современного спорта была неопределенной. Кто ее определял, тот и устанавливал, что такое «пролетарское». Не социальные диспозиции, а целевые определения властных инстанций определяли правильность аргументов. Последней точкой этого переговорного процесса стала бюрократическая кодификация концепта спорта, который должен был быть конкурентоспособным на международной арене [Keys, 2006]. Однако поскольку условиями для этого были признание общих для всех систем правил и стандартов, готовность к постоянной коммуникации с внешним миром и толерантность к культурному трансферу, советский спорт оказался подвержен влияниям, которые затрагивали всю общественную систему. В этом заключались риски, но, казалось, ими можно пренебречь ввиду гораздо большей выгоды.

Для вопроса о соотношении спорта и социализма — и тем самым об особенностях советского варианта физической культуры — действительно определяющими были решения, принятые в 1930-е годы. Физическое воспитание было подчинено жесткому принципу

максимального результата при экономии затрат и мобилизационным потребностям государства. Это означало фактический конец разнообразных экспериментов в ранней советской двигательной культуре. Они включали в себя курсы военно-спортивной подготовки юношей и будущих призывников, обучение различным психотехникам или биомеханические лабораторные опыты [Vaingurt, 2008; Rütting, 2002].

Физкультура в 1920-е годы еще подразумевала все дореволюционное наследие гимнастических сообществ, командных и индивидуальных видов спорта, состязаний и игр для досуга¹. Крайне амбициозным делом была сама попытка из всего этого богатства вычленить некий «пролетарский спорт». Фактически поначалу советская модель была не такой уж новой. Дебаты о том, что говорит за, а что против спорта как социального мероприятия, велись вряд ли иначе, чем до революции. В конце концов новый концепт истощился до канона желательной, приличной и морально не вызывающей сомнений физической активности. Без парадоксальных компромиссов и многократных корректур подобная фиксация была невозможна.

Так, например, футбол и бокс с трудом соответствовали постулатам о «здоровом» и «гигиеническом» движении, однако пользовались большей популярностью. В советской физкультуре были аккумулированы более или менее совместимые элементы современных телесных упражнений и заботы о здоровье, начиная с эвритмии и характерного танца и заканчивая военизированными построениями и человеческими пирамидами [Stites, 1989, p. 145-164]. Они или были опробованы внутри страны, или заимствовались из мирового спорта. Популярные виды можно было лишь скрыть от общественности, но не запретить. Их просто не поддерживали, и они развивались за кулисами официальной спортивной сцены. Собственная жизнь этих «скрытых» видов спорта относится к проблематичной части истории советской двигательной культуры.

Еще в годы Гражданской войны по указанию Народного комиссариата здравоохранения активисты проводили кампании в поддержку здорового образа жизни, профилактики, гигиены и евгеники под лозунгами «Солнце, воздух, вода и естественное движение — лучшие пролетарские врачи!» или «Физкультура — 24 часа в день!». Солдатам, рабочим и крестьянам напоминали о том, что светлое будущее и новая жизнь начинаются в обыденности настоящего. Обливаться холодной водой, пользоваться зубной щеткой или соблюдать антиалкогольный закон — все это относилось к доб-

1 О спорте в период империи см.: [Хмельницкая, 2011; McReynolds, 2003].

родетелям пролетария [Starks, 2008]¹. Пуристы индивидуального воспитания резко отделяли «мягкую» физкультуру от агонального «спорта». По их мнению, последний основывался на присущей западному буржуазному обществу идее конкуренции и противоречил пролетарской морали.

Ожесточенные споры такого рода вполне соответствовали опыту немецкого гимнастического движения или чешского «Сокола». Так что они не являются чем-то необычным, а лишь отражают всю амбивалентность и динамику современных двигательных культур [Krüger, 1996; Ruffini, Sivulka, 2005]. Немецкие гимнасты в свое время прямо отграничивали себя от английского спорта. В результате этого процесса прояснения во второй половине XIX века возник «рабочий спорт», ставший на десятилетия важной частью современной физической культуры. Организованный в 1893 г. в Рабочий гимнастический союз (Arbeiter-Turnerbund), он пытался разработать собственный профиль и утвердиться в качестве третьей модели наряду с концептом гимнастики Яна и буржуазным конкурентным спортом. При этом на него оказывали влияние представления о «культуре тела» как единстве физических, ритмических и мусических элементов. Однако постепенно — наряду с разными видами гимнастики, танцем, акробатикой и атлетикой — утверждались новые технические виды и игры в мяч.

210

Вожди рабочих и социалистические интеллектуалы оказывались в затруднительном положении, когда пытались из этого многообразия исключить все, что подозревалося в связях со спортом и капиталистическим способом производства, а также в воспроизводстве его механизма технических инноваций. Если эти связанные с классовой борьбой нотки затихли или стали неактуальными для международного рабочего спорта, поскольку притягательность спорта оказывала диффузное влияние, то в советском коммунизме и странах государственного социализма они сохранялись гораздо дольше в качестве образца легитимации.

В постреволюционной России в сжатом по времени и избирательном по содержанию виде повторилась полемика с противоречивым античным наследием, с его националистической переформулировкой в XIX веке и с его модернистским преодолением в начале века XX. При этом развитие теории не успевало за ускоренной дифференциацией форм физической активности. Множество нормативных пособий и учебников полемизировало против «буржуазной» модели спорта, но при этом в практической части следовало дореволю-

1 В более широком контексте эта проблематика рассматривается в работах: [Bernstein et al. 2010; Michaels, 2003; Cavanaugh, 2001].

ционным русским или современным международным образцам. Лишь немного от противоречивого дискурса о телесных практиках и кинетических инновациях пережило десятилетие экспериментов после революции. Его место заняли гибридные стратегии легитимации, которые должны были навести мосты между «здоровой» физической культурой и «атлетическим» спортом». Они как бы дублировали сложные социально-экономические обоснования Новой экономической политики.

В любом случае концепт «отца русской гимнастики» Петра Францевича Лесгафта (1837–1909), многообразии традиционных игр в бывшей империи, крупнейшая сеть основанных или инициированных главным образом англичанами клубов, а также скаутское движение послужили советскому спорту в качестве незаменимой исходной организационной базы. Даже идея «Всеобщего военного обучения» (Всевобуч), согласно которой начиная с весны 1918 г. все молодые мужчины должны были пройти физическую подготовку к службе в Красной армии, и другие военизированные структурные элементы раннего советского государства следовали вовсе не социалистической традиции, а опыту Первой мировой войны [Sanborn, 2003, p. 137-139].

В целом речь шла о попытке функционального изобретения модели спорта, которая казалась большевистской и позже сталинистской воспитательной и мобилизационной диктатуре подходящим средством общественной и политической коммуникации [См. об этом: Priestland, 2007]. В дальнейшем это превратилось в систематическую разработку гибкой технологии власти. Ее сила заключалась в притягательности спорта для масс. Несмотря на все многообразие спорта, его идеологи верили в якобы очевидный упорядочивающий потенциал. При этом конструкт социалистического соревнования имитировал не столько своего «капиталистического» визави, сколько отдавал должное имманентному спорту по агональному принципу. Тем самым он противоречил атрибутам международного «рабочего спорта», который в действительности пытался создать альтернативную физическую культуру [Gournot, Riordan, 1998]. С образованием Красного спортивного интернационала произошел раскол. Советский Союз стремился в одиночку составлять конкуренцию «буржуазному» Олимпийскому движению, однако тем самым он сделал важный политический шаг в направлении интеграции в мировой спорт [Gournot, 2002; Krüger et al., 1996]. Ведь после 1928 г., когда Спартакиада (в Москве) в последний раз выступала в качестве альтернативы Олимпиаде (в Амстердаме), претендуя на исключительное право представлять «истинный» спорт, «пролетарское» постепенно отслаивалось и — в рамках этнонациональной установки — превращалось в «советское». Отныне все были равны перед лицом государственного устройства советского спорта.

Совершенствование форм и отклонение от «нормы»

В дебатах о физической культуре и спорте проявлялись противоречивые политические интересы различных групп. Лишь после того как этот конфликт был урегулирован политически, стало возможно создать иерархическую систему руководства, отбора и оценки кадров по обязательным критериям. После решения об ускорении строительства социализма в конце 1920-х годов спортивный элемент физической культуры оказался в центре внимания. Идея результата из экономики проникла в физическое воспитание. Под лозунгом «Быстрее, выше, сильнее!» страна Советов должна была перепрыгнуть в индустриальную эпоху. Атлетичные и здоровые трудящиеся в быстром темпе маршировали вперед, перестраивали страну, превращая настоящее в будущее. Красота и сила социализма соединились в совместном труде. В спортсменов, участвовавших во всесоюзных соревнованиях, должна была вливаться вся энергия советской империи.

212

Однако коллективизм и унифицированность не впервые дополняли друг друга. Начиная с Гражданской войны взаимосвязь между подготовкой призывников, армейским спортом и парадами составляла важное ответвление общественной репрезентации. Здесь было предугадано, что в 1930-е годы получило оформление в виде величественной панорамы. Спортивные мотивы заняли в этом центральное место. Они симулировали модерность. Позже рабочие олимпиады и спартакиады 1920-х годов выдавались за укорененных в традиции предшественников социалистического «универсального произведения искусства» (*Gesamtkunstwerk*), получившего в грандиозных спортивных парадах свою завершённую форму и ритм. Созданные вновь спортивные органы выступали в качестве связующего звена между администрацией и обществом. Они объединяли под одной крышей массовые организации вроде комсомола или профсоюзов, развернувших собственные спортивные комплексы. В этом заключались подходы к созданию оздоровительной и соревновательной системы *sui generis*. Политика в области тела и спортивная практика должны были идти рука об руку при осуществлении государственного наступления в области интеграции. Исходя из убежденности в том, что спорт может выступать в качестве мотора для всего социалистического строительства, были разработаны целевые и систематические программы по коллективному физическому оздоровлению.

Аналогии с современными диктатурами в Европе очевидны. Несмотря на взаимоисключающие друг друга идеологии, они в равной мере последовательно и затратно делали ставку на притягательность спортивного спектакля [Mangan, 1999; Falasca-Zamponi, 1997].

«Масса» представляла в виде возвышенного единства и гармонии. Ее строевой шаг должен был излучать силу, решимость и монументальность. В этой перспективе стирались границы между униформой и спортивным трико. Вооруженный спортсмен и спортивный солдат были взаимозаменяемы. Тем не менее телесные инсценировки в отдельных странах, несмотря на схожесть форм и образцов, демонстрировали заметные различия в целеполагании и воздействии: во время социалистического массового празднества быстро меняющиеся человеческие построения и сопровождающие их политические лозунги сигнализировали о стремлении власти транслировать идеи порядка, безопасности и единства обществу, потрясенному в своих основаниях [Petrone, 2000; Rolf, 2006; Малышева, 2005].

Например, при сталинизме игра в футбол была стилизована под коллективный миф. По аналогии с семейной идеологией той эпохи метафорика спорта служила тому, чтобы маркировать отклоняющееся поведение и угрожать изгнанием из защищающего «дома» (стадиона) [Livers, 2001, p. 592-613]¹. Если внутреннее, закрытое пространство давало защиту и безопасность, то во внешнем, незащищенном пространстве царили хаос и смерть. В символическом языке спорта отражался реальный мир, создавая подобие действительности [Lotman, 2010, s. 258-269]². В нормативном каталоге общественно одобряемых способов поведения (*культуристость*) лишь избранные элементы физкультуры — наряду со ставшим отныне предпочтительным спортом — пережили определенный ренессанс³. В сравнении с этим в национал-социалистической хореографии господствовала идея судьбы вперемешку с «народным сообществом» и расово-идеологическим культом борцов. Как в одном, так и в другом случае движение и искусство соединились в рамках специфической массовой эстетики. Спорт стал образцом беспечной, свободной и прекрасной жизни, которую, правда, еще только предстояло создать тяжелым трудом и защитить от подстерегающих повсюду врагов [Gaßner, Gillen, 1994].

До сих пор не проведено систематического сравнительного исследования спортивных мотивов в семиотике и метафорике диктатур и авторитарных режимов XX века, как и демократических обществ. Подобно итальянскому фашизму и германскому национал-социализму, сталинский режим также связывал далеко идущие полити-

1 Ср. [Borenstein, 2000, p. 125-161] (на примере романа Юрия Олеши «Зависть»).

2 Лотман обсуждает отношение семиосферы и реальности «дома» на примере романа Булгакова «Мастер и Маргарита».

3 Ср. [Volkov, 2000, p. 210-230].

ческие, социальные и «формирующие человека» цели с физической культурой [Esposito, 2011; Braun, Wiese, 2007; Pronger, 2002; Mangan, 2000]. Однако наряду с ядром схожих феноменов, приписываний и ожиданий, например, ярко выраженного культа тела, монументальной архитектуры или социальной политики, невозможно не заметить существенные различия. Они касаются структуры клубов, содержания спортсменов и функционеров, социальной базы отдельных дисциплин, культа героев и звезд, проектов новой телесности, этнонациональных контекстов, популярности и общественного признания видов спорта и не в последнюю очередь фанатских культур. В них наиболее непосредственным образом проявлялась транснациональная динамика спорта.

214 Уже советский язык коллективных форм 1930-х годов был отмечен характерной индивидуалистической чертой. Из диффузных биополитических концептов по созданию «нового человека», которые обсуждались в России начиная с рубежа веков, теперь выкристаллизовались мужской и женский идеальные типы [Mertin, 2009]¹. Их стройные, тренированные и юные тела, одетые в модные спортивные костюмы, грациозно оставляли позади себя все бытовые невзгоды, как и любого классового врага². На этнически гетерогенной периферии империи продвижение современной физической культуры шло с различной скоростью. Некоторые женщины использовали возможности эмансипации, которые предлагал спорт. При этом они вступали в конфликт с патриархальными порядками, а иногда — и с переменчивым образом женщины, предлагавшимся центральной партийной элитой [Goscillo, Lanoux, 2006]. Международные фестивали молодежи и спартакиады, позже — чемпионаты мира и олимпиады допускали формы обмена и коммуникации, с трудом поддававшиеся контролю. Иерархический комплекс советского спорта натолкнулся на границы управляемости теми энергиями, что высвобождались во время игр и соревнований.

Благодаря исключительности и праздничности спортивных парадов и мега-событий различные общественные концепты получили чрезвычайно эффективное символическое наполнение. Этот процесс не был сопряжен с цезурами мировых войн. Несомненно, что олимпиады 1936 года в Берлине, 1962 года в Риме, 1972-го в Мюнхене или 1980-го в Москве проходили в сильно отличающихся исторических контекстах. Тем не менее они означают преемственность в примене-

1 Об амбивалентной роли спорта для равноправия женщин см. [Rowley, 2006].

2 Их яркие образы запечатлены, например, в спортивных картинах Дейнеки или в художественной спортивной фотографии той эпохи. Позже, во время холодной войны, к этому добавилась карикатура. Об этом см. [O'Mahony, 2006]. Русский перевод: [Махоуни, 2010].

нии и толковании олимпийской идеи, как и в транснациональной спортивной коммуникации, доказавшей свою эффективность, несмотря на разрывы между эпохами, идеологические противоречия и границы политических систем [Schiller, Young, 2010; Preuß, 2004; Tomlinson et al., 2011]. Проводя игры и иные спортивные мега-события, государства-организаторы стремились предстать на международной арене в выгодном свете, в качестве носителя технологического прогресса и современного образа жизни [Horne, 2006; Rowe, 1995].

Эти мега-события XX века не были нейтральными, скорее это альтернативное, инновационное переговорное пространство для мировой политики, правила которой здесь частично дублировались, частично дополнялись или подрывались. Спортсмены выполняли функции послов, представляли свою страну и официально выступали не в личных интересах. Особенно дифференцированно это можно показать на примере германско-советских спортивных отношений [Mertin, 2009; Прозуменщиков, 2004; Peppard, Riordan, 1993]. В послевоенную эпоху спорт прикрывал политическую реставрацию и сохранение авторитарных структур, но при этом указывал на политические изменения и символически опережал их или придавал культурным традициям новый лоск. Такого рода политическая инструментализация не ограничивалась Германией, Италией или Советским Союзом¹.

215

Спортивный стиль жизни

Насколько размытыми были границы между якобы принципиально отличными концептами спорта, показывают попытки теоретически легитимировать и представить в качестве уникальных спорт и физическую культуру в странах реально существующего социализма, т. е. в условиях холодной войны. На поверхностный взгляд спортивно-административные комплексы социалистического лагеря следовали советской модели. Однако постепенно там более или менее отчетливо проявлялись национальные варианты современного спорта [Wagg, Andrews, 2007; Malz et al., 2007]. Гимнастические и спортивные фестивали предполагали взаимодействие спортсменов, тренеров, хореографов и композиторов. Повсюду государственные медиа использовали всякое заметное культурное событие для его стилизации в качестве произведения искусства, отражающего реальное положение дел [Rowley, 2006; Roubal, 2005].

Эти массовые упражнения репрезентировали в господствующем дискурсе социалистический образ жизни. Пропагандисты

1 Ср. [Tagsold, 2002].

рассчитывали на особенный эстетический эффект в том случае, когда спорт высших достижений и массовый спорт представляли как нераздельные. Чем лучше удавалось соединить их во время инсценировки, тем больше была уверенность в приближении к этосу социалистического спорта, который одновременно отражал этос социалистического соревнования¹. Советскую модель приходилось не только адаптировать, но совершенствовать и в тенденции ре-национализировать².

Как социалистический образ жизни пришел к спорту или, наоборот, как современный спорт стал соединительной тканью советского стиля жизни, еще предстоит исследовать в рамках сравнительной истории спорта. Если спорт сильнее других элементов досуговой культуры захватывал общества XX века, причем в равной степени и диктатуры, и демократии, то, видимо, он изначально обладал мобилизационным потенциалом, как и эмансипаторной энергией. Вместе с оздоровительным туризмом и массовым потреблением он создал систему координат, отражавшую различные пути к модерности, которые могли быть сдвинуты по времени, иметь разные акценты и варианты. Об этом однообразном разнообразии свидетельствуют программы и концепты, способы легитимации и определения, семантика которых отличалась, несмотря на одни и те же понятия и метафоры.

216

Физическая культура и спорт стали несущими опорами проекта века по созданию «нового человека». Первая отвечала за эстетику и гармонию, второй — за динамику и изменения. С этой точки зрения, советский образ жизни развивался в рамках длившегося несколько десятилетий противоречивого процесса, прежде чем был кодифицирован в 1970-х годах [Столяров, Кравчик, 1979]. В нем соединились сохранившиеся в неизменном виде рудименты дебатов о гигиене 1920-х годов, советского канона 1930-х и модели «развитого советского человека» 1960-х годов [Смирнов, 1981; Григорьева 2008]. Образ спортивного человека при социализме никогда окончательно не терял оттенка классово-борьбы. Тем не менее он заметно утратил остроту с началом десталинизации и все большего перепле-

1 Об этом говорится в установочной статье 1977 года, посвященной физической культуре и спорту при социализме и их соотношению в рамках социалистического образа жизни. Она вышла в издававшемся в ГДР журнале «Теория и практика физической культуры» (цит. по [Jacob, 2000, s. 149]). Статья вышла в связи с VI Фестивалем гимнастического и спортивного союза ГДР и проходившей одновременно с ним VI Детской и юношеской спартакиадой, собравших примерно 61 500 участников, из которых около четверти участвовало в массовых постановках.

2 Ср. [Wilkinson Johnson, 2008, p. 59-64].

тения противоборствующих общественных систем. Революционный импетус раннесоветской двигательной культуры растворился в консерватизме опустошенной идеологии интеграции.

Часто говорилось о военных атрибутах советского спорта. Применительно к сфере состязаний, массовых действий или обязательных программ в школах и вузах это действительно верно в полной мере [Riordan, 1976; Mendelsohn, 1997]. Между тем физическая культура — в отличие от многочисленных кампаний 1920-х годов — постепенно все же вошла в повседневную культуру. В ходе нормализации жизни после Второй мировой войны, — когда стало сокращаться рабочее время и начали признавать, что трудящиеся нуждаются не только в отдыхе, но и в свободном времени и потреблении, — в тени большого спорта возникла многогранная система индивидуальных и коллективных занятий физкультурой и спортом [Reid, Crowley, 2000]. Вокруг больших спортивных клубов в столицах также возникли закрытые и аполитичные пространства для частной активности. По мере удаления от городских агломераций для этого часто отсутствовали инфраструктурные условия.

Альтернативные виды спорта и популярный у зрителей спорт в равной мере относились к сегментам советской повседневной жизни. Несмотря на множественные усилия и значительные инвестиции, официально пропагандируемый спорт наталкивался в сельской местности на непреодолимые границы. Даже школьный спорт или предложения со стороны региональных или местных спортивных обществ, промышленных и аграрных предприятий или со стороны профсоюзов и товариществ редко могли компенсировать нехватку снарядов и инвентаря. По сравнению со многими капиталистическими странами массовый спорт заметно отставал. Тем не менее гимнастика, подвижные игры и тренировки на выносливость относились к самоочевидным элементам здорового и сознательного образа жизни. Быть советским человеком в идеале означало быть активным в спортивном отношении.

Динамика и статика

Когда социализм вступил в стадию «стабильности» и на горизонте советских людей появился гарантированный минимальный жизненный стандарт, стала ослабевать готовность безоговорочно разделять по-прежнему пропагандировавшиеся вторичные ценности вроде дисциплины, коллективизма и товарищества, причем не только в общественном пространстве, но и во все более защищенной, нежели ранее, частной сфере [Weuga, 2005; Rittersporn et al., 2003]. В отличие от производственной гимнастики или других совместных форм физической активности регулярные индивиду-

альные занятия утренней гимнастикой предполагали героическое преодоление себя. Они не сулили никакой непосредственной выгоды, требуя значительного уровня Я-ориентации и самодисциплины. Здесь проявлялся характерный для общественных установок и способов поведения разрыв между абстрактными конструкциями Мы-идентичности и повседневной практикой.

В этой переходной сфере между официальной культурой, которую принимали из-за собственной выгоды, и неофициальной сферой, в которой принуждение к конформизму ослабевало, возникали связанные со спортом субкультуры и альтернативные миры¹. В чем именно заключался их специфический вклад в разрывы между официально-публичными и частно-публичными, т. е. между коллективными, индивидуальными или альтернативно-коллективными коннотациями, которые стали заметны с 1960-х годов, пока исследовано слабо [Siegelbaum, 2006; Вайль, Генис, 2001, с. 206-214].

218 Стилеобразующей для системы советского спорта, возникшей в 1930-х годах и потом существенно уже не менявшейся, была несомненная целеустремленность, казавшаяся безальтернативной. В отличие от амбивалентности модерна в целом и спорта, в частности, речь шла о выстраивании идеально-типической модели. С того времени глубоко укорененная вера в прогресс увязывалась с амбициозным оптимизмом планирования [Etzemüller, 2009; Dering-Manteuffel, 2008; Raphael, 1996]. Кто стремился к наилучшей организации и эффективности, тот не мог доверять своему равию и суггестивной силе спонтанности. Не случайно архитекторы спортивно-индустриального комплекса надеялись преодолеть эти дисбалансы путем регулирования. В их концептах воспитания нового человечества и формирования общественно функционального тела, разрабатывавшихся с начала XX века, отражались теории современной организации труда и транснациональной экспертной культуры, в которых физическое совершенство различным образом связывалось с психологическим дисциплинированием [Schattenberg, 2004; Beissinger, 1988; Kendall, 1981, p. 421-488; Tatur, 1979]. В дискурсах о физической культуре нашли резонанс тейлоризм, фордизм, биомеханика, психотехника, физиология и кибернетика. «Научность» гарантировала решение всех проблем. Нужно было лишь обучить и подготовить к практической работе необходимое количество экспертов для превращения громадной этнически, социально и культурно гетерогенной империи в единое целое.

1 На примере фанатских культур в футболе это рассмотрено в работах: [Zeller, 2010; Edelman, 2009].

Выбранная скорость преобразования страны очень скоро выявила разрыв между потребностью и наличием спортивных кадров, несмотря на огромные инвестиции в систему образования. Таким образом, привилегия спорта высших достижений была обусловлена не только стремлением обогнать буржуазный спорт по рекордам¹. Скорее это в той же мере вытекало из нехватки ресурсов. Для повсеместного развития массового спорта требовались терпение и огромные деньги. Для продвижения такого успешного продукта, как большой спорт, более эффективными были СМИ, особенно радио и телевидение [Roth-Ey, 2007; Mickiewicz, 1988]. Они распространили новое чувство непосредственного участия в происходящем. Одновременно они популяризировали зрительский спорт как форму пассивного потребления. Ярko выраженный технологический фетишизм усугублял ситуацию с нехваткой профессионально подготовленного персонала и инвентаря.

Спортивный истеблишмент был вынужден или постоянно осуществлять инновации, или заимствовать и адаптировать чужие научные и технические системы. Рекорды и культ звезд мало помогали в бедственном положении массового спорта в обществе потребления. Напротив, что касается ведущих атлетов, то спортивная наука, спортивная медицина и фармацевты сыграли определяющую роль в дальнейшем расширении границ возможного. Сейчас раскрыта «государственная тайна» ГДР, связанная с допингом. О положении с допингом в Советском Союзе известно лишь фрагментарно [Katzner, 2008].

Привилегированным выгодоприобретателем развития советских наук о человеке в 1930-е годы, несомненно, был спорт высших достижений после Второй мировой войны. Более того, оно стало стимулом, экспериментальным полем и движущей силой «научного социализма». К ранним формам научно-технологического комплекса, связанного с биологией, медициной, психологией и генетикой и значительно расширенного в гонке холодной войны за доминирование в *big sciences*, восходит советская спортивная медицина — междисциплинарное новшество, призванное соответствовать возросшим требованиям комплексной сферы применения [Kojevnikov, 2004; Ivanov, 2002; Cp. Gestwa, 2010; Graham, 1998].

После игры

Было бы ошибочно думать, что советские спортивные функционеры и атлеты после революции свернули со столбовой дороги современ-

1 Начиная с 1952 года советские команды на 20 мировых спортивных событиях 16 раз становились первыми в общем зачете.

ного спорта и пошли особым путем. Как раз наоборот, они раньше других распознали мировой тренд на рационализацию телесных практик и последовательно следовали ему. Возводя его в основной принцип, они тем самым предвосхитили дальнейшее развитие, ставшее доминирующим в мировом спорте после Второй мировой войны. Не только сциентизация спортивной сферы, но также ее коммерциализация и медиализация получили сильные импульсы благодаря соперничеству систем. Соперничество за лучшие методы искусственной оптимизации тела следовало основному пути глобальной истории спорта.

220 Армейский спорт и производственная гимнастика в свое время были не менее спорными, чем другие более поздние концепты совершенствования. Принуждение к ускорению, нормированию и совершенству связывало спорт с миром труда. Причины, почему советский социализм с самого начала склонялся к тому, чтобы регламентировать и систематизировать телесную активность и двигательную культуры, заключались в особой исторической ситуации после Первой мировой войны и революции, а также в хронической слабости административных структур в России. Лидеры большевиков в отличие от консервативных элит в собственной стране или от рабочего движения и политических левых в Великобритании привлекли внимание к аргументу, что спорт может быть фактором господства и гибким ресурсом при строительстве социализма [Hargreaves, 1987, p. 157].

Как только зазвучали призывы к борьбе с гидрой «отсталости», протагонисты спорта ожидали от него чудодейственных эффектов. Как и мутировавший из пролетарского в советский спорт, так и социальная и национальная политика немного позже была направлена на этническую гомогенизацию и на создание советского народа. Уже из программ военизированных курсов времен Гражданской войны, когда неграмотные крестьянские сыновья за короткое время должны были пройти подготовку к вступлению в ряды бойцов Красной Армии, вытекал жесткий режим экономии времени и обучения. Сформированная в 1930-е годы программа «Готов к труду и обороне» (ГТО) представляла собой исключение из правил и продолжалась до позднесоветского времени [Деметер, 2005, с. 210-212]. Она утратила свою интегративную и мобилизирующую силу лишь тогда, когда участие в ней превратилось в простую рутину. Модернизационный импульс через спорт был в основном утрачен советским обществом к концу 1970-х годов.

Роль государства как главного спонсора системы спорта никогда не вызывала сомнений. Разветвленная система вознаграждения и привилегий связывала спорт с армией, спецслужбами, предприятиями и профсоюзами. Успехи в спорте высших достижений и самописание Советского Союза как «спортивной нации» и «ускоренно раз-

вивающегося социалистического общества» объясняются не только государственной монополией, но также в существенной мере основаны на этих патримониальных сетевых структурах. «Государственный любитель» был встроены в клиентские отношения с патроном (меценатом) внутри ведомства, предприятия или массовой организации¹. Соответственно было бы ошибочно приравнять растущую роль постсоветских олигархов в спорте с американскими инвесторами.

Более перспективным было бы исследовать взаимосвязь между моделью спорта и социальным порядком не только на примере одного конкретного случая². Сегодня значимость физической культуры и спорта в глазах русского населения сильно понизилась. Если официальная новая Россия вновь стремится войти в круг могущественных организаторов современных мега-событий, то подавляющее большинство населения отвернулось от всякой спортивной активности. Вместе с Олимпиадой 2014 года, Чемпионатом мира по футболу 2018 года и гонками «Формулы-1» российское правительство в течение одного года завоевало три трофея в современной охоте за превосходством в мировом спорте. Однако к началу этих мега-событий предстоит вернуть медийному спорту зрителей и потребителей, поскольку он также пользуется лишь ограниченной популярностью³. От *homo sovieticus sportivus* вряд ли осталось еще что-то, кроме ностальгических воспоминаний. Его воспитание в качестве варианта современного спортсмена осталось незавершенным экспериментом, как и попытка превратить «пролетарский спорт» в эксклюзивную модель в мировом масштабе⁴.

221

Библиография

Вайль П., Генис А. (2001) *60-е. Мир советского человека*, М.: НЛО, 2001.

Григорьева Н. (2008) Запрос на игру: Homo ludens 1930-1940-х годов как предвосхищение общества развлечений 1960-х годов. Тюпа В.И., Федунина О.В. (сост.) *Социокультурный феномен шестидесятых*, М.: РГГУ.

Деметер Г. (2005) *Очерки по истории отечественной физкультуры и олимпийского движения*, М.: Советский спорт.

1 Ср. в целом применительно к этому аспекту: [Oberender, 2008].

2 Образцовым в этом отношении является исследование, которое преимущественно посвящено американскому примеру: [Ball, Loy, 1975].

3 См. статистический материал в публикации [Дубин, 2004].

4 В качестве примера проблематичности идеологического, но также и предметного различия между «нейтральным», т. е. классово не привязанным спортом, и капиталистическим, социалистическим или рабочим спортом см. [Wagner, 1931].

- Дубин Б.В. (2004) Спорт в современных обстоятельствах: пример России. *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2(70): 70-80.
- Малышева С.Ю. (2005) *Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)*, Казань: Рутен.
- Махоуни М. (2010) *Спорт в СССР. Физическая культура — визуальная культура*, М.: Новое литературное обозрение.
- Прозументчиков М.Ю. (2004) *Большой спорт и большая политика*, М.: РОССПЭН.
- Смирнов Г.Л. (1981) *Советский человек: формирование социалистического типа личности*, М.
- Столяров В.И., Кравчик З. (сост.) (1979) *Спорт и образ жизни: Сборник статей*, М.: Физкультура и спорт.
- Хмельницкая И.Б. (2011) *Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва*, М.: Новый хронограф.
- Ball D.W., Loy J.W. (eds) (1975) *Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport*. Massachusetts, London.
- Beissinger M. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, Cambridge: Harvard University Press.
- Bernstein F.L., Burton C., Healey D. (eds) (2010) *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- 222 Beyrau D. (2005) Das sowjetische Modell — ÜberFiktionenzu den Realitäten. Peter Hübner, Christoph Kleßmann, Klaus Tenfelde (Hg.). *Arbeiter im Staatssozialismus. Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit*, Köln; Weimar; Wien: Böhlau: 47-70.
- Borenstein E. (2000) *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917-1929*, Durham, London: Duke University Press: 125-161.
- Braun J., Wiese R. (Hg.) (2007) *Sport und Diktatur. Zurpolitischen und sozialen Rolle des Sports in den deutschen Diktaturen des 20. Jahrhunderts*, Köln.
- Cavanaugh C.M. (2001) *Backwardness and Biology. Medicine and Power in Russia and Soviet Central Asia, 1868-1934*. (Diss.), New York.
- Doering-Manteuffel A. (2008) Ordnungjenseits der politischen Systemeim 20. Jahrhundert. *Geschichte und Gesellschaft*, 34: 398-406.
- Edelman R. (2009) *Spartak Moscow. The people's team in the workers' state*, Ithaca: Cornell University Press.
- Esposito F. (2011) *Mythische Moderne. Aviatik, Faschismus und die Sehnsucht nach Ordnung in Deutschland und Italien*, München: Oldenbourg Verlag.
- Falasca-Zamponi S. (1997) *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*, Berkeley: University of California Press.
- Gaßner H., Gillen E. (1994) Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsdiologie im ästhetischen Schein. Hubertus Gaßner, Irmgard Schleier, Karin Stengel (Hg.). *Agitation zum Glück*, Bremen: 27-59.
- Gestwa K. (2010) *Die Stalinschen Grossbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948-1967*, München: Oldenbourg.

- Goscillo H., Lanoux A. (eds.) (2006) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Gournot A. (1998) Between Revolutionary Demands and Diplomatic Necessity: The Uneasy Relationship between Soviet Sport and Worker and Bourgeois Sport in Europe from 1920 to 1937. P. Arnaud, J. Riordan (eds). *Sport and International Politics: The Impact of Fascism and Communism on Sport*, London: Routledge: 184-209.
- Gournot A. (2002) *Die Rote Sportinternationale 1921-1937. Kommunistische Massenpolitik im europäischen Arbeitersport*, Münster: LIT Verlag.
- Graham L.R. (1998) *What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?* Stanford: Stanford University Press.
- Hargreaves J. (1987) *The Body, sport and power relations. Sport, Leisure and Social Relations*, London; New York: Routledge & Kegan Paul.
- Horne J. (2006) *Sports Mega-Events. Social Scientific Analyses of a Global Phenomenon*, Malden: Blackwell.
- Ivanov K. (2002) Science after Stalin. Forging a New Image of Soviet Science. *Science in Context*, 15 (2): 317-338.
- Jacob S. (2000) *Sport im 20. Jahrhundert: Werden, Wirklichkeit, Würdigung geinnesozio kulturellen Phänomens*, Marburg an der Lahn: Tectum Verlag.
- Katzer N. (2008) Am Rande der Vollkommenheit: Aspekte einer Geschichte sowjetischer Körperoptimierung. Klaus Latzel, Lutz Niethammer (Hg.). *Hormone und Hochleistung: Doping in Ost und West*, Köln: Böhlau: 205-230.
- Kendall E.B. (1981) The American Connection. Ideology and the Transfer of American Technology to the Soviet Union. *Comparative Studies in Society and History*, 23: 421-488.
- Keys B.J. (2006) *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*, Cambridge: Harvard University Press.
- Kojevnikov A.B. (2004) *Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists*, London: Imperial College Press.
- Krüger A., Riordan J. (eds) (1996) *The Story of Worker Sport*, Champaign: Human Kinetics.
- Krüger M. (1996) *Körperkultur und Nationsbildung: Die Geschichte des Turnens in der Reichsgründungsära — eine Detailstudie über die Deutschen*, Schorndorf: Hofmann Verlag.
- Livers K.A. (2001) The Soccer Match as Stalinist ritual: Constructing the Body Social in Lev Kassil's *The Goalkeeper of the Republic*. *The Russian Review*, 60: 592-613.
- Lotman Ju.M. (2010) *Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S. (Hg.) (2007) *Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. Und 20. Jahrhundert*, Osnabrück: fibre.
- Mangan J.A. (1999) *Shaping the Superman. Fascist Body as Political Icon*, London: Routledge.
- Mangan J.A. (ed.) (2000) *Superman supreme. Fascist Body as Political Icon — Global Fascism*, London: Frank Cass.

- McReynolds L. (2003) *Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Ithaca: Cornell University Press.
- Mendelsohn E. (1997) Science, Scientists, and the Military. John Krige, Dominique Pestre (eds): *Science in the Twentieth Century*, Amsterdam: 175-202.
- Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26: 469-483.
- Mertin E. (2003) *Sowjetisch-deutsche Sportbeziehungen im "Kalten Krieg"*, SanktAugustin: Academia Richarz Verlag.
- Michaels P.A. (2003) *Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin' Central Asia*, Pittsburg: University of Pittsburgh Press.
- Mickiewicz E. (1988) *Split Signals. Television and Politics in the Soviet Union*, New York: Oxford University Press.
- O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture*, London: Reaktion Books.
- Oberender A. (2008) Die Partei der Patrone und Klienten. Formen personaler Herrschaft unter Leonid Brežnev. Anette Schumann (Hg.) *Vernetzte Improvisationen. Gesellschaftliche Subsysteme in Ostmitteleuropa und in der DDR*, Köln: Böhlau: 57-76.
- Peppard V., Riordan J. (1993) *Playing Politics. Soviet Sport Diplomacy to 1992*, Greenwich: JAI Press.
- Petrone K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington: Indiana University Press.
- Preuß H. (2004) *The Economics of Staging the Olympics. A Comparison of the Games 1972-2008*, Cheltenham: Elgar E.
- Priestland D. (2007) *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power, and terror in Interwar Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Pronger B. (2002) *Body fascism. Salvation in the Technology of Physical Fitness*, Toronto: University of Toronto Press.
- Raphael L. (1996) Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts. *Geschichte und Gesellschaft*, 22: 165-193.
- Reid S.E., Crowley D. (eds) (2000) *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*, Oxford, New York: Berg Publishers.
- Riordan J. (1976) *Sport and the Military (With Special Reference to the USSR)*, Bradford.
- Rittersporn G., Rolf M., Behrends J.C. (Hg.) (2003) *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*, Frankfurt am Main, New York: Peter Lang.
- Rolf M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*, Hamburg: Hamburger Edition, HIS Verlag.
- Roth-Ey K. (2007) Finding a Home for Television in the USSR, 1950-1970. *Slavic Review*, 66: 278-306.
- Roubal P. (2005) "Today the Masses Will Speak". Mass Gymnastic Displays as Visual Representation of the Communist State. Arnold Bartetzky (Hg.). *Neue Staaten — neue*

- Bilder? Visuelle Kultur im Dienststaatlicher Selbstdarstellung in Zentral- und Osteuropaseit 1918, Köln: Böhlau Verlag: 323-336.
- Rowe D. (1995) *Popular Cultures. Rock Music, Sport and the Politics of Pleasure*, London: Sage Publications: 122-143.
- Rowley A. (2006) Sport in the Service of the State. Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917-1941. *The International Journal of the History of Sport*, 23: 1314-1340.
- Ruffini M., Sivulka J. (2005) *Die historische Entwicklung der Sokolbewegung in Böhmen und Mähren im 19 und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Bezug auf das Deutsche Turnen*. (Philos Diss.), Bremen.
- Rütting T. (2002) *Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland*, München: Oldenbourg Verlag.
- Sanborn J.A. (2003) *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press: 137-139.
- Schattenberg S. (2004) Stalinismus in den Köpfen. Ingenieure konstruieren ihre Welt. *Geschichte und Gesellschaft*, 30: 94-117.
- Schiller K., Young C. (2010) *The 1972 Munich Olympics and the Making of Modern Germany*, Berkeley: University of California Press.
- Siegelbaum L.H. (ed.) (2006) *Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia*, New York: Palgrave Macmillan.
- Starks T. (2008) *The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Stites R. (1989) *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press: 145-164.
- Tagsold C. (2002) *Die Inszenierung der kulturellen Identität in Japan. Das Beispiel der Olympischen Spiele in Tokio*, München: Iudicium-Verlag.
- Tatur M. (1979) *Wissenschaftliche Arbeitsorganisation. Arbeitswissenschaften und Arbeitsorganisation in der Sowjetunion 1921-1935*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
- Etzemüller Th. (Hg.) (2009) *Die Ordnung der Moderne. Social Engineering im 20. Jahrhundert*, Bielefeld: transcript.
- Tomlinson A., Young C., Holt B. (eds.) (2011) *Sport and the Transformation of Modern Europe. States, Media and Markets 1950-2010*, London; New York: Routledge.
- Vaingurt J. (2008) Poetry of Labor and Labor of Poetry: The Universal Language of Alexei Gastev' Biomechanics. *The Russian Revue*, 67: 209-229.
- Volkov V. (2000) The Concept of kul'turost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. Sheila Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions*, London: Routledge: 210-230.
- Wagg S., Andrews D.L. (eds.) (2007) *East Plays west: Sport and the Cold War*, London: Routledge.
- Wagner H. (1931) *Sport und Arbeitersport*, Berlin: Büchergilde Gutenberg.
- Washburn J.N. (1955/1956) Sport as a Soviet Tool. *Foreign Affairs*, 34, (1/4): 490-499.
- Wilkinson Johnson M. (2008) *Training Socialist Citizens. Sports and the State in the State in East Germany*, Leiden, Boston: Brill: 59-64.

Zeller M. (2010) *The Second Stalingrad: Soccer Fandom, Popular Memory and the Legacy of the Stalinist Past*. N. Katzer, S. Budy, A. Köhring, M. Zeller (eds). *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*, Frankfurt; New York: Campus: 201-224.

References

- Ball D.W., Loy J.W. (eds.) (1975) *Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport*, Massachusetts, London.
- Beissinger M. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*, Cambridge: Harvard University Press.
- Bernstein F.L., Burton C., Healey D. (eds) (2010) *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Beyrau D. (2005) *Das sowjetische Modell — ÜberFiktionen zu den Realitäten*. Peter Hübner, Christoph Kleßmann, Klaus Tenfelde (Hg.). *Arbeiter im Staatssozialismus. Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit*, Köln; Weimar; Wien: Böhlau: 47-70.
- Borenstein E. (2000) *Men without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917-1929*, Durham, London: Duke University Press: 125-161.
- 226 Braun J., Wiese R. (Hg.) (2007) *Sport und Diktatur. Zurpolitischen und sozialen Rolle des Sports in den deutschen Diktaturen des 20. Jahrhunderts*, Köln.
- Cavanaugh C.M. (2001) *Backwardness and Biology. Medicine and Power in Russia and Soviet Central Asia, 1868-1934*. (Diss.), New York.
- Demeter G. (2005) *Ocherki po istorii otechestvennoj fizkul'tury i olimpijskogo dvizheniya [Essays on the history of national physical culture and the Olympic society]*, M.: Sovetskij sport.
- Doering-Manteuffel A. (2008) Ordnung jenseits der politischen Systeme im 20. Jahrhundert. *Geschichte und Gesellschaft*, 34: 398-406.
- Dubin B.V. (2004) Sport v sovremennyh obstoyatel'stvah: primer Rossii [Sport in modern circumstances: the example of Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii [Public Opinion Bulletin: Data. Analysis. Discussions]*. 2(70): 70-80.
- Edelman R. (2009) *Spartak Moscow. The people's team in the workers' state*, Ithaca: Cornell University Press.
- Esposito F. (2011) *Mythische Moderne. Aviatik, Faschismus und die Sehnsucht nach Ordnung in Deutschland und Italien*, München: Oldenbourg Verlag.
- Etzemüller Th. (Hg.) (2009) *Die Ordnung der Moderne. Social Engineering im 20. Jahrhundert*, Bielefeld: transcript.
- Falasca-Zamponi S. (1997) *Fascist Spectacle. The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*, Berkeley: University of California Press.
- Gaßner H., Gillen E. (1994) Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungs-ideologie im ästhetischen Schein. Hubertus Gaßner, Irmgard Schleier, Karin Stengel (Hg.). *Agitation zum Glück*, Bremen: 27-59.
- Gestwa K. (2010) *Die Stalinschen Grossbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948-1967*, München: Oldenbourg.

- Goscillo H., Lanoux A. (eds.) (2006) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Gournot A. (1998) Between Revolutionary Demands and Diplomatic Necessity: The Uneasy Relationship between Soviet Sport and Worker and Bourgeois Sport in Europe from 1920 to 1937. P. Arnaud, J. Riordan (eds). *Sport and International Politics: The Impact of Fascism and Communism on Sport*, London: Routledge: 184-209.
- Gournot A. (2002) *Die Rote Sportinternationale 1921-1937. Kommunistische Massenpolitik im europäischen Arbeitersport*, Münster: LIT Verlag.
- Graham L.R. (1998) *What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?* Stanford: Stanford University Press.
- Grigor'eva N. (2008) Zapros na igru: Homo ludens 1930-1940-h godov kak predvoskhishchenie obshchestva razvlechenij 1960-h godov [Request for the game: Homo ludens 1930-1940-th as an anticipation of the entertainment society of the 1960s]. Tyupa V.I., Fedunina O.V. (sost.) *Sociokul'turnyj fenomen shestidesyatyh [Sociocultural phenomenon of the sixties]*, M.: RGGU.
- Hargreaves J. (1987) *The Body, sport and power relations. Sport, Leisure and Social Relations*, London; New York: Routledge & Kegan Paul.
- Hmel'nickaya I.B. (2011) *Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX-veka: Peterburg i Moskva [Sports societies and leisure in the capital city of the beginning of the XX century: Petersburg and Moscow]*, M.: Novyj hronograf.
- Horne J. (2006) *Sports Mega-Events. Social Scientific Analyses of a Global Phenomenon*, Malden: Blackwell.
- Ivanov K. (2002) Science after Stalin. Forging a New Image of Soviet Science. *Science in Context*, 15 (2): 317-338.
- Jacob S. (2000) *Sport im 20. Jahrhundert: Werden, Wirklichkeit, Würdigung geinnesozio kulturellen Phänomens*, Marburg an der Lahn: Tectum Verlag.
- Katzer N. (2008) Am Rande der Vollkommenheit: Aspekte einer Geschichte sowjetischer Körperoptimierung. Klaus Latzel, Lutz Niethammer (Hg.). *Hormone und Hochleistung: Doping in Ost und West*, Köln: Böhlau: 205-230.
- Kendall E.B. (1981) The American Connection. Ideology and the Transfer of American Technology to the Soviet Union. *Comparative Studies in Society and History*, 23: 421-488.
- Keys B.J. (2006) *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*, Cambridge: Harvard University Press.
- Kojevnikov A.B. (2004) *Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists*, London: Imperial College Press.
- Krüger A., Riordan J. (eds) (1996) *The Story of Worker Sport*, Champaign: Human Kinetics.
- Krüger M. (1996) *Körperkultur und Nationsbildung: Die Geschichte des Turnens in der Reichsgründungsära — eine Detailstudie über die Deutschen*, Schorndorf: Hofmann Verlag.
- Livers K.A. (2001) The Soccer Match as Stalinist ritual: Constructing the Body Social in Lev Kassil's The Goalkeeper of the Republic. *The Russian Review*, 60: 592-613.

- Lotman Ju.M. (2010) *Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Mahouni M. (2010) *Sport v SSSR. Fizicheskaya kul'tura — vizual'naya kul'tura [Sport in the USSR. Physical culture — visual culture]*, M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Malysheva S.YU. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: prostranstvo, simvol, istoricheskie mify (1917-1927) [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917-1927)]*, Kazan': Ruten.
- Malz A., Rohdewald S., Wiederkehr S. (Hg.) (2007) *Sport zwischen Ost und West. Beiträge zur Sportgeschichte Osteuropas im 19. Und 20. Jahrhundert*, Osnabrück: fibre.
- Mangan J.A. (1999) *Shaping the Superman. Fascist Body as Political Icon*, London: Routledge.
- Mangan J.A. (ed.) (2000) *Superman supreme. Fascist Body as Political Icon — Global Fascism*, London: Frank Cass.
- McReynolds L. (2003) *Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Ithaca: Cornell University Press.
- Mendelsohn E. (1997) Science, Scientists, and the Military. John Krige, Dominique Pestre (eds): *Science in the Twentieth Century*, Amsterdam: 175-202.
- Mertin E. (2009) Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person. *The International Journal of the History of Sport*, 26: 469-483.
- Mertin E. (2003) *Sowjetisch-deutsche Sportbeziehungen im "Kalten Krieg"*, Sankt Augustin: Academia Richarz Verlag.
- Michaels P.A. (2003) *Curative Powers. Medicine and Empire in Stalin' Central Asia*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Mickiewicz E. (1988) *Split Signals. Television and Politics in the Soviet Union*, New York: Oxford University Press.
- O'Mahony M. (2006) *Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture*, London: Reaktion Books.
- Oberender A. (2008) Die Partei der Patrone und Klienten. Formen personaler Herrschaft unter Leonid Brežnev. Anette Schumann (Hg.) *Vernetzte Improvisationen. Gesellschaftliche Subsysteme in Ostmitteleuropa und in der DDR*, Köln: Böhlau: 57-76.
- Peppard V., Riordan J. (1993) *Playing Politics. Soviet Sport Diplomacy to 1992*, Greenwich: JAI Press.
- Petrone K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington: Indiana University Press.
- Preuß H. (2004) *The Economics of Staging the Olympics. A Comparison of the Games 1972-2008*, Cheltenham: Elgar E.
- Priestland D. (2007) *Stalinism and the Politics of Mobilization. Ideas, Power, and terror in Interwar Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Pronger B. (2002) *Body fascism. Salvation in the Technology of Physical Fitness*, Toronto: University of Toronto Press.
- Prozumenshchikov M.YU. (2004) *Bol'shoj sport i bol'shaya politika [Great sport and big politics]*, M.: ROSSPEHN.

- Raphael L. (1996) Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts. *Geschichte und Gesellschaft*, 22: 165-193.
- Reid S.E., Crowley D. (eds) (2000) *Style and Socialism. Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*, Oxford, New York: Berg Publishers.
- Riordan J. (1976) *Sport and the Military (With Special Reference to the USSR)*, Bradford.
- Rittersporn G., Rolf M., Behrends J.C. (Hg.) (2003) *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen parteistaatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt am Main, New York: Peter Lang.
- Rolf M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*, Hamburg: Hamburger Edition, HIS Verlag.
- Roth-Ey K. (2007) Finding a Home for Television in the USSR, 1950–1970. *Slavic Review*, 66: 278-306.
- Roubal P. (2005) “Today the Masses Will Speak”. Mass Gymnastic Displays as Visual Representation of the Communist State. Arnold Bartetzky (Hg.). *Neue Staaten — neue Bilder? Visuelle Kultur im Dienststaatlicher Selbstdarstellung in Zentral — und Osteuropaseit 1918*, Köln: Böhlau Verlag: 323-336.
- Rowe D. (1995) *Popular Cultures. Rock Music, Sport and the Politics of Pleasure*, London: Sage Publications: 122-143.
- Rowley A. (2006) Sport in the Service of the State. Images of Physical Culture and Soviet Women, 1917–1941. *The International Journal of the History of Sport*, 23: 1314-1340.
- Ruffini M., Sivulka J. (2005) *Die historische Entwicklung der Sokolbewegung in Böhmen und Mähren im 19 und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Bezug auf das Deutsche Turnen*. (Philos Diss.), Bremen.
- Rütting T. (2002) *Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland*, München: Oldenbourg Verlag.
- Sanborn J.A. (2003) *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*, DeKalb: Northern Illinois University Press: 137-139.
- Schattenberg S. (2004) Stalinismus in den Köpfen. Ingenieure konstruieren ihre Welt. *Geschichte und Gesellschaft*, 30: 94-117.
- Schiller K., Young C. (2010) *The 1972 Munich Olympics and the Making of Modern Germany*, Berkeley: University of California Press.
- Siegelbaum L.H. (ed.) (2006) *Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia*, New York: Palgrave Macmillan.
- Smirnov G.L. (1981) *Sovetskij chelovek: formirovanie socialisticheskogo tipa lichnosti [Soviet man: the formation of a socialist type of personality]*, M.
- Starks T. (2008) *The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Stites R. (1989) *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, Oxford: Oxford University Press: 145-164.
- Stolyarov V.I., Kravchik Z. (sost.) (1979) *Sport i obraz zhizni: Sbornik statej [Sport and way of life: Collection of articles]*, M.: Fizkul'tura i sport.

Tagsold C. (2002) *Die Inszenierung der kulturellen Identität in Japan. Das Beispiel der Olympischen Spiele in Tokio*, München: Iudicium-Verlag.

Tatur M. (1979) *Wissenschaftliche Arbeitsorganisation. Arbeitswissenschaften und Arbeitsorganisation in der Sowjetunion 1921–1935*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.

Tomlinson A., Young C., Holt B. (eds.) (2011) *Sport and the Transformation of Modern Europe. States, Media and Markets 1950–2010*, London; New York: Routledge.

Vaingurt J. (2008) Poetry of Labor and Labor of Poetry: The Universal Language of Alexei Gastev' Biomechanics. *The Russian Revue*, 67: 209-229.

Vajl' P., Genis A. (2001) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka [The 60th. The world of the Soviet man]*, M.: NLO, 2001.

Volkov V. (2000) The Concept of kul'turost': Notes on the Stalinist Civilizing Process. Sheila Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions*, London: Routledge: 210-230.

Wagg S., Andrews D.L. (eds.) (2007) *East Plays west: Sport and the Cold War*, London: Routledge.

Wagner H. (1931) *Sport und Arbeitersport*, Berlin: Büchergilde Gutenberg.

Washburn J.N. (1955/1956) Sport as a Soviet Tool. *Foreign Affairs*, 34, (1/4): 490-499.

Wilkinson Johnson M. (2008) *Training Socialist Citizens. Sports and the State in the State in East Germany*, Leiden, Boston: Brill: 59-64.

230

Zeller M. (2010) The Second Stalingrad: Soccer Fandom, Popular Memory and the Legacy of the Stalinist Past. N. Katzer, S. Budy, A. Köhring, M. Zeller (eds). *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*, Frankfurt; New York: Campus: 201-224.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Катцер Н. (2018) Спорт как идеальный социальный порядок: к вопросу о советской концепции физической культуры. *Социология власти*, 30 (2): 206-230.

Katzer N. (2018) Die sportive Gesellschaft als ideale Ordnung. Zum sowjetischen Konzept der Körperkultur. *Sociology of Power*, 30 (2): 206-230.

Поступил в редакцию: 07.06.2018; принят в печать: 12.06.2018

Рецензии

АЛЕКСЕЙ С. ТИТКОВ

МВШСЭН, Москва, Россия

Петушинные бои на «Энфилде»: Анатомия ритуала познания

Рецензия на книгу: Кричли С. (2018)

**О чем мы думаем, когда
думаем о футболе, М.: КоЛибри;
Азбука-Аттикус**

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-231-246

231

«**О** чем мы думаем, когда думаем о футболе?» — по заглавному вопросу можно догадаться, что ответом будет: «гораздо больше, чем о футболе», обо всем на свете. Ответ, что футбол, возможно, «дает нам привилегированный доступ к постоянному пониманию того, что значит быть человеком в этом мире» [с. 33], в этом смысле ничем не удивляет. К счастью, ключевой вопрос книги можно переформулировать на менее очевидный: «как мы думаем с помощью футбола».

Титков Алексей Сергеевич — социолог (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), научный сотрудник Центра изучения фольклора и антропологии города Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент философско-социологического факультета РАНХиГС. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Alexey S. Titkov — sociologist (The Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010), candidate of science in human geography (Institute of Geogtaphy, Russian Academy of Sciences, 2008). Research fellow at the Centre for Folklore and Urban Anthropology Studies, The Moscow School of Social and Economic Sciences. Associate professor, Faculty of Philosophy and Sociology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Текст подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Acknowledgments: This paper was financially supported by the Russian Scientific Foundation (RNF), grant # 16-18-00068 “Mythology and ritual behavior in contemporary Russian city”.

Саймон Кричли, английский философ из нью-йоркской New School for Social Research — и, как мы узнаем из книги, болельщик «Ливерпуля» — знаком русскому читателю не сколько своими строго академическими работами, посвященными Деррида, Хайдеггеру и Левинасу, сколько популярными книгами для широкой публики. В прошлом году по-русски вышли «Книга мертвых философов» (оригинальное издание в 2008 г.) и «Боуи» (2014 г.). Теперь к ним добавилась написанная в том же популярном жанре книга о футболе (2017 г.). Читатель, к которому обращается Кричли, свободно ориентируется в том, кто такие Зидан и Билл Шенкли, но нуждается в вводных пояснениях когда речь заходит о феноменологии, герменевтике, Мишеле Серре, «Рождении трагедии» Ницше или «летучей мыши» Нагеля.

Другими словами, это вдумчивый квалифицированный болельщик (главный герой всего текста) без специального философского образования. Насколько популярным получился текст, можно спорить. Британский ежемесячник «When Saturday Comes», ориентированный на тех же «умных футбольных болельщиков», в рецензии на книгу Кричли без всякого удовольствия замечает, что заумные слова наподобие «парресии», «мимесиса» и «коммодификации» появляются в тексте слишком часто, заставляя читателя в самые трудные моменты тянуться к парацетамолу от головной боли. Так это или нет, — пожалуй, все-таки не так, — для нас не главное по сравнению с вопросом, чем сочинение Кричли может быть полезно специалистам по социальным наукам.

232

Интерес к этой небольшой глянцевої книжке станет более понятным, если поместить ее в ряд с текстами хорошо знакомыми, но тоже подходящими, хотя бы формально, под категорию «книжных новинок». Первый из них — «Глубокая игра» Гирца, переизданная в карманной «хипстерской» серии музея «Гараж», другой — подготовленные сразу двумя издательствами («Дело» и «Элементарные формы») легендарные «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейма. Сквозной сюжет всех трех книг один — игры и ритуалы, которые делают возможным человеческое познание. Сюжет с играми или ритуалами познания для социологии, возможно, не магистральный, но по крайней мере заслуженный, с хорошей родословной. В поколении классиков похожую тему разрабатывал, кроме Дюркгейма, еще и Зиммель в известном эссе «Общение» (Geselllichkeit) из его поздних «Основных вопросов социологии». Кричли не социолог и лишь в редких эпизодах соприкасается с привычной нам социологией спорта, но и феноменологическая традиция, на которую он опирается, для нас тоже не чужая.

Болельщики и другие

Основное содержание текста Кричли можно определить как феноменологию переживания футбольного болельщика. «Я страстно влюб-

лен в футбол (...), я предпринимаю попытку описать эту страсть с помощью единственных доступных мне средств: философских концепций и текстов» [с. 33-34] — определяет свой замысел автор.

Феноменология здесь имеется в виду прежде всего в общем философском смысле как направление, которое, по определению автора, старается «максимально приблизиться к структуре, текстуре и экзистенциальной матрице опыта в том виде, в котором он был получен» [с. 33-34]. Отношения между опытом футбольного болельщика и навыками континентального философа в книге, если приглядеться внимательно, двухсторонние. Сочинения Сартра, Мерло-Понти, Гадамера, Хайдеггера, Ницше, Серра, Хабермаса, конечно, подсказывают Кричли подходящие слова и теоретические аргументы, — но в некоторых важных моментах, наоборот, опыт футбольного фаната заставляет автора оспаривать своих великих предшественников.

Футбольный опыт, к примеру, заставляет Кричли «категорически не согласиться» с предлагаемой Гадамером, вслед за многими другими, интерпретацией аристотелевского катарсиса как «очищения», и таким же традиционным пониманием катарсиса в связи с нравственным воспитанием. Вполне вероятно, говорит Кричли-болельщик, что «катарсис мог быть таким же простым явлением, как перепады настроения, как всплеск эмоций через драматическое действие, после которых мы не чувствуем ничего особенного, а возвращаемся к нашей повседневной жизни» [с. 96]. Приравнивая футбольных фанатов к зрителям античной трагедии, Кричли не только помещает футбольное боление в привычную для европейской философии схему описания, но и, наоборот, через опыт футбольного боления заново осмысляет классическую тему трагедии.

Определение «феноменология футбольного болельщика» справедливо еще и в том отношении, что опыт боления, собственный авторский и читательский, действительно становится самым важным источником как для аргументации Кричли, так, наверное, и для оценки ее убедительности при чтении. Узнавание, радостное или удивленное, в наблюдениях Кричли фрагментов собственного опыта — один из возможных «побочных эффектов» чтения книги. Вспомнить, как в детстве во время игры громко комментировал свои действия и действия партнеров в стиле «взрослого» футбольного репортажа [с. 130], заново пережить чувство «слишком реального, гиперреального» [с. 63-64] футбольного поля на заполненном большом стадионе, особенно когда попадаешь на него в первый раз. Такого рода моменты, если они встречаются, составляют, наверное, существенную часть убедительности — не научной, более личной — аргументов автора.

Книга Кричли не только о болельщиках, игроки и тренеры тоже стали частью его «поэтики футбола», но разница между первыми и последними заметна. Опыт болельщика понимается Кричли как знакомый, непосредственно доступный в равной мере и ему, и читателям. Опыт игрока и тренера анализируется уже опосредованно с помощью фильмов, книг, медийных интервью. Феноменология футбольного боления получилась по-настоящему развернутой, хорошо аргументированной. Сюжеты, посвященные игрокам и тренерам, намного более сжатые, причем «тренерская» часть, по правде говоря, еще и малоинтересная. Тренер берет на себя роль хранителя футбольных традиций, блюстителя моральных правил, много работает, внушает игрокам уважение или страх [с. 138-140], тренер придает команде форму и стиль [с. 172] — такого рода наблюдения мало что добавляют к нашему обыденному знанию о футбольных тренерах, какими они должны быть. Обширные очерки, отведенные Зидану-тренеру и Юргену Клоппу, посвящены в большей мере переживанию времени, общему для игроков, фанатов и всех включенных в игру, чем хоть чему-то специфически тренерскому.

234

Хуже всего с футбольными судьями — понять их переживания Кричли даже не пробует. «Каково быть футбольным мячом», по аналогии с «Что значит быть летучей мышью» Нагеля, автор еще пытается выяснить [с. 69-70]. Каково быть футбольным судьей (наверное, совсем экзотический опыт) — об этом вообще ни слова.

В целом Кричли оставляет мало сомнений в том, что вынесенные в название книги «мы, которые думают о футболе», — это прежде всего футбольные болельщики на стадионах. Важно подчеркнуть, что Кричли интересуют не болельщики сами по себе, а болельщики, включенные в игру, болельщики как часть игры. Именно игра, как будет видно далее, выступает главным героем книги. «Мы» и «наши мысли» (и болельщиков, и игроков) — в конечном счете производные от игры в ее сущностном выражении.

Кричли в своей двойной роли философа и болельщика разрывается, кроме того, между двумя полярными позициями — зрителя, влюбленного в игру, и социального критика. Социализм и капитализм, утопизм и цинизм, восторг и ужас — полярностями футбола книга начинается (глава «Социализм»), ими же она заканчивается (глава «Отвращение»). В качестве критика Кричли замечает в футболе автократию и коррупцию, «грязные» деньги, связь футбола с насилием, расизмом, колониализмом, агрессивным национализмом, патриархальностью, патернализмом, культом «крутых парней» (laddism). Отвращение, которое автор испытывает к «тошнотворным и ужасающим» сторонам футбола, включает в себя и «отвращение к себе за то, что мы очарованы и захвачены

этим зрелищем» [с. 176]. Критика темных сторон футбола и поэтика, способная показать мощь и красоту игры [с. 27-30] — такковы главные полюса, определяющие направление мысли Кричли. Ответов, как обходиться с этими противоречиями, в книге сразу три: их можно назвать экзистенциальным, содержательным и композиционным.

Экзистенциальный ответ — никак. Противоречие надо принять как неразрешимую «гноющуюся рану» и страдать, испытывая сразу восторг и отвращение [с. 175-176]. Содержательный ответ, заявленный практически сразу, но так и не раскрытый с достаточной полнотой, состоит в том, чтобы различать форму футбола и его содержание (материю). Оптимальная форма футбола — социализм коллективной игры, сотрудничество игроков и общительность болельщиков. Материальный субстрат — капитализм с его часто сомнительными деньгами, предпринимательской логикой прибыли, «тотальной монетизацией», превращением всего в товар (коммодификацией), конкуренцией, цинизмом [с. 22-25, 175-176].

В противопоставлении социализма как формы и капитализма как содержания симпатии Кричли явно на стороне первой. Более общий вопрос, всегда ли для него форма связана с «красотой», а содержание с «ужасом», уже не так очевиден. Некоторые пассажи текста подсказывают ответ «да, обязательно». Кричли прямо говорит, что поэтика футбола, воспевающая его красоту, «более сфокусирована на форме», чем критика, обращенная скорее к материальному субстрату [с. 29]. Пиковые «моменты величия» в игре, наполненные страстью и восторгом, характеризуются «вспышкой формы игры над ее материей» [с. 183]. В других случаях предлагаемая Кричли критика футбола заставляют думать, что существенная часть «отвратительного» обнаруживается уже в формальном устройстве игры. «Структура игры с неизменным тренером в роли отца» подпитывает патриархат, патернализм и авторитаризм, футбольная «драма идентичности» оборачивается крайним национализмом, футбол с его правилами является «узаконенной кодификацией насилия... которое беспрестанно угрожает перелиться в насилие фактическое» [с. 177-178]. Такие случаи лучше описываются предлагаемой в книге формулой «красота не что иное, как начало ужаса» [с. 182]. В итоге мы можем уверенно сказать лишь о том, что оппозиции «форма — содержание» и «красота — ужас» обе важны для аргументации Кричли, но отношения между ними определены недостаточно ясно.

Наконец, последнее решение, чисто практическое и в лучшем случае временное, состоит в том, чтобы развести «критику» и «поэтику» по разным главам и посвятить основную часть книги «поэтике футбола» и его красоте, оставив за скобками критику и ужасы.

Драма и ее зрители

Феноменология футбола, которую предлагает Кричли, построена в большой степени на двух главных теоретических опорах — Гадамере («Истина и метод») и Хайдеггере («Время и бытие»). В первом приближении можно сказать, что Гадамер помогает описать устройство футбольной игры, структуру ритуала и его механику, тогда как Хайдеггер раскрывает переживание футбольной игры во времени.

Разработанная Гадамером [1988, с. 147-156] концепция игры и спектакля дает Кричли следующие ключевые положения его собственной модели:

- заявленные Гадамером «освобождение понятия игры от субъективного значения» и «примат игры в отношении сознания играющего» [Там же, с. 147-150] становятся для Кричли исходным пунктом: «ключом и отправной точкой здесь является сама игра, а не играющий в ней субъект», игра «не является вопросом индивидуального сознания» игрока, занимающего «объективное игровое поле» и язык отношений «субъект — объект» здесь не подходит [с. 53-54];
- понимание игры как особого типа движения, которое обновляется в бесконечных повторениях [Гадамер, 1988, с. 149], превращается у Кричли в два ключевых для него тезиса: игра «существует только когда она разыгрывается» [с. 82], причем существует в бесчисленных повторениях: «сущность футбола заключается в повторении: этой игре, в предыдущей и следующей» [с. 71-73]. Понимание футбола как бесконечной серии, в которой «ни одна из игр не является менее оригинальной, чем другие», приводит Кричли к демонстративному безразличию к истории и генеалогии футбола: «Футбол не связан пуповиной со своим первоисточником» [с. 72-73]¹;
- тезис Гадамера о спектакле как особом типе игры, в котором она превращается в представление для зрителя и соответственно обязанность мыслить игру и «осуществлять то, чем

236

1 Под занавес книги Кричли все-таки оставляет позицию вне истории, вступая в полемику с поздней работой Элиаса [Elias, Dunning, 1986], в которой появление футбола в Англии вписывается в знаменитую концепцию «процесса цивилизации». Элиас описывает переход от прямого насилия в гражданской войне XVII века к парламентской борьбе партий и затем как следующий шаг умиротворения, к кодификации спортивных правил современного типа. Видимую непоследовательность Кричли в этом пункте можно, впрочем, объяснить тем, что историческая связь между футбольными правилами и социальным насилием в его схеме интересна с точки зрения критики футбола, тогда как идея серии без начала и конца важнее для поэтики футбола, сосредоточенной на красоте его формы.

является игра» ложится на зрителей не в меньшей степени, чем на игроков [Гадамер, 1988, с. 154-155], позволяет Кричли развернуть его собственную феноменологию футбольного боления.

Итак, мир футбольной игры разделен для Кричли на две части: поле и трибуны, игроки и зрители. Определяя происходящее на поле, Кричли обращается к французской традиции: Сартр, Серр и Латур, Мерло-Понти.

Сартр («Критика диалектического разума») нужен для того, чтобы подчеркнуть командный характер футбола. Фрагмент Сартра, в котором он определяет организованную группу, сравнивая ее с футбольной командой [Sartre, 2004, p. 540], Кричли разворачивает в обратную сторону, описывая футбольную команду как сартровскую группу. Деятельность группы и индивидуальные действия игроков диалектически связаны друг с другом. Праксис игрока подчинен команде, существование игроков возможно лишь в команде, команда своей организацией позволяет игроку совершенствоваться, погружая его в организационную структуру [с. 19-20] — такого рода сартровские тезисы помогают Кричли обосновать его собственную идею о социализме как оптимальной политической форме футбола.

237

В итоге Кричли сводит «социализм» футбола к марксовской идее «свободной ассоциации людей» [с. 23], имея в виду, как можно догадаться, известную формулу из «Манифеста коммунистической партии»: «ассоциация, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Кричли здесь отсылает почему-то к первому тому «Капитала» — похоже на издержки цитирования по памяти). Доказывая «социальность» футбола, его способность побуждать людей общаться и сотрудничать, Кричли обращается также к историческому обозначению *association football* (отсюда сокращенное *soccer*) — получается, по его мысли, что «коммуникабельность как объединение» проникла даже в название игры¹.

Другие заимствования ближе к идее Гадамера об «освобождении игры от субъективности». Ранний Мерло-Понти («Структура поведения») и развивающий его идеи Стивен Коннор [Connor, 2011] акцентируют важность пространства игры. Разметка поля уже предусматривает определенные способы действия игроков, создает «направления силы», телесные интенции игроков, отправные точ-

1 Объяснение Кричли не совсем корректное: название «association football» означало не «ассоциацию игроков на поле», а «футбол по правилам Ассоциации футбола» в отличие от регби — «Rugby football», «футбол по правилам школы Регби» [Рум и др., 1978].

ки и ориентиры для игры [с. 43-45]. Поле игры, по Коннору и Кричли, поэтому никогда не бывает «просто объектом».

Гадамеровский уход от логики «субъект — объект» еще радикальнее проявляется в обращении к Серру (Parasite) и Латуру («Нового времени не было») с их идеями квазисубъектов и квазиобъектов, принадлежащих «среднему царству» (Серр) или «третьему миру» (Латур). Футбольный мяч оказывается для Кричли образцовым серровским квазиобъектом: «наполненный субъективными интенциями, зависший между одушевленным и неодушевленным» [с. 68-69]. В игре мяч «живет своей жизнью, и хороший игрок должен найти подходы к нему, наладить с ним контакт»; мяч и игрок, «похоже, обладают совместным интеллектом, базирующимся на их общей жизни» [Там же].

Показательным образом Кричли, характеризуя в разных частях книги мяч и игрока, обращается к пугающе близким метафорам: мяч чем-то похож на куклу чревоушателя, игрок — на марионетку. Кукла чувствует себя живой, когда говорит, точно так же, как мяч оживает, когда им начинают играть. Потенциал жизни и движения мы чувствуем даже в кукле, оставленной на чердаке, или в мяче, лежащем на полу или в шкафу [с. 69-70]. Марионетка из эссе фон Клейста [Клейст, 1977] проявляет свою телесную грацию из-за того, что «не имеет сознания совсем», — и, возможно, полагает Кричли, та же интуиция подходит к грации футболиста на поле [с. 132].

238

Разделение игры на игроков и зрителей Кричли описывает двумя разными способами, восходящими соответственно к Гадамеру («теория — практика») и Ницше («прекрасное — возвышенное»). Знаменитую ницшеанскую оппозицию аполлонического и дионисийского, прекрасного и возвышенного, Кричли переносит на отношения команды игроков и зрителей. Действия игроков представляют образ красоты, аполлоническое совершенство телесной формы. Коллективное пение фанатов, опьяняющий шум большой толпы создают матрицу возвышенного, из которого возникает игра, и «вот почему игра при пустых трибунах... это такая мерзость» [с. 83-86]. Взаимодействие между возвышенной музыкой и красивым образом, между фанатами и командой оказываются в этом отношении ключевым фактором для футбола [с. 87].

В отличие от ницшеанского различения гадамеровское подчеркивает не взаимную связь действий игроков и зрителей, а, наоборот, дистанцию между ними и неравнозначность их участия. Футбольные болельщики, как и зрители античного театра, — такие же теоросы, теоретики в изначальном греческом смысле. Зрители участвуют в игре посредством непрерывных актов внимания. Участие зрителя требует внимания на расстоянии, на «абсолютной дистанции» (Гадамер) между ним игроком, и требует от него самозабвения: мы

не следим за собой, мы смотрим на представление и лишь иногда осознаем себя смотрящими [с. 91-92].

Позиция зрителя в логике Гадамера и Кричли задает ему роль даже более важную, чем роль игрока. Спектакль разыгрывается для зрителя, футбол «не для игроков, а для нас, фанатов» [с. 93]. Быть игроком значит быть, говоря гегелевской терминологией, не «в себе», а «для нас», быть опосредованным через зрителей [с. 107]. Сущность игры, реализуемая в бесчисленных повторениях, должна быть узнанной со стороны зрителей: «Проходя мимо бара, мы узнаем: О, там матч!» [с. 71-72].

Ключевая роль зрителя становится возможной именно из-за его дистанции от происходящего: «игроки играют, но только фанаты видят всю картину» [с. 108]. Игроки «сливаются с игрой в одно целое», тогда как зрители на расстоянии «знают, как идет игра, и они знают, как, вероятно, она закончится» [с. 109-111]. Роль зрителя, продолжает Кричли античные аналогии, в чем-то подобна роли богов в греческой трагедии: наблюдать за действием, смотреть, как оно разыгрывается, и предвидеть все разыгрываемое [с. 111].

Положение «зрителя, видящего игру», определяет для Кричли еще одну ключевую характеристику футбольного фаната: его интеллект, сочетаемый парадоксальным образом с опьяняющим и заворуженным состоянием включенного и участвующего зрителя. Кричли сопоставляет футбольную толпу на стадионе с умной, компетентной и критически мыслящей публикой «эпического театра» Брехта [с. 112-113]. Стоит все-таки уточнить, что значительная часть интеллекта и компетентности футбольных фанатов, которой восхищается Кричли, проявляется, судя по его аргументам, не столько во время матча непосредственно, сколько в последующих, после игры, разговорах о ней.

Время и судьба

Критически важный для социальных наук сюжет о том, как соотносится игра или ритуал с «большим» миром за его пределами, Кричли разбирает менее подробно, но все-таки намечает оба значимых для этой темы направления: как игра отграничена от мира и как она с ним все-таки связана.

Из наших классиков мы помним, что, по Дюркгейму, сакральность ритуала определяется его отделением от повседневности и особой интенсивностью эмоций, но именно в этом отделенном от обычной жизни пространстве становится наглядно видимым и вообще чувственно переживаемым общество, в котором мы живем. По Зиммелю, игровые или чистые формы социального взаимодействия оторваны от прямого практического интереса, но при

этом связаны с «глубиной и целостностью подлинной реальности», из-за чего наблюдение игровых форм, участие в них, позволяет нам пережить наши глубинные жизненные проблемы [Зиммель, 1996].

В версии Кричли неповседневность футбола, его сакральное измерение определяется, слегка провокационно, через его «глупость». Глупость футбольного опыта связывается им не только с «потерей контакта с повседневным миром целей (*die Welt der Zwecke*)», когда во время игры мы переносимся в «другой мир, предельно тупой мир» [с. 101], но и с готовностью верить в сказки и утопии [с. 104]; с одержимостью бессмысленными, казалось бы, деталями, такими как цвет формы или статистика игры [с. 98-100]; с характерной для Глупости из «Похвалы» Эразма готовностью «выпаливать все, что взбредет в голову», как это делают футбольные болельщики со свойственной им парресией, свободой прямого, часто непристойного, высказывания [с. 100]. Глупость и притягательность — «в нашем добровольном подчинении чему-то бестолковому. Не говоря уже о том, какое невероятное количество времени все это отнимает» [с. 98].

240

Непрактичная увлеченность, над которой готовы посмеиваться даже сами футбольные болельщики, составляет, как мы помним, одну из ключевых характеристик «глубокой игры» Гирца, которую он обнаруживает в балийских петушинных боях; именно такой оттенком предосудительной неразумности Гирц заимствует у Бентама, первым предложившего этот термин [Гирц, 2017, с. 38-39]. Для Гирца, однако, не менее важна другая характеристика «глубокой игры», ее способность символически выражать ключевые ценности социальной жизни.

Глубинные значения, выражаемые в футбольные игре, для Кричли прежде всего соотносятся с «театром идентичности», семейной, городской или национальной [с. 76-77]. Такого рода связь между участием в ритуале (игре) и принадлежностью к семье, клану, деревне, другой общностью сама по себе кажется общим местом социологической и антропологической литературы, тех же Дюркгейма и Гирца. В аргументации Кричли интереснее другое: каким образом эта связь познается и переживается. Здесь ключевое значение приобретает понятие судьбы, к которому Кричли обращается с завидным постоянством. Футбол — это сцена, где иногда «воплощаются скрытые процессы судьбы, особенно национальной». Игроки и фанаты разыгрывают свою драму «под надзором сил судьбы» [с. 76-77]. В футболе «на несколько мгновений... ничто не мешает нам столкнуться... с непредсказуемой судьбой» [с. 53].

Судьба — базовая черта, объединяющая футбол с античным театром. Болельщики иногда могут предвидеть, как боги в античной трагедии, что действие, которое они наблюдают, «не чистая игра случая, а часть более масштабных козней судьбы» [с. 111]. Игроки не-

редко кажутся «игрушками судьбы, неспособными повлиять на ход драмы и изменить ее порой трагический конец, несмотря на все свои усилия». Неожиданные повороты игры, такие как решающий гол на последней добавленной минуте, воспринимаются нами как «судьба или неожиданное вмешательство свыше» [с. 169]. Подчинение судьбе, подчинение роковой драме, которая разыгрывается на наших глазах [с. 53, 77], — возможно, один из ключевых элементов «драмы идентичности», как ее понимает Кричли.

В нашей социологической традиции понятие судьбы — одно из когда-то ключевых на раннем этапе становления науки, особенно в ее немецкой версии, но затем утерянное в двух мировых войнах и теперь лишь эпизодически возникающее в современных исследованиях (историю понятия «судьбы» в социологии см. [Liebensohn, 1988]). Судьба в тексте Кричли не определяется напрямую, но может быть понята в значительной степени из его аргументации, посвященной переживанию времени, опыту и памяти, — возможно, самой разработанной части его текста.

Отношения подобия между временем игры (ритуала) и социальным временем сообщества, в котором она проводится, — мы, приученные социологической традицией, ждали бы скорее всего, именно такого развития аргумента. Петушиные бои происходят рывками, вспышками, как и сами балийцы живут рывками, в периодической пульсации значения и бессмысленности, периодов, когда «что-то» происходит и когда «ничего» не происходит, объяснял, к примеру, Гирц о своем варианте познающей игры [Гирц, 2017, с. 58-59]. Кричли в отличие от Гирца избегает прямых сравнений между временем игры и временем сообщества, сосредотачиваясь только на первом. Возможно, что в конечном счете для него ближе будет интуиция прямо противоположная: игра не «отражает» повседневную жизнь, а сама упорядочивает ее по своему образцу.

Впрямую Кричли нигде не высказывает такую радикальную трактовку, но первые подходы к ней дает намеченное одним штрихом соотнесение футбола со «сферой фантазии» в психоаналитическом смысле. Фантазия, уточняет Кричли, «не является ни выдумкой... ни объективной действительностью. Она структурирует и насыщает то, что мы считаем повседневной жизнью» [с. 63]. В этом смысле опосредующей и структурирующей роли футбол, по мысли Кричли, имеет общие черты с кино, которое тоже «в одно и то же время абсолютно реально и полностью вымыслено», а в еще больше степени с видеоиграми, игровыми симуляциями реальности, в которых граница между «симуляцией» и «реальностью» все больше стирается [с. 64-65].

Разрыв между переживанием времени в игре и повседневной жизни — важная, но относительно простая часть концепции Кричли. Матч как «временный разрыв рутины повседневности: экстатический, ми-

молетный, коллективный» [с. 122], «всплеск эмоций через драматическое действие, после которого мы... возвращаемся к нашей повседневной жизни» [с. 96] — знакомая нам отправная точка, близкая к дюркгеймовскому «кипению эмоций» (effervescence). Серийность, повторяемость футбольных событий («суть фестиваля в его систематическом повторении и бесконечном возвращении») и отграниченные 90 минутами рамки игры, задающие ее динамику наравне с пространственной разметкой [с. 90, 127-128] — тоже скорее часть аксиоматики, от которой мы можем отталкиваться. Главная линия, которую развивает Кричли, связана с неоднородностью течения времени в рамках игры.

В отличие от петушинных боев Гирца, от бейсбола или стендовой стрельбы (примеры Кричли) футбол включает в себя не только взрывные моменты, но и поток времени, «плавное, непрерывное и неуловимое» течение [с. 43]. Воздействие футбола связано в большой степени с изменениями в интенсивности переживания, изменениях в ощущении между этими двумя регистрами: моменты и поток. Нарезка основных моментов матча, сжатая в короткий телесюжет или видеоролик, может доставлять удовольствие, но по своему характеру это удовольствие будет мало похоже на переживания болельщика во время игры. Ключевую роль играет ожидание моментов в будущем, которое пока остается открытым и неопределенным: именно такое интенсивное ожидание отличает матч на стадионе или в прямом репортаже от матча в записи [с. 46-47].

242

Открытость будущего и интенсивность, часто мучительную, переживания игры связывает надежда, которая сохраняется каждый раз, когда время матча, хотя бы несколько минут добавленного времени, еще остается, и которая в другом масштабе возобновляется с каждым новым началом сезона. «Ужасный ядовитый коктейль предвидения и надежды» [с. 112], «не поражение убивает тебя, а постоянно возобновляемая надежда» [с. 147] — афористичными штрихами Кричли подчеркивает важность этой составляющей.

Контрасты между переживанием потока и переживанием момента Кричли описывает преимущественно в хайдеггеровских терминах. Чувственный экстаз после забитого мяча Кричли соотносит с «праздником жизни» Уильяма Джеймса: в состоянии крайнего возбуждения мы сливаемся в едином чувстве и переносимся из повседневности в высшие материи [с. 39-42]. Необходимость перейти от Джеймса к Хайдеггеру Кричли не объясняет сколько-нибудь явно (книгу вообще отличают слишком свободные переключения с одной теории на другую), но мы, возможно, сможем обнаружить причину во множественной неоднородности решающих моментов, которые, таким образом, не сводятся к состояниям радости и праздника.

Хайдеггер дает Кричли понятие момента (Augenblick), с которым в концепции «Бытия и времени» связывается возможность экстази-

са, выхода за пределы. Хайдеггеровский экстаз в отличие от ницшеанского Кричли трактует как твердое и достоверное видение Ситуации, трезвое понимание контекста нашего «вот-бытия» (Dasein) с его возможностями и ограничениями [с. 149-153]. Кричли напоминает о связи между Augenblick Хайдеггера и лютеровским пониманием «кайроса» из посланий апостола Павла, подходящего момента для веры и принятия. «Безумие увидеть Ситуацию такой, какой она есть», свойственное иррациональному акту веры, составляет для Кричли «то, что значит быть болельщиком» и испытывать в этом качестве религиозные, по сути, переживания [с. 164-165].

Время потока игры в свою очередь определяется отсылкой к другому хайдеггеровскому состоянию, тоже неповседневному: тревога (Angst), отличное от страха или беспокойства состояние радостного мужества, когда мы чувствуем себя наиболее живыми и полностью сфокусированы на восприятии происходящего [с. 163].

Память и сообщество

«Эпизодическое, беспорядочное, мерцающее» переживание игры приводит к тому, что разные ее фрагменты запоминаются в очень неравной степени. «На самом деле я не очень-то помню игру» — признается Зидан сразу после матча в одном из эпизодов фильма о себе [с. 127-128]. «Прошлое матча быстро забывается и иногда с трудом вспоминается» [с. 47], только иногда «память вспыхивает, выхватывает какой-то образ» [с. 128] — такова обратная сторона переживания «времени как экстаза» и времени как интенсивного потока.

Следующее, что интересует Кричли, — каким образом память об игре, ее моментах, сохраняется и передается. Ключевым оказывается то обстоятельство, что футбол — это игра, о которой много разговаривают. Футбол — это игра, в которой болельщикам свойственна парресия, состояние вольного говорения как вздумается и о чем вздумается (см. выше). Футбол — это игра, о которой «обычно мы имеем представление...по развернутым и весьма бессмысленным комментариям», где «переживание совершенно опосредовано и медиатизировано» [с. 130]. Футбол — это игра, которую болельщики охотно обсуждают друг с другом. Футбол для Кричли — убедительный пример дискурсивной рациональности, едва ли не единственная область человеческой деятельности, к которой применима концепция Хабермаса о делиберации и силе аргументов [с. 117].

Болельщики, подчеркивает Кричли, способны воспринимать аргументы других болельщиков даже из враждебных команд и менять свои взгляды под действием сильных аргументов [с. 119-120]. Академическая среда с ее подчеркнутым вниманием к культуре дискуссии, по оценке Кричли, отличается от среды болельщиков

в худшую сторону: в ней ситуации, когда кто-то менял свою позицию из-за убедительных аргументов оппонента, встречаются намного реже, чем в спорах футбольных фанатов [с. 121].

Наконец, способность жить ради «момента моментов», переживать эти моменты и готовность постоянно обсуждать игру соединяются в способности создавать историю, прежде всего историю своей команды. Большинство игр быстро и легко забывается, но то, что задерживается в памяти, дает болельщикам их опыт историчности, скрепляет коллективность сплоченной группы [с. 158]. Такая общая память состоит из серии моментов, победных или трагических. Память болельщиков составляет своего рода «живой архив смысла, огромный исторический резервуар, из которого можно почерпнуть... и который можно пополнить» [с. 169-172].

244

Так было, к примеру, в подробно описанном кубковом четвертьфинале «Ливерпуль» — «Боруссия», когда перед перерывом ответного матча на домашнем «Энфилде» ливерпульцы проигрывали два мяча (фактически три с учетом пропущенных домашних). Тренер хозяев Юрген Клопп убедил игроков, что пришло время «создать момент, о котором можно будет рассказать внукам», напомнив им, как десятью годами раньше тот же «Ливерпуль» сумел отыграть три мяча и выиграть серию пенальти в финале Лиге чемпионов. Ни игроки 2016 года, ни тренер команды не были участниками предыдущего «момента моментов», но память о нем создала образец, который вдохновил игроков в очередной похожей ситуации.

Такие решающие эпизоды, что важно для Кричли, действительно «рассказывают внукам». Кричли описывает, как футбол и «Ливерпуль» были главной темой разговора между ним и его отцом, между ним и его сыном, и «где-то внутри меня живет надежда, что мои внуки тоже станут болельщиками “Ливерпуля”» [с. 48-50].

Каким образом из множества переживаний, побед, разочарований, споров рассказов создается общая судьба — Кричли не дает точного рецепта, но, кажется, говорит достаточно, чтобы заинтриговать и побудить к тому, чтобы разрабатывать этот сюжет и дальше, может быть, не только в связи с футболом.

Как всегда, в переводных изданиях стоит сказать хотя бы немного о переводе. Из хорошего — он не помешает любоваться отличными, со вкусом подобранными, черно-белыми фотоиллюстрациями. Общее содержание, если не вдумываться и просто «плыть» по тексту, тоже передано сносно. Проблемы начинаются, если вы решите поработать с текстом в привычном академическом формате — в этом случае без английского оригинала вам скорее всего не обойтись.

Следы переводческой небрежности обнаруживаются с первой же главы, в которой, к примеру, «the movement of the socius» превращается в «движение социума» [с. 22], тогда как имелся в виду, судя

по контексту, марксовый индивид в его общественных связях или миниатюрная, размером не больше футбольной команды, «молекула» из связанных друг с другом индивидов. Из других переводческих загадок одни разгадываются относительно легко: «зритель находится на задумчивом (?) расстоянии от игры» [с. 107], «медитация (?) на природу образа» [с. 123], «концепция момента... имеет отчетливо религиозную каденцию» [с. 164], «футбол... может лицензировать (?) самые вопиющие формы трайбализма» [с. 176]; другие, как «рост популистского права» [с. 105] или «зритель — это превосходный член паритета игроков на поле» [с. 108], не так очевидны. Внимательный читатель, всерьез работающий с авторскими аргументами, наверняка найдет другие настолько же досадные сбои.

Упрекать переводчика и издателя за невыдержанные академические стандарты текста, наверное, не стоит. Издание, кажется, и не претендовало на научную строгость, ни переводное, ни исходное английское. Книга тем не менее полезна как многообещающий набросок, способный дать много полезных интуиций не только социологам спорта, но и более фундаментальным направлениям социологии и антропологии, сосредоточенным на ритуалах, познании и связях между ними.

Библиография

- Гирц К. (2018) *Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев*, М.: Ад Маргинем Пресс.
- Зиммель Г. (1996) *Общение: Пример чистой, или формальной социологии*. Зиммель Г. *Избранное. Т. 2. Созерцание жизни*, М.: Юристъ: 486-500.
- Клейст Г. (1977) О театре марионеток. Клейст Г. *Избранное: Драмы, новеллы, статьи*, М.: Художественная литература: 212-218.
- Кричли С. (2017а) *Книга мертвых философов*, М.: Рипол Классик.
- Кричли С. (2017b) *Боуи*, М.: Ад Маргинем.
- Рум А., Колесников Л., Пасечник Г и др. (1978) *Великобритания: Лингвострановедческий словарь*, М.: Русский язык.
- Connor S. (2011) *A Philosophy of Sport*, London: Reaktion.
- Elias N., Dunning E. (1986) *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in Civilizing Process*, Oxford: Blackwell.
- Liebersohn H. (1988) *Fate and Utopia in German Sociology, 1870 — 1923*, Cambridge: MIT Press.
- Morris Ch. (2018) What We Think About When We Think About Football, by Sicmon Critchley, *When Saturday Comes*. No 371. January.
- Sartre J-P. (2004) *Critique of Dialectical Reason. Vol. 1. Theory of Practical Ensembles*, London, New York: Verso.

References

Connor S. (2011) *A Philosophy of Sport*, London: Reaktion.

Chritchley S. (2017a) *Kniga myortvyh filosofov [The Book of Dead Philosophers]*, Moscow: Ripol Klassik.

Chritchley S. (2017b) *Bowie*. Moscow: Ad Marginem.

Elias N., Dunning E. (1986) *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in Civilizing Process*, Oxford: Blackwell.

Geertz C. (2018) *Glubokaja igra: Zametki o petushinyh boyah u baliitsev [Deep Play: Notes on Balinese Cockfight]*, Moscow: Ad Marginem Press.

Kleist H. (1977) О театре марионеток [On the Marionette Theatre]. Kleist H. *Izbrannoe: Dramy, novelly, stat'i [Selected Works: Plays, Novels, Articles]*, Moscow: Hudozhestvennaya literatura: 212-218.

Liebersohn H. (1988) *Fate and Utopia in German Sociology, 1870–1923*, Cambridge: MIT Press.

Morris Ch. (2018) What We Think About When We Think About Football, by Sicmon Critchley, *When Saturday Comes*. No 371. January.

246 Room A., Kolesnikov L., Pasechnik G. et al. (1978) *Velikobritaniya: Lingvostranovedchaskiy slovar' [Great Britain: Language and Culture Dictionary]*, Moscow: Russkiy Yazyk.

Sartre J-P. (2004) *Critique of Dialectical Reason. Vol. 1. Theory of Practical Ensembles*, London, New York: Verso.

Simmel G. (1996) Obschenie: Primer chistoy, ili formalnoy sotsiologii [Sociability: An Example of Pure, or Formal, Sociology]. Simmel G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni [Selected Works. Vol. 2. The View of Life]*, Moscow: Yurist: 486-500.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Титков А.С. (2018) Петушинные бои на «Энфилде»: Анатомия ритуала познания. Рецензия на книгу: Кричли С. (2018) О чем мы думаем, когда думаем о футболе, М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус. *Социология власти*, 30 (2): 231-246.

Titkov A.S. (2018) Cockfights at Anfield Stadium: Anatomy of Epistemic Ritual. Review: Critchley S. (2018) What We Think When We Think About Football, Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus. *Sociology of Power*, 30 (2): 231-246.

Поступила в редакцию: 15.06.2018; принята в печать: 17.06.2018

АЛЕКСЕЙ А. ПЛЕШКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Множественные миры Купера и Шимански

Рецензия на книгу: Купер С., Шимански С. (2018)

Футболономика. Почему Англия проигрывает, Германия и Бразилия выигрывают, а США, Япония, Австралия, Турция и даже Ирак выходят на первый план. 4-е изд., М.: Альпина Паблицер

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-247-258

247

«До настоящего времени экономисты лишь различным образом изменяли мир, но дело заключается в том, чтобы объяснить его».

Бруно Латур. «11 тезисов о критике капитализма».

Плешков Алексей Александрович — кандидат философских наук, заместитель директора ИГИТИ им. А.В. Полетаева, преподаватель Школы философии НИУ ВШЭ (Москва, Россия). Научные интересы: история философии, древнегреческая философия, философия времени, история понятий, герменевтика, эпистемология гуманитарных и социальных наук. E-mail: apleshkov@hse.ru
Alexey A. Pleshkov — PhD in philosophy, deputy director at Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities and lecturer of the School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Research interests: history of philosophy, ancient Greek philosophy, philosophy of time, conceptual history, hermeneutics, epistemology of the humanities and social sciences. E-mail: apleshkov@hse.ru

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

Рецензируемая книга Саймона Купера и Стефана Шимански — одна из наиболее известных и влиятельных работ в области экономики футбола. Научно-популярная работа, прекрасно подходящая для первого знакомства с темой, в то же время содержит ряд рассуждений и выводов, обладающих безусловным научным значением. Не менее важен и тот факт, что «Футболономика» сыграла важную роль в происходящей на наших глазах информационной революции (data revolution) в спорте. Это важный контекст, о котором нужно помнить, говоря о книге.

В футболе эта революция готовилась долго: Чарльзом Рипом, подполковником авиации Королевских ВВС Великобритании, чья страсть к футболу и неаккуратное отношение к статистике во многом ответственны за специфический образ британского футбола (бей-беги-навешивай) [Wilson, 2014, p. 129-152], при участии научно-ориентированных тренеров-легенд, таких как Валерий Лобановский, Эгиль Рогер Ольсен и Арсен Венгер [Kuper, Szymanski, 2014, p. 150-171]. Интересно, однако, что информационная революция грянула сначала не в «спорте номер один», но в бейсболе, когда в 2003 г. Майкл Льюис [Lewis, 2003] опубликовал книгу «Money Ball» (прославленную в одноименном фильме с Брэдом Питтом в главной роли). История Билли Бина, менеджера небогатой бейсбольной команды «Окленд Атлетикс», поставившего статистику выше профессионального чутья, — это редкий случай успеха, вызвавшего полное изменение целой индустрии. В каком-то смысле «Футболономика» претендует на тот же эпохальный статус. Хотя, очевидно, радикального преобразования футбола книга не вызвала.

248

Книга будет интересна и простым любителям футбола, и профессиональным исследователям (как из сферы спорта, так и из академии). Это, с одной стороны, интересный рассказ, захватывающий с первых страниц, а, с другой — щедрая научная работа, требующая внимания к деталям и дальнейшей разработки. «Футболономика» состоит из трех самостоятельных частей, каждая из которых фокусируется на своем предмете: клубном футболе, футбольных болельщиках и футболе в отдельных странах.

Введение дает возможность немного познакомиться с авторами — Саймоном Купером, популярным спортивным журналистом, и Стефаном Шимански, влиятельным спортивным экономистом, — и задает общую концептуальную рамку книги. Странно, но во вводной же части книги расположилась глава с провокативным названием «Почему Англия проигрывает, а другие выигрывают». Логичнее увидеть эту главу в части, посвященной международному футболу (эта странность, впрочем, исправлена в новых изданиях на английском языке).

Чтобы обозначить содержательное богатство и разнообразие книги, отмечу наиболее интересные, на мой взгляд, вопросы, на кото-

рые авторы пытаются дать ответ (не все эти ответы можно назвать удачными, о чем ниже). Почему активность на трансферном рынке не гарантирует клубам успех в чемпионате? Как расовая дискриминация приводит к значительным игровым и финансовым потерям? Каким образом статистика может повлиять непосредственно на исход матча? Почему сборная Исландии уже в 2009 г. была обречена на успех (по крайней мере относительный)? Почему нельзя рассматривать спортивные мегасобытия исключительно в контексте затрат/прибыли от их проведения? Наконец, чем грозят стратегии импортозамещения (в форме, например, лимита на легионеров) и насаждение идеологии «особого пути» в футболе?

Само собой, этими вопросами содержание книги не исчерпывается. Здесь еще и десятки искрометных историй из жизни игроков, тренеров и владельцев клубов, мастерские и доступные объяснения сложных моделей и концепций, наконец, нетривиальные наблюдения за, казалось бы, совершенно обыденными элементами игры. Объединяет эти разные темы и сюжеты стремление Купера и Шимански показать, что процессы, связанные с бытованием футбола, поддаются рациональному объяснению, а научный взгляд на футбол способствует его развитию. Этот подход можно суммировать в высказывании бывшего сотрудника «Милана» Жана-Пьера Мерессмана, которое приводят авторы: «Машиной можно управлять и без приборной панели, не имея какой бы то ни было информации, и такое положение вещей мы наблюдаем в футболе. Здесь есть классные водители и классные машины, но с приборной панелью ездить было бы чуть-чуть проще» [с. 26].

Стоит сказать, что это уже четвертое издание «Футболономики» на русском языке. При этом издательство «Альпина Паблишер» пошло по пути максимальной экономии сил и средств, внося в новое издание в лучшем случае только косметические изменения. Во-первых, все также остались неисправленными описки или ошибки (например, MLS, т. е. Major League Soccer, так и остался высшей бейсбольной лигой [с. 296]). Во-вторых, в книге все также присутствуют странные названия клубов и имена футболистов (например, «Уэст Хэм» [с. 97] и «Хартлипул» [с. 103] вместо конвенциональных «Вест Хэм» и «Хартлпул» или «[Габриель]Хейнце» [с. 215] и «[Фредди] Эдду» [с. 130] вместо конвенциональных «Хайнце» и «Аду»). В-третьих, текст все также отягощен оборотами, неоправданно осложняющими понимание («[...] нетрудно догадаться, почему “Шпоры” отеснил “Арсенал” Венгера» [с. 97] или «[...] Венгер стал выставлять его на замену ближе к концу игры» [с. 108]).

Наконец, и это вызывает наибольшую досаду, четвертое издание книги на русском языке соответствует все первому же изданию английской «Футболономики» 2009 г., хотя Купер и Шимански уже не-

сколько раз дорабатывали свою книгу. Так, отечественный читатель оказался лишен удовольствия познакомиться с несколькими важными новыми главами (например, о влиянии богатых спонсоров («*sugar daddies*») на мировой клубный футбол или переоцененности роли тренеров в современном футболе). Читатель отправляется в путешествие во времени почти на десять лет назад, где «недавний» переход Криштиану Роналду из «Манчестер Юнайтед» в мадридский «Реал» обновил трансферный рекорд. Этот вынужденный «джетлаг» можно было бы легко смягчить хотя бы редакторскими сносками с обновленными данными.

250 Особенно комично выглядит в этой связи предисловие к русско-му изданию «Футболономики». В тексте, озаглавленном «Чемпионат мира по футболу-2018 пройдет в России», обозреватель «PROспорт» Роман Трушечкин пишет: «Мы можем сказать себе: у нас в запасе годы. И это нельзя назвать неправдой. Мы можем просто продолжать радоваться тому, что одно из крупнейших на Земле спортивных событий состоится у нас. Драмы матчей будут разыграны в еще не выстроенных декорациях новейших российских стадионов» [с. 11]. Стадионы уже построены, Роман Трушечкин в PROспорте уже не работает (журнал вообще прекратил свое существование несколько лет назад), да и напоминание о том, что Чемпионат мира-2018 проходит в России, сегодня представляется избыточным. Почему издатели не совершили хотя бы минимальные усилия, чтобы актуализировать 4-е издание этой востребованной книги, остается загадкой.

Тем не менее важность труда Купера и Шимански призывает отвлечься от проблем российского издания и чуть более подробно обсудить идеи и выводы авторов. Рационализация футбола — главная цель этой книги, ибо, по словам авторов, «слишком долго свет учения обходил стороной футбол» [с. 18]. Однако довольно быстро становится понятным, что под учением *par excellence* авторы понимают преимущественно экономику: «мы видим нашу цель [...] в том, чтобы при помощи некоторого набора экономических методов (плюс немного географии, психологии и социологии) постичь смысл того, что происходит на поле, и того, что происходит с болельщиками вне поля» [с. 23].

Книга, таким образом, вписывается в еще один значимый (уже для академической среды) контекст экономического империализма. Им обычно именуется практика и идеология использования методов экономической теории (прежде всего применение экономико-математических методов и моделей) в смежных с экономикой дисциплинах и для объяснения традиционно неэкономических феноменов [Гуриев, 2008, с. 134–135]. Успешность этой практики отчасти программируется уже на заре существования экономики

как самостоятельной науки и связана с ее претензией на аподиктический, а значит, априорный характер экономического знания. Например, отцы-основатели Джон Стюарт Милль, Уильям Стэнли Джевонс, Мари Эспри Леон Вальрас настаивали, что экономика должна функционировать именно так, ориентируясь на естественные науки, прежде всего ньютоновскую механику [Fullbrook, 2009, p. 3-4].

Во второй половине XX века вместе со все большей математизацией экономики и разработкой формальных методов анализа экономический империализм заявляет о себе все настойчивее. Один из наиболее известных представителей экономического империализма, лауреат Нобелевской премии 1992 г., Гэри Стэнли Беккер [1993, с. 37–38] в программном тексте «Экономический анализ и человеческое поведение» пишет: «Я заявляю, что экономический подход предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого поведения [...] Всеобъемлющим является именно экономический подход, хотя некоторые важные понятия и приемы анализа разрабатываются и будут разрабатываться другими научными дисциплинами».

Продолжатель дела Беккера, один из самых известных современных экономистов Стивен Левитт, реализует установку экономического империализма, суммируя свои исследования в областях экономики спорта, преступности, дискриминации, образования, в бестселлере «Фрикономика» [Гуриев, 2008, с. 134–135]. В этот же ряд встраивается и «Футболономика». Собственно, книга Шимански и Купера довольно часто сравнивается с «Фрикономикой» Левитта и Дабнера (само название «Футболономика» можно рассматривать как аллюзию).

Тем не менее вторжение экономики в некоторые области, несмотря на убежденность экономистов в универсальном преимуществе их методов, не просто вызывает вопросы, но порождает фундаментальные проблемы. «Для Милля, Джевонса и Вальраса, важна не методологическая уместность, но сам метод [...]. Такой подход к методологии предполагает, что вместо того, чтобы отталкиваться от онтологических ограничений, онтология априорно определяется таким образом, чтобы соответствовать методу. Сложно представить себе большее противоречие процедурам и типу мышления, доминировавшим в естественных науках начиная с Коперника. При применении системы анализа, математической или иной, к эмпирической области ключевой вопрос для настоящего ученого [*real scientist*] всегда заключается в том, является ли структура используемой модели изоморфной самой исследуемой области» [Fullbrook, 2009, p. 4]. Иными словами, методологический фундаментализм экономики приводит к тому, что вместо исследования социальной

реальности экономисты исследуют собственноручно созданный симулякр, наилучшим образом соответствующий их методу¹. При этом сам подход экономического империализма абсолютно непоколебим: метод определяет реальность, и если окружающий мир отличается от этой реальности, тем хуже для него. Становится понятно, почему даже выявление факта как минимум неаккуратной работы с данными Левитта и его коллег «не останавливает “крестовый поход” экономических империалистов в соседние области знаний. Уже сейчас экономику следует определять не по предмету, а по методу исследования» [Гуриев, 2008, с. 135].

252 Метафора «крестового похода» здесь более чем красноречива. В конечном счете этот поход, хотя и может быть рационально объяснен, остается вопросом исключительной веры. Сегодня экономика — царица наук, и мало кто готов высказывать сомнения по поводу не просто отдельных ее выводов, но фундаментальных оснований. Тем не менее такие вопросы задаются. Бернар Геррьерен [Guerrien, 2009, р. 160–161], один из идейных вдохновителей студенческого движения за реформу преподавания экономики во Франции, пишет: «Как столь умные люди могут предложить — и бесконечно изучать — такие глупые модели? Я вижу только одну причину: *идеология* (интуитивные убеждения, которые ослепляют их). Здесь утверждается, что рыночные механизмы (что бы это ни значило) дают эффективные результаты, если абстрагироваться от помех, неудач и т. д. [...] Какой смысл все это может иметь для нормального человека?». Эта оторванность от реальности, а, точнее, конструирование альтернативной «реальности» экономикой, отчетливо ощущается и в «Футболомике» Купера и Шимански². Чтобы проиллюстрировать это подробнее, остановлюсь на одном сюжете.

Итак, в главе с характерным названием «Почему Англия проигрывает, а другие выигрывают» авторы пытаются убедить читателя, что перманентные ожидания высоких результатов от сборной Англии и последующие разочарования от перманентных же ее провалов не имеют под собой оснований. В среднем англичане выигрывают около 67% матчей, а значит, побеждают в 2 из 3 своих матчей.

1 Это ощущение характерно и для самих экономистов. Так, Милтон Фридман, лауреат Нобелевской премии 1976 года в одном из интервью отмечает, что «экономика все более становится темной отраслью математики, а не имеет дело с реальными экономическими проблемами», а Рональд Гарри Коуз, лауреат Нобелевской премии 1991 года пишет, что «Существующая экономика — это теоретическая [т. е. математическая] система, парящая в воздухе, и мало связанная с тем, что происходит в реальном мире» (цит. по [Fullbrook, 2009, р. 5]).

2 О перформативности экономической науки: [Юдин, 2008].

При этом если разбить выступления сборной Англии за последние 40 лет на несколько коротких периодов, результативность англичан будет колебаться от 62 до 70% побед. Далее, если рассмотреть матчи последних 20 лет XX века, то по проценту побед сборная Англии входит в десятку лучших команд мира, и это как минимум неплохой результат. Действительно «66%» побед, «2 из 3», «колебания от 62 до 70%», «типичный период 1980–2001 гг.» — все это выглядит обоснованно и убедительно.

Однако каким образом эта убедительность достигается? Концептуализация авторов такова: «Если быть точным, то с 1970 по 2007 г. ею [сборной Англии. — А.П.] было сыграно 411 игр, из которых в 217 сборная страны одержала победу, 120 свела вничью и 74 проиграла. Если приравнять ничью к половине победы, процент выигрыша составит 67,4%. [...] Иными словами, команда играет довольно ровно, показывая постоянство и результативность (*курсив мой. — А.П.*)» [с. 35]. Стоит оговориться, что правило трех очков за победу было повсеместно принято только в середине 90-х гг. До этого за победу присуждались два очка, за ничью — одно очко, т. е. математически ничья долгое время действительно была половиной победы.

Но в каком таком мире ничья реально является половиной победы!? Так, во время отборочного турнира чемпионата Европы по футболу 2008 г. Англия заняла третье место в группе, не квалифицировавшись на главный футбольный европейский форум. Та кампания, кроме «смертельных» поражений от России и Хорватии в двух последних турах, принесла Англии совершенно разочаровывающие нулевые ничьи дома с Македонией и на выезде с Израилем. Однако эти ничьи с 58-й и 26-й сборными рейтинга ФИФА 2007 г., следуя логике авторов, не должны разочаровывать болельщиков: если ничья — это половина победы, то в сумме два этих матча предполагают пусть не очень радостный, но все же триумф англичан.

Проблема не в том, что ничьи могут иметь разное турнирное значение даже в рамках двухматчевого противостояния (безголевая ничья дома и сверхрезультативная ничья на выезде — это принципиально разные результаты), проблема в том, что такая математизация полностью исключает из поля зрения событийность, аффективность и драматичность футбола: «[...] [Ф]утбольный матч по своей драматургии принципиально открыт для любого наполнения: это может быть ничья, которая не вызовет эмоционального всплеска, а может быть ничья, после которой люди будут штурмовать вражеский сектор и убивать друг друга. Победа с крупным счетом может не вызвать вообще никаких эмоций и пройти как банальное событие, а может стать поводом для национального праздника» [Кильдюшов, 2018]. Тот факт, что за победу дается три очка (или раньше — два), а за ничью — одно, еще не значит, что победа — это число «3»,

а ничья — «1». Победа, поражение или ничья — эта реальность футбола, — не только не изоморфны числам, но не имеют с ними практически ничего общего (если только вы не являетесь современным неопифагорейцем)¹.

Было бы несправедливо, однако, обвинять Купера и Шимански в полном игнорировании реальности. На смену показателю процента побед они довольно скоро предлагают новый — разница между забитыми и пропущенными голами («Положительная разница *само собой* в высокой степени коррелируется с выигрышем» [с. 72], *курсив мой*. — А.П.). Вместе с новым показателем авторы выделяют три фактора, способных, на их взгляд, объяснить результаты сборных: размер населения, душевой доход и количество сыгранных международных матчей. Авторы строят множественную регрессию, рассчитывая статистическую связь между зависимой переменной (результативность) и указанными независимыми переменными

1 Эта проблема не менее отчетливо проявляется в другой главе, посвященной уже клубному футболу («Джентльмены предпочитают блондинов», с. 91–136). Анализируя результаты английских футбольных клубов за последние несколько десятилетий, авторы приходят к выводу, что в долгосрочной перспективе размер игроцкой зарплатной ведомости примерно на 90% объясняет вариации в положении клуба в лиге. Купер и Шимански оговаривают, что именно размер зарплаты, а не, например, затраты на трансферы футболистов (в новых изданиях обсуждается, что и не тренеры) наилучшим и убедительным образом объясняет результаты команды. Иными словами, клуб со второй зарплатной ведомостью в среднем будет занимать второе место в лиге, даже если клуб с пятой зарплатной ведомостью закупил игроков на кругленькую сумму и управляется блестящим тренером. Кажется, что с цифрами не поспоришь (еще сложнее спорить неподготовленному человеку с регрессиями). Но проблема здесь вновь с принципиальным различием между реальностью и математической моделью, скрывающимися за «средними местами». Как бы ни велик был соблазн, первое место и число «1» или второе место и число «2» — это совершенно разные вещи. В спорте действует принцип «*все или ничего*», соответственно разница между первым и вторым местом огромная. Это разница не на единицу, но упущенное или добытое чемпионство. Кроме того, разница между вторым и третьим местом, тоже может быть колоссальной: потому что в некоторых чемпионатах второе место — это шанс на Лигу чемпионов, а третье место — это Лига Европы. Стоит ли говорить, какая большая разница может быть между пятым и шестым местами (в некоторых чемпионатах — это разница на евротурнир), седьмым и восьмым местами (эта разница чаще всего неинтересна даже болельщикам) и четырнадцатым и пятнадцатым местами (например, в России — это вопрос сохранения места в элитном футбольном дивизионе)? Предпочел бы болельщик, чтобы за «пятым усредненным местом в лиге» скрывалось чемпионство и девятое место (стоит обратить внимание, насколько здесь важна и хронология) или два сезона со стабильным пятым местом? Представляется, что в реальности любого любителя футбола ответ очевиден.

(численность населения, душевой доход и опыт). Вывод состоит в том, что «[...]Англия не отставала по результативности, а вопреки всеобщему мнению играла лучше своих возможностей [...] Это [проведенный анализ. — А.П.] ставит англичан в разряд „умеренных ударников“ [*overachievers*] футбола (команды, систематически, хотя и ненамного превосходящей расчетные ожидания)» [с. 77].

Таким образом, за последние 20 лет сборная Англии по футболу [лучшие результаты на крупных турнирах — по два четвертьфинала на Чемпионатах мира (ЧМ) и Чемпионатах Европы (ЧЕ)] почти так же успешна (точнее, *сверхуспешна*) как Германия (серебро, две бронзы и золото ЧМ, плюс серебро и два полуфинала ЧЕ), и успешнее (точнее, *сверхуспешнее*) Франции (золото и серебро ЧМ, золото и серебро ЧЕ) и Италии (золото ЧМ и серебро ЧЕ). Шимански и Купер могли бы не только повторить знаменитые слова «ваши ожидания — это ваши проблемы», но и «научно» обосновать свою правоту: «Следует отметить, что наши расчеты статистически очень надежны и заслуживают доверия» [с. 74].

Вероятно, еще более явно эпизодическая беспомощность «экономизации» футбола проявляется при телеологическом рассмотрении аргументации авторов¹. В соответствии с моделью Купера — Шимански Англия систематически играет лучше, чем можно было бы ожидать. Однако авторы также обсуждают причины, негативно влияющие на результаты сборных, причины, «до боли знакомые [...] любому экономисту, занимающемуся проблемами развития» [с. 38]: протекционизм, социальная закрытость и идейный изоляционизм. Итак, неуспешность сборной может быть объяснена, если 1) местные футболисты имеют приоритет перед иностранцами не в силу профессиональных качеств, но просто по наличию «правильного» паспорта; 2) если футбольная профессиональная среда оказывается враждебной по отношению к социальным классам, традиционно исключенных из профессии; 3) если профессиональная среда оказывается враждебной инновациям и без оснований держится за собственный «особый путь».

Далее Купер и Шимански замечают, что в английской премьер-лиге (высший дивизион английского футбола) играет слишком много англичан, среди английских игроков подавляющее большинство футболистов — это выходцы из семей рабочего класса, слишком долго англичане игнорировали разнообразные ноу-хау континентального европейского футбола. Наличие этих трех факторов объясняет, почему сборная Англии не добивается успехов. Следовательно, эко-

1 На этот момент указывает в своей рецензии на «Футболономику» Дэвид Рунсиман [Runciman, 2009].

номика помогла нам объяснить, почему Англия систематически выступает выше своих возможностей (*overachieving*), экономика объясняет нам, почему Англия систематически выступает ниже своих возможностей (*underachieving*). В итоге у нас есть мир с преуспевающей сборной Англии, у нас есть мир с отстающей сборной Англии, наконец, у нас есть мир, в котором живут невезучие болельщики сборной Англии. И приоритетным, по всей видимости, может стать любой из миров экономического моделирования, но только не реальность, в которой мы живем.

Это только один пример из книги, демонстрирующий проблему. Экономические модели, безусловно, имеют эвристический потенциал и объяснительную силу. Тем не менее зачастую эти модели объясняют не реальность, но ее в лучшем случае смутное отражение в концептуализациях экономистов. В ситуации практически безусловного диктата экономики в современной жизни (в том числе внутри академии) это искаженное отражение беспроblemно принимается за реальность, а экономическая интерпретация — за закон.

256

Как замечает один из наиболее влиятельных современных философов и социологов Бруно Латур [2018]: «Экономика со всей своей свитой навыков и профессий — с бухгалтерским делом, маркетингом, дизайном, мерчендайзингом, бизнес-образованием, исследованием организаций, менеджментом — создали не науку, изучающую материальный мир, а ряд дисциплин, отвечающих за извлечение из социального и природного мира другого мира [...] Слово “закон” в словосочетании “законы экономики” должно пониматься по аналогии с “гражданскими законами”, то есть как подлежащее пересмотру предприятие в руках политического сообщества (а *polity*), а не как закон трансцендентного мира, находящийся в ведении невидимого божества. [...] Именно потому, что система не является трансцендентной, и не подчиняется высшим законам, которые может распространять любая “рыночная организация”, она может быть скорректирована, модифицирована, повреждена, реформирована или реорганизована».

Означает ли это, что экономическое рассмотрение футбола невозможно, а книга «Футболономика» бесполезна? Безусловно, нет. Купер и Шимански проделали огромную работу, которая, на мой взгляд, является не только удачным текстом для введения в научное осмысление футбола, но и источником вдохновения для будущих исследований. Однако развитие экономики спорта как сравнительно молодой субдисциплины требует критического и строгого отношения к предрассудкам и ограничениям собственной науки.

В этом смысле приборная панель, позволяющая лучше понимать футбол и вырабатывать наиболее успешные стратегии управления им, состоит из множества датчиков, ламп и устройств, имеющих

как минимум одинаковое значение для водителя. Экономика — всего один из приборов на этой панели. И об этом не стоит забывать, какими бы яркими цифрами он не был подсвечен.

Библиография

Беккер Г.С. (1993) Экономический анализ и человеческое поведение. *THESIS* (1): 24–40.

Гуриев С.М. (2008) Три источника — три составные части экономического империализма. *Общественные науки и современность* (3): 134–141.

Кильдюшов О.В. (2018) Социология футбола. *IQ HSE* (<https://iq.hse.ru/news/220240851.html>).

Латур Б. (2018) 11 тезисов о критике капитализма. *DOXA* (<https://syg.ma/@doxa/bruno-latur-11-tezisov-o-kritikie-kapitalizma>).

Юдин Г.Б. (2008) Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков. *Журнал социологии и социальной антропологии* (4): 47–58.

Fullbrook E. (2009) Introduction: Lawson's reorientation. E. Fullbrook (ed.) *Ontology and Economics. Tony Lawson and his critics*, London; New York: Routledge: 1–12.

Guerrien B. (2009) Irrelevance and ideology. E. Fullbrook (ed.) *Ontology and Economics. Tony Lawson and his critics*, London; New York: Routledge: 158–161.

Kuper S., Szymanski S. (2014) *Soccernomics: why England loses, why Germany and Brazil win, and why the U.S., Japan, Australia, Turkey and even India are destined to become the kings of the world's most popular sport*. 3rd ed. (World Cup Edition), New York: Nation Books.

Lewis M. (2003) *Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game*, New York: W.W. Norton and Company.

Runciman D. (2009) Why England Lose by Simon Kuper and Stefan Szymanski. *The Guardian* (<https://www.theguardian.com/books/2009/aug/09/why-england-lose-simon-kuper>).

Wilson J. (2014) *Inverting the Pyramid: The History of Football Tactics*, London: Orion.

References

Becker G.S. (1993) Ekonomicheskii analiz i chelovecheskoe povedenie [Economic Analysis and Human Behavior]. *THESIS* (1): 24–40.

Fullbrook E. (2009) Introduction: Lawson's reorientation. E. Fullbrook (ed.) *Ontology and Economics. Tony Lawson and his critics*, London; New York: Routledge: 1–12.

Guerrien B. (2009) Irrelevance and ideology. E. Fullbrook (ed.) *Ontology and Economics. Tony Lawson and his critics*, London; New York: Routledge: 158–161.

Guriev S.M. (2008) Tri istochnika — tri sostavnyechastieekonomicheskogoimperializma [Three Sources — Three Components of Economic Imperialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, (3): 134–141.

Kildyushov O.V. Sotsiologiiafutbola [Sociology of Football]. *IQ HSE* (<https://iq.hse.ru/news/220240851.html>).

Kuper S., Szymanski S. (2014) *Soccernomics: why England loses, why Germany and Brazil win, and why the U.S., Japan, Australia, Turkey and even India are destined to become the kings of the world's most popular sport*, 3rd ed. (World Cup Edition), New York: Nation Books.

Latour B. (2018) 11 тезисов о критике капитализма [11 Theses on the Criticism of Capitalism]. *DOXA* (<https://syg.ma/@doxa/bruno-latur-11-tiezisov-o-kritikie-kapitalizma>).

Lewis M. (2003) *Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game*, New York: W.W. Norton and Company.

Runciman D. (2009) Why England Lose by Simon Kuper and Stefan Szymanski. *The Guardian* (<https://www.theguardian.com/books/2009/aug/09/why-england-lose-simon-kuper>).

Wilson J. (2014) *Inverting the Pyramid: The History of Football Tactics*, London: Orion.

Yudin G. Performativnost v deistvii: ekonomika kachestv M. Callon'a kak paradigm sotsiologicheskogo analiza rynkov [Performativity in action: Michel Callon's economy of qualities as a paradigm for sociological analysis of markets]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], (4): 47-58.

258

Рекомендация для цитирования / For citations:

Плешков А.А. (2018) Множественные миры Купера и Шимански. Рецензия на книгу: Купер С., Шимански С. (2018) Футболономика. Почему Англия проигрывает, Германия и Бразилия выигрывают, а США, Япония, Австралия, Турция и даже Ирак выходят на первый план, М.: Альпина Паблишер. *Социология власти*, 30 (2): 247-258.

Pleshkov A.A. (2018) Multiple Realites of Kuper and Szymanski. Review: Kuper S., Szymanski S. (2018) *Soccernomics: Why England Loses, Why Germany and Brazil Win, and Why the U.S., Japan, Australia, Turkey — and Even Iraq — Are Destined to Become the Kings of the World's Most Popular Sport*, М.: Alpina Publisher. *Sociology of Power*, 30 (2): 247-258.

Поступила в редакцию: 25.06.2018; принята в печать: 28.06.2018

АНДРЕЙ И. АПОСТОЛОВ

ВГИК им. С.А.Герасимова, Москва, Россия

Футбол с восклицательным знаком

Рецензия на книгу: Это футбол!

Писатели на стадионе (2017).

Сост. В. Левенталь, СПб.:

Лимбус Пресс

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-259-269

Очевидным образом такое спортивное мега-событие, как Чемпионат мира по футболу, не может не отозваться волной всевозможных откликов в самых разных сферах и средах общественной жизни. Не могли пройти мимо неизбежной футболомании, в той или иной мере охватывающей население любой страны-хозяйки мирового первенства, и крупнейшие российские книжные издательства.

259

Книга, о которой пойдет речь в дальнейшем, примечательна уже моментом своего появления. В отличие от большинства изданий, приуроченных непосредственно к началу Чемпионата мира, например теоретико-поэтический сборник «Вратарь, не суйся за штрафную». Футбол в культуре и истории Восточной Европы» (2018), интересующий нас монографический художественный альманах «Это футбол! Писатели на стадионе» издан за год до «мундиализации» российского общества и пришествия орд любителей игры в ножной мяч на русскую землю. Выход книги был призван предвосхитить или даже подогреть футбольную лихорадку и как бы одновременно с этим провести хронологическую черту в истории околوفутбольной русской художественной литературы, возвещая окончание ее

Апостолов Андрей Игоревич — креативный продюсер Киностудии им. М. Горького, преподаватель сценарно-киноведческого факультета Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, ведущий специалист отдела образовательных проектов Государственного исторического музея. Научные интересы: история советского кино, теория медиа, репрезентация спорта в культуре. E-mail: parazaurolof@list.ru
Andrey I. Apostolov — creative producer, Gorky Film Studio; lecturer, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov; leading specialist, State Historical Museum. E-mail: parazaurolof@list.ru

«премундиального» периода и тем самым предвещая начало «пост-мундиального». Кажется, именно в этом и заключалась основная миссия составителей сборника: провести ревизию литературных высказываний на футбольную тему за несколько десятилетий, дабы оценить накопленный опыт с точки зрения потенциала его пополнения в ситуации качественно нового отношения к футболу в обществе в целом, а, следовательно, и в поле культуры. Включенные в книгу тексты призваны стать чем-то вроде маяков для ориентации в устойчивом лексиконе футбольной поэтики для авторов, коих баталии Чемпионата мира-2018 вдохновят на собственные подвиги на литературной арене.

260 Художественная проза на спортивную тему практически всегда была обречена на бытование в узких пределах определенной ниши. Целевая аудитория таких текстов по умолчанию ограничивалась любителями спортивных состязаний, а ценителям литературы спортивная тема представлялась заведомо профанирующей высокое искусство сочинительства. Показательно в этой связи, что советские писатели — энтузиасты спортивной темы — обращались к ней преимущественно в журналистских экспромтах на страницах спортивных изданий или в жанре так называемой детско-юношеской литературы (приведу в качестве примеров роман Льва Кассиля «Вратарь республики» и рассказ «Победитель шведов» Юрия Трифонова). К сожалению, надо признать, что такая маргинальность художественной прозы на спортивную тему в литературном поле делает ее и не очень привлекательной для социологических изысканий. По крайней мере так обстоят дела в отечественной социологии: есть устойчивая традиции социологических прочтений художественной литературы (вспомним хотя бы работы Бориса Дубина), есть плодотворные и перспективные зачатки социологии спорта, но работа по социологической интерпретации художественной репрезентации спорта (будь то литература или кино) еще только предстоит. Достаточно вспомнить ставший уже классическим труд американского социолога Аллена Гуттмана [2016] «От ритуала к рекорду: природа современного спорта», в котором дается наиболее полное описание положения спорта в структуре общества модерна, чтобы убедиться в значимости анализа спортивной литературы для социологов. В одной из глав своего труда автор представляет реконструкцию процесса смены ключевого для национального самосознания американцев вида спорта с бейсбола на американский футбол, происходивший в течение двух десятилетий после Второй мировой войны. Для иллюстрации этого процесса Гуттман использует не статистические данные посещаемости стадионов или вырученных средств от продажи атрибутики и прав на телетрансляции, намного более наглядным источником становится анализ дискурсивных мета-

морфоз в литературе о бейсболе. Таким образом, Гуттману удается продемонстрировать зарождение бейсбольного мифа, основанного на своеобразной патриархальной пасторальности, и его постепенное угасание под натиском американского футбола. А эта смена парадигмального для нации вида спорта в свою очередь обладает огромным потенциалом с точки зрения социальной теории.

Тематический сборник — это всегда путеводитель, а в данном случае нам предлагается гид по истории отечественной футбольной прозы (с редкими вкраплениями поэзии эпического жанра) второй половины прошлого и начала нынешнего века¹. Сборник «Это футбол!» не обременен паратекстуальными познавательными опциями. Поначалу эта нехватка воспринимается как напрасное упущение. Кажется странным само намерение вот так просто, безо всяких уточнений пространственно-временных координат рождения каждого текста, собрать их под одной обложкой, под предлогом весьма условного единства тематического ядра. Любопытный читатель, у которого интерес к теме художественной репрезентации спорта в целом и футбола, в частности, возник прежде чтения книги «Это футбол!», неизбежно посетует на отсутствие элементарного ссылочного аппарата. Порой эта потребность связана с банальной архаизацией футбольной терминологии из текстов советской эпохи. Современного читателя могут застать врасплох футбольные англицизмы досталинских времен вроде «бека» или «забить в голу». Но эти туманные формулировки тот же застигнутый врасплох читатель сможет быстро уточнить посредством Гугла. Хотя полученная информация не сможет помочь читателю ощутить, что Нагибин не просто соблюдает историческую достоверность, используя туманную заимствованную терминологию, но смакует этот интернациональный жаргон после периода сталинской русификации, когда голкипер превратился во вратаря, а корнер — в угловой. И все же, на наш взгляд, сама футбольная подоплека представленных текстов обязывает к комментарию, причем даже не литературному, а футбольному².

- 1 Актуализация футбольной темы в преддверии Чемпионата мира стала катализатором появления еще одной подборки футбольной литературы, поэтического сборника «Ликует форвард на бегу»... Футбол в русской и советской поэзии 1910-1950 годов» (ГУ ВШЭ, 2016, сост. А. Амальдинова, О. Лекманов, М. Свердлов). Даже при беглом сравнительном взгляде на два этих издания бросается в глаза принципиальное жанровое отличие: поэтический сборник не просто снабжен научно-справочным аппаратом, но по самой своей сути и прагматике подчинен прежде всего академическим задачам. Комментарии в этой книге едва ли не важнее оригинальных текстов.
- 2 Так, например, документальному рассказу Сергея Шаргунова «Чеченский футбол» о его журналистском опыте работы на матче российской премьер-лиги между московским ЦСКА и клубом, прежде известным как грознен-

Но если откровенно документально-автобиографическая проза недавнего прошлого оставляет простор для оперативной сетевой справки, то факты футбольной жизни советского периода без намеренной подсказки будут смотреться исключительно как игра авторского воображения. Конечно, и самый неискушенный в футбольной кухне читатель (вновь автобиографической) повести Юрия Нагибина «Как я не стал футболистом?» без труда опознает в вымышленной команде «Локомотиль» футбольный клуб «Локомотив». Но вот угадать, что у героя повести, французского тренера Жюля Вальдека был реальный прототип по фамилии Лимбек, тренировавший во второй половине 1930-х годов не только «Локомотив», но и по понятным причинам особенно значимый в то время тбилисский «Динамо», смогут считанные единицы посвященных. Множить примеры смысла нет, речь о том, что даже решив изначально отказаться от научного издания с анализом текстуальных особенностей и интертекстуальных связей в духе сборника «Ликует форвард на бегу...», составителю «Это футбол!» не следовало пренебрегать контекстуальными пояснениями того самого футбольного «сора», из которого выросли включенные в сборник тексты.

262

Однако мотив, которым руководствовался составитель книги и главный редактор издательства «Лимбус Пресс» Вадим Левенталь, отказываясь от комментариев, понятен. Таким образом подчеркивается самодостаточность литературных достоинств собранных текстов. Институт литературного комментария всегда задает некую дистанцию в отношениях читателя с текстом, обнаруживает и восполняет лакуны читательского знания, акцентируя просветительский аспект самого акта чтения и подспудно умаляя принцип удовольствия от текста. Снабженный комментарием текст — это априори текст с историей, Левенталь же намеренно элиминирует всякую дистанцию, предлагая читателю непосредственное знакомство с литературой, ни к чему его не обязывающее.

В вышедшем уже по ходу чемпионата сборнике «Игра народная. Русские писатели о футболе» (2018), практически идентичном по замыслу, но значительно более объемном и менее цельном, наличествует хотя бы справка об авторах, где можно выяснить, например,

ский «Терек» (ныне «Ахмат»), явно не хватает краткой справки о том, имел ли такой матч место в действительности и, если имел, то чем примечателен. Высокая степень соотносимости околофутбольной прозы с непосредственными футбольными реалиями должна быть учтенной на страницах столь специализированного издания. Ровно то же самое касается и еще более документального, близкого к жанру поста в Фэйсбуке, рассказа Аглаи Топоровой «Гол тебе, Вася», события которого нанизаны на сюжет матча между сборными Германии и Украины.

что рассказ «ДЮСШ имени Горького» написан в 2014 г. и впервые опубликован в сборнике ««Это футбол! Писатели на стадионе»». Два сборника действительно похожи. Объединяет их не только общая тема, но и совпадение отдельных текстов (помимо упомянутого рассказа Сергея Самсонова еще повесть «За дармоедами» Александра Терехова и эссе «По воротам» Сергея Носова) и даже созвучие названий: «Это футбол! Писатели на стадионе» и «Игра народная. Русские писатели о футболе»¹. Надо отдать должное сборнику Левенталю, он выгодно отличается стремлением к интонационной и жанровой органичности собранных текстов. «Игра народная» представляет собой скорее коллаж, скомпилированный по принципу «из того, что было»: рядом с прозой неожиданно возникает аналитическая эссеистика, а с Мандельштамом и Заболоцким — спортивная журналистика в блоговом формате. В этом случае претензия на масштабность сказалась на размытости общего концептуального начала. По большому счету в книге «Это футбол!» оно тоже довольно размыто, и с первого взгляда нащупать нечто общее между, скажем, фельетоном Ильфа и Петрова и поэмой Дмитрия Данилова не так просто. Разумеется, если искать сходства за рамками самоочевидного фокуса на футболе. Тем не менее в принципе составления сборника «Это футбол!» есть значимое условие, заметно понижающее степень содержательной энтропии.

263

Снова обратимся к названиям двух сборников, но на этот раз сконцентрируемся не на композиционном сходстве, а на отличиях семантического свойства. Итак, «Игра народная» и «Это футбол!» с подзаголовками «Русские писатели о футболе» и «Писатели на стадионе». При внимательном взгляде становится ясно, что в названиях сборников акцентируются различные аспекты взаимосвязи литераторов и футбола. В первом случае педалируется национально-исторический контекст: «Игра народная» недвусмысленно апеллирует к формуле «Война народная», а в подзаголовке подчеркивается принадлежность авторов к традиции русской словесности. Адресация названия книги «Это футбол!» иная и более специализированная. Оно повторяет название советского сборника футбольной литературы и публицистики, изданного в 1967 г. «Молодой гвардией» (сост. Н. Елинсон), памятного сегодня только редким знатокам. Таким образом, сборник вписан не в национальную литературную традицию, но в ее конкретный сегмент, несправедливо обойден-

1 Отмечу попутно созвучие названий и двух других сборников, о которых шла речь, в обоих использован принцип вынесения в заглавие строк из футбольных стихотворений Заболоцкого и Евтушенко («Ликует форвард на бегу» и «Вратарь, не суйся за штрафную»).

ный вниманием и массового читателя, и специалиста-филолога. Сверхзадача книги — не вписаться в устойчивую глобальную традицию, но скорее *post factum* изобрести незамеченную прежде локальную. Этот тезис наглядно иллюстрирует подзаголовок «Писатели на стадионе». Здесь речь снова о стирании дистанции. Формулировка «русские писатели о футболе» выстраивает отношения писателя с футболом в духе субъектно-объектной традиции, где футболу вменяется роль отвлеченного материала для творчества Русского Писателя. При этом сам писатель может иметь о футболе весьма туманные представления, самоценным становится факт брошенного в сторону зеленого газона писательского взора. «Писатели на стадионе» интегрированы в футбольный мир, вписаны в ритуал, а не отстраненно свидетельствуют о нем.

264

О распространенности футбольной лихорадки в среде советской художественной интеллигенции сказано уже достаточно много, в том числе и самими художниками-болельщиками (тексты Трифонова, Евтушенко, фильм «Футбол нашего детства» Алексея Габриловича). Чего в этом больше — эскапистского желания отстраниться от суровой социальной действительности (о чем чаще всего говорится на примере заядлого футбольного любителя и статистика Дмитрия Шостаковича) или поиска наиболее безопасной аполитичной сферы для дальнейшего применения эзопова языка (Трифонов, Гладиллин)? Гипотезы на этот счет можно множить до бесконечности. Однако во всей советской футбольной литературе имплицитно присутствует авторская благодарность футбольному закону — редкому примеру безоговорочной справедливости в современном мире. Важно, что советские спортивные тексты в описании соревновательных сцен всегда уповают на справедливый итог: герой может выиграть или проиграть, но и то, и другое будет ему по заслугам. Неслучайно в этих текстах практически никогда не случается судебных ошибок (да и сами судьи появляются редко), исключены договорные матчи (эта проблематика приходит с перестройкой). Герой советских спортивных книг или фильмов должен реализовать заложенную в принципах спортивного мира справедливость, герой зарубежных фильмов (чаще всего боксер) должен противостоять ее отсутствию.

Не думаю, что Вадим Левенталь прав, когда во вступлении к сборнику заявляет о притязаниях на введение в литературный обиход нового жанра. Во-первых, жанр спортивной прозы так или иначе существовал, пусть и на периферии литературного процесса. А во-вторых, сами тексты сборника столь разножанровы, что с трудом объединяются в общий стилевой регистр по принципу тематической общности. Тем не менее сборник «Это футбол!», на наш взгляд, действительно может претендовать на введение в литературный мир

новой концептуальной единицы: фигуры писателя-болельщика. Приведу слова Левенталья из личной беседы: «Идея книги появилась, когда я вдруг обнаружил, что многие творческие люди увлекаются футболом. “А писатели?” — подумал я. Оказалось, и писатели. Не все. Но уж если писатель болельщик, то не в меньшей степени, чем любой другой. Словом, понемногу собрался целый список, а вместе с тем стали всплывать и тексты советских писателей — среди них тоже многие были болельщиками. В конце концов стало очевидно, что книга, в сущности, уже собралась, надо только ее напечатать». При составлении сборника Левенталь руководствовался прежде всего принадлежностью авторов к болельщицкому сообществу. Отсюда и изобилие автобиографических мотивов, и нескрываемая любовь к футбольной поэтике. «Игра народная» в этом смысле внутренне более противоречива: слишком не-писатели (футбольные комментаторы и аналитики) соседствуют со слишком не-болельщиками, не скрывающими порой ироничного отношения к практике «болезни». Возможно, именно по этому признаку была включена повесть «Его опасные пасы» заядлого болельщика Константина Ваншенкина и осталось за рамками сборника тонкое, но лишенное чувства преданности народной игре сочинение Василия Аксенова «Папа, сложи». С наибольшей наглядностью болельщицкий характер сборника проявился в следующем факте: при подавляющем приоритете прозаических текстов в сборник были включены только два поэтических произведения и оба в жанре оды любимому футбольному клубу («День “Зенита”» Геннадия Григорьева и «“Арсенал” — “Динамо”» Дмитрия Данилова).

265

Можно даже попробовать предложить простейшую классификацию футбольных текстов по степени вовлеченности автора в собственно футбольную проблематику. Упомянутый текст Аксенова выбивался бы из футбольного сборника, потому что в центр своего внимания автор помещает этический конфликт, по большому счету нейтральный к футбольной теме и поддающийся перенесению в любую иную социальную среду. Кстати, то же самое можно сказать и о повести «Дым в глаза» Анатолия Гладилина. Хотя она и была написана по мотивам одиозного дела Стрельцова, она нисколько не утратила бы ни художественной, ни семантической значимости, будь ее герой не футболистом, а, к примеру, известным музыкантом. Я не располагаю точными сведениями насчет интереса к футболу Аксенова и Гладилина (хотя известно, что Аксенов был ближе к боксу). Однако даже если предположить, что оба писателями были заядлыми любителями игры в мяч, то их прозу никак нельзя считать болельщицкой.

В качестве контр-примера приведу знаменитый роман «Вратарь республики» Льва Кассиля, ключевой спортивный текст сталин-

ской эпохи. В основе сюжета история «перековки» зазнавшегося и оторвавшегося от коллектива «сухого» голкипера Антона Кандидова. Сама по себе эта линия опять же футбольно нейтральна и несет на себе идеологическую нагрузку, представляя вполне типичный пример соцреалистического романа-перевоспитания, на месте непробиваемого вратаря вполне мог бы оказаться любой передовик производства. Не добавляют тексту «футбольности» и внедрения персонажей из реальной футбольной жизни того времени, например знаменитого испанского вратаря Рикардо Заморы. Как ни странно, «футбольность» привносится за счет своеобразного рефлексивного «остранения». Фанатично преданный футболу Кассиль вводит в повествование свое альтер эго — журналиста Евгения Кара (Карасика), чье сближение с миром футбола становится самостоятельной сюжетной линией, исполненной рефлексии о социальной значимости футбола и вообще отношениях человека с игрой в футбол в самом широком смысле. Именно этот рефлексивный аспект, нацеленный на саму «материю» футбола, превращает текст из нейтрально-футбольного в непосредственно-футбольный. К этой категории немудреной дуальной таксономии футбольных текстов относится и подавляющее большинство произведений рецензируемого сборника. Но стоит подчеркнуть, что так называемые непосредственно-футбольные тексты (или болельщицкая проза) не подразумевают только страсти автора к объекту своего наблюдения, речь идет о более серьезной теме авторефлексии писателя, о корреляции его футбольного опыта с литературным. Самым показательным в этом смысле является, пожалуй, текст Юрия Нагибина «Как я не стал футболистом», который с тем же успехом мог бы быть назван «Как я стал писателем».

Единственным отступлением от заявленного принципа принадлежности авторов к касте болельщиков стали в альманахе три текста авторов-женщин. Решив соблюсти принцип гендерного равенства в как бы заведомо неженской сфере, Левенталь на деле только подчеркнул ощущение неуместности женского присутствия в футбольной стихии. Совсем по касательной связан с футболом рассказ Ольги Погодиной-Кузминой «В солнечной Бразилии». Равнодушием к народной игре проникнут рассказ Аглаи Топоровой в жанре эго-документа «Гол тебе, Вася». И попытка стилизации от Анны Матвеевой — рассказ «Минус футбол», где футбол лишен какого-либо содержательного измерения, но используется как привычный маркер мужского мира, призванный усилить достоверность повествования от лица мужчины. Пожалуй, авторская дистанция от футбола подспудно проговаривается в симптоматичной фразе об одной из героинь рассказа: «Она, кажется, в самом деле любила футбол и разбиралась в нем — а это женщине сложно простить». Если рассматривать

сборник «Это футбол!» в гендерной перспективе, то он маркирует примерно следующее положение: женщины стали писать о футболе, но в футбол пока не вписались. Можно предположить, что такая ситуация связана с самой интенцией женских художественных интервенций в футбольную сферу. Кажется, импульс для обращения к футбольной теме задает в данном случае феминистская логика экспансии прежде табуированных для женщин пространств. Неосвоенная и априори маскулинная территория футбола должна быть о(при-)своена в рамках общей программы эмансипации, и футбол в данном случае лишь повод, но никак не самоценный интерес. Однако эта тема требует отдельного разговора и более объемного подбора текстов.

Как и любой другой тематический альманах, «Это футбол» обречен на претензии по части упущений, сетований о напрасно не включенных текстах¹. В целом же при самом беглом взгляде на содержание бросается явная диспропорция в соотношении текстов советской эпохи и современными. На пятнадцать включенных в сборник произведений приходится лишь четыре советских. Этот очевидный дисбаланс вводит в заблуждение, создавая впечатление большей востребованности спортивной темы в современной литературе, что, конечно же, не соответствует действительности. Кроме того, от такого подбора возникает неизбежное впечатление, что составители сначала планировали ограничиться исключительно современным материалом, но, собрав его, решили сделать советский «довесок» из каких-то сугубо технических соображений — не хватило то ли объема, то ли солидности.

Еще одним слабым звеном принципа отбора текстов в сборник «Это футбол!» стала, на наш взгляд, своеобразная партийность этого издания. Вадим Левенталь еще и ответственный секретарь оргкомитета литературной премии «Национальной бестселлер». Состав участников сборника выдает ангажированность составителя: из девяти современных прозаических текстов восемь принадлежат номинантам или победителям «Национального бестселлера» разных лет. В самом по себе этом факте нет ничего удивительного и предосудительного, в конце концов определенной «кружковостью» гре-

1 В частности, не может не смутить отсутствие в книге произведений двух столпов советской футбольной литературы, полжизни совмещавших писательскую деятельность со спортивной журналистикой, Льва Кассиля и Юрия Трифонова. И если о Трифонове Левенталь вспоминает во вступлении, сетуя на несговорчивость правообладателей, то о Кассиле вовсе не упоминает, хотя в учреждаемом с легкой руки Левенталья жанре тот был первопроходцем. Не вошла и знаменитая повесть Анатолия Гладилина «Дым в глаза», поскольку оказалась «слишком большой» для формата сборника.

шит каждый второй альманах. И все же даже легкий намек на ощущение авторского «междусобойчика» чреват подозрением в узости и нерепрезентативности представленного спектра текстов.

Тем не менее сборник «Это футбол! Писатели на стадионе!», безусловно, внес немаловажный вклад в процесс легитимации футбольной темы в гуманитарной среде. Важно, что его выход совпал не только с контекстом Чемпионата мира, но и с беспрецедентной актуализацией футбольной темы в популярном отечественном кинематографе. И к этой тенденции сборник «Это футбол!» оказывается по-своему оппозиционен. Попытка российских кинематографистов извлечь свою выгоду из домашнего Чемпионата мира связана с общей вульгаризацией экранного футбола в России. Массовая культура по-прежнему отказывается искать в спортивных буднях и состязаниях альтернативы шаблонным историям индивидуального успеха героя-победителя или коллективного духоподъемного триумфа команды-нации. В целом околофутбольная риторика по-прежнему страдает от тотальной унификации и банальности. Полагаю, с этой точки зрения футбол сравним разве что с политикой, обе эти сферы общественной жизни в равной степени и массово обсуждаемы, и предельно вульгаризированы. Вероятно, такая ситуация является неременной издержкой оценочного дискурса, на который провоцируют обывателя спорт и политика.

268

Поверхностные суждения о футболе можно считать неизбежными, и тем более ценными становятся попытки высказаться о футболе не в жанре отповеди или объяснения в любви, как это, к сожалению, до сих пор принято в нашей художественной и ученой среде, но в аналитическом режиме. Сборник «Это футбол!» предлагает особый ракурс на сам принцип повествования о спорте, отличающийся парадоксальным синтезом интроспективного лиризма и феноменологического взглядывания. В массовом кинематографе мы имеем дело с футболом (или любым иным видом спорта) как с безусловной данностью, априори обеспеченной общественным вниманием, в то время как большинство текстов сборника через обращения к личным историям авторов проблематизируют сам факт столь всеобъемлющего присутствия игры в ножной мяч в нашей повседневности и в нашем образе мысли.

Полагаю, на волне колоссального успеха Чемпионата мира в России эта тема должна оказаться в фокусе внимания социологов, антропологов и других ученых, занятых материей повседневного опыта современного человека. Сборник «Это футбол!» важен прежде всего как попытка отказа от тривиального подхода к футбольной теме (дань которому отдана в целом ряде текстов сборника «Игра народная») и как демонстрация того, что болельщики тоже пишут, а писатели тоже «болеют».

Библиография

Гуттман А. (2016) *От ритуала к рекорду. Природа современного спорта*, М.: Изд-во Института Гайдара.

References

Guttman A. (2016) *От ритуала к рекорду. Природа современного спорта [From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports]*, М.: Izd-vo Instituta Gajdara.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Апостолов А.И. (2018) Футбол с восклицательным знаком. Рецензия на книгу: Это футбол! Писатели на стадионе, М.: Лимбус Пресс, 2017. *Социология власти*, 30 (2): 259-269.

Apostolov A.I. (2018) Football with an Exclamation Mark (2017). Review: This is Football! Writers at the Stadium, М.: Limbus-press. *Sociology of Power*, 30 (2): 259-269.

Поступила в редакцию: 27.06.2018; принята в печать: 29.06.2018

ДМИТРИЙ В. МИХЕЛЬ

РАНХиГС, Москва, Россия

Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона

Рецензия на книгу: Адельфинский А.С. (2018) Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-270-281

270

По уверению автора, работа над рукописью этой книги велась всего шесть месяцев, но сбор материала и глубокое погружение в предмет началось в 2004 г., если не раньше, когда начинающий ученый-экономист и преподаватель МВТУ им. Н.Э. Баумана Андрей Адельфинский по-настоящему «заболел» триатлоном и стал участвовать в соревнованиях международного и российского уровня, а также занялся «продвижением» этого вида спорта в России, стал анализировать сопутствующие этому проблемы и пытаться их решить как в практическом плане, так и на теоретическом уровне.

В результате в издательстве «Дело» РАНХиГС увидела свет необычная книга, которую по жанру можно отнести и к дневнику полевых наблюдений, и к исследованию в духе крайне еще редких у нас *sport studies*, под которыми следует понимать всю совокупность социальных исследований спорта. Ибо спорт есть прежде всего социальный феномен исследований, где используются методы социологии, социальной антропологии и экономической теории.

«Назло рекордам» — книга не только интересная, но и знаковая. Ее «знаковость» заключается в том, что она появилась в тот самый мо-

Михель Дмитрий Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС. Научные интересы: медицинская антропология, социальная история медицины, социальная история науки. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Dmitriy V. Mikhel — professor of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEPА Research interests: medical anthropology, social history of medicine, social history of science. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

мент, когда массовый спорт в России в очередной раз вышел из тени спорта элитарного, спорта не для всех, того самого спорта, который привычно ассоциируется с такими масштабными зрелищами, как Олимпиада или Чемпионат мира по футболу. Впрочем, насколько этот выход из тени окажется успешным и сможет ли массовый спорт выжить в новых условиях — это большой вопрос. И это один из главных вопросов книги о триатлоне — спорте «железных людей», для которых каждый старт является испытанием на прочность последовательно тремя разными способами: в заплыве на открытой воде, изнурительной многочасовой велогонке и забеге на марафонскую дистанцию (или еще большую по продолжительности).

Есть в книге и целый ряд других вопросов: «Что действительно движет людьми, участвующими в изнурительных соревнованиях без малейших шансов на выигрыш? Что мотивирует их даже платить за свое участие? Это характерно лишь для бегунов или есть подобные виды спорта? Кто и сколько на этом зарабатывает? Как работает феномен в целом и что он представляет собой как социальный институт?» [с. 15].

Спорт для всех и не для всех

271

Размышляя о феномене футбола, зоолог и антрополог Десмонд Моррис утверждал, что спорт в его современном понимании родился как культурная практика, заменившая охоту, которая была важной частью человеческого образа жизни на протяжении многих тысячелетий нашей прежней истории. С появлением сельского хозяйства и ремесленного производства хозяйственная потребность в первобытном способе добывания пропитания исчезла, но физиологическая, психологическая и социальная потребность в активном движении и азартном времяпрепровождении никуда не делась. Каналом для реализации этой неискоренимой, «животной» потребности для «цивилизованного» человека стал именно спорт [Morris, 1981, p. 10].

Автор книги руководствуется той же идеей, ссылаясь на родоначальника этологии Конрада Лоренца и называя спорт «превосходным средством социальной разрядки», «средством переориентации» присущих человеческой природе «агрессии и межгрупповой вражды», «культурно-ритуализованной формой сублимации низменных инстинктов», «очевидным субститутотом радикально-политической деятельности» [с. 276].

В таком понимании спорт, конечно, есть очень давнее проявление человеческой природы и почтенный по возрасту социальный институт, но при этом устройство этого института за последнее столетие изменилось. Автор справедливо указывает на то, что на исходе XIX в. в развитых странах мира сложилось представление о спор-

те как двучленной структуре: с одной стороны, элитный спорт, спорт не для всех, спорт большой политики и больших достижений, с другой — массовый спорт, спорт для всех или физическая культура. Между двумя сторонами этой структуры существует связь, которую обычно понимают так, как в свое время это предложил основатель современного олимпийского движения, француз Пьер де Кубертен: «Для того чтобы сто человек занимались физической культурой, нужно, чтобы пятьдесят человек занимались спортом; для того чтобы пятьдесят человек занимались спортом, нужно, чтобы двадцать человек были спортсменами-специалистами; для того чтобы двадцать человек были специалистами, нужно, чтобы пять человек могли показать удивительные достижения» [с. 19].

272

Спорт для всех или физическая культура, с точки зрения этой кубертеновской логики олимпизма, мыслится как резерв и прочное основание для спорта высших достижений, спорта Олимпиад и чемпионатов, который оказывается вершиной упомянутой выше двучленной структуры, определяемой автором книги как «пирамида». Для Кубертена, как и его преемников по Международному олимпийскому комитету, было совершенно понятно, что спорт рекордов невозможен без подпитки со стороны массового спорта, но при этом, согласно логике олимпизма, начинать надо всегда сверху, причем как в общефилософском, так и в административно-экономическом смысле. Так, всего несколько лет назад Жак Рогге (президент МОК с 2001 по 2013 г.) утверждал: «Я верю в массовый спорт, но если расставлять приоритеты, то я начал бы с вложения средств в элитный спорт, а затем вовлекал бы в спортивную орбиту все больше людей. В противном случае вы построите нежизнеспособную систему» [с. 20].

Точка зрения Кубертена-Рогге (логика олимпизма), как показано в книге, обычно является крайне губительной для развития спорта для всех. МОК как главный управленческий орган всего мирового спорта вместе со всеми сопутствующими ему международными институтами, такими как Международный спортивный суд (CAS) и Всемирное антидопинговое агентство (WADA), подталкивает правительства всех стран к тому, чтобы они уделяли приоритетное внимание именно спорту олимпиад и чемпионатов. Отсюда берет начало практика распределения денежных средств на развитие национального спорта, при которой все большая их доля уходит на элитный спорт с его зрелищными формами, тогда как спорту для всех — студенческому, детскому, народному — достаются крохи.

В СССР соответствующая практика начала складываться в 1930-е годы, когда тогдашние патроны отечественного спорта перестали критиковать «рекордизм» и «чемпионство» и призвали советских атлетов «бить рекорды» [с. 316]. Советская модель организации

спорта была унаследована и в современной России, где массовый спорт также занял маргинальное положение в сознании основных практиков и теоретиков спорта (спортивных педагогов и тренерского корпуса, прежде всего) и в сознании спортивных чиновников и политических управленцев. Характерный пример такого подхода — государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» на 2013–2020 гг. В первой ее версии (20.03.2013) правительство планировало направить на развитие массового спорта 19,9% от общего объема всех выделяемых средств, тогда как в финальной редакции (15.04.2014) на эти цели выделено всего 4,6% [с. 26–27].

Финансирование спорта для всех по остаточному принципу, как показано в книге, есть нормальная логика для приверженцев олимпизма. Согласно ей, спорт высших достижений должен совершенно подчинить «меньшего брата». Именно поэтому огромных стадионов должно, кажется, строиться больше, а маленьких площадок для всех желающих заниматься обычным спортом — меньше или не строиться совсем. В противовес этой логике, как выясняется, существует и совершенно другая, которая развивается снизу и придерживается иных принципов — самоорганизации, самообеспечения, самофинансирования. Именно эта альтернативная логика позволяет массовому спорту выживать в условиях практически полного невнимания к нему со стороны правительств и спортивного истеблишмента, которые при этом поддерживают риторику о необходимости поддержки спорта для «мальчишек и девчонок» и важности «заботы о здоровье нации».

Речь идет о логике, обеспечивающей выживание именно тех видов спортивной активности, которые не являются зрелищными, не требуют больших стадионов, существенных расходов и могут считаться общедоступными. В книге «Назло рекордам» к их числу относят прежде всего лыжные гонки, заплывы на открытой воде, шоссейные велосипедные гонки, бег на длинные дистанции и различные варианты их комбинаций, одной из которых является триатлон.

Отличительной приметой спорта для всех является возраст его участников. В многочисленных табличках и цифровых данных, которыми богата книга, регулярно указывается на то, что типичным представителем массового спорта является атлет среднего или даже пожилого возраста, «ветеран». Почти всегда этот спортсмен-ветеран занят тем, что соревнуется в первую очередь с самим собой или в лучшем случае с парой-тройкой своих знакомых, таких же, как он сам, ветеранов. Он далек от мысли ставить рекорды, а зачастую и вообще бежит им назло. Для спорта рекордсменов такой тип спортсмена всегда является неудобным и нежелательным, как тот знаменитый

«старик Бэйли», «настоящее проклятье для организаторов пробегов, которым не очень нравилась перспектива каждый раз дожидаться его на финише в сумерках» [с. 122]. Как показывает автор книги, непочтительное отношение к ординарным атлетам — вещь крайне характерная для подавляющего большинства спортивных ситуаций как для западного мира второй половины 1940-х, так и, например, для чемпионата России по триатлону 2005 г. в Пензе, где судьи и организаторы соревнований пытались насильно снять с дистанции российских «стариков Бэйли», поскольку они-де слишком отстают от основной массы участников [с. 122-123].

И все-таки, несмотря на предвзятое отношение к «ветеранам» во время соревнований со стороны организаторов, «ветеранский», «массовый спорт» продолжает существовать, демонстрируя способность занимать социально-экологические ниши, которые не захвачены «логикой олимпизма» и «этосом рекордизма». Хорошим примером как раз является триатлон.

Триатлон как он есть

274

Триатлон — спорт «железных людей». Символическое название прикрепило к этому виду троеборья после того, как 18 февраля 1978 г. на гавайском острове Оаху состоялись первые соревнования из серии Ironman. Они включали в себя плавание вдоль пляжа Вайкики (3,86 км), велогонку вокруг всего острова (180 км) и марафонский бег (42,2 км). «Вам будет чем похвастаться на склоне лет!», сообщалось в рукописной афише, разосланной командером ВМС США Джоном Коллинзом по местным любительским клубам. На старт вышло пятнадцать мужчин, из которых двенадцать, включая самого Коллинза, успешно завершили дистанцию. Первым финишировал Гордон Халлер, водитель такси из Гонолулу, результат которого составил 11 часов 46 минут и 58 секунд. Все пришедшие на финиш получили в подарок памятную майку и фигурку человечка из железных труб [Адельфинский, 2006].

Предыстория соревнований на Гавайях сравнительно коротка. Она связана с именем американца из Сан-Диего Джека Джонстона, который в 1971 г. увлекся популярным тогда бегом трусцой, главным пропагандистом которого в советское время считался новозеландский тренер Артур Лидьярд. Поначалу для Джонстона моральным обоснованием интереса к бегу являлся мотив обретения юношеской стройности, т. е. идея поддержания здоровья через занятия спортом, которую продвигали Лидьярд, Кеннет Купер и подобные авторы. Однако, пристрастившись к бегу, Джонстон вскоре стал искать поводов для участия в любительских соревнованиях.

В 1973 г. он познакомился с Доном Шанаханом — фанатом велоспорта; вместе они придумали соединить три «ветеранских» вида спорта — бег на длинную дистанцию, плавание на открытой воде и велогонку. Соревнование по новому виду спорта — триатлону — решили провести в беговом клубе Сан-Диего. Первый триатлон в Сан-Диего состоялся 25 сентября 1974 г. Он включал в себя велозаезд на 5 миль, бег на 6 миль и плавание на 500 ярдов. На старт вышли 46 атлетов, а сам главный организатор — учитель математики Джонстон — прибежал шестым. Участником памятной гонки был и Джон Коллинз, который «затем масштабировал концепт в нечто невероятное». Важное значение такого рода экспериментам придала и публикация Барри МакДермотта в «Sports Illustrated» в мае 1979 г., который в ироничном тоне изложил историю первого Ironman на Гавайях: «Главное в этом соревновании — его очевидная бессмысленность». Эффект публикации был обратный тому, на который, видимо, рассчитывал ее автор. Уже в следующем году соревнования подобного рода стали проводиться в других местах, в том числе в социалистической Чехословакии [с. 169-171; Адельфинский, 2006].

Попытки понять триатлон изнутри, представленные в книге, показывают, что основные цели участников можно разделить на три типа: «быть в форме» (for fit), «ради развлечения» (for fun), «ради вызова» (for challenge). Логика fit-fun-challenge — это собственно и есть логика, альтернативная олимпизму. Свои ощущения от участия в соревнованиях по триатлону автор «Назло рекордам», как правило, не высказывает, но зато часто цитирует мнения других участников таких состязаний, в том числе тех, кто пытался бегать длинные кроссы и заниматься чем-то похожим на триатлон еще в советскую эпоху. «Бежишь словно на автопилоте. Спрашиваешь себя: “А зачем нужно это кошмарное самоистязание?” Но разум просто не способен напрячься, чтобы ответить. Зато нет более упоительного мгновения в триатлоне, чем небесные минуты после финиша» [с. 79].

Для участников марафонских забегов и триатлетов из числа ординарных спортсменов всякий их старт — это не просто соревнование, но и испытание на прочность, проверка себя на пределе человеческих возможностей. В этом смысле соревнования по триатлону — никакая не увеселительная прогулка, а нечто сопоставимое с тем, что испытывают на себе профессиональные спортсмены на самых сложных стартах, если не сказать больше. Триатлон — не заурядная физкультура, в том смысле как ее традиционно понимали чиновники из спорткомитетов. Цель, которую ставит перед собой ординарный спортсмен, выходящий на старт в триатлоне, столь же высока, как и цель, которую ставит элитный спортсмен. Того и другого объединяет «фактор целеполагания» [с. 80].

Сравнительная картина проведения соревнований по триатлону, представленная в книге, показывает, что их организация в России и странах Запада вплоть до самого недавнего времени осуществлялась по разным лекалам. В Германии, Франции, Австралии или США подавляющее большинство соревнований «железных людей» — это общие старты для всех участников независимо от их возраста и спортивного потенциала. По итогам соревнований все получают скромные подарки (обычно это майка), а, кроме того, участвуют в нехитрых застольях и наслаждаются музыкальными номерами, являющимися важной частью общего фестиваля. Допуск к старту не омрачается бюрократическими проволочками, а стартовый взнос как правило необременителен, что позволяет простым спортсменам принимать участие и в других таких же соревнованиях по всему миру.

276

В России с начала 2000-х, когда триатлон стал частью официального календаря спортивных мероприятий, из соревнований практически сразу были исключены все обычные триатлеты. Упомянутые соревнования в Пензе с самого начала превратились в отборочный турнир для выявления потенциальных членов сборной страны с целью их дальнейшей отправки на международные соревнования. Попытки отечественных энтузиастов триатлона, в том числе и автора книги, изменить ситуацию постоянно наталкивались на сопротивление чиновников спорткомитета и тренерского корпуса, которые просто не понимали, чем может быть полезен западный опыт массовых стартов, коль скоро речь идет о спорте, который с 2000 г. включен в программу Олимпиад, а значит, требовал к себе соответствующего, «олимпийского», отношения.

Как показано в книге, экономика триатлона на Западе с самого начала его существования строилась на самокупаемости. Организатор первого Ironman на Гавайях старший морской офицер Коллинз провел первое мероприятие по собственной инициативе и на свои деньги. В дальнейшем экономическая база многих соревнований по триатлону тоже строилась на принципах самофинансирования. И это было довольно логично, поскольку для проведения соревнований обычно не приходилось арендовать дорогостоящие спортивные сооружения, а большинство из организаторов и сами выступали в роли участников соревнований. Тем не менее триатлон не избежал участи большинства других видов спорта, постепенно превращаясь в бизнес там, где в управление включились частные инвесторы и городские власти.

Особенно ярко это сказалось на судьбах серии Ironman. Автора идеи Коллинза командование перевело на другое место службы, и он передал свое детище на попечение владелице местного фитнес-клуба Валери Силк. При ней гонка Ironman превратилась в бренд и бизнес-

проект, а затем — в целую серию стартов под одним брендом. В 1990 г. Силк продала франшизу Ironman корпорации World Triathlon Corporation (WTC), которая стала проводить соревнования по «железному спорту» по всему миру, собирая одних только стартовых взносов на сумму более чем 25 млн долларов [с. 172, 182; Адельфинский, 2006].

В истории развития триатлона есть страницы, связанные с борьбой за мировое господство. В книге они представлены как конфликт европейских и американских представлений об организации спорта, как история борьбы за создание единого органа управления между Европейским союзом триатлона (ETU) и «американским альянсом», затем перешедшая в противостояние Международного союза триатлона (ITU) и WTC. Согласно сложившимся в Европе и разделяемым МОК представлениям, управление видом спорта и проведение соревнований национального уровня находится под эгидой некоммерческих организаций (спортивных федераций и союзов), вершиной же системы соревнований обычно является Чемпионат мира. Фактически же триатлон возник в США и стал развиваться по американской модели — в нем существовало несколько самопровозглашенных коммерческих чемпионатов, включая гавайский Ironman.

277

«Европейская фракция» искала способы утвердить приоритет над подобными чемпионатами, что не всегда совпадало с частными интересами организаторов. В итоге ITU был создан только в 1989 г., причем лишь при активной поддержке президента МОК Хуана Антонио Самаранча, который заразился идеей включить триатлон в программу Олимпиад. И хотя ITU старался избавиться от главного конкурента и даже инициировал судебные процессы против WTC, данная борьба не увенчалась успехом. Благодаря праву собственности на бренд Ironman, WTC закрепил за собой лидерство в сегменте соревнований на длинной дистанции, тогда как ITU сосредоточилась на более короткой «олимпийке» (плавание 1,5 км + велоэтап 40 км + беговой этап 10 км). При этом WTC перестала называть свои события «триатлон», учредила собственные правила и стала позиционироваться как автономный вид спорта. По итогам глобального противостояния WTC и ITU стали появляться и другие проекты, такие как Challenge, созданный в Германии. С 2012 г. ETU стал блокироваться с Challenge, «используя ее старты как площадки для официальных чемпионатов Европы» [с. 182-185].

Новейшая история триатлона в России — еще один предмет для специального изучения и, очевидно, для определенных оргвыводов. Автор «Назло рекордам» показывает, как в 2010-е в пространство российского триатлона стали вторгаться финансисты средней руки и стартаперы, устанавливающие правила игры и порядки, характерные для американской модели. В 2011 г. группа предпринимате-

лей организовала первый коммерческий триатлон, затем еще одна подобная группа заявила о желании привлечь в страну франшизу Ironman. Спустя некоторое время чиновники Министерства спорта РФ сообщили о существовании уже четырех коммерческих серий триатлонов в России: 3sport, A1, Ironstar и Titan. Причем Федерация триатлона России покровительствовала данным инициативам: в частности, проект Ironstar в 2015 г. провел дебютные соревнования под эгидой Министерства спорта РФ и ITU — чемпионат России и ETU финал кубка Европы. Быстро сложилась «система коммерческих гонок для премиум-аудитории» [с. 346].

Благодаря новым административным подходам и сопровождающим их коммерческим решениям стало понятно, что «триатлон ни разу не дешевый вид спорта» [с. 344]. Медийная раскрутка быстро повысила интерес тех, кто и прежде имел шанс продемонстрировать «железную волю» и «железный характер» — чиновников и бизнесменов. Вслед за увлечением горными лыжами, яхтами, дайвингом для них наступил черед триатлона. Констатируя этот факт, автор книги свидетельствует: «Учителей сжирают бизнесмены, инвестирующие, организующие, участвующие» [с. 349]. Мода на триатлон среди чиновников и бизнесменов закономерно вызывает раздражение отечественных физкультурников, которые возмущены вторжением элитных классов в их традиционную вотчину. Ситуация и впрямь носит парадоксальный характер. По словам любителя спорта со стажем, «пить вдруг стало дешевле, чем бегать» [с. 358].

278

Здоровье нации, фитнес-бум и перспективы массового спорта

Когда Кубертен стал пропагандировать идеи олимпизма, у него сразу же появились многочисленные оппоненты во Франции и за ее пределами. Это были главным образом представители либеральной интеллигенции, которые воспринимали физическую культуру как составную часть гигиенических программ оздоровления нации. В их числе фигурировал знаменитый П.Ф. Лесгафт, который связывал массовый спорт с задачами воспитания будущих поколений и заботой о здоровье нации [Лесгафт, 2017, с. 217-251]. Как анатом, врач и теоретик в сфере детского воспитания, Лесгафт оставил серьезный след в истории отечественных здравоохранения и педагогики, но приходится констатировать, что его представления были преданы забвению спортивными теоретиками и практиками на фоне произошедшего в 1930-е годы поворота к «рекордизму» и «чемпионству».

Причины, по которым этос «рекордизма» вытесняет этос массового участия в спортивных мероприятиях, хорошо и подробно описаны в книге. Одно из характерных объяснений связано с концепцией

агрессии К. Лоренца: спорт позволяет сублимировать природную агрессию человека, а, кроме того, помогает переживать за представителей «своей» группы, с которой каждый из нас эмоционально связан. Поэтому болельщики столь страстно поддерживают свои команды и с легкостью готовы ринуться в схватку со всеми, кто несет угрозу их флагу и групповой идентичности.

Как показано в книге, этим с готовностью пользуются предприниматели, когда строят большие стадионы, покупают спортсменов или целые команды для тех или иных городов. Как правило, это наносит ущерб местному или даже национальному бюджету, но разве возможно устоять при мысли о том, что «наши» теперь обязательно выиграют, а очередные Нью-Васюки станут главным центром галактического спорта [с. 243-244]?

Когда в середине 1920-х Владимир Маяковский посетил США, он критически отнесся к американскому восприятию спорта: десятки тысяч болельщиков приходят на стадионы, но сами они в большинстве своем тщедушны и хилы [с. 284]. В те же самые годы в СССР реализовывался другой подход: спорт становился делом «для всех», а западная модель «рекордизма» осуждалась как неприемлемая. Вопрос о здоровье нации был важен не только для построения социалистического общества в целом, но и для построения крепкой армии, в частности. Такое восприятие спорта не было чем-то новым в истории: о связи между физическим развитием молодежи и потребностями вооруженных сил государства говорили многие ученые и общественные деятели и в XIX в., и даже в XVIII в. Но, как показано в книге, связь между такими словами и делом всегда оставалась зыбкой. Автор «Назло рекордам» считает, что все изменилось лишь в начале 1960-х, когда в США президентом стал Джон Кеннеди — человек не самого крепкого здоровья, всерьез увлеченный спортом [с. 285-289].

В период сравнительно непродолжительного президентства Кеннеди удалось личным примером и решительными административными действиями радикально изменить отношение американского общества к спорту. Из нации болельщиков американцы превратились в действующих спортсменов. Кабинет Кеннеди проводил в жизнь следующую политику: «стране нужен не чемпион, а средний класс спортсменов; надо не смотреть соревнования, а заниматься спортом» [с. 293]. Заданный Кеннеди вектор продолжился и после его трагической смерти. 1960-е годы в США отмечены бумом фитнеса, который стал столь же заметным социальным явлением, как протесты против войны во Вьетнаме, борьба за права женщин и др. Одним из отголосков этого бума стало массовое увлечение бегом, а затем и появление триатлона. В книге подчеркивается четкая связь между спортивной политикой Кеннеди и рождением триатлона в Сан-Диего (1973) [с. 305].

Глобальное распространение фитнеса началось в 1980-е. Составными его частями стали аэробика с миллионами ее поклонников по всему миру, дистанционный бег, поездки на горном велосипеде, плавание на открытой воде и, по-видимому, бодибилдинг. Появление триатлона в нашей стране, несомненно, также связано с глобальным фитнес-процессом. Правда, в России он затянулся, натолкнувшись на реалии социально-экономического кризиса, начавшегося в конце 1980-х. Характерный индикатор данного фитнес-процесса — представленная автором статистика участия в крупнейшем марафонском забеге России. С 1981 по 2012 г. это Московский международный марафон мира (ММММ), с 2013 г. — пришедший ему на смену Московский марафон (ММ).

280 В книге приводится подробный анализ внутренней кухни этой около-беговой истории. После пика в 1990 г. число участников ММММ катастрофически снизилось к 1993 г. и затем сохранялось стабильно небольшим вплоть до начала 2010-х. Вполне вероятно, что это снижение популярности бега является непосредственным отражением не самого успешного периода в новейшей российской истории. На смену ММММ был учрежден ММ, что сопровождалось восьмикратным ростом числа финишеров в течение пяти лет, с 2011 по 2016 г. Этот конкретный успех и рост популярности дистанционного бега в целом были связаны главным образом с мощной рекламной кампанией международного бренда спортивной экипировки, направленной на продвижение бега как формы досуга.

В итоге произошло восстановление старого фитнес-процесса, но уже в эпоху смартфонов и соцсетей. Параллельно Москомспорт поручил организацию наиболее массовых беговых событий столицы, включая главный марафон России, новым, более предприимчивым организаторам, которые смогли не только успешно воспользоваться сложившейся конъюнктурой, но и даже извлечь из бега прибыль. Впрочем, несмотря на весьма высокие оценки со стороны участников и свидетелей новых соревнований, у них выявилась масса недостатков. Атлеты жаловались, что по сравнению с серией ММММ у новых организаторов стартовые взносы за пять лет выросли на порядок (со 100 рублей до 1000-2000 рублей за 10 км). Кроме того, у новых организаторов возникли проблемы с устройением забегов, похоже, ставшие традиционными, — неудобства для участников, неумелая работа на отдельных этапах, поздняя публикация протоколов соревнований [с. 320-326].

Размышляя о перспективах «Московского марафона», а также о других событиях в сфере нового российского массового спорта, автор постоянно задается вопросом: можно ли развивать спорт для всех в условиях давления на него со стороны чиновничества и ма-

лого бизнеса? Найдутся ли среди новейшей российской элиты представители, которые смогут вернуть «массовому спорту его прежнюю доступность?». Пока на этот вопрос ответа у автора нет [с. 380].

Возможно, на этот вопрос смогут найти ответ другие исследователи в сфере *sport studies*. В любом случае «Назло рекордам» — это та книга, в которой такой вопрос не только был поставлен, но и глубоко изучен, по крайней мере на примере такого вида спорта, как триатлон. Бесспорно, и сама книга в целом также не останется без внимания как у многочисленных специалистов, занимающихся экономикой и социологией спорта, так и у более широкой аудитории.

Библиография

- Адельфинский А. (2006) История триатлона — от «Бега с Лидьярдом» до Олимпиады. *TriathlonMasters.ru*. (<http://www.triathlonmasters.ru/history.htm>)
- Лесгафт П.Ф. (2017) Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. *Педагогика. Избранные труды*. М.: Юрайт: 217-251.
- Morris D. (1981) *The Soccer Tribe*, London: Jonathan Cape.

References

- Adel'finskiy A. (2006) *Istoriya triatlona — ot "Bega s Lid'yardom" do Olimpiady* [A History of Triathlon: from "Run with Lidyard" to Olympic Game]. *TriathlonMasters.ru*. (<http://www.triathlonmasters.ru/history.htm>)
- Lesgaft P.F. (2017) *Rukovodstvo po fizicheskomu obrazovaniyu detei shkol'nogo vozrasta* [Manual on physical education of school-children]. *Pedagogika. Izbrannye Trudy* [Pedagogics. Selected works], М.: Yurait: 217-251.
- Morris D. (1981) *The Soccer Tribe*, London: Jonathan Cape.

Рекомендация для цитирования / For citations:

- Михель Д.В. (2018) Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона. Рецензия на книгу: Адельфинский А.С. (2018) Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. *Социология власти*, 30 (2): 270-281.
- Mikhel D.V. (2018) Mass Sport from the Inside: A Participant Observation Experience Presented by A Scientist and Triathlete. Review: Adelfinskiy A.S. (2018) In Spite of Records. Mass Sport Investigation Experience, М.: Izdatelskiy dom "Delo". *Sociology of Power*, 30 (2): 270-281.

Поступила в редакцию: 11.06.2018; принята в печать: 26.06.2018

Авторы

Эдуард Самвелович Акопян — искусствовед, специалист по истории архитектуры. Научный сотрудник Музея архитектуры им. А.В. Щусева. Научные интересы: советская архитектура, архитектура модернизма, культура эпохи авангарда, ardakopian@gmail.com

Андрей Игоревич Апостолов — креативный продюсер Киностудии им. М. Горького, преподаватель сценарно-киноведческого факультета Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, ведущий специалист Отдела образовательных проектов Государственного исторического музея. Научные интересы: история советского кино, теория медиа, репрезентация спорта в культуре. E-mail: parazaurolof@list.ru

282

Константин Алексеевич Бочавер — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией «Психология спорта» Московского института психоанализа, психолог Сборной России по скалолазанию и Академии киберспорта M19. Куратор российского сектора Европейского союза спортивных психологов ENYSSP. E-mail: konstantin.bochaver@gmail.com

Ирина Марковна Быховская — доктор философских наук, профессор, профессор Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета. Научные интересы: прикладная культурология; инкультурация личности; социокультурные проблемы спорта, тела, здоровья. E-mail: bykirina@gmail.com

Екатерина Глориозова — PhD, научный сотрудник, CEVIPOI (центр исследований политической жизни), Université libre de Bruxelles, Брюссель, Бельгия. Научные интересы: социология спорта, спорт и политика, футбольный фанатизм в России. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be

Поль Дичи — профессор современной истории Университета Франш-Конте, директор Центра Люсьена Февра. Научные интересы: спорт и политика, культурная история футбола. E-mail: paul.dietschy@univ-fcomte.fr

Сильвен Дюфрес — агреже по истории и доктор современной истории. Доцент кафедры общественных наук и спорта, член Объединенной

исследовательской группы 6025 Нантского центра социологии, входящего в систему Национального центра научных исследований Франции. Его работы посвящены политике Советского Союза в сфере спорта и досуга. E-mail: Sylvain.dufraisse@univ-nantes.fr

Николаус Катцер — немецкий историк, в 1996-2010 гг. профессор истории Гамбургского университета им. Гельмута Шмидта, с 2010 г. — директор Германского исторического института в Москве.

Олег Васильевич Кильдюшов — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, руководитель исследовательского семинара «Спорт в перспективе социальных и гуманитарных наук». Научные интересы: теория социального порядка, политическая антропология, социология спорта. E-mail: kildyushov@mail.ru

Екатерина Анатольевна Кулиничева — магистр искусствоведения. Независимый исследователь, постоянный автор журнала «Теория моды». Москва. Научные интересы: история спортивного дизайна, история спорта, история костюма и моды, история повседневности. E-mail: kulinichevak@gmail.com

283

Ирина Юрьевна Люлевич — кандидат педагогических наук, доцент Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета. Научные интересы: коммуникативистика, медиадискурс, социокультурные аспекты спортивного медиапространства. E-mail: irinl@mail.ru

Роман Александрович Матвиенко — слушатель МВШСЭН. Научные интересы: объектно-ориентированная онтология, акторно-сетевая теория, социология спорта. E-mail: r.a.matvienko@gmail.com

Дмитрий Викторович Михель — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС. Научные интересы: медицинская антропология, социальная история медицины, социальная история науки. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Гельмут Плеснер (1892-1985) — немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии.

Алексей Александрович Плешков — кандидат философских наук, заместитель директора ИГИТИ им. А.В. Полетаева, преподаватель Школы философии НИУ ВШЭ (Москва, Россия). Научные интересы: история философии, древнегреческая философия, философия времени,

история понятий, герменевтика, эпистемология гуманитарных и социальных наук. E-mail: apleshkov@hse.ru

Александра Олеговна Савинкина — научный сотрудник лаборатории «Психология спорта» Московского института психоанализа, младший научный сотрудник Института медико-биологических проблем РАН, начальник отдела психофизиологии академии автоспорта SMP Racing. Член Европейского союза спортивных психологов ENYSSP. E-mail: sashkasav@gmail.com

Алексей Сергеевич Титков — социолог (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), научный сотрудник Центра изучения фольклора и антропологии города Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент философско-социологического факультета РАНХиГС. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Authors

Eduard S. Akopian — historic of art, specialist in the history of architecture. Research fellow at the Schusev State Museum of Architecture. Research interests: soviet architecture, modern architecture, avantgarde culture. ardakopian@gmail.com

Andrey I. Apostolov — creative producer, Gorky Film Studio; Lecturer, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov; Leading specialist, State Historical Museum. E-mail: parazaurolof@list.ru

Konstantin A. Bochaver — PhD in psychology, head of the laboratory “Sport. Psy.Lab” at the Moscow Institute of Psychoanalysis, psychologist of the Russian climbing Team and the Academy of e-sports M19. Curator of the Russian sector of the European Union of sports psychologists ENYSSP. E-mail: konstantin.bochaver@gmail.com

285

Irina M. Bykhovskaya — Professor Dr., Moscow City Pedagogical University, Institute of Natural Sciences and Sport Technologies. Research interests: applied cultural research; enculturation process; sociocultural problems of sport, body, health. E-mail: bykirina@gmail.com

Paul Dietschy — professor of contemporary history at the université de Bourgogne-Franche-Comté (Besançon, France), director of Centre Lucien Febvre. Research interests: sports and politics, cultural history of football. E-mail: paul.dietschy@univ-fcomte.fr

Sylvain Dufraisse — agrégé in history, Phd in Modern History. Associate Professor of the Department of Social Sciences and Sports, participant of Joint Research Team 6025 of Center for Sociology of Nantes (a part of The French National Center for Scientific Research). Research interests: USSR politics in sports and leisure. E-mail: Sylvain.dufraisse@univ-nantes.fr

Ekaterina Glorizova — PhD in political and social sciences, researcher at CE-VIPOL, Université libre de Bruxelles. Research interests: sociology of sport, sports and politics, Russian football fandom. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be

Nikolaus Katzer — German historian, History Professor in Helmut Schmidt University in 1996-2010, the director of the German Historical Institute Moscow since 2010.

Oleg V. Kildyushov — research fellow at the Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: theory of social order, modernization theory, sociology of sport. E-mail: kildyushov@mail.ru

Ekaterina A. Kulinicheva — master of history and theory of art. Independent researcher, based in Moscow, permanent contributor in Fashion Theory Journal (Russia). Research interests: history of design and fashion in sport; history of sport; fashion history; history of everyday life. E-mail: kulinichevak@gmail.com

Irina Yu. Lyulevich — PhD, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Institute of Natural Sciences and Sport Technologies. Research interests: communication studies; media discourse; sociocultural aspects of sports media space. E-mail: irinl@mail.ru

Roman A. Matvienko — student of MSSES. Research interests: object oriented ontology, actor-network theory, sociology of sport. E-mail: r.a.matvienko@gmail.com

286

Dmitriy V. Mikhel — professor of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEPА Research interests: medical anthropology, social history of medicine, social history of science. E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Alexey A. Pleshkov — PhD in philosophy, deputy director at Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities and lecturer of the School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Research interests: history of philosophy, ancient Greek philosophy, philosophy of time, conceptual history, hermeneutics, epistemology of the humanities and social sciences. E-mail: apleshkov@hse.ru

Helmuth Plessner (1892-1985) — German philosopher and sociologist, co-founder of philosophical anthropology.

Alexandra O. Savinkina — Researcher at the laboratory “Sport.Psy.Lab” at the Moscow Institute of Psychoanalysis, Junior researcher at the Institute of biomedical problems of RAS, head of psychophysiology department of the Academy of Motorsport SMP Racing. Member of the European Union of sports psychologists ENYSSP. E-mail: sashkasav@gmail.com

Alexey S. Titkov — sociologist (The Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010), candidate of science in human geography (Institute of Geogtaphy, Russian Academy of Sciences, 2008). Research fellow at

the Centre for Folklore and Urban Anthropology Studies, The Moscow School of Social and Economic Sciences. Associate professor, Faculty of Philosophy and Sociology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: a-titkov@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Том 30. № 2 (2018)

«СОЦИОЛОГИЯ СПОРТА»

Учредитель

Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492

e-ISSN 2413-144X

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<http://socofofpower.ranepa.ru/>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Подписано в печать 30.06.2018

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз.

1-й завод (1-100 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02